

ГЕРМАНИЯ

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

HEINRICH von KLEIST

1777—1811

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. А. ЗОРГЕНФРЕЯ

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ I

ПЕРЕВОДЫ Б. ПАСТЕРНАКА и А. И.
ОНОШКОВИЧ-ЯЦЫНА. РЕДАКЦИЯ Н. С.
ГУМИЛЕВА и В. А. ЗОРГЕНФРЕЯ.
ВСТУП. СТАТЬЯ В. А. ЗОРГЕНФРЕЯ

Гос. Центр. Библиотека
Иностранной
Литературы

ПЕТЕРБУРГ—МСМХХIII—МОСКВА

с. 100 50

П Ъ Е С Ы:

1. СЕМЕЙСТВО ШРОФФЕНШТЕЙН
2. РОБЕРТ ГИСКАР
3. АМФИТРИОН

ГЕЙНРИХ ф. КЛЕЙСТ

Гейнрих ф. Клейст прожил короткую и тревожную жизнь, завершившуюся самоубийством. Несчастнейшим из немецких поэтов именуют его биографы. Литературное наследство Клейста, плод десятилетнего, прерываемого бурями и мертвыми периодами затишья, труда, вошло в обиход культуры, оплодотворило творчество последующих поколений, дало богатый материал театру; но при жизни поэт не встретил признания; не многие из его пьес были поставлены на сцене и, поставленные, не имели успеха; лично ему не довелось увидеть ни одной. Материальная необеспеченность, временами переходившая в бедственное положение, сопутствовала Клейсту до могилы; личная его жизнь омрачалась болезнями, скитаниями, одиночеством.

Творческие годы Клейста совпали с несчастной для Германии эпохой наполеоновских войн; возрождения родины он не дождался. На протяжении десятилетий по смерти Клейста шла медленная и упорная работа—сначала литературных друзей его, а затем историков литературы—по воссозданию его творческого облика и определению его места в литературе. Отношение к Клейсту и взгляды на его значение были различны, как различными остались и доньяне. Резко отрицательные отзывы Гете о Клейсте сыграли видную роль и преемственно дошли до нашего времени; однако, в литературе девятнадцатого века Клейст утвердился незыблемо; в перечне немецких классиков числится он, не вызывая возражений даже своих антагонистов.

Тревожная атмосфера нашей эпохи—включая и довоенные годы—облизила Европу и, в частности, Германию с мироощущением начала девятнадцатого века и вызвала повышенный интерес к одному из наиболее отчетливых его представителей—Гейнриху ф. Клейсту. Умножилось число трудов, посвященных творчеству Клейста; изучение его жизни и произведений приняло формы организованные; возникли общества и кружки, объединенные именем поэта. Нет сомнения, что значительную роль в интересе, проявляемом современной Германией к Клейсту, играет патриотическая окраска его творчества в последнем периоде—слишком заметно внешнее сходство разбитой и поработанной Германии современной и наполеоновской. Но такое объяснение только поверхностно верно. Десятки поэтов, современников Клейста, если не с меньшим талантом, то с неменьшим жаром пели в начале девятнадцатого века несчастье своей страны и звали к возрождению—и из них один лишь Клейст встретил отклик в современном сознании. Думается, что не

столько повторность переживаний роднит современников с Клейстом, сколько та смутенность в глубинах, что звучит явственно и в творчестве „несчастнейшего из поэтов“, и в душе омраченной его родины. На время—и, может быть, надолго, отодвинулся в надежную даль гармонический и непосильный теперь Гете, и его суровый приговор над Клейстом звучит неубедительно и нечеловечно.

Бернд Гейнрих Вильгельм ф. Клейст родился 18 октября 1777 г. во Франкфурте на Одере и принадлежит к прусскому дворянскому роду, давшему стране ряд поколений воинов. Отец его умер в чине майора, в отставке, в 1780 г. Семейное предание утверждает, что „все Клейсты—поэты“; однако, заметный след в литературе оставил лишь Эвальд ф. Клейст, близкий родственник Гейнриха. Военная традиция оказалась воплощенной более осязательно и осталась крепкою и в дальнейшем; по крайней мере, один из новейших биографов Клейста не без скорбного чувства отмечает, что и поныне род Клейстов гордится не Эвальдом и не Гейнрихом, а генералом Клейстом ф. Нолендорф.

Оставшись по смерти матери, в 1793 году, круглым сиротой, Клейст, верный семейной традиции, поступил, не достигнув 16-летнего возраста, на военную службу, участвовал в неудачном коалиционном походе на Рейн, в 1797 г. получил чин лейтенанта и через два года вышел в отставку.

Воспоминания близких, отзывы сослуживцев и письма самого Клейста рисуют его в этом периоде, как более или менее типичного для того времени офицера-дворянина, достаточно исполнительного, корректного в отношениях с товарищами, веселого собутыльника, любителя верховой езды—но не более. Профессиональный энтузиазм военного не привился Клейсту; письма его с похода составлены в выражениях сдержанных. Недостаток образования Клейст пытался пополнить, в сотрудничестве с двумя-тремя приятелями-сослуживцами, путем усидчивых занятий философией и другими науками; в чтении не проявлял сколько-нибудь оригинального вкуса, довольствуясь признанными корифеями и вдохновляясь, в частности, Руссо. В общем, будущий поэт оставался типичным представителем своего круга, отличаясь лишь повышенным стремлением к знанию, побудившим его порвать, по свойственной его характеру решительности, с военною службою и приступить к изучению математики и философии во Франкфуртском университете.

С усердием новообращенного, с глубокою верой в непреложность научного метода и непогрешимость его выводов, взялся Клейст за университетскую науку, готовый признать за истину откровения своих учителей; порывы к самостоятельному творчеству в научной области были ему чужды; преобладает наивный пафос, с примесью педантизма и некоторой торжественности. Характерны для этого периода научные занятия, организованные им с несколькими молодыми девицами его круга, где он является наставником строгим и требовательным, добросовестно выправляющим неправильности и неровности языка и стиля своих учениц. На одну из последних—Вильгельмину ф. Ценге—пал вскоре выбор его сердца; не питая к Клейсту особо сильных чувств, она с женской пассивностью поддалась его властному нраву и стала, с согласия родителей, его невестой. Письма поэта к Вильгельмине

ф. Ценге, не выражая чрезмерной силы страсти или любви, рисуют его все тем же восторженным и убежденным наставником, в юношеской наивности поверяющим невесте, в качестве незыблемых откровений, те морально-философские выводы, которые сам он только что воспринял в чтении или на лекции.

Подчиняясь внушениям родных—своих и своей невесты—Клейст прерывает в 1800 г. университетские занятия в родном городе и едет в Берлин, где, пользуясь семейными связями, определяется на службу по министерству торговли. Тут, однако, до истечения первого месяца, задает он своим близким—а затем и истории—загадку, 'доныне не вполне разрешенную, предпринимая путешествие, известное под именем „поездки в Вюрцбург“.

Биографы Клейста поныне не сошлись в истолковании смысла этой поездки—имеющей много общего с внезапным заграничным путешествием юного Гоголя. Большинство их, основываясь на некоторых неясных намеках самого поэта и сопоставляя их с обстоятельствами поездки, приходит к мысли о болезни более или менее интимного свойства, исцеления от которой искал Клейст в Вюрцбурге; другие склонны предполагать секретное служебное поручение, мало, впрочем, вероятное в виду полной неопытности командруемого.

Паразителен тот повышенный тон, временами переходящий в экстатический, которым отмечены письма Клейста с дороги. Требуя от невесты и сестры своей Ульрики полного и безусловного доверия, он таинственно намекает на необятные возможности, связанные для него и для близких с удачным результатом путешествия. Здесь же, в этих письмах, впервые пробуждается в Клейсте морализирующем и философствующем Клейст-поэт, им самим пока не осознаваемый, но уже чувствуемый нами. Природа останавливает на себе его внимание не как объект научного познания, а как родственно-связующая с миром стихия.

Вернувшись в Берлин, Клейст, не взирая на настояния родных, не приступает к служебным занятиям, объясняя это невозможностью сузить себя до требуемых рамок. Кризис обозначается резко; еще не сознавая своей судьбы, он уже чувствует себя предназначенным для иного дела. Занятия наукою продолжают по инерции; но ее последнее откровение—кантовская критика чистого разума—оказывается для верного последователя науки невыносимым. Кризис проявляется в бурной форме; в письме к невесте поэт скорбно повествует о печальных итогах своих философских устремлений и, пытаясь в наглядной форме выяснить грустную суть кантовской критики, повергает о своей разочарованности в жизни, не поддающейся познанию. Как за последнюю надежду он, по свежей памяти, совершенной недавно поездки, хватается за мысль о путешествии.

Весною 1801 г. отправился Клейст с верным другом своим, сестрою Ульрикою, сначала на юг Германии, а затем в Париж, еще раз подвергая испытанию преданность своей терпеливой невесты. Повышенное настроение овладело им сразу же по отъезде из Берлина; фантазия, однажды пробив себе путь, работала неустанно, рождая, одну за другою, мечты—то о профессии художника, то о занятиях рыбною ловлею на лоне природы, то об идиллическом уюте с женою и детьми в деревенском доме. В таком настроении прибыл Клейст в Париж, подавивший его и как поклонника Руссо, и как

скромного провинциала из Пруссии. Мысли о приближении к природе облеклись здесь в форму определенного плана переселения в Швейцарию для мирного сельского труда; одновременно пробился, наконец, источник поэтического вдохновения, и начата была, в первоначальном виде, трагедия „Семейство Шроффенштейн“. С обычной требовательностью Клейст предложил невесте разделить с ним предстоящую ему в Швейцарии трудовую жизнь; та, естественно, отказалась, и порвалась таким образом связь, втайне тяготившая ту и другую стороны. После того как и Ульрика не согласилась сопровождать брата, он, с одним из друзей, художником Лозе, отправился в Швейцарию, где, однако, не пытаясь осуществить свой идиллический идеал, с жаром принялся за литературный труд. В одном из уголков Швейцарии, на Тунском озере, закончена была трагедия „Семейство Шроффенштейн“. В Берне Клейст близко сошелся с писателями Цюшке и с двумя близкими к литературе людьми—сыновьями Виланда и Гесснера. Тут начата была комедия „Разбитый кувшин“, и записан первоначальный вариант грандиозно задуманной трагедии „Роберт Гискар“, несколько раз впоследствии уничтожавшейся и не доведенной до конца.

„Семейство Шроффенштейн“, произведение юношески незрелое, с искусственной драматической завязкой, с сюжетом, близко напоминающим „Ромео и Джульетту“, носит, тем не менее, все отличительные черты Клейстовского творчества. Необузданная сила характеров находит себе выражение в языке напряженном и страстном, в стихах неровных и торопливых. Нагромождение невероятных ужасов, нарастающих по мере действия, ставит трагедию на грань смешного, но развитие страстей показано в формах убедительно пластических, а любовные сцены проводятся с отличительной для поэта чистотой и силою. Страстная природа Клейста сказалась в этом произведении стихийно, вне приемов мастерства.

„Семейство Шроффенштейн“ напечатано было в 1802 г. без имени автора и вызвало одобрительные, в общем, отзывы критики, но Клейст, охладевший к своему детищу и всецело поглощенный широким замыслом „Роберта Гискара“, и в дальнейшем продолжал скрывать свое авторство.

В Швейцарии Клейста постигла тяжелая болезнь, от которой он оправился благодаря уходу приехавшей на его зов сестры. С нею вернулся он осенью 1802 г. в Германию, прожил некоторое время в Иене и оттуда отправился в литературную Мекку—Веймар. Гете встретил его любезно, но с характерной для него сдержанностью, а в дальнейшем отношение свое к поэту проявлял во всех случаях в формах резко отрицательных; старик Виланд обладал юного поэта и пригласил его к себе в Османдштедт. Прослушав начальный отрывок „Гискара“, Виланд восторженно приветствовал юного автора, настаивая на окончании трагедии, начало которой признавал достойным соединенного гения Эсхила, Софокла и Эврипида.

Утешенный и вместе с тем встревоженный сознанием выпавшей на его долю грандиозной и ответственной задачи, расстался Клейст с Виландом. Чувство слабости пришло на смену творческому пафосу, а неутомимая фантазия рождала, между тем, все новые и новые планы. В состоянии душевной неуравновешенности покидает он пределы родины, вдвоем с одним из друзей, с тем, чтобы посетить Швейцарию, Северную Италию и Францию и

в обстановке чужих стран довершить начатое. Наступает период жизни Клейста, о котором сам он отзывался впоследствии, как о сумеречном, снимающим с него всякую личную ответственность за его действия. Пробыв некоторое время в Париже, Клейст направляется во французскую армию с тем, чтобы участвовать в морском походе на Англию, и при этом случае формально отказывается от обязанностей своего подданства; среди скитаний в чужой стране, без паспорта, он заподозривается как шпион, и едва избегает расстрела. Наконец, на обратном пути на родину, в Майнце приходит спасительная болезнь, давшая отдых истомленному духу. „Роберт Гискар“, неизменно занимающий мысль поэта, остается незаконченным. Несколько лет спустя появился в журнале „Феб“ отрывок этой трагедии, возобновленный Клейстом по памяти.

В основу действия „Гискара“ положена осада Константинополя в 1085 г. норманнским герцогом Робертом Гискаром, завоевателем Южной Италии, умершим во время этой осады от чумы. Необычайная энергия, сокрушительная сила движения прорываются с первых стихов трагедии. Один из критиков Клейста уподобляет действующих лиц „Гискара“ фигурам бойцов на пергамских фресках. „Тот же вихрь, словно от веяния чудовищных крыл, проносится над всею этою поэмою, соединяя в какую-то монументальную грудку все эти головы и тела, эти простертые вперед руки и мечи, и венчая все это исполинскою фигурою Гискара“. Трагедия не закончена, но отрывок как бы сам в себе содержит то, что осталось незавершенным. Говоря словами того же критика, „этот могучий торс в литературе нашей пребывает в своей незаконченности столь совершенным, что недостающие части тела почти ненужны нам, как в самофракийской „Нике“. Поразительна зрелость дарования, проявленная Клейстом в этом раннем его произведении, но знаменателен и надрыв, сопутствовавший на протяжении ряда лет его созданию.

С возвращением на родину наступила для Клейста, после бурь и тяжелого кризиса, просветленная успокоенность. Возобновилась связь с семьею, никогда, впрочем, окончательно не порывавшаяся: возникли планы поступления на службу, лишь смутно перебиваемые фантастическими мыслями— о переселении в Америку, о сооружении какого-то гидростата для перевозок по воде и пр. Кончилось тем, что в исходе 1804 г. поэт переехал в Кенигсберг, где поступил на службу в удельное ведомство, и провел два года в мирных служебных и литературных трудах. Здесь закончен „Разбитый кувшин“, переделан мольтеровский „Амфитрион“ и написаны первые повести „Михаэль Кольгааз“ и „Маркиза О“. Поводом для написания „Разбитого кувшина“ послужила гравюра, висевшая на стене швейцарской гостиницы, где жил в 1802 г. Клейст со своими друзьями. Заинтересовавшись ее содержанием, они решили обработать, каждый по своему, ее сюжет литературно. У Клейста обработка вылилась в форму комедии, остающейся и поныне излюбленной в классическом репертуаре. „Разбитый кувшин“ выдержан в стиле гравюры. „Это сделано по Теньеру“, пишет сам автор комедии (к Фуке). Юмор, здоровый и жизнерадостный, столь неожиданный на первый взгляд в Клейсте, от начала до конца не ослабевает. Главное действующее лицо, судья—фигура столь оригинальная и законченная, что трудно подыскать ей соперников в драматической литературе, за исключением, может быть, Фальстафа. Ряд германских художников вдохновлялся персонажами

„Разбитого кувшина“. Без этой комедии едва ли создались бы „воровские“ жанры Гауптмана — „Бобровая шуба“ и др.

Тот же юмор, лишь более резкого свойства, в соответствии со взятой в основание эпохой, окрасил переденку мольеровского „Амфитриона“. Однако, в противоположность Мольеру, Клейст отводит второстепенное место комическим положениям шекотливого свойства, сопровождающим предприятие отца богов и людей: вся сила внимания и любви уделена автором Алкмене, принявшей, неведомо для себя, в свои объятия Юпитера. Трудная задача — освятить, на фоне комического действия, древний миф и облагородить облик его пассивной соучастницы — не может считаться выполненной успешно; пророчество о рождении Геракла, явно оближающее миф с мистической темой непорочного зачатия, лишь с большою натяжкой воспринимается в рамках грубого земного быта, хотя бы и разделенного небожителями. И все же возвышенный образ Алкмены оставляет впечатление порывистой силы и благородства, свойственных всем героиням Клейста.

Комедия „Разбитый кувшин“ встретила одобрение Гете, хотя и не безоговорочное, и была поставлена им на веймарской сцене. Однако, разделенная без ведома автора и вопреки целостному плану пьесы, на 3 акта, она вызвала неудовольствие зрителей и была освистана. Клейст, не присутствовавший в театре и подозревавший Гете в злобном к себе недоброжелательстве, дошел в своем негодовании до того, что пытался вызвать Гете на поединок и, в конце концов, обрушился на него потоком эпиграмм.

В дальнейшем расхождение с Гете усилилось; последний неизменно отрицательно относился к творчеству Клейста и выражал это отношение в формах достаточно определенных. По поводу „Амфитриона“ он в разговоре об этой пьесе высказался, что „Клейст бьет на извращенность чувств“. Последующие его отзывы отличаются еще большей резкостью и свидетельствуют о полном духовном расхождении, о полярной чуждости этих двух писателей.

К периоду пребывания в Кенигсберге относится начало работ Клейста в области прозы; в ней дал он образцы мастерства высокого и плодотворного, и, прежде всего, — историческую хронику „Михаэль Коельгааз“. Поразительно, что и проза Клейста, при ее сжатой силе, напряженной и сдержанной страстности, при несомненном мастерстве автора в этом роде литературы, не стяжала ему сколько-нибудь видного успеха; а между тем, именно Клейст должен считаться родоначальником классической германской новеллы. Он, а не кто-либо другой, создал и установил тот стиль — в наше время едва ли не безвозвратно утраченный, — которым вправе гордиться европейская литература первой половины XIX века, классический стиль повествования, неуклонно идущего к цели, чуждого тематических aberrаций, образцово-экономного в художественных средствах. В литературе русской нет прямых указаний на знакомство Пушкина и пушкинской плеяды с Клейстом; однако, при изучении совершеннейшей пушкинской прозы мысль о таком знакомстве напрашивается сама собою; во всяком случае, независимо от прямого влияния, явно устанавливается родственная связь — в духе эпохи, выраженном с классической законченностью.

Среди повестей и новелл Клейста едва ли найдется хоть одна, которая бы не явилась в дальнейшем зародышем для целой группы родственных

по сюжету или стилю произведений различных авторов. „Михаэль Кольгааз“ дал начало художественно-исторической повести; „Землетрясение в Чили“ и „Обручение в С. Доминго“ явились предтечами широко разработанного в дальнейшем экзотического романа; „Нищенка из Локарно“ — короткая в 4 страницы новелла, разрослась в литературе XIX века в целую область жутко-фантастического рассказа. Как в драматических своих произведениях, так и в прозе Клейст, не собрав вокруг себя при жизни поклонников и последователей, предвосхитил основные идеи душевных движений и одарил потомство неумирающими темами.

Мирный кенигсбергский период оборвался неожиданно. Поражение при Иене повлекло за собою лишение Клейста почетной субсидии, назначенной ему королевой Луизой, и расстроило его планы на ближайшее будущее. В январе 1807 г. направился Клейст в занятый французами Берлин, где, не имея надлежащего паспорта, был, вместе с другими двумя товарищами, бывшими офицерами, арестован и отправлен во Францию. После пятимесячного заключения в тамошних крепостях, поэт, испытав множество лишений, был, наконец, освобожден, и на долгое время поселился в Дрездене, куда влекли его новые литературные планы и сравнительно спокойная политическая обстановка.

Пребывание в Дрездене, в тесном сообществе с такими лицами, как Людвиг Тик, Готфрид Кернер и натур-философ Шуберт, вызвало в уставшем поэте под'ем жизненных и творческих сил. Здесь почувствовал он склонность к приемной дочери Кернера, но, встретив характер неподатливый, подавил зародившееся чувство. После попытки завести собственное книгоиздательство, характерной для неизменно предприимчивого и непрактичного Клейста, он основал, вместе с А. Мюллером, человеком, совместившим в себе черты романтика и дельца, художественный журнал „Феб“, в начале имевший некоторый успех, но затем с трудом доведенный до конца года. В этом журнале впервые появился возобновленный автором по памяти отрывок „Гискара“.

К 1808-му году относятся „Пентесилея“, начатая еще во французском плену, и „Кетхен из Гейльбронна“. Не случайно совпадение во времени этих двух крупнейших вещей. Классический миф о яростной и губительной страсти гордой царицы амазонок, с бурной силой воплощенный в „Пентесилее“, лишь по обманчивой внешности далек от средневековой баллады, романтически расцвеченной в „Кетхен из Гейльбронна“, с ее тихой и сильной, как смерть, любовью. Пентесилея и Кетхен, призванные к жизни, как бы дополняют друг друга, обладая единою сущностью, при резком несхождении характеров. Та и другая любят безмерно, та и другая все, вплоть до жизни, готовы отдать во имя любви, но, необузданная и кипучая, как душа самого поэта, оскорбленная в источниках своего чувства, Пентесилея с дикой силой борется с любимым и смертью мстит за свое поругание, в то время как Кетхен, не менее Пентесилеи упорная в любви, идет путем самоотречения и бесконечной тишиною своею преодолевает преграды. Та и другая живут жизнью души в самом поэте и зовут его, та и другая, к себе...

Клейст, многого ожидавший от „Пентесилеи“, послал эту трагедию Гете при письме, исполненном благоговения и надежды. Гете, не допускавший к античному миру иного отношения, чем то, которое сам он творчески устанавливал, ответил, что не может, пока что, освоиться с „Пентесилеей“; она принадлежит к столь странному роду, и область ее жизни столь чужда ему, что

для того, чтобы постигнуть то и другое, ему требуется некоторое время. „Кроме того, решаюсь сказать вам (ибо если не быть откровенным, то лучше и вовсе молчать), что я всегда с огорчением и грустью взираю на то, как молодые люди с душою и талантом ждут какого-то грядущего театра. Еврей, ожидающийся Мессии, христианин, ожидающийся нового Иерусалима, и португалец, ожидающийся Дон Себастьяна, не вызывают во мне большего неудовольствия“ и т. д. На словах же, как передают, Гете выразился, что „Пентесилея в некоторых местах граничит с высоко-комическим“, имея в виду, вероятно, главным образом 15-ое явление.

„Пентесилея“ при жизни автора не увидела света ramпы. Попытки ее постановки в дальнейшем, вплоть до последнего времени, не имели успеха.

Иной удел достался „Кетхен из Гейльбронна“. Поставленная в 1810 году в Вене, в отсутствии автора, она, правда, не вызвала особого одобрения, но в дальнейшем утвердилась на сцене и до настоящего времени остается одной из излюбленных пьес в широких театральных кругах Германии, что объясняется как красочностью ее романтических аксессуаров, мастерски использованных Клейстом, так и обаятельностью центрального образа—самоотверженной и стойкой до конца любви. Слегка лишь расхолаживает финал, художественно не оправданный.

Художественное зерно пьесы оказалось, как и в других произведениях Клейста, плодотворным и дало ростки. Достаточно вспомнить героиню таупмановского „Бедного Гейнриха“. И, однако, тот же Гете, верный своему антагонизму, высказался о „Кетхен“: „Удивительная смесь смысла и бессмыслицы! Я не поставлю этой пьесы, хотя бы половина Веймара этого потребовала. Проклятая извращенность!“

Под живым впечатлением только что написанной „Кетхен“ Клейст, как видно из его писем, замыслил ежегодно создавать по одной пьесе в таком же „романтическом“ роде. Но настроения политические и патриотические, резко обозначившиеся у него еще в 1807 г., возобладали, и непосредственно за „Кетхен“ последовала „Битва Арминия“, увидевшая, впрочем, свет лишь в 1821 г., так как ни один издатели, из справедливого опасения наполеоновской кары, не решался ее напечатать при жизни Клейста.

При неизменяющей Клейсту силе и пластичности действия, „Битва Арминия“, несомненно, знаменует, в общем, упадок художественного напряжения и в некоторых своих частях явственно подменяет творческое наитие тенденциозностью замысла. Слишком сознательно проводится в пьесе аналогия между положением Германии во времена римского владычества и в современную Клейсту эпоху; нарочито резко обрисовывается идея аморальности в деле защиты родины; холодный расчет и тонкое коварство выдвигаются, как спасительные стихии духа. Дух героичности, присущий творчеству Клейста, изменил ему именно в этой „героической“ пьесе; Герман, при всей своей силе, оказывается только политиком, а Туснельда, в ярости своей—не богинею мщения, а метильной женщиной, пародией на недавнюю „Пентесилею“.

Патриотический подъем не пошел на убыль по написании „Битвы Арминия“. При первом известии о начавшейся с Австрией войне Клейст, не довольствуясь ролью патриотического поэта, покинул Дрезден и вместе с одним из приятелей поспешил к театру военных действий. Здесь он снова

подпал подозрению в шпионстве, на этот раз со стороны австрийцев, но был отпущен властями и вернулся в Прагу, где пытался основать еженедельник „Германия“, посвященный пропаганде освобождения страны. К этому периоду относятся его патриотические стихотворения „Военная песнь немцев“ и „Германия своим сынам“—яростные призывы к современникам о свержении чужеземного ига. Ряд сатирических писем и ненавистью продиктованный „Катехизис немцев“ преследуют ту же цель, громя измену, корысть и гибельное равнодушие соотечественников.

Поражение при Ваграме и Шенбруннский мир разбили надежды поэта. Следы его пребывания теряются; по смутным догадкам биографов, некоторое время пробыл он еще в Австрии, искал случая отравить ненавистного ему Наполеона и перенес в Праге, в одном из монастырей, тяжелую болезнь. Пронесся слух о смерти поэта, к счастью, не оправдавшийся. В ноябре 1809 г. он вернулся в родной Франкфурт на Одере и через два месяца направился, собрав последние силы, в Берлин, с новыми надеждами и планами.

Здесь, в духовном центре родной Пруссии, к которой в скитаниях своих всегда тяготел тайне Клейст, провел он последние 1½ года своей жизни, неутомимо развивая новые свои начинания. Фуке, Brentano, Арним стали его литературными друзьями, не подчинив его, однако, романтической традиции. С тем же Адамом Мюллером, приехавшим в Берлин, приступил Клейст к изданию „Вечерних известий“, написал свою последнюю пьесу „Принц Фридрих Гомбургский“, задумал новую драму „Разрушение Иерусалима“ и, как утверждают, закончил вполне роман, сданный для печати в одно из издательств и затерявшийся по смерти автора.

Мужественный мечтатель Клейст наиболее полно выразил себя в „Принце Фридрихе Гомбургском“, самой зрелой, пожалуй, из всех его драм. Незначительный исторический эпизод с нарушением боевого приказа в битве при Ферберлдине поэтически претворяется в завязку личной драмы принца и начало государственного расцвета его родины. Железный закон, правящий судьбами страны и художественно воплощенный в монументальной фигуре Великого Курфюрста, немеет перед дерзанием вдохновенной героической мечты, без которой мертв и закон; смерть только на одно короткое мгновение мертвит эту мечту; преодоленный, страх окрыляет ее непобедимым обаянием.

Так в драматическом действии указал Клейст свое место—место мечтателя-творца в истории. Болезненный патриотический надрыв „Арминия“ художественно искуплен гармонией „Принца Гомбургского“. Первоначально бездушная общая идея живет в этой пьесе полной личной жизнью; дух патриотизма получает художественное обоснование и связывается, в глубинах, с источником всечеловеческого...

Внешние неблагоприятные обстоятельства, как всегда, обрушились на Клейста в новом периоде успокоенности. Скончалась его неизменная покровительница королева Луиза; министр Альтенштейн, благоволивший к Клейсту, уволен был в отставку. „Вечерние Известия“ прекратили свое существование в виду обострившихся отношений с властями. Иссякли источники какого бы то ни было дохода, и вновь, как много раз, очутился поэт лицом к лицу с бедностью. В этих условиях Клейст еще раз обратился к никогда не оста-

влявшей его мысли о возвращении на военную службу и подал королю прошение. Получив условное—на случай войны—согласие, Клейст безуспешно ищет средств на экипировку у правительства и у своих родных, а затем, убедившись, что кампания предстоит не против Наполеона а, под его началом—на Россию, оставляет мысль о военной службе.

К этому времени относится начало его знакомства с Генриеттой Фогель, с которой он разделил смерть. Немолодая замужняя женщина, страдавшая неизлечимой болезнью—раком, едва ли могла возбудить в нем любовное чувство; в этом отношении Клейст был не слишком податлив; даже подпав увлечению, он не подчинялся, а требовал подчинения себе. Всего вероятнее наличие одинаковой настроенности, одинаковой жизненной усталости, пренебрежения к земным ценностям, характерные для Клейста. 21 ноября 1811 года, после проведенного в окрестностях Берлина, на берегу небольшого озера, дня, покончили они счеты с жизнью, в полном спокойствии, как видно из показаний персонала приютившей их гостиницы и из их прощальных писем. Клейст застрелил сначала свою спутницу, а затем выстрелил себе в рот. В тот же день оба были похоронены.

Гибель Клейста, не столько огорчившая, сколько скандализовавшая его близких, вызвала повышенный интерес к его личности в аристократических и литературных кругах Берлина и дала повод к длительной и упорной полемике в немецкой и даже в заграничной печати на тему о допустимости самоубийства. Близких литературных друзей, в истинном смысле этого слова, у Клейста не было; сам он, кончая счеты с жизнью, не озаботился приведением в порядок своего литературного наследия; лишь 10 лет спустя издано было Людвигом Тиком первое собрание его сочинений—и для Клейста началась история.

Кем был в жизни этот человек, отмеченный печатью дара и страдания? Каково его место в истории—той, что творит современность и через современность переходит в грядущее?

„Во мне писатель этот, при чистейшей с моей стороны готовности принять в нем искреннее участие, возбуждал всегда ужас и отвращение, на подобие прекрасно созданного от природы организма, охваченного неизлечимой болезнью. — В сущности этот талантливый человек достоин только сожаления“.

Так в 1826 г., когда в перспективе времени должен был бы отчетливее обрисоваться облик Клейста, говорил о нем Гете—тот, что и сам не миновал в молодости полосы бурь и нелегкою ценою обрел спокойствие олимпийца.

В чем ключ к разгадке?

„Самое, в конце концов, возвышенное в жизни то, что ее можно возвышенным образом отшвырнуть от себя, — пишет Клейст в 1802 г. сестре Ульрике, — и ей же, в прощальном письме, в утро своей смерти: „Ты сделала для моего спасения — не скажу, что было в силах сестры, но что было в силах человеческих: истина в том, что мне ничем нельзя было помочь на земле“.

В самоубийстве нашел Клейст выход — в смерти, греховной для религиозного сознания, мнимой — для гармонической мысли. Связью с землей, бесконечно священной для верующего, бесконечно милой для язычника,

своевластно пренебрег он, в чаянии выхода. Сознание „миров иных“ было, конечно, присуще мироощущению его, как поэта, но религиозной связи с миром, в его целом, связи обязывающей и покоряющей, у Клейста не было. Ни произведения, ни письма не содержат указаний на религиозность Клейста в подлинном смысле этого слова; недостаток веры в канонически-формальном смысле не возмещался в нем какой-либо гармонического системою: привязанности его духа были ограничены и непрочны; выход в патриотизм не дал устойчивости, а иных, мирообъединяющих систем он не постигал. Дух героизма, обуревающий Клейста и воплощенный им в его литературных произведениях — неизменно дух борьбы, в истоках личной, слепой и яростной. Зрелости творческой, как и зрелости личной, он, торопясь и упорствуя, так и не достиг.

Сохранившиеся портреты Клейста воспроизводят черты юношеские, почти детские, обвеянные кроткою и слегка болезненною улыбкою. Тик описывает его наружность несколько иначе. „Гейнрих ф. Клейст“, говорит он, „был среднего роста и довольно крепкого телосложения; с виду казался серьезным и молчаливым; ничем не обнаруживая назойливого тщеславия, являл он в своем обращении не мало признаков гордого достоинства. По моему, он имел сходство с изображением Торквато Тассо; как и этот, последний, он говорил несколько тяжело“. А Брентано, после встречи с 33-летним Клейстом в Берлине, говорит о нем, как о человеке плотного сложения, „круглоголового, пожившем, с меняющимися настроениями, детски-добром, бедном и твердом волею“.

Это смешение нежности и твердости, эта мужественность, перебиваемая детской мягкостью, знаменательны для Клейста, так и не сложившегося в законченный характер. Техника его творчества отражает эту незаконченность истощающе. За периодами напряженно-страстными, исполненными силы и значения, нередко следуют, в диалогах его пьес, бессвязно-слабые и пустые строки; самый стих неровен до последней степени и далек от элементарных требований версификации: пятистопный ямб не только переходит по произволу в многостопный и неполный, но временами грубо теряет ритм и утрачивает характер стиха; в угоду бурно прорывающейся силе чувства нарушаются все законы стихосложения *), иногда без всякого художественного обоснования. Если добавить к этому наивную дерзость замысла и невыдержанность композиции многих произведений Клейста, то становится понятною та критическая легкость, с которою многие антагонисты Клейста, начиная с Гете, отводят его из первых рядов литературы.

Но такова сила творческого наития, такова глубина поэтического чувства, что приемы формальной критики теряют в отношении Клейста свою остроту. Округленность законченности, привлекательная в творчестве других художников слова, явилась бы резким диссонансом у Клейста. Многие кри-

*) Необходимо отметить, что в процессе многократной редакционной обработки произведения Клейста подверглись, в оригинале, в Германии некоторым искажениям, в целях устранения указанных неровностей и неверностей стиха, что, конечно, безусловно недопустимо. Более естественно и понятно стремление переводчиков избегать точной передачи этих условных недостатков в русском тексте; однако, отступления от формы, в целях „гладкости“ стиха, допущены в настоящем издании лишь как исключение.

тики, верные схоластической схеме классификации творчества, наблюдая в Клейсте расхождение с заветами классицизма и учитывая его связь, чисто внешнюю и случайную, с романтической школой, пытаются причислить его к последней. Эта точка зрения отмирает. Если нет в нем гармонической законченности классиков, то нет и подозрительной легкости безответственного романтизма. Тот романтический аппарат, которым Клейст по временам пользуется, не должен вводить в заблуждение. Романтизм Клейста—внешне-декоративный, мистика его поверхностна и мимолетна. Весь он в устремлении сквозь жизнь. Путь Клейста, как человека и художника, путь своеобразного и бескорыстного одиночества, торопливый и сбивающийся. Лишь временами пересекает он широкие дороги жизни и литературы, соприкасаясь тогда на короткий срок со случайными спутниками. На этом пути препятствия и провалы, но там же и высокие достижения.

Есть у нас поэт, с которым роднит Клейста короткая и страстная творческая жизнь и смерть, насильственно привлеченная. Это — Лермонтов. История литературы других стран дает возможность подобных же сближений. В каждом народе, отмеченном даром творчества и страдания, встречаются такие люди. В жизни они одиноки и несчастны; в смерти вызывают недоумение и осуждение; но на протяжении десятилетий и веков путь, пройденный ими в жизни и в творчестве, привлекает внимательные взоры потомства; а в эпохи, родственно-повторяющие их эпоху, к ним обращаются не только взоры, но и сердца.

В. Зоргефрей

СЕМЕЙСТВО ШРОФФЕНШТЕЙН

DIE FAMILIE SCHROFFENSTEIN

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

1802

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Руперт, граф фон-Шроффенштейн, из дома Россиц.

Евстафия, его супруга.

Оттокар, их сын.

Иоганн, внебрачный сын Руперта.

Сильвий, граф фон-Шроффенштейн, из дома Варванд.

Сильвестр, его сын, граф-правитель.

Гертруда, супруга Сильвестра, сводная сестра Евстафии.

Агнеса, их дочь.

Иероним, фон-Шроффенштейн, из дома Вик.

Альдеберн

Сантинг

Финтенринг

} вассалы Руперта.

Тейстинер, вассал Сильвестра.

Урсула, вдова могильщика.

Варнава, ее дочь.

Горничная Евстафии.

Церковный сторож.

Садовник.

Два путника.

Рыцари. Духовенство. Дворовая челядь.

Действие происходит в Швабии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Россид. Внутренность часовни.

По середине стоит гроб; вокруг него Руперт, Евстафия, Оттокар, Иероним, рыцари, духовенство, дворовая челядь и хор юношей и девушек. Только что отслужили обедню.

ХОР ДЕВУШЕК
(под музыку).

Как спускался
Ангел с неба,
Увидала его весна.
Горним светом
Осиянный,

Попран дерзкою был пядью.

ХОР ЮНОШЕЙ.

Чей престол от века твердь одеда,
Чьи в звездах затеряны пределы—
Твой завет исполним мы всецело
Поклянемся мстить! Мстить! Мстить!

ХОР ДЕВУШЕК.

Ввысь из праха
Кротко смотрит,

Взглядом грешника улича.

О пощаде

Умолял он—

Нож убийцы блеснул в ответ.

ХОР ЮНОШЕЙ
(как выше).

Чей престол от века твердь одеда
Чьи в звездах затеряны пределы—
Твой завет исполним мы всецело
Поклянемся мстить! Мстить! Мстить!

ХОР ДЕВУШЕК.

Ручки в гробе,
Отстрадавши,

Окровавленные сложил—

Да отпустит
Бог убийце!

Молча рядом злодей стоит.

ХОР ЮНОШЕЙ

(как выше).

Чей престол от века твердь одела,
Чьи в звездах затеряны пределы—
Твой завет исполним мы всецело
Поклянемся мстить! Мстить! Мстить!

(В то время как музыка подходит к концу, семейство со свитою приближается к алтарю).

РУПЕРТ.

Клянусь святым причастьем мстить им! Мстить
Семье Сильвестра, графа Шроффенштейна.

(Причащается).

Сын, твой черед.

ОТТОКАР.

Я сердцем до небес,
Как на крылах, подхватываю клятву.
И буду мстить, как ты.

РУПЕРТ.

А имя, сын?

Их имя назови!

ОТТОКАР.

Я мстить клянусь
Сильвестру Шроффенштейн.

РУПЕРТ.

Не ошибись!

Пред Бога предстают такие клятвы!
Он молнией слова вооружит.
Их надо взвесить, сын! Сильвестра мало.
Нет, весь Сильвестров дом упомяни,—
Вернее будет.

ОТТОКАР.

Месть убийцам—дому

Сильвестра!

(Причащается).

РУПЕРТ.

Ты, Евстафия, теперь!

ЕВСТАФИЯ.

Уволь меня, я—женщина,—

РУПЕРТ.

И мать

Убитого.

ЕВСТАФИЯ.

О Боже! Как прикажешь
Мстить женщине?

РУПЕРТ.

В раздумьях. Удави

Их род в своих молитвах.

(Она причащается. Руперт выводит Евстафию на авансцену. Все следуют за ними).

РУПЕРТ.

Да жена,

Одни мужчины—мстители. А вы
Лишь плакальщицы вечные природы,
И от природы—больше ничего.
Позия, как нянька, человеку
Навеяла в далеком детстве сказку
Чудесную. Любовь, благоговенье,
Невинность, Божий страх, правдоподобны,
Как звери говорящие! Теперь
И кровного родства порвались узы,
И братья, дети одного отца,
Кинжалами грозят пронзить друг друга;
Теперь пред детской люлькой у людей
Угас последний след людского чувства.
А тут еще толкуют про волчиц,
Людских детей откармливавших грудью,
Про матерей и жалостливых львов,
Щадивших жизнь единственных детей их.
Я, правда, ожидаю, что медведь
Заступит место дяди Оттокара.
В виду того, что изменилось все,
И мы с зверьми природой поменялись,
Пусть обновит и женщина свою!
Пускай она любовь из сердца вынет,
Сокровище, что нынче не в ходу,
И ненависть взамен, как фольгу, вложит.
Мы ж будем действовать, как мы должны.
Эй, ленники! Набрать отряд из здешних
Мужчин, детей и женщин, и всего,
Что ценит жизнь. Мне мнится, это будет
Не честная, открытая война,
Но лишь охота, как на змей: завалим
Нору в скале и трупы бросим гнить,
Чтоб наводили страх они зловоньем,
И ни одна змея из их отродья
По близости не смеда яйца класть.

ЕВСТАФИЯ.

Умереннее, Руперт! Оскорбленный
 Себе ущерб наносит. Гнев лишает
 Нас силы—мстить; тогда у нас в груди
 Союзника находит наш обидчик,
 И наша ярость восстает на нас.
 Ты сам вломился б, ослепленный болью
 В Сильвестровы тенета, если б он
 Расставил их. Не нарядишь ли розыск,
 Пред тем как распрю слепо затевать?
 Я мести рук не связываю; только
 Хочу, чтоб был верней ее удар.

РУПЕРТ.

По твоему, не мстить Петра убийцам,
 Но ждать, пока не станет нужно мстить
 За Оттокара, за тебя? Альдеберн!
 Ты едешь в Варванд объявить, что мир
 Нарушен. Но не так, как я. Не с этой
 Сухою официальностью. Скажи:
 Хочу я на развалинах их замка
 Воздвигнуть эшафот. Нет, нет! Нельзя
 Так бледно выражаться. Крови, скажешь,
 Сильвестровой я жажду и его
 Ребенка. Слышишь? И его ребенка.

(Закрывает лицо руками; все, кроме Оттокара и Иеронима, уходят).

ИЕРОНИМ.

Словечко, Оттокар.

ОТТОКАР.

Ты здесь, Жером?
 С приездом! Дел у нас, как видишь, пропасть,
 Едва ли удосужусь подобрать
 Броню по росту. Говори, в чем дело?

ИЕРОНИМ.

Граф, я из Варванда.

ОТТОКАР.

Из Варванда? Ну что ж?

ИЕРОНИМ.

И знаешь, я за них.

ОТТОКАР.

Ты? За Сильвестра?

ИЕРОНИМ.

Да, Бог свидетель! Ибо никогда,
 Нигде, никем вражда не объявлялась

В такой безумно-краткий срок и так
Преступно-легкомысленно, как ваша.

ОТТОКАР.

Яснее!

ИЕРОНИМ.

Объяснение за тобой.
Стоял немым я среди вас,
Как ротозей, которому колдун
Показывает фокусы.

ОТТОКАР.

Возможно ль?

Ты ничего не знаешь?

ИЕРОНИМ.

Ты слышал?

Я только что из Варванды, где этот
Детубийца мнимый ваш
Бьет комаров, вокруг дочери жужжащих.

ОТТОКАР.

Ах, так? Теперь я понял. Говорят,
Ты вхож в их дом, тебя там чтут, как друга.
Тебе вся подноготная видна.
Передают, ты сватался за дочку.
Я не видал ее. Молва ж дошла:
Красавицу до неба превозносят.
Что ж! Ты не даром. Верно есть расчет.

ИЕРОНИМ.

Что хочешь ты сказать?

ОТТОКАР.

Хочу...

ИЕРОНИМ. ~

Не надо.

Перевести сумею. Смысл таков:
Ты думаешь, при виде чуда-рыбы,
Что на беду до падали падка,
В себе убью я рыцарскую гордость
И труп на леску насажу приманкой...

ОТТОКАР.

На чистоту, Жером! Господь послал нам
Счастливым случаем опознать врага
Огулом, недвусмысленно и просто,
Как круглое число. Он заключен,
Как яд в коробке, полно, в слове: Варванд!
И так как разбирать мне недосуг,

И зернышко не стоит мук, и время
Не терпит, то, короче говоря,
Мы скажем: ты из Варвандовой шайки.

ИЕРОНИМ.

И ваша будет правда! Никогда
Мне выбирать меж вами не случилось,
Но если таковы дела, так что ж,
На этот раз придется: я объеду
Все замки на горах; я возмущу
Сердца всех жителей и где не встречу
Я чувства права, подыму на месть
За оклеветанного!

ОТТОКАР.

Чувство права?

Какая ложь! Поддельватель чувств!
Никто на блеск монеты не поддается.
По звону распознают твой подлог
И пригвоздят слова твои к порогам
Для предостереженья! Чувство права!
Как будто в человеческой груди
Живут еще какие-то другие!
Ты думаешь, не встал бы я и сам
Против отца, на сторону Сильвестра,
Когда б его невинным почитал?
Да мог ли я тогда б с такою страстью
Носить мой меч, полученный вчера,
И нынче посвященный делу мести?
Тебе такого чувства не понять,
А потому, довольно! Полагаю,
Что нам друг другу больше ничего
Сказать не остается?

ИЕРОНИМ.

Нет.

ОТТОКАР.

Прощай же!

ИЕРОНИМ.

Как с этим согласиться? Оттокар!
Гляди, ты бьешь меня в лицо, — а я вот
Прошу, чтоб ты поговорил со мной.
Не трус ли я, по твоему?

ОТТОКАР.

Ты хочешь

Узнать наверно? К гробу подойди.

(Оттокар уходит. Иероним борется с собой, хочет догнать его, но замечает церковного сторожа).

ИЕРОНИМ.

Эй, старый!

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Сударь?

ИЕРОНИМ.

Ты меня не знаешь?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

А ты бываешь в нашей церкви?

ИЕРОНИМ.

Нет.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Ну, может ли церковный сторож, сударь,
Знать всех мирян за папертью в лицо?

ИЕРОНИМ.

Ты прав. Я был в разъездах; вот вернулся
И всех в глубоком горе нахожу.
Не верится, — а ведь толкуют люди,
Что будто дядя мой убил дитя.
Тебя, старик, нельзя причислить к черни,
Тебе, небось, случается ловить
Из первых рук, где слово, где другое.
Так сделай милость, Расскажи мне все,
Что знаешь, не таясь и по порядку.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Охотно, сударь! Издавна у нас
Меж графскими обоими домами,
Меж Россицем и Варвандом, такой
Наследный договор: когда всецело
Одна из линий вымрет, все ее
Владенья перейдут в другую.

ИЕРОНИМ.

К делу

Скорее! Это к делу ведь пойдет.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Как, сударь? в договоре-то и дело!
А то бы вышло, ровно б ты сказал,
Не в яблоке, мол, суть грехопаденья.

ИЕРОНИМ.

Пусть! Говори же!

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Я и говорю!

Как принимать правленье, наш хозяин
Теперешний внезапно занемог.
Два дня лежал без чувств, и все считали,

Что помер. По преемству, граф Сильвестр
 Уже готов был завладеть наследством,
 А тут наш граф возьми и оживи.
 Навряд ли смерть сама могла на Варванд
 Навесть такую скорбь, как эта весть.

ИЕРОНИМ.

Да кто сказал тебе?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Лет двадцать делу,
 И точно ли слышал, не побожусь.

ИЕРОНИМ.

Что ж дальше то?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

А дальше, сударь, вот что.
 С тех пор-то все и зарился Сильвестр
 На наше графство с завистью, как кошка
 На кость в зубах у пса.

ИЕРОНИМ.

Ты убежден?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Ну да! Что ни рождался мальчик в замке,
 Сильвестр грустил смертельно.

ИЕРОНИМ.

Правда?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Да.

Но так как там терпенье истощилось —
 Два мальчика, как тополи, росли —
 То, взяв топор, Сильвестр спервоначала
 Срубил меньшого, девяти годов,
 Который, видишь, в этот гроб положен.

ИЕРОНИМ.

Вот это важно. Вот что Расскажи.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Рассказываю, сударь! Вот,—положим,
 Ты сам — граф Руперт, и пошел гулять
 За Россиц, в горы, вечером; дорогой
 Находишь, скажем, ты свое дитя
 Убитым на смерть, а вблизи от трупа
 Двоих с ножами, слышишь ли, двоих
 Из Варванда. Ты в ярости. обоих
 Прикалываеть...

ИЕРОНИМ.

Руперт приколол

Убийц?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Зачем? Один в живых остался.

И сам во всем сознался.

ИЕРОНИМ.

Да, во всем?

Сознался?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Как же? Начисто сознался!

ИЕРОНИМ.

Но в чем сознался?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

В том, что граф Сильвестр

Купил его и оплатил убийство.

ИЕРОНИМ.

Ты это слышал? Из его же уст?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Не я один, вся община слыхала.

ИЕРОНИМ.

Ужасно! Но подробнее: где и как
Сознался он?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Под пыткой.

ИЕРОНИМ.

Под пыткой?

Что ж показал он?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Кроме одного,

Всех в точности я слов его не слышал.

У нас такой на рынке шум стоял,

Что вой пытаемого не был внятен.

ИЕРОНИМ.

Все, кроме одного? Так стало быть

Одно то слово слышал ты? Какое ж?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

То слово было, сударь мой: Сильвестр.

ИЕРОНИМ.

Сильвестр? А дальше что ж?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

А дальше, сударь,
Не говорил он. Как сознался, так
И помер тут же.

ИЕРОНИМ.

Это все? А больше
Ты ничего не знаешь?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ.

Ничего.

(Иероним погружается в размышление. Входит слуга).

СЛУГА.

Граф Руперт не был тут?

ИЕРОНИМ.

Ты ищешь графа?

Пойду с тобой.

(Уходят. С другого конца входят Оттокар и Иоганн).

ОТТОКАР.

Но как же ты напал
На эту шаль? Она! Она, я вижу,
Та самая. Признал. Но ты в слезах?
С чего бы вдруг? И все лицо пылает?
Иль Божья Матерь так тебя огнем
Исполнила?

ИОГАНН.

Когда я мимоходом
Взглянул на образ, я упал пред ним,
Повергнутый его небесной силой.

ОТТОКАР.

Но как к тебе попала эта шаль?

ИОГАНН.

Ведь я сказал, нашел.

ОТТОКАР.

Но где?

ИОГАНН.

В долине,

У самого креста.

ОТТОКАР.

И ты совсем
Не знаешь потерявшей?

ИОГАНН.

Нет.

ОТТОКАР.

Тем лучше.

Находка ни к чему тебе. Отдай
Мне эту шаль в обмен на этот перстень.

ИОАНН.

Граф, эту шаль? Да что ты говоришь!
Торгуют ли найдёнными вещами?

ОТТОКАР.

Ну, как угодно. Ты мой давний друг
И будешь награжден, как пожелаешь.

ИОАНН.

Нет, добрый граф! Нет, лучше все бери;
Я жизнь отдам.

ОТТОКАР.

Какой ты, право, странный.

ИОАНН.

Ты с шалью б отнял у меня и жизнь!
Она мне драгоценна, как святая, я,
Которая напоминает мне
Счастливый миг, когда я неким богом
Был в вечность высшей жизни посвящен.

ОТТОКАР.

Взаправду? Значит это не находка?
Подарок? Да? Подарок? Отвечай!

ИОАНН.

Уж пять недель — нет, пять лишь завтра будет,
Как твой отец с охотой выезжал
В лесную дачу. Вся ватага разом
Снялась и в поле, как китовый ус
С разгиба, полетела. Звуки рога,
Щелчки бичей и тявканье собак
Мою и без того шальную лошадь
Настолько разбесили, что она,
Обскакивая скачущих, в мгновение
Достала мордой графова коня.
Я подбирать ее; но только тут то
Действительно она и понесла,
Как если б я всадил в бока ей шпоры.
Она стрелой помчалась прочь от всех.
Я — в бок ее, направо, в рощу, в гору,
А ей хоть что б! И оттого, что я
След в след за ней гляжу, не успеваю
Мелькающее толком разглядеть,
То через миг я — на краю обрыва,
И в следующий — вместе с ней — в реке.

ОТТОКАР.

Спасибо, вновь тебя на суше вижу.
Кто спас тебя?

ИОАНН.

Кто спас? Ах, нелегко
На это дать ответ без объяснения,
Сказать, чтоб попал сразу, не могу.
Кто спас? Нагая девушка.

ОТТОКАР.

Нагая?

ИОАНН.

Прекрасная, как луч, она в глазах
Мелькнула, как богиня на купаньи,
И памяти лишился я; когда ж
Ко мне вернулось полное сознание,
Закутаться успела.

ОТТОКАР.

Ну?

ИОАНН.

Но все ж
И под непроницаемым покровом
Она была, как ангел. Подошла,
Как добрый дух, с земли меня подняв,
Сняла с себя платок, чтоб задержать
Бежавшую из раны кровь.

ОТТОКАР.

Счастливый!

ИОАНН.

И тихо я, не шевелясь, сидел,
Как голубь на руках ребенка.

ОТТОКАР.

Что же

Тебе она сказала?

ИОАНН.

Голоском,
Как колокольчик певшим, расспросила,
Кто я такой, и из каких я мест,
И не шутя, бедняжка, испугалась,
Узнав, что я из Россица.

ОТТОКАР.

Да ну?

А почему?

ИОАНН.

А Бог весть! Но за этим,
Перевязавши наскоро меня,
Оставила мне эту шаль и скрылась

ОТТОКАР

И ты не знаешь, как ее зовут?

ИОАНН.

Нет. Я не мог склонить ее на это
Ни просьбами, ни клятвами.

ОТТОКАР.

Ее

На это не склонить ничем!

ИОАНН.

Да разве

Ты с ней знаком?

ОТТОКАР.

Знаком ли? О, глупец!

Уж не тебе ли только светит солнце?

ИОАНН.

Как это понимать? Она тебе

Знакома и по имени?

ОТТОКАР.

Да нет же!

Не беспокойся. Имени и мне
Она не открывает, угрожая
Немилостью, когда б я стороной
Узнать его нескромно попытался.
И в этом надо подчиниться ей
Не дело смертных ангельские тайны.
Давай-ка мы, как духов, и ее
Окрестим по слепому разумению.
Пусть, походящая на Божью Матерь,
Зовется и она у нас Марией;
Условимся о том; и если ты
В беседе назовешь мне это имя,
Я буду знать, кто в мыслях у тебя.
Давно мечтал я о подобном друге.
Здесь в замке, меж родных, так мало душ,
Которые, как ты, давали б отзвук
На легкий вздох. Теперь же потому,
Что клятва мести нас зовет к оружию,
Мы будем неразлучны. Обещай
Со мною рядом биться!

ИОАНН.

С кем?

ОТТОКАР

Ты можешь

Расспрашивать о том при мертвеце?
— Против семьи преступника Сильвестра!

ИОАНН.

Не взыскавай, о Господи с него
За поношение ангела!

ОТТОКАР.

Ты спятил?

ИОАНН.

Ах, Оттокар, я должен до конца
Довести мое ужасное признание!
Оно наружу рвется из груди.
Как некий дух, не знающий покоя
И отдыха, которого ничем
Не укротить, ни гробовой плитой,
Ни сводом подземелья—такова
И эта тайна.

ОТТОКАР.

Ты меня пугаешь!

ИОАНН

Тебе доверюсь, одному тебе.
Мне этот замок кажется кумирней
Язычников, где, пленный христианин,
Я окружен отвсюду дикарями
Насильно волокущими меня
К подножию кровавого кумира.
Один лишь ты—обличьем человек,
И мне сродни как белый между мавров
Тебе откроюсь, ибо сверх тебя
Никто не должен знать под страхом смерти
Про имя бога, виденного мной

ОТТОКАР

О Боже! Я догадываюсь

ИОАНН

Это—

Она!

ОТТОКАР

(в испуге)

Кто?

ИОАНН.

Ты ведь догадался

ОТТОКАР

Что?

Я угадал? Сказал ли я хоть слово?

Предположение может обмануть.
 Игрою лица не задают¹ загадок,
 Любое толкованье подойдет.
 Ты упредил простейшее решение.
 Неправда ль та, чья шаль в твоих руках,
 Агнеса Шроффенштейн? Скажи, Агнеса?

ИОГАНН.

Она и есть.

ОТТОКАР.

О Боже мой!

ИОГАНН.

Едва

Она ушла, смущенная открытjem,
 Что я из Россица, и вслед за ней
 Дошел почти до Варванда, где люди
 Раз десять подтвердили это мне.

ОТТОКАР.

О друг мой, дай паду в твою объятья!
 (Приникает к плечу Иоганна, входит Иероним)

ИЕРОНИМ.

Я должен показать тебе, как я
 Переменился. Надо уничтожить
 Твое дурное мнение обо мне
 И, если можно, лучшего добиться.
 Мучительное дело, видит бог,
 Забудем это, Оттокар! Поверь мне,
 Я о событиях ничего не знал.

(Пауза. Оттокар не глядит на него).

Не веришь? Что ж! Тогда оставь старанье.
 Мне тяжело обеляться пред тобой.
 Не видишь ты особого лишения
 В отказе от меня,—стерплю и я.

ОТТОКАР

(рассеянно).

Что говоришь ты, Иероним?

ИЕРОНИМ.

Я знаю,

Зачем ты в подозреньях так упрям.
 Да, это правда, никогда не стану
 Отнекиваться, в жены я избрал
 Ту девушку из Варванда; но раньше
 Чем породнюсь с убийцами, палач
 Да разобьет мой герб!

(Оттокар внезапно бросается Иерониму на шею).

Но что с тобою?
 Ито так тебя внезапно, Оттокар,
 И так глубоко взволновало?

ОТТОКАР.

Руку!

Все позабыто.

ИЕРОНИМ.

Слезы?.. Отчего?

ОТТОКАР.

Пусти. Я должен выбраться на воздух.

(Оттокар быстро уходит. Все следуют за ним).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Барванд. Комната в замке. Агнеса подводит Сильвию к креслу.

СИЛЬВИЙ.

Скажи Агнеса, где Филипп?

АГНЕСА.

О Боже!

Я это каждый день тебе твержу

И на листочке написала б, если б

Ты не был слеп. Дай запишу в ладонь.

СИЛЬВИЙ.

Поможет ли?

АГНЕСА.

Поможет.

СИЛЬВИЙ.

Не поможет!

АГНЕСА.

Избавит от забывчивости.

СИЛЬВИЙ.

Да,

Но от воспоминаний не избавит.

АГНЕСА.

Отец!

СИЛЬВИЙ.

Агнеса!

АГНЕСА.

Щеку тронь мою.

СИЛЬВИЙ.

Ты плачешь?

АГНЕСА.

Да. Меня корит за это
Наш патер. Мне же думается, он
Не понимает этого. Неправда ль:
Как, если кто-нибудь смешон, нельзя
Не рассмеяться, так нельзя не плакать,
Когда кто умер.

СИЛЬВИЙ.

Почему же он
Считает, что тебе не надо плакать?

АГНЕСА.

Он говорит, ему там хорошо.

СИЛЬВИЙ.

Ты в это веришь?

АГНЕСА.

Патеру, конечно,
Оно видней, но, думается мне,
Не то он говорит, что разумеет.
Филиппу нравилось у нас. Могло ль
Не нравиться! Ведь все его любили.
Здесь было хорошо ему. И вот
Его зарыли в землю. Как ужасно!
Священник, правда, говорит, что он
Не во гробу, нет, говоря точнее
В гробу, но—как мне это передать?
Забыла эту проповедь. Но что в ней?
Где он сейчас, я вижу по холму,
А то, откуда б взялся холм?

СИЛЬВИЙ.

Да, правда.

Святая правда. Слушай, патер прав.
Я твердо уповаю.

АГНЕСА.

Уповаешь?

Но это удивительно. Тогда,
Быть может, дело обстоит иначе.
Дай Бог! А то, откуда б у тебя
Явилось упование?

СИЛЬВИЙ.

Как, Агнеса,

Ты это мыслишь?

АГНЕСА.

Как тебя понять?

СИЛЬВИЙ.

Хочу сказать—во что, дитя, ты веришь

АГНЕСА.

Сперва дай обучусь.

СИЛЬВИЙ.

А разве ты

Еще не причащалась? Впрочем,—сколько
Тебе годов?

АГНЕСА.

Пятнадцать скоро.

СИЛЬВИЙ.

Что ж,

И самая пора. Пригожий рыцарь...
Бери и становись с ним под венец.

АГНЕСА.

Ты думаешь?

СИЛЬВИЙ.

А ты б того хотела?

АГНЕСА.

Я не отвечу.

СИЛЬВИЙ.

Про себя оставь.

А матери ты скажешь, чтоб послала
К тебе духовника.

АГНЕСА.

Ты слышишь? Вот

Сама идет.

СИЛЬВИЙ.

Вот и скажи ей.

АГНЕСА.

Что ты?

Нет, лучше говори уж сам, а то
Бог знает, что подумает.

СИЛЬВИЙ.

А ну-ка

Моей рукой по щечке проведи.

АГНЕСА

(увертываясь).

Придумает же!

(Входит Гертруда).

СИЛЬВИЙ.

Не шути, Гертруда,

Дочь жалуется на тебя. Душа
Пеняет ей, что жизнь вот-вот созреет;
Свей и теперь ей кто-нибудь венок,

Он пышным волосам ее пристал бы,
А между тем, ты отложила мысль
О конфирмации, об этом чине
Принятья женщин в рыцари.

ГЕРТРУДА.

Жером?

Его подсказ, не правда ли?

СИЛЬВИЙ.

Гертруда,

Взгляни-ка, покраснела?

ГЕРТРУДА.

Хорошо.

Скажу отцу. До завтра день потерпишь?

(Агнеса целует ей руку).

Вот коробок с игрушками. Возьми.

На что они тебе?

АГНЕСА.

Отдам в подарок

Садовниковым мальчикам, друзьям
Филиппа.

СИЛЬВИЙ.

Это конница Филиппа?

Дай их сюда.

(Открывает ящик).

Лишь в руки их возьму.

Мне чудится, что сам сидит напротив.

Он ими этот столик уставлял

И вел бои, и тут же сообщал мне

Об их исходе.

АГНЕСА.

Те вот, на конях,

Говаривал он,—наши; а пехота—

Из Россица.

СИЛЬВИЙ.

Да нет, совсем не так.

Пехотою был враг.

АГНЕСА.

А я про что же?

Конечно, враг из Россица.

СИЛЬВИЙ.

Опять?

Агнеса, нет! Ты от кого слыхала,

Что в Россице враги?

АГНЕСА.

Да ото всех

Все говорят.

СИЛЬВИЙ.

Не повторяй за ними.
По крови Россиц—родственники нам.

АГНЕСА.

Да что ты? Полно! Братца отравили
И внука твоего—и не враги?

СИЛЬВИЙ.

Филиппа отравили?

ГЕРТРУДА.

Тсс... Агнеса!

Доверь ребенку тайну, понесет,
Как птичку, на ладони.

АГНЕСА.

Ну и тайна ж!

Все дети в замке знают. Ты сама
Открыто объявляла.

ГЕРТРУДА.

Объявляла?

Открыто, говоришь? А что ж, спрошу,
Открыто объявляла я? Неправда!
Тебе одной доверила, тайком,
Что может быть, похоже...

СИЛЬВИЙ.

Ах, Гертруда!

Ну можно ль это делать? Грех тебе.

ГЕРТРУДА.

Но я, ведь, ничего не утверждаю,
Молчу, не обвиняю никого.

СИЛЬВИЙ.

А все-таки ты их подозреваешь.

ГЕРТРУДА.

Ну, этого я вам не уступлю.
Не странная ль, скажи, скоропостижность?
Вчера сиявший, нынче спит в гробу.
И почему же не осведомлялись
Семь лет назад, как дочка померла?
А тут;—не рвенье ль? Вести о болезни
Едва могли до Россица дойти,
А конный тут как тут! С нахрапу, наспех
Расспрашивает, правду ль говорят,
Что болен мальчик? Да оно понятно.
Я знаю, им покою не дает
Тот договор, который мы так часто
Расторгнуть предлагали, никогда

На то не получая их согласия.
 Теперь прими в расчет и эту сыпь,
 И скорость разложения. Тише! Тише!
 Мой муж идет. Он строго запретил
 Мне громко говорить об этом людям.

(Сильвестр входит, за ним садовник)

СИЛЬВЕСТР.

Помочь тебе не в силах. Соглашаюсь,
 Что репа у тебя сладка, как сахар.

САДОВНИК.

Как смоква, граф.

СИЛЬВЕСТР.

И всетаки, друг Ганс,
 Ее ты вырви. Вырви.

САДОВНИК.

Граф! Садовник
 Охотнее засадит десять гряд
 Самшитом, чем кочан капусты вырвет.

СИЛЬВЕСТР.

Ганс, ты дурак. Опрастывать гряды
 Под лучшую породу—только радость.
 Представь: кругом толпятся деревья,
 Встречают нас, как дети, веселятся,
 Вперяют в нас цветочные глаза.
 Ты будешь рад, увидишь, Ганс. Ты станешь
 Ходить за ними, будешь их беречь,
 Любить их будешь, как молочных братьев
 Своих ребят, которые, как те,
 Живут и крепнут рук твоих трудами.
 Все вместе будут на твоих глазах
 Расти и цвести, а к той поре, как дочка
 Тебе подарит внука в первый раз,
 Попомни это, Ганс, у нас амбары
 Наполнятся плодами до краев.

САДОВНИК.

А доживем ли, граф?

СИЛЬВЕСТР.

Не мы, так дети.

САДОВНИК.

Твои? Скорей дубовый молодяк
 Я взял бы в вековое воспитанье,
 Чем барышню твою.

СИЛЬВЕСТР.

Скажи ясней.

САДОВНИК.

Граф! Если ветер с северо-востока
Его не свалит, лучше с топором
Из России никто не приближайся,
Как к мальчику, к Филиппу.

СИЛЬВЕСТР.

Перестань!

Не выношу нелепых этих сплетен!

САДОВНИК.

Ну что же, я деревья посажу.
Но если погнушаетесь плодами—
Вот помереть! Я в Россию их пошлю.

(Садовник уходит; Агнеса прячет лицо на груди у матери).

СИЛЬВЕСТР.

Я поражаюсь! Что за притча! В этом,
Гертруда, виновата ты одна.
Душевная проказа—недоверье.
В его больных глазах и чистота
Невинности встает в нарядах ада.
Из самых обиденных пустяков,
Подобранных с искусством, как из ниток,
Оно плетет чудовишный узор,
Пугающий тенями нашу совесть.
Гертруда, это страшно!

ГЕРТРУДА.

Мой супруг!

СИЛЬВЕСТР.

Ты не должна была, по крайней мере,
Тот свет, что у тебя взорел в душе,
Как уверяешь, выносить наружу.
Нельзя бросать столь низменных лучей
На Божий день, двусмысленно и косо.
И если даже ты в таком свету
Узрела что-то, надо было тайну,
Как пятницу Христову, соблюсти.

ГЕРТРУДА.

Но выслушай!

СИЛЬВЕСТР.

Невежественной черни,

Простонародью, этому скворцу,
Подхватывателю нелепых слухов,
Их зеркалу, нет, этому жуку *),

*) По распространенному в иных глухих местах поверью жуки-олень заносит на своих рогах тлеющий уголь на крыши, отчего бывают пожары в деревнях.

Подкидывать такой навет, как уголь,
С которым он, играя, залетит
К соседям на соломенную крышу!

ГЕРТРУДА.

Подкидывать? Но дело было всем
Так ясно, что своей догадкой каждый
На правду натыкался прежде, чем
Возможно было скрыть.

СИЛЬВЕСТР.

Скажи на милость,
Что, если б восемнадцать лет назад,
Когда к сестре ты в Россиц поспешала
В пособие ей при родах; что, когда б
Увидевши, что мертв новорожденный,
Она бы, мать, сказала на тебя
Такое: будто это ты, украдкой
Ласкав его и пестовав, ему
Зажала рот и продавила лобик?

ГЕРТРУДА.

Господь с тобой! Смолчу и все стерплю.
Никто не виноват! О, только это
Последнее оставили бы нам!

(Крепко обнимает Агнесу. Входит слуга)

СЛУГА.

Граф, рыцарь у ворот стоит.

СИЛЬВЕСТР.

Впустите.

СИЛЬВИЙ.

Пойду к себе. Агнеса, проводи.

(Сильвий и Агнеса уходят).

ГЕРТРУДА.

Распорядиться мне меж тем о месте
Для гостя за столом?

СИЛЬВЕСТР.

Распорядись.

Я о коне тем часом позабочусь.

(Оба уходят. Входит Агнеса; оглянувшись, накидывает на себя платок, надевает шляпу и выходит. Входят Сильвестр и Альдеберн).

СИЛЬВЕСТР.

Из Россица?

АЛЬДЕБЕРН.

Да, дворянин Альдеберн
Из Россица. Мой князь и господин,
Граф Руперт Шроффенштейн, меня отправил
К тебе, Сильвестр, граф Шроффенштейн.

СИЛЬВЕСТР.

Почет

Пославшему и честь послу, Альдеберн.
Его друзья с тем вместе и твои,
А потому, прошу без церемоний.
Прости, что первым сел, садись и ты
И все, что знаешь, Расскажи про Россиц.
Когда две родственных семьи живут
На двух концах морского побережья,
И редко появляется челнок
От этих к тем, и то, когда пред свадьбой,
Когда к крестинам, с похорон когда,
Но только при значительных событиях,
То не дают посланцу говорить;
Расспросами сменяются расспросы:
Произошло ли что, и почему
Не так, а эдак? Сколько лет старшему?
И много ли у малого зубов?
И как давно корова отелилась?
И о других пустейших мелочах
Посланец должен рассказать подробно.
Вот так и я намерен поступить
С тобой, мой друг! Садись, прошу покорно.

АЛЬДЕБЕРН.

Договорю и стою.

СИЛЬВЕСТР.

Вот чудак!

Стоянье столько ж вяжется с беседой,
Как поцелуй с верховой ездой.

АЛЬДЕБЕРН.

Я кончу прежде речь, чем сесть успею.

СИЛЬВЕСТР.

Ты хочешь быть столь кратким? Очень жаль.
Коль спех, то говори, мешать не стану.

АЛЬДЕБЕРН.

Меня послал граф Руперт Шроффенштейн
К тебе с известьем о разрыве мира
Меж вами, потому что ты свершил
Убийство сына графов.

СИЛЬВЕСТР.

Убийство?

АЛЬДЕБЕРН.

Убийство. Но, наказывал мне граф
Касаться не одних сухих предметов,
Как схваток, столкновений и боев,
Поджогов, истреблений и разгромов;
Так лучше приведу его слова:
Вот что они гласят: на месте замка
Он положил воздвигнуть эшафот.
Еще, сказал, твоей он жаждет крови,
И твоего ребенка; твоего
Ребенка, повторил он дважды сряду.

СИЛЬВЕСТР

(встает, смотрит пристально ему в лицо).

Ах, вот что. Но присядь же, добрый друг.
Ты не из Россица, не правда ль? Сядь же!
Как звать тебя? Присядь же! Позабыл,
Откуда ты? Запоматова.

АЛЬДЕБЕРН.

Родом?

Из Оппенгейма. А зачем тебе?

СИЛЬВЕСТР.

Я так и знал. Но Оппенгейм. не Россиц.
Ты не из Россица. Присядь же, друг!

(Подходит к дверям).

Гертруда!

(Входит Гертруда).

Где его оруженосец?

Вели его позвать.

(Гертруда уходит).

Садись, мой друг.

Что до войны, старик, то это дело
Веселое для рыцаря, и я
На вашей стороне.

АЛЬДЕБЕРН.

На нашей?

СИЛЬВЕСТР.

Диво ль?

Да что ты в самом деле? Если кто
Нанес тебе урон или обиду,
Ты мне скажи, мы вместе отомстим.

АЛЬДЕБЕРН.

Безумье это или же притворство?

(Входят Гертруда, оруженосец и слуга).

СИЛЬВЕСТР.

Скажи-ка, сын мой, кто твой господин?

Ведь он, слегка того, ты понимаешь?

АЛЬДЕБЕРН.

Не понимаю я, понять не в силах!

А впрочем, что ж, ты думаешь, быть может,

Настолько нет догадки у меня,

Чтобы понять, что ты—подлец? Дворянжек

Спроси у нас, и нюхом разгадают,

Кто ты такой. Вели меня повесить,

Когда из них одна хоть станет есть

Из рук твоих. А в заключение, вот что:

Я сделал дело. С этих пор война

Объявлена тебе, детоубийца.

(Собирается уходить).

СИЛЬВЕСТР

(удерживает его).

Нет, стой! Ей-богу, ты меня страшишь.

Пусть речь твоя и не богата смыслом,

Но и не так бедна им, чтоб меня

Не ужасать. Один из нас рехнулся.

Не ты, так я. Та кашелька ума,

Которая тебя предохраняет

От дома сумашедших, напрямик

Ведет меня туда. Ты мог сказать мне,

Что реки катят воды в стороне

От берегов и, подымаясь в гору,

Озера образуют на хребтах,

И был бы я готов тебе поверить,

Но ты сказал, что я убил дитя

Двоюродного брата!

ГЕРТРУДА.

Боже правый!

Кто смеет обвинять тебя? Не те ль,

Из Россица, которые недавно

И сами...

СИЛЬВЕСТР.

Замолчи! А ты, скажи

Еще раз. Это правда? Это правда?

Меня винят в убийстве? Да? Война?

АЛЬДЕБЕРН.

Что ж, десять раз жевать мне эту жвачку?

СИЛЬВЕСТР.

Ну, ладно. Франц, седлай коня. Прости,
Но кто непостижимое постигнет?
Где меч мой? Шлем? Хочу от самого
Услышать это, прежде чем поверю.
Пошли за Иеронимом; в тот же час
Скакал бы в Варванд.

АЛЬДЕБЕРН.

Ну, прощай.

СИЛЬВЕСТР.

Куда ты?

Мой друг, поедem вместе.

ГЕРТРУДА.

Боже мой!

Ты отдаешься сам во вражьи руки?

СИЛЬВЕСТР.

О, полно!

АЛЬДЕБЕРН.

Нет, смотри, не ошибись,
Ты будешь принят в Россице жестоко.

СИЛЬВЕСТР.

Пустое! Не беда! Поеду сам.
К врагам свободно входит одинокий.

АЛЬДЕБЕРН.

Мягчайшее, что может ждать тебя:—
Посадят на цепь в подземельи замка.

СИЛЬВЕСТР.

Так что ж! Но я себе добуду свет,
Хотя бы в ад за ним пришлось спуститься.

АЛЬДЕБЕРН.

Ты нами проклят. В Россице никто
Не почитает жизнь твою священной.

СИЛЬВЕСТР.

Не отпугнешь! За то мне их свята,
И на авось свою на карту ставлю.
Но в путь!

(Гертруде).

Прощай! Нетронут ворочусь,
Как бог свят, как пред ним свята невинность.
(В то время как они собираются уходить, входит Иероним).

ИЕРОНИМ.

Куда ты?

СИЛЬВЕСТР.

В добрый час! Пока вернусь,
Твоей заботе поручаю женщин.

ИЕРОНИМ.

Куда ты едешь?

СИЛЬВЕСТР.

В Россию.

ИЕРОНИМ.

Ты решил

Предаться им, как кающийся грешник?

СИЛЬВЕСТР.

Что за слова?

ИЕРОНИМ.

Неправедную жизнь

Не стоить длить. Спеши скорее в Россию,

И голову греховную сложи

С христианским покаянием на плахе.

СИЛЬВЕСТР.

Ты полагаешь, будь на мне вина,

Я б стал сопротивляться правой мести?

ИЕРОНИМ.

О, лицемер! Не думаешь ли ты,

Что дважды я приму на веру сердце

Поддельное твое? Я не слепец,

Не темный сын невежественной черни.

Зачем же ты меня средь бела дня

Дурачишь без конца и водишь за нос?

Да ты не стоишь и того труда,

Что тратим мы, произнося: мерзавец.

Ты гнусен мне, я брезгаю тобой!

Ведь от тебя разит, как от убийцы.

(Сильвестр падает без чувств).

ГЕРТРУДА.

На помощь! Помогите! Эй, на помощь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Горная местность. Спереди—пещера.

Агнеса сидит на земле и плетет венок. Показывается Оттокар и смотрит на нее с грустью. После этого отворачивается от нее с болезненным движением, во время которого Агнеса замечает его, но, не подав вида, продолжает плести венок.

АГНЕСА.

Подслушивать; ведь это очень гадко.
Но так как этим чистая душа
Гнушается, то и бывает жертвой
Подслушиванья. То-то и беда,
Что, вместо наказания, любопытный
Награду получает, и взамен
Заслуженного горя открывает
Благое попечение о себе
И труд ему на пользу. Вот, хотя бы,
Тот юноша. Ах, как его зовут?
Он прячется. Он хорошо знаком мне.
Подобно дикой утренней грозе
Его лицо. Его глаза—зарницы.
Как грозовые тучи—волоса.
Его походка—веянье из дали.
Его слова—течение горных вод.
Его объятья ж... Но довольно! Что же
Хотела я сказать? Ага! Так вот:
Подглядчик этот,—я сказать хотела,—
Подкрался незаметно, невзначай,
Внезапно, будто солнце летней ночью,
Влюбленных застающее врасплох.
Однако, как была бы я довольна,
Когда б он мог, что ищет здесь, найти,
И ревность, это жало юной страсти,
Сама себя терзаньями тупя,

Погнала бы его, как жеребенка
В поля, чтоб возвратить, в конце концов,
Бежавшего опять в родное стойло.
Но изо всех соперников, со мной
Он застаёт один свой призрак, тихо
Поющий мне о нём; я и плету
Ему венок за это.

(Оглядывается)

Что с тобою?

ОТТОКАР.

Да ничего.

АГНЕСА.

Тогда садись; взгляну,
К лицу ль венок. Ну что, хорош?

ОТТОКАР.

Прекрасен.

АГНЕСА.

Действительно? На пальцы посмотри.

ОТТОКАР.

Они в крови.

АГНЕСА.

О терн я исколола,

Цветы срывая.

ОТТОКАР.

Бедная!

АГНЕСА.

Трудов

Не женщине пугаться. Я часами
Обдумывала, как цветок с цветком
Связать, как незначительную мелочь
Использовать на вящую красу.
Теперь венок готов. Возьми! А если
Он нравится тебе, то я за труд
Награждена.

(Оглядывается).

Но что с тобой?

(Она подымается, Оттокар берет ее за руку).

Ты странен,

Торжественен, ты непонятен мне.

ОТТОКАР.

Как ты мне.

АГНЕСА.

Если любишь, поскорее
Скажи и успокой.

ОТТОКАР.

Сначала ты!

Как нынче ты отважилась покинуть
Отцовский дом?

АГНЕСА.

Отцовский дом? А он
Знаком тебе? Как часто я просила,
Чтоб не выведывал о нем.

ОТТОКАР.

Прости.

Но виноват не я, что знаю.

АГНЕСА.

Знаешь?

ОТТОКАР.

Да, знаю. Но не бойся. Ты в руках
У ангела хранителя не в большей
Сохранности, чем у меня. Но как
Сегодня ты решилась выйти в горы
Без спутников, в то время, как сосед
В кровавой распре с вами?

АГНЕСА.

В распре с нами?

В отцовских залах пыль лежит на всех
Доспехах. Если кто враждует с нами,
То разве лишь куница, по ночам
Влезающая к нам в курятник.

ОТТОКАР.

Правда?

Так вы в ладу с соседями? Так вы
С собой самими в мире?

АГНЕСА.

Ну конечно!

ОТТОКАР.

О Боже! Мига этого ценой,
Благодарю тебя за жизнь. Мой ангел,
Так мне тебя не надо убивать?
О что за счастье!

АГНЕСА.

Убивать?

ОТТОКАР.

Присядем.

(Садится).

Мне надобно с тобой поговорить
С той радостной, открытой прямою,

Которой ты полна. Садись сюда!
 Пускай не станет и последней тени—
 Мне надо видеть ясно всю тебя.
 Твой дух наполовину мой, и мысли
 Твои уже угадываю я.
 Тебе осталось только сообщить мне
 То чудо языка, тот знак, тот звук,
 В который мы влагаем бесконечность.
 Тебе осталось имя мне назвать.
 Как звать тебя? Скажи, и ты услышишь
 Немедленно, как звать меня в ответ.
 Ведь только в шутку ты отказ терпела
 В том, в чем сама отказывала мне.
 Я выведал давно бы эту тайну,
 Когда б запрета твоего не чтил.
 Теперь сама скажи. Я знаю, совесть
 Моя чиста; я знаю, для меня
 Ты выше всякого земного счастья,
 И с жизнью у меня не крепче связь.
 Не глубже, не привольней, чем с тобою.
 Таиться дольше от меня нельзя,
 Я требую теперь всего доверья.

АГНЕСА.

Нет, я не в силах, Оттокар!

ОТТОКАР.

Но что

Тебе внушает страх? Скажи, рассею!

АГНЕСА.

Сказал ты про убийство?

ОТТОКАР.

Про любовь!

АГНЕСА.

Да, помнится, и про любовь; но с кем же
 Тогда ты про убийство говорил?

ОТТОКАР.

Ты слышишь, в эту горькую ошибку
 Я другом обманувшимся введен.

(В глубине показывается Иоганн).

АГНЕСА.

Вон человек стоит; я с ним знакома.

ОТТОКАР.

Знакома с ним?

АГНЕСА.

Прощай.

ОТТОКАР.

Господь с тобой!

Ты обозналась!

АГНЕСА.

Нет, не обозналась.

Пусти. Вы стакнулись меня убить!

ОТТОКАР.

Убить тебя? Ведь ты совсем свободна.

Иди, куда желаешь.

АГНЕСА.

Так прощай.

ОТТОКАР.

И не вернешься?

АГНЕСА.

Никогда, коль тотчас

Не назовешься.

ОТТОКАР.

Что ты? При чужом!

АГНЕСА.

Тогда прощай навеки.

ОТТОКАР.

О, Мария!

Зачем так худо думать обо мне?

АГНЕСА.

Всяк говорит, кто он.

ОТТОКАР.

Еще сегодня

Скажу тебе. Приди опять.

АГНЕСА.

Но как

Довериться, раз мне не доверяют?

ОТТОКАР.

Решись на страх.

АГНЕСА.

Пускай! А обманусь,

Так даже и тогда не дрогну сердцем.

(Уходит).

ОТТОКАР.

Иоганн, войди-ка. Это ведь она?

Неправда ль? В этом больше нет сомненья?

ИОГАНН.

Мне думается, ты ни в чем таком,

Чему б я мог помочь, нужды не терпишь.

ОТТОКАР.

У человека две цены. Одну
Распознаешь на глаз, а про другую
Расспрашиваешь.

ИОАНН.

Раз зерно в твоих
Руках, то скорлупа легко придастся.

ОТТОКАР.

Но имени она не говорит
И мне, и от меня бежит так точно,
Как от тебя, едва предположив
Что я из Россица. Ты был при этом
И видел сам. Являясь нам, как дух,
Она бежит обоих нас.

ИОАНН.

Обоих?

Да, только с тем различьем, что тебе
Досталось счастье вызыванья духа,
Мне ж изгонять приходится его.

ОТТОКАР.

Иоанн!

ИОАНН.

Во всем повинны эти уши
И кончик носа. Что еще во мне
Столь страшного, что кровь у ней сбегает
Со щек и отымаются у ней
Все мысли, кроме мысли о побеге?

ОТТОКАР.

Не узнаю тебя, Иоанн!

ИОАНН.

А я

Узнал тебя.

ОТТОКАР.

Я всякую обиду
Готов простить, лишь только б на нее
Тебя толкало благородство духа.

ИОАНН.

Плачу, что заработал. Отвечай,
Когда б мне кто сказал, что видел лошадь,
Которую задумал приобрести.
А я б пошел тайком по указанью
И для себя купил коня,—скажи,
Что, это было б благородно?

ОТТОКАР.

Это

Сравненъе дико.

ИОГАНН.

Горько? А оно

Мед пред страданьями моими.

ОТТОКАР.

Вижу.

Ты рад своей ошибке оттого,

Что от нее мне больно.

ИОГАНН.

Больно? Это

Приятно знать. Тем крепче ухвачусь

За заблужденъе, если я ошибся.

ОТТОКАР.

Приятности ты в этом не найдешь,

Я молча все спесу, что б ты ни сделал.

ИОГАНН.

Ты возражаешь с толком; ничего

Не причинило б мне такой досады,

Как если б сердце было у тебя

Покрыто рогом, как у черепахи.

Одна осталась радость у меня:

Слепнем гонять тебя кругом и жалить.

ОТТОКАР.

Ты многим лучше, нежели сейчас.

ИОГАНН.

Глупец! Глупец! Так вот чем взять задумал!

Я был неблагодарен с ним, со зла,

По умыслу; вот тут-то и уверить

Меня в противном, чтобы эта честь,

Оказанная мне не по заслугам,

Могла мой образ действий изменить.

Да чорт ли мне теперь в твоём почтении!

ОТТОКАР.

Напрасно! Ты меня не разъяришь!

Ты завтра сам всем этим возмудишься.

ИОГАНН.

Нет! Нет! Я меры нужные приму

И не забуду. Грудь себе израню,

Шипами буду раны растравлять,

Но им не дам закрыться, чтобы в сердце

Не замирала мука ни на миг.

ОТТОКАР.

Нет, это невозможно! невозможно!
Скажи, как с гадкою такой душой
Ты можешь быть влюблен в нее? В Агнесу!

ИОАНН.

И это ты напоминаешь мне,
Чудовище?

ОТТОКАР.

Прощай, Иоганн!

ИОАНН.

Куда ты?

Нет, погоди-ка! Разве я шучу?

ОТТОКАР.

Но что ты хочешь?

ИОАНН.

Напрямик: обоим

Нам не житье, как паре пауков
В одной коробке.

(Обнажает меч).

Вынимай.

ОТТОКАР.

Не выну

Хотя пришлось бы пасть от рук твоих.

ИОАНН.

Вытаскивай же, трус! Я жажду смерти!
Твоей не надо мне.

ОТТОКАР
(обнимает его).

Иоганн! Мой друг!

Мне быть твоим убийцей?

ИОАНН.

Прочь, змееныш!

Не хочешь жалить, хочешь извести
Тем медленней своим несносным взглядом.
Добро ж!

(Вкладывает меч в ножны).

Еще другое средство есть.

(Расходятся в разные стороны).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Варванд. Комната в замке.

На стуле—Сильвестр, с признаками обморока, который прошел. Вокруг него Иероним, Тейстинер, Гертруда и служитель.

ГЕРТРУДА.

Отходит, слава Богу, жив.

СИЛЬВЕСТР.

Гертруда!

ГЕРТРУДА.

Сильвестр, ты узнаешь меня? Узнал?

СИЛЬВЕСТР.

О, мне так хорошо, как при вступлении
В новую жизнь.

ГЕРТРУДА.

И при вратах ее
Стоим, как серафимы, мы, родные
Твои.

СИЛЬВЕСТР.

Скажи, как очутился я
На этом стуле? Перед тем, неправда ль,
Я на ногах был?

ГЕРТРУДА.

И затем упал

В беспамятстве.

СИЛЬВЕСТР.

В беспамятстве? С чего бы?
Да отвечай же, что с тобою? Что
Со всеми вами? Где ж она, Агнеса?
Она жива?

ГЕРТРУДА.

Да, да. Она в саду.

СИЛЬВЕСТР.

Тогда, чем одержимы вы? Гертруда?
Тейстинер? А? Ты онемел, Тейстин?
Не... Иероним... ах, верно, вспомнил!
Теперь я понял все...

ГЕРТРУДА.

Дай, отведу

Тебя в постель, Сильвестр, и расскажу все.

СИЛЬВЕСТР.

В постель? Фу! Срам! Да разве я—постой,—
Да разве я лишился чувств?

ГЕРТРУДА.

А как же?
Ведь ты припомнил даже, отчего!

СИЛЬВЕСТР.

Припомнил, говоришь? Фу! Фу, как стыдно!
И дрянь же вещь—душа!

ГЕРТРУДА.

Ты должен лечь
В постель, Сильвестр. Дай отдых телу.

СИЛЬВЕСТР.

Верно.

Оно во всем повинно.

ГЕРТРУДА.

Так пойдем.

СИЛЬВЕСТР.

А надо это?

ГЕРТРУДА.

Да, необходимо.
Ты должен лечь в постель.

СИЛЬВЕСТР.

Меня стыдят
Твои заботы. Дай мгновенье сроку,
Поправлю дело и оправлюсь сам.

ГЕРТРУДА.

Прими хоть капель из тирольской склянки,
Которые ты сам мне восхвалял.

СИЛЬВЕСТР.

Лишь женщины не ценят сил природы
И верят в мази больше, чем в свой мозг.

ГЕРТРУДА.

Тебе помогут капли.

СИЛЬВЕСТР.

Эту помощь
Окажет мне сознание.

(Встает).

А чему

Я рад живей всего, так это чуду:
Что дух сильнее, чем я предполагал.
За миг один, что он тебя оставил,
Он побывал у своего ключа,
У господ, и в богатырской силе

С побывки возвращается к тебе.
Тейстинер! Тратить слов нельзя. Гертруда,
Он знает?

ГЕРТРУДА.

Да.

СИЛЬВЕСТР.

Ты знаешь? Так скажи,
Ну не мошенническая ли штука?
Сомнения больше нет?

ТЕЙСТИНЕР.

Ни у кого
Из Варвандских; и никого, я чаю,
Кто б не предвидел, не в пример тебе;
К чему придем мы раньше или позже.

СИЛЬВЕСТР.

Предвидеть? Нет. Предвидеть я не мог.
Сомнения? Были, да. Но их не стало.
Так, значит, людям все известно?

ТЕЙСТИНЕР.

Все.

Настолько, что играют головою,
Принесшей эту Россицкую весть.

СИЛЬВЕСТР.

Как ты сказал? Герольд доселе в замке?

ТЕЙСТИНЕР.

Да, тут,—каменьями побит.

СИЛЬВЕСТР.

Побит?

ТЕЙСТИНЕР.

С народом сладу не было. К воротам,
Над въездом голова пригвождена
Меж чучелами сов.

СИЛЬВЕСТР.

Попранье права!

Ты должен бы ответить головой •
За голову священную герольда.

ТЕЙСТИНЕР.

Несправедливо, граф, меня коришь.
Я не был очевидцем растерзанья;
Когда я к телу подбежал, пришлось
Скорей спасти его, Иеронима.

СИЛЬВЕСТР.

Пусть злобствуют. Нет худа без добра.
Таков уж рок, что кто коснется грязи,

Тому, я вижу, чистым не бывать.
 Значенье этого убийства тоже
 Еще сослужит службу нам. Садись
 На лошадь, и скачи в объезд по графству.
 Всем ленникам приказ: вооружась,
 Немедленно явиться в замок к сбору.
 Тем временем хочу набрать отряд
 Я из мужского населения замка.
 Без слов успею в этом: покажу
 Я седину, мою и каждый волос
 Мне навербует по богатырю.
 Разбойники найдут нас наготове,
 Когда ж мы станем крепче, мы листок
 Изнанкой оборотим, и нагрянем
 Нежданные и сами к волку в лог.
 Я убежден в удаче; дело стало
 За доблестью, за честью; и в заклад
 Жену, дитя и жизнь свою я ставлю.

ТЕЙСТИНЕР.

Граф, я поеду. Нынче ввечеру
 Все ленники сберутся.

СИЛЬВЕСТР

(слуге).

Путь дорога!

(Тейстинер уходит).

Франц, кастеляна позови. Постой,
 Еще есть дело: приведи обоих
 Ружейников.

(Слуга уходит).

Пероним, тебя

Обидели, — скорблю, — но ты свидетель,
 В каком я обмороке пребывал.
 Народ мне верен, их слепой поступок —
 Недоуменной преданности знак,
 А потому, прости им. Обещаю
 Впредь заступаться. Хочется тебе
 Обратнo в Россию, можешь тотчас ехать —
 В охрану дам тебе десятерых.
 Не стану отрицать, я рад несчастью —
 Прошу понять, как следует: оно
 Тебя у нас на время задержало,
 А перед тем я соблюсти не мог
 Достоинства. Нет, нет, не возражай мне,
 Я это знаю! Понижает тот,
 Кто крепок. Только вымершие ветви
 Выдерживают бурю. и она же
 Подкашивает дуб с огромной кроной,

Затем, что есть во что вцепиться ей.
 Удар не всякий человек обязан
 Сносить без мук: кто Богом посещен,
 Имеет право никнуть! И со стоном!
 Похвально равнодушие у борцов,
 Мы ж, люди, погибаем не за деньги,
 Не на показ; и всетаки должны
 Пред посторонним с честью подыматься.
 Я больше не держу тебя. Ступай
 К своим друзьям, в свой милый сердцу Россиц.
 Здесь, в Варванде ты с нынешнего дня
 Уже не прежний добрый гость, как видишь.

ИЕРОНИМ.

Ты прав, ты прав, я лучшего не ждал.
 Я заслужил, чтоб дверь мне показали.
 Подлец ведь я и в собственных глазах,
 Во сколько же подлец в твоих! И все же
 Я подлостью себя не попрекну.
 Желаеть, верь; не верь, когда не можешь.
 Оправдываться ль мне? Язык немеет,
 Как школьницы, слова стыдятся света;
 Скажу одно: я в Россиц не ходок.
 Еще скажу: дай знак мне, если будет
 Нужда во мне, — я жизнь свою отдам,
 Я жизнь свою отдам тебе — ты слышишь?

(Уходит).

ГЕРТРУДА.

Постой, Жером! Ну, вот он и ушел.
 Зачем ты не позвал его?

СИЛЬВЕСТР.

Гертруда,
 Ты понимаешь что-нибудь? Скажи.
 А мне так словно снится.

ГЕРТРУДА.

Дело просто.

Он Россицскими был расположен
 В их пользу; скоро рыцаря не будет,
 Кого не натравили бы на нас.

СИЛЬВЕСТР.

Но — Иероним! Пускай кого другого б,
 Поверил бы. Но это — Иероним!
 Легко ли разве в миг один разрушить
 Почтенье, дело долгих лет?

ГЕРТРУДА.

Увы!

От дьявольского этого обмана
Стал недоверчив бы и ты.

СИЛЬВЕСТР.

И я?

Стал к самому себе бы недоверчив?
Но в чем же дело?

ГЕРТРУДА.

Рупертов меньшей
Действительно убит в горах твоими
Людьми.

СИЛЬВЕСТР.

Моиими?

ГЕРТРУДА.

Это грех не весь.

Один из них, что хуже, перед смертью
Сознался в том, что нанят был тобой.

СИЛЬВЕСТР.

Сознался?

ГЕРТРУДА.

Да, под пыткой. И помер.

СИЛЬВЕСТР.

И помер? С тем сознанием? И жизнь
Полна такую мерзостью и в смерти?
Но умирая, не грешат. А кто
Слышал то показанье?

ГЕРТРУДА.

Целый Россиц.

Его пытали на людях, при всех,
В базарный день, на рынке.

СИЛЬВЕСТР.

От кого ты

Узнала это?

ГЕРТРУДА.

Мне сказал Жером.

Справлялся он у тамошних.

СИЛЬВЕСТР.

Нет, знаешь,

Нет, это не обман, — такая вещь
Не может быть обманом!

ГЕРТРУДА.

Бога ради!

Но что ж тогда?

СИЛЬВЕСТР.

Гертруда, я не бог,
Чтоб дать ответ тебе.

ГЕРТРУДА.

А нет ответа,
То подозрение падает на нас?

СИЛЬВЕСТР.

Да, пало, разумеется.

ГЕРТРУДА.

И нам то,
Нам очищаться перед ними?

СИЛЬВЕСТР.

Да,
Не им, конечно, перед нами.

ГЕРТРУДА.

Боже!
Но как же, как же?

СИЛЬВЕСТР.

Был бы способ. Есть,
Когда бы мог я Руперта увидеть.

ГЕРТРУДА.

Теперь то? Вслед за гибелью герольда,
Его тем пуще раздражившей?

СИЛЬВЕСТР.

Верно,
Теперь опасней многим. А меж тем —
Единственное и простое средство.
Да; я решил. Где может быть Жером?
Он здесь еще? Он будет мой посредник.

ГЕРТРУДА.

О мой супруг, советую...

СИЛЬВЕСТР.

Оставь!
Ты не судья в таких вещах, Гертруда.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Площадка перед Варвадскими воротами.

Показываются, запыхавшись, Агнеса и за нею—Иоганн.

АГНЕСА.

На помощь!

ИОГАНН

(схватывая ее).

Слушай, девочка — постой.

Не враг тебя преследует — послушай —

Ведь я тебя люблю. Что я сказал?

Люблю? Боготворю!

АГНЕСА.

Отстань, ужасный!

Ты разве не из Россица?

ИОГАНН.

О, как

Могу я страшен быть? Взгляни спокойней,

Ведь я дрожу от неги и тоски —

Обнять всю меру моего страдания

И счастья моего, тебя...

АГНЕСА.

Но что

Тебе, безумный, надо?

ИОГАНН.

Только это.

Ты умерла во мне, и я, как труп,

Прижму тебя к груди с холодной дрожью.

АГНЕСА.

Спаси Господь от ярости его!

ИОГАНН.

Ах, девочка, гляди, я завтра лягу

В могилу, юный, и не жаль тебе?

Откажешь ли в прощальном поцелуе

Пред смертью?

(Целует ее).

АГНЕСА.

Боже! Огради меня,

Святая сила!

ИОАНН.

Лучше ты, святая,
 Меня спаси. Я жизнью, как змеей,
 Обвит кругом, и кольцами без счета
 Удавлен — сжат — дотронуться противно!
 Возьми кинжал.

АГНЕСА.

Убийца! Помогите!

Злодей!

ИОАНН

(строго).

Возьми, я говорю, кинжал!
 О, разве ты мне в сердце не всадила
 Другой такой?

АГНЕСА.

Чудовище!

(Пишется сознания).

ИОАНН

(с нежностью).

Возьми

Кинжал, возлюбленная, — всею негой
 Подставляю грудь свою под твой удар,
 Как подставляют губы поцелую.

(Иероним с вооруженными слугами выходит из ворот).

ИЕРОНИМ.

Здесь караул кричали. О, злодей!
 Какой поступок! Ранена? О, дьявол!
 Заплатишь жизнью!

(Ранит Иоганна, он падает, Иероним подымает Агнесу).

О, Агнеса! Я

Не вижу раны. Ты, жива, Агнеса?

(Из ворот выходят Сильвестр и Гертруда).

СИЛЬВЕСТР.

Тот страшный вопль... то был Иероним,
 А не Агнеса... Боже!

(С болью отворачивается).

ГЕРТРУДА.

Дочка, дочка,

Дитя мое последнее!

ИЕРОНИМ.

Жива!

Ей надо бы помочь.

ГЕРТРУДА.

Пошевелилась...

И дышет... слышишь?... да, она жива.
Жива!

СИЛЬВЕСТР.

Жива? Он не нанес ей раны?

ИЕРОНИМ.

Он не успел! Уже блистал клинок,
Когда я свой вонзил в злодея.

ГЕРТРУДА.

Что он,

Не Россицкий?

ИЕРОНИМ.

Не мучь, мне стыдно; да.

СИЛЬВЕСТР.

Дай руку мне, Жером. Мы понимаем
Друг друга.

ИЕРОНИМ.

Понимаем.

ГЕРТРУДА.

Ожила!

Глаза раскрыла, на меня взглянула.

АГНЕСА.

Что от него избавлена я?

ГЕРТРУДА.

Вот

Лежит без жизни, — ободрись.

АГНЕСА.

Без жизни?

Убит? Из за меня? О, что за ужас!

ГЕРТРУДА.

Жером убийцу поразил!

АГНЕСА,

Он гнался

За мной от самых гор! Меня объял
Смертельный страх, когда я увидела
Его вдали; домой чуть не бегом
Пустилась от него, но жажда крови
Гнала его быстрее, чем страх меня,
И тут-то он схватил меня.

СИЛЬВЕСТР.

Он тотчас

И обнажил кинжал? Он ничего
Не говорил при этом? Может, вспомнишь?

АГНЕСА

Едва ли. — Я почти лишилась чувств.
Как он ужасен был! Он говорил мне,
Как будто поменявшись, про любовь...
Про обожанье; называл святою...
И трупом называл меня. Потом
Внезапно вынул свой кинжал, с мольбою,
Чтоб я в него вонзила, — и взмахнул
Им надо мной.

СИЛЬВЕСТР
(людям).

Он жив еще? Похоже,
Что только ранен, по глазам видать
Перенесите в замок и сходите
За лекарем.

(Они поднимают его).

А после кто-нибудь
Вернись ко мне с докладом.
(Поганна уносят).

ГЕРТРУДА.

Ах, Агнеса,
(Отважиться одной в такую даль,
Без спутников!

АГНЕСА.

Ах, мама, не брани же,
Я шла моей любимой тропой.

ГЕРТРУДА.

И пропадать так долго!

АГНЕСА.

По дороге
Попался рыцарь мне и задержал.

ГЕРТРУДА.

Педоставало рыцаря! Ах, как ты
Неосторожна! Он наверняка
Из Россица.

АГНЕСА.

Ты думаешь, оттуда?

ИЕРОНИМ.

В горах бывает часто Оттокар.

АГНЕСА.

Ты говоришь про?..

ИЕРОНИМ.

... Рупертова сына.

Не знаешь?

АГНЕСА.

Нет, совсем.

ИЕРОНИМ.

А у меня

Есть доказательство, что он с тобою
Знаком.

АГНЕСА.

Со мною?

ГЕРТРУДА.

С нею? Да, но как?

ИЕРОНИМ.

Я видел шаль, которую, сколь помню,
Ты нашивала, у него в руках.

АГНЕСА

(прячет лицо на груди матери).

Ах, мама!

ГЕРТРУДА.

О, Агнеса, ради бога,
Будь осторожна! Яблоко сорвет
И, потчужа, шутя, тебя отравит.

ИЕРОНИМ.

Нет, этого я не боюсь, скорей...
Но верь змее!—он клялся на причастьи
Убить ее!

АГНЕСА.

Убить? Кого? Меня?

ИЕРОНИМ.

Я это сам слышал.

ГЕРТРУДА.

Вот видишь. Буду
Стеречь тебя, как малое дитя.
Отныне ты без матери—ни шагу;
Одна из замка выходить не смей!
(Входит слуга).

СЛУГА.

Мой господин, еще живет убийца,
И ранен не опасно, врач сказал.

СИЛЬВЕСТР.

Он в памяти?

СЛУГА.

А кто поймет! Он бредит
И сущую нелепицу несет
В горячечном жару, как сумасшедший.

ИЕРОНИМ.

Одно притворство.

СИЛЬВЕСТР.

Человек тебе

Известен?

ИЕРОНИМ.

Знаю только,—звать Иоганном,
Сын Руперта, внебрачный, и прошел
Науку рыцарскую в Россице, где утром
Вчерашним в рыцари произведен.

СИЛЬВЕСТР.

Вчера произведен лишь, и уж нынче
Не в разуме? И ты еще сказал—
Поклялся на причастьи мстить?

ИЕРОНИМ.

Подобно

Всем прочим людям Руперта, и он.

СИЛЬВЕСТР.

Мои предположенья переходят
Почти что в убежденье, Иероним.
Я б извинил их, что, подозревая,
Клянутся мстить мне; я бы им простил
И объявление распри, я простил бы
Когда б они войной снесли мой дом
И дочь с женой в войне со мной убили,—
Но тайного убийцу подсылать?..
Раз это так...

ГЕРТРУДА.

А есть еще сомненье?

А разве в прошлом доказательств нет?

СИЛЬВЕСТР.

Филиппа разумеешь?

ГЕРТРУДА.

Наконец-то?

Ты никогда не верил мне, всегда
Шутил над женской страстью к толкованьям
Всего на свете, если только раз

Они прилились случайно в пору; этим
 Ты все мои догадки разбивал.
 ... Нет... Доводы!.. Но вот и сам поверил..
 Другое что-то я б могла сказать,
 Чего ты и не чаешь..

СИЛЬВЕСТР.

Что ж такое?

ГЕРТРУДА.

Ты помнишь ли: как позапрошлый год
 Ты поправляться стал от лихорадки,
 Евстафия прислала для тебя
 Варенья ананасового банку?

СИЛЬВЕСТР.

А верно ведь, С солдатскою женой.

ГЕРТРУДА.

Под ложными предложениями, гостинца
 Просила я не пробовать, при чем
 Поставила на стол свое варенье
 Из персиков, и ты им пренебрег..
 Но только ты отведал ананасов..
 Как стало рвать тебя, и...

СИЛЬВЕСТР.

Чудеса!

Другое обстоятельство припомнил:
 Постой,—да точно: кошке перешла
 Та банка с ананасами; Агнесу
 Я персик попросил мне передать.
 Ведь так, Агнеса?

АГНЕСА.

Так; я живо помню..

СИЛЬВЕСТР.

Все принимает странный оборот.
 Действительно, раз ананасы кошке
 Не повредили, между тем как мне
 Твой персик оказался...

ГЕРТРУДА.

Все, конечно,

Не трудно извратить...

СИЛЬВЕСТР.

Ах, значит, так?

Вот видишь ли, и я того же мнения,
 И прав бываю всякий раз, что я

Не слушаю твоих лжетолкований.
 Я не шутя велю тебе молчать
 Про смерть Филиппа. Был отравлен, нет ли,
 Но он скончался. Больше ничего,
 Ни слова больше, вот мое желание.

ИЕРОНИМ.

Сильвестр, не надо даром упускать
 Такой удобный миг. Когда убийство
 Петра—обман, что истинней всего,—
 То в это дело и Погаин замешан.

СИЛЬВЕСТР.

Обман? Как он возможен?

ИЕРОНИМ.

Да хоть так.

Возможно, что естественна кончина
 Петра, и он не умерщвлен, как там
 Желают думать. Может даже статься,
 Их эта смерть и навела на мысль
 Извлечь все выгоды из договора
 Ценой извета. Может быть, отец
 Сумел воспользоваться пребываньем
 Твоих людей в своих владеньях так,
 Что невиновные предстали свету
 В обличи преступления, дав ему
 Удобный повод разорвать сношенья,
 Всю Варвандскую линию истребить
 И завладеть наследством без раздела.

СИЛЬВЕСТР.

Но ты сказал, что из моих людей
 Один пред смертью показал, что нанят
 На то убийство мною.

(Молчанье).

ИЕРОНИМ.

Человек,

С которым я беседовал об этом,
 Слышал одно лишь слово.

СИЛЬВЕСТР.

И оно?

(Молчанье).

ИЕРОНИМ.

Сильвестр. Но разве по твоей подушной
 Ты не заметил сам исчезновенья
 Тех двух, так называемых убийц?
 Кой-что средь их остававшейся родни
 Поразузнать бы можно.

СИЛЬВЕСТР.

Позови

Начальника!

ИЕРОНИМ.

Но от кого я жду
Важнейших разъяснений, так, конечно,
От Иоганна.

СИЛЬВЕСТР.

На него плохой

Расчет.

ИЕРОНИМ.

Зачем? Когда он добровольно
Не даст ответа, дело поведем
По-Россицки и отдадим под пытку.

СИЛЬВЕСТР.

Допустим. Ну, а если он тогда
Сознается, что Рупертом подкуплен?

ИЕРОНИМ.

Так ясно будет все, как день.

СИЛЬВЕСТР.

Ах, так?

Тогда и я—убийца несомненный.
(Молчание).

ИЕРОНИМ.

Нет, дел таких и клерку не распутать,
А мне подавно.

СИЛЬВЕСТР.

Я тебе наверно
Кажусь загадкой? Правда?—Можешь быть
Спокоен. Бог мне кажется такой же.

ИЕРОНИМ.

Но то же у тебя тогда в виду?

СИЛЬВЕСТР.

Сильней всего б хотелось и теперь мне
Увидеть Руперта.

ИЕРОНИМ.

Но это шаг

Небезопасный. По тому, что я
Слышал из уст его над гробом сына,
Я заключаю, что в его глазах
Ты вне людских и божеских законов.

СИЛЬВЕСТР.

Пытаться надо. Часто человек,
Способный сам от дела отшатнуться,
Бывает гнусен в мыслях и словах.

ИЕРОНИМ.

Он нынче не явил тому примера.

СИЛЬВЕСТР.

И это злодеянье, Иероним
Простить возможно, как оно ни гадко:
Он был взбешен. Нет, что ни говори
А люди делают нередко то,
Чего никто не чает, оттого что
Никто не чает этого.

ИЕРОНИМ.

Удар—

Слепой, да можно и попасть.

СИЛЬВЕСТР.

Отважусь.

Возьми людей и в Россиц поезжай
С охраной. Полагаю, что тебе-то
Бояться нечего.

ИЕРОНИМ.

Я верю в это.

Попробую.

СИЛЬВЕСТР.

Прощай.

ГЕРТРУДА.

Прощай. Скорей же

Вернись утешить.

(Сильвестр, Гертруда и Агнеса идут за ним; мимоходом Агнеса подымает с земли кинжал).

АГНЕСА.

Утешенья нет.

ГЕРТРУДА.

Не тронь, не тронь—кинжал его отравлен
Наверное—брось, брось его сейчас!

(Агнеса кладет его на землю).

Не смей касаться ничего руками,
Ни трогать, ни хватать, покамест я
Не прикоснусь до этого своими.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Горная местность. На первом плане пещеры сидит Агнеса в глубокой печали. Появляется Оттокар и становится, незаметный, близ пещеры. Агнеса замечает его, испускает крик, вскакивает и хочет бежать.

АГНЕСА

(собравшись с духом).

Ты?

ОТТОКАР.

Я... И ты в испуге?

АГНЕСА.

Слава богу!

ОТТОКАР.

Как ты дрожишь!

АГНЕСА.

Ах, это все прошло!

ОТТОКАР.

Возможно ль, чтоб меня ты испугалась?

АГНЕСА.

Самой мне странно, ибо только что
Я думала об этом, призывая
Все силы сердца, силы все души,
Все самообладание на помощь.
И все ж, я растерялась в нужный миг.
Теперь прошло...

ОТТОКАР.

О, Бог судеб! Какого
Благого духа ты смутил покой!

АГНЕСА.

Зачем ты звал меня?

ОТТОКАР,

А ты согласишься,
Мария, если я скажу?

АГНЕСА.

Зачем
Марией ты зовешь меня?

ОТТОКАР.

Чтоб этим
Тебе напомнить тот блаженный день,
В который я крестил тебя. Припомни!
Я спящую нашел тебя в траве,
Покоившей тебя, как в колыбели,
Намет ветвей рисел, как балдахин,
Пел водопад, и воздух тихо веял
В твоё лицо дыханьем опахал.
Казалось, за тобой богиня ходит;
Ты пробудилась, показавшись мне
Моим родинским в то утро счастьем.
На мой вопрос о том, как звать тебя,
Ты в шутку отвечала: не крестили.
И, зачерпнув воды из родника,
Я лоб тебе и грудь смочил с такими
Словами: ты, по сходству твоему
С самою богородицей, Марией
Да наречешься...

(Агнеса в волнении поворачивается к нему).

Как в те времена

У нас с тобой все было по другому!
Твоя душа лежала предо мной
Раскрытая, как книга, что сначала
Захватывает дух, потом его
Волнует глубиной, и напоследок
Привязывает накрепко к себе.
Потребы жизни часто отрывают
Читателя, затем, что хочет жертв
И жизнь земная; но лишь есть возможность
Он возвращается к родной душе,
Которая весь мир ему толкует
На языке богов и от него
Не знает тайн, за исключением тайны
Своей красоты, которая сама
Нуждается в истолковании. Ныне ж
Ты—за печатью.

АГНЕСА

(поворачивается к нему).

Ты сказал вчера,
Что нечто мне согласишься?

ОТТОКАР.

Отчего ты

Так быстро убежала?

АГНЕСА.

И меня

Ты спрашиваешь?

ОТТОКАР.

Можно догадаться:

От юноши, который нас застит?

Я знаю хорошо, ты ненавидишь

Все Россицкое.

АГНЕСА.

Нет, наоборот:

Меня там ненавидят.

ОТТОКАР.

Рад поклясться,

Что горько ошибаешься; не все.

За юношу того стою, к примеру.

АГНЕСА.

Стоишь?

ОТТОКАР.

Я знаю, он в тебя влюблен.

АГНЕСА.

Влюблен?

ОТТОКАР.

Ну да. Он близкий мой приятель.

АГНЕСА.

Приятель?

ОТТОКАР.

Ах, Агнеса, что с тобой?

АГНЕСА.

Мне дурно.

(Садится).

ОТТОКАР.

Вот несчастье! Чем помочь мне?

АГНЕСА.

Оставь меня на миг.

ОТТОКАР.

Я принесу

Воды из родника.

(Уходит).

АГНЕСА

(встает).

Ну вот, проходит.

Все к лучшему. Теперь я вновь сильна.
Венец пошел ко дну, ему вдогонку
Бросаю в море я и жизнь, как князь,
Простившийся со всем. Пускай мне воду
Приносит он, пусть принесет и яд,
Теперь мне безразлично, выпью, выпью,
Пусть делает, что вздумает, со мной!

(Садится: входит Оттокар с водой в шапке).

ОТТОКАР.

Вот и питье, — тебе не стало лучше?

АГНЕСА.

Бодрей, по крайней мере.

ОТТОКАР.

Вот, испей.

На пользу.

АГНЕСА.

А не чересчур студена?

ОТТОКАР.

Не нахожу.

АГНЕСА.

Попробуй.

ОТТОКАР.

Нет, зачем?

И так немного.

АГНЕСА.

Ну давай, как хочешь.

ОТТОКАР.

Вот, не пролей.

АГНЕСА.

Достаточно, пожалуй,

И капли.

(Пьет не сводя с него глаз).

ОТТОКАР.

Какова на вкус?

АГНЕСА

(содрогаясь).

Студена.

ОТТОКАР.

Так выпей.

АГНЕСА.

Всю?

ОТТОКАР.

Как хочешь,—и того

Достаточно.

АГНЕСА.

Вот погоди мгновенье,

Я покорюсь тебе во всем.

ОТТОКАР.

Совсем,

Как доброе лекарство.

АГНЕСА.

От страданья.

ОТТОКАР.

Как?

АГНЕСА.

Посиди со мной, покуда мне

Не станет лучше. Врач, как ты, не служит

За деньги:—в исцелении самом

Он ищет и находит радость.

ОТТОКАР.

Что ты?

За деньги, говоришь?

АГНЕСА.

Давай болтать.

Займи меня, и скоротаем время.

Ты знаешь, поправляясь, всяк болтлив.

ОТТОКАР.

Как странно изменилась ты!

АГНЕСА.

Так скоро?

Уже подействовало? Тем скорей

Должна тебе сказать я, что хотела.

ОТТОКАР.

Ты мне?

АГНЕСА.

Ты знаешь, как меня зовут?

ОТТОКАР.

Ты запретила спрашивать об этом.

АГНЕСА.

А ты не знаешь, будто? Я тебе

Не верю.

ОТТОКАР.

Да, но я не отрицаю...

АГНЕСА.

Действительно? Так знаю же и я,
Кто ты.

ОТТОКАР.

Ну?

АГНЕСА.

Оттокар фон Шроффенштейн.

ОТТОКАР.

Откуда знаешь ты?

АГНЕСА.

Неважно. Знаю,

И знаю больше: ты меня убить
Поклялся на причастии.

ОТТОКАР.

Боже! Боже!

АГНЕСА.

Чего ты испугался? Что же в том,
Что знаю я? Я выпила отраву,
И Господу ты больше не должник.

ОТТОКАР.

Отраву?

АГНЕСА.

Дай сюда,—допью остаток.

ОТТОКАР.

Нет, стой. С тебя довольно! Дай и мне,
Умру с тобою!

(Шьет).

АГНЕСА.

. Оттокар!

(Бросается ему на шею).

О, если б

Действительно то яд был, Оттокар,
И я могла бы умереть с тобою!
Увы! Ведь если то не яд, на жизнь
С тобою я надеяться не смею,
Однажды так постыдно преступив
Против твоей души.

ОТТОКАР.

А хочешь?

АГНЕСА.

Что ты—

Не понимаю!

ОТТОКАР.

Хочешь жить со мной?
 Меня держаться? Призраку сомненья,
 Который снова может стать меж нас,
 Смотреть в глаза без страха? Неизменно,
 Будь подозрение во сто крат сильнее,
 Питать ко мне доверье то, которым
 Не даришь ни отца, ни мать?

АГНЕСА.

О, как

Меня стыдишь ты, Оттокар!

ОТТОКАР:

Ты хочешь?

Вполне ль могу назвать тебя моей?

АГНЕСА.

Всецело!

ОТТОКАР.

Значит, слышишь, навсегда?
 Навеки. Это скоро будет нужно.
 Нам много есть друг другу рассказать
 И многое доверить. Брат мой, знаешь,
 Убит твоим отцом.

АГНЕСА.

И веришь ты?

ОТТОКАР.

Сомнений нет, мне кажется, убийцы
 Сознались сами.

АГНЕСА.

Да, тогда тебе

Нельзя не верить.

ОТТОКАР.

Ну, а ты не веришь?

АГНЕСА.

Меня не может это убедить,
 Есть что то, что превыше всех гаданий
 И знаний—это чувство доброты
 Другого.

ОТТОКАР.

Хорошо, что это чувство
 Имеет силу над тобой,—но ты
 Не требуй, чтоб и я глядел твоими
 Глазами.

АГНЕСА.

И наоборот.

ОТТОКАР.

Но ты

Не требуй, чтоб отцу я верил меньше,
Чем ты родному.

АГНЕСА.

И наоборот.

ОТТОКАР.

Возможно ли, Агнеса? Я ли должен
Еще напоминать тебе. Иль ты
Не обещала не таить последних
Скрытых мыслей от меня? Но как
Могла ты думать о моем возмездьи
Тебе за то, что дом твой совершил?
Иль ты сама—отец твой?

АГНЕСА.

Так же мало,

Как ты свой собственный, а то б, конечно,
Я не могла любить тебя.

ОТТОКАР.

Да что же

Дурного сделал мой отец? Не то ль,
Что случай возмутил его, и распря
Объявлена виновным? Что еще
Предосудительного? Разве это
Не долг его?

АГНЕСА.

Не стану разбирать.

Он был рассержен, пусть; но он считает,
Что платит злом за призрачное зло,
Убийцу подсылая нам, а это—
Нечестно, недостойно!

ОТТОКАР.

Как так, он?

Убийцу?

АГНЕСА.

В этом, к счастью, нет сомнения.
Я испытала это на себе.
Он вынул свой кинжал, но в ту минуту
Был поражен Жеромом и лежит
Недужный в Варванде.

ОТТОКАР.

Кто это сделал?

АГНЕСА.

Вот случай показать тебе пример
Того, как я глубоко доверяю
Тебе: убийца—твой приятель.

ОТТОКАР.

Мой

Приятель?

АГНЕСА.

Так его сейчас назвал ты.

ОТТОКАР.

Нет, я не верю.—чтоб Иоганн?

АГНЕСА.

Тот самый

Который нас застиг тут...

ОТТОКАР.

Боже мой!

Ты в заблуждении, я уверен в этом,
Я знаю.

АГНЕСА.

Удивительная вещь.

Уж не должна ль я видеть все твоими
Глазами?

ОТТОКАР.

Мой родитель—и наемный
Убийца! Если он и быстр во гнев,
То все ж великодушия не чужд.

АГНЕСА.

Диковинная вещь! Уж не должна ли,
Я больше верить твоему отцу,
Чем сам ты моему?

(Молчание).

ОТТОКАР.

Пусть так. Однако.

На злодеянье он не подкупал
Иоганна.

АГНЕСА.

Может статься. Может статься
Столь мало же, как мой—тех двух людей,
Которые тебя лишили брата.

(Молчание).

ОТТОКАР.

Когда бы Иеронимом сгоряча
Он не был тотчас ранен, то загадка
Могла бы разрешиться.

АГНЕСА.

Может быть.

Так просто же, как если бы отец твой
Не приколот в горячности людей,
Которых он нашел у трупа сына.

(Молчание).

ОТТОКАР,

Агнеса, можно ль это отрицать?
Убийцы ведь сознались!

АГНЕСА.

Кто предскажет?

Все может быть. Иоганн лежит в жару.
Он произнес в бреду имен не мало,
И если б мести жаждал мой отец,
Он выхватил бы то из них на выбор,
Что надобно ему.

ОТТОКАР.

Агнеса, я

Уже почти бояться начинаю.
Не слишком много ль твоему отцу
Содеяли мы зла?

АГНЕСА.

Весьма охотно

Возьму назад, как вся моя родня,
Все подозренья, если нет в них правды.

ОТТОКАР.

За моего стою я.

АГНЕСА.

Как и я

За моего.

ОТТОКАР.

Ну вот, и кончим этим.

Друг другу верим мы. О, Боже мой!
Какое солнце всходит предо мною!
Вот было б счастье, если б и отцы
С такой охотой поняли друг друга!
О, если б можно было их свести!
Ведь порознь всяк с одной своею мыслью;
Сойдись вдвоем, и сразу бы нашлась
Недостававшая обоим третья,
И тотчас бы, невинны, каковы
Они и есть на деле, помирились.
Когда б на то решился твой отец!
На моего надеяться не смею.

АГНЕСА.

Быть может, мой в пути уже.

ОТТОКАР.

Куда?

Решится он?... Непрошен, не уверен,
Что будет принят...

АГНЕСА.

Сам отец хотел

Назад с герольдом в Россиц.

ОТТОКАР.

Это больше

Свидетельствует в пользу твоего

Отца, чем моего.

АГНЕСА.:

Ах, если б только

Ты знал его! Ах, если б ты видал

Его в делах! Ведь он силен настолько ж,

Насколько мягок. Он давно простил

Все это.

ОТТОКАР.

О, когда бы мог я то же

И о моем сказать! Мне никогда

Не правилась слепая жажда мести,

Лишающая дух его узды.

Боюсь, с твоим отцом не было б худа,

Когда он к нам придет, не спросясь.

АГНЕСА.

Предосторожность принята. Я знаю

Вас Иероним предупредит.

ОТТОКАР.

Жером?

Ему грозит опасность.

АГНЕСА.

Как так?

ОТТОКАР.

Если

Им ранен, ранен в Варванде Иоганн,

То в гневе мой отец себя забудет.

АГНЕСА.

Отец твой злой, наверно, человек?

Неправда ли?

ОТТОКАР.

Бывает. Временами.

АГНЕСА.

Ты б лучше тотчас поспешил к нему
Смягчить его, покамест время.

ОТТОКАР.

Что ты!

Смягчить, его? Как море—корабли,
Он носит на себе весь дом. Всем домом
Мы отдались теченью, и оно
Неумолимо. Нет, займусь я лучшим.
До той поры, пока на Божий свет
Не выйдут все ошибки, все напрасно.
Загадка покушенья на тебя,
По крайней мере, мне ясна. Тот отрок
Был другом мне. Я знаю все его
Намеренья. Вот тут, на этом месте,
Терзасм ревностью, он подстрекал
Меня обидными словами взяться
За меч и драться на смерть с ним, не с тем,
Чтобы убить меня, но, как молил он,
Чтоб дать ему возможность умереть.

АГНЕСА.

Необычайно! Это же и мне он
Сказал.

ОТТОКАР.

Ну, вот и ясно все, как день!

АГНЕСА.

Не нахожу... Он, правда, представлялся
Помешанным, кинжал мне навязал,
Воскликнул при моем сопротивленьи,
Что я уже пронзила грудь ему
Другим таким...

ОТТОКАР.

Мне больше не придется
Разубеждать тебя.

АГНЕСА.

Как?

ОТТОКАР.

Разве я

Не говорил тебе, что он безумно
Влюблен в тебя?

АГНЕСА.

Как страшно! Боже мой!
Вот роковое недоразуменье!

Теперь в темнице раненый лежит,
Никто за ним не ходит, он зовется
Убийцей, и ни в чем не виноват!
Сейчас пойду к нему.

ОТТОКАР.

Постой мгновение.
Точь в точь, как это, можно разъяснить
Другое недоразуменье. Знаешь,
Что я надумал? У меня всегда
Вставал вопрос: зачем на трупе брата
Отрезаны ножом с обеих рук
Мизинцы? Для чего они убийцам?
И почему два пальчика как раз?
Ведь если где и выяснять причину,
Так лишь на месте преступления. Мне
Оно известно. Там жилье людское.
Я знаю и людей. Да, решено,
Пойду.

АГНЕСА.

Прощай.

ОТТОКАР.

Постой, куда спешить ты?
Иоганн не убежит. Утешь его,
Скажи, что я ему остался другом.

АГНЕСА.

Утешу.

ОТТОКАР.

Можешь также передать
Ему и поцелуй; один, не больше.
Один.

АГНЕСА.

Другой он в благодарность даст.

ОТТОКАР.

В награду мне за позволение—третий.

АГНЕСА.

От Иоганна?

ОТТОКАР.

Нет, уж от него
Четвертый.

АГНЕСА.

Понимаю! Понимаю!
Из этого не выйдет ничего.

ОТТОКАР.

Ну хорошо, при первом же свидании
Дам яду я тебе.

АГНЕСА

(смеется).

Из родника?

И выпьем вместе?

ОТТОКАР

(смеется).

Разве мы не дети?

Чуть строгого учителя, судьбы,

Лицо чуть чуть взглянуло дружелюбней,

Как подымает голову опять

Ребяческая шалость.

АГНЕСА.

Вот и снова—

Серьезна. До свиданья.

ОТТОКАР.

А когда

Опять сюда воротишься ты?

АГНЕСА.

Завтра.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Россиц. Комната в замке. Руперт, Сантинг и Евстафия.

РУПЕРТ.

Убит, ты говоришь?

ЕВСТАФИЯ.

Народ толкует.

РУПЕРТ.

Народ-то, ведь—бабье.

ЕВСТАФИЯ.

Мне подтвердил

Мужчина.

РУПЕРТ.

И мужчина это слышал?

САНТИНГ.

Я сам слышал, а этот слух принес
Из Варванда пришедший странник.

РУПЕРТ.

Что же

За слух принес он?

САНТИНГ.

Слух, что твой Иоганн

Убит.

ЕВСТАФИЯ.

Припомни, ничего он, Сантинг,
Не говорил про Иоганна! Все
Относится к герольду только.

РУПЕРТ.

Кто же

Из вас обоих баба?

САНТИНГ.

Говорю:

Иоганн. А если это про герольда,
То пусть наденет панцырь госпожа,
А мне бы юбку женскую.

РУПЕРТ.

Своими

Ушами услыхать хочу. Позвать
Прибывшего.

САНТИНГ.

Он вряд ли тут.

ЕВСТАФИЯ

(смотрит на него).

Он—в доме.

РУПЕРТ.

Мне дела нет. Введите.

(Сантинг и Евстафия уходят, Руперт свищет, входят два служителя).

Тот же час

Зовите графа Оттокара.

СЛУГА.

Тотчас!

(Остается стоять).

РУПЕРТ.

Чего тебе?

СЛУГА.

Мы припасли звонок.
Пожалуйста, звони, как будет надо.
(Ставит звонок на стол).

РУПЕРТ.

Добро.

СЛУГА.

Когда свистишь ты, всякий раз
Собака выбегает из-за печки
И думает, что это ей.

РУПЕРТ.

Добро.

(Слуга уходит, входит Евстафия со странником).

ЕВСТАФИЯ.

Вот человек. Послушай сам, насколько
Неправильно передаю.

РУПЕРТ.

Мой сын,

Ты кто такой?

СТРАННИК.

Я—Ганц Франц Флянц по званью,
Твой подданный; на родину пришел
Из странствия.

РУПЕРТ.

Ты в Варванде был? Что же
Ты видел там?

СТРАННИК.

Убили твоего
Герольда!

РУПЕРТ.

Кто же именно?

СТРАННИК.

О, сударь,
Ослиной шкуре б не вместить имен!
Их было не одною доброй сотней
Поболе одного. Наперечет
Сильвестровы.

РУПЕРТ.

Сильвестр-то был при этом?

СТРАННИК.

Нет, не был. Он незнайку разыграл,
А после злодеянья вниз спустился,
Когда уже герольдовы куски
Среди двора валялись.

РУПЕРТ.

Ну и что же.

Сказал он?

СТРАННИК.

Он бранился и пенял
Злодеям, а ему никто не верил.
Немного побранившись, он назвал
Их подданными верными.

РУПЕРТ

(после некоторой паузы).

Лукава

Змея! Ну что ж? Тем лучше! Будем знать
И тем ее лукавство обезвредим.

ЕВСТАФИЯ.

Герольд не оскорблял его?

РУПЕРТ.

Герольд

И оскорбленье! Он—щипцы—не больше,
Которыми я ухватил Сильвестра
Издалека.

ЕВСТАФИЯ.

Тогда нельзя и думать,
Что дело им подстроено. На что
Ему без всякой пользы только пуще
Сердить тебя?

РУПЕРТ.

Он, может быть, хотел
Подвергнуть по началу испытанью
Изобретательность возмездья. Пусть,—
Я с палачем пред тем посоветуюсь.

(Входит Сантинг с другим странником).

САНТИНГ.

Вот этот странник, граф. Пускай тебе
Он скажет, баба ль я.

РУПЕРТ

(поворачивается).

Не целый ад ли

У них на службе.

2-й СТРАННИК.

Да, он прав. Иоганн
Звать рыцаря, убитого в Варванде.

РУПЕРТ.

Так, значит, не герольда?

2-й СТРАННИК.

Это, граф,

Случилось раньше.

РУПЕРТ

(после паузы).

Выйдите. Ты, Сантинг,

Останься тут.

(Евстафия со странником уходят).

Ты видишь, это все—

Прямая сказка! До того, как ты мне
Из Варванда не привезешь разгадки,
Отказываюсь верить!

САНТИНГ.

Государь,

Напрасно ты не выслушал его.
В том доме, где его я встретил, был
Еще другой, чужой ему, который
Весь случай слово в слово повторил,
Как будто бы у этого учился.

РУПЕРТ.

Герольд? Пускай,—поверю. Но Иоганн?
Да как попал он в Варванд?

“ САНТИНГ.

Говорили,

Что он хотел Агнесу, дочь Сильвестра,
Убить.

РУПЕРТ.

Убить? Девицу! Помешались?
Несчастный мальчик ведь влюблен во все,
Что ходит в женском платье.

САНТИНГ.

Толковали,

Что он успел занести над ней кинжал,
Как был сражен приспевшим Иеронимом.

РУПЕРТ.

Как? Иеронимом? Если вообще
Все правда,—очень вероятно.
Я знаю хорошо, что этот фат
За дочку сватался. Но все ж я не поверю,
Пока не съездишь в Варванд сам.

САНТИНГ.

Так я

Поеду тотчас. Если же сегодня
Я в Россиц не вернусь, то это знак
Того, что пал и я.

РУПЕРТ.

На всякий случай
Поговорить бы с- третьим я хотел.

САНТИНГ.

Он болен, граф, и не выходит.

РУПЕРТ.

Ладно.

Веди меня к нему.

(Оба уходят).

(С другой стороны входят, разговаривая, Иероним и Евстафия).

ЕВСТАФИЯ.

Господь с тобой,

Нет, рыцарь...

ИЕРОНИМ.

Подсылать к нему убийцу,
Чтоб в спину поразил кинжалом дочь,
Не виноватую ни в чем другом,
Лишь в том, что он отец ей!

ЕВСТАФИЯ.

Дай сказать...

ИЕРОНИМ.

Да кто же, вы, обиженные, если
Настолько недостойна ваша месть.
И ниже оскорбления...

ЕВСТАФИЯ.

Говорю ведь...

ИЕРОНИМ.

Иль так соседа сердце привлекают,
И это способ дать понять в раздорах,
Чье дело право? Нет, конечно, нет,
Я б стал сейчас на сторону Сильвестра,
Когда б пришлось меж вами выбирать.

ЕВСТАФИЯ.

Но дай же ты сказать мне слово. Разве
Виновники злодейства мы?

ИЕРОНИМ.

Не вы

Виновники? Вот смех! Ведь сам убийца
Сознался.

ЕВСТАФИЯ.

Кто сознался?

ИЕРОНИМ.

Кто? Иогани!

ЕВСТАФИЯ.

Какой ужасный лжец! Я поражаюсь,
Не знаю, что и думать про тебя.
О, Иероним! Всяк непредубежденный
Судья мгновенно оправдает нас.

ИЕРОНИМ.

Мгновенно? Ошибаешься. Послушав
Сильвестра, я в мгновение пришел
К иному заключенью,—столь достойно
И веско опровергнул он вину,
Которую вы на него взвалили.

ЕВСТАФИЯ.

Возможно ли, ты за него?

ИЕРОНИМ.

Когда

Я вероломен, руку отсеки-те:
Сильвестр невинен!

ЕВСТАФИЯ.

Больше ли тебе

Мне верить, чем преступникам, что сами
Сознались?

ИЕРОНИМ.

Вот и снова этот вздор!

Я должен верить вам, что вы невинны,
Хотя Иоганн и показал на вас?

ЕВСТАФИЯ.

Но внутреннее чувство—показаний
Превыше.

ИЕРОНИМ.

Так же судит и Сильвестр,
С той разницей, что я Сильвестру верю.

ЕВСТАФИЯ.

Но если, как и наше дело, их
Сведется...

ИЕРОНИМ.

Я за правоту Сильвестра
Стою горюю.

ЕВСТАФИЯ.

А за наше как?

ИЕРОНИМ.

Очиститесь.

ЕВСТАФИЯ.

А в чем сознался мальчик?

ИЕРОНИМ.

Вперед скажи мне, что же, наконец,
Раскрыл злодей, которого пытали?
Дословно повтори.

ЕВСТАФИЯ.

Ах, Иероним!

Сказать по правде, я сама не знаю.
Что ни спрошу, на все один ответ:
Сознался и сознался; а как спросишь
Дословно передать, так узнаешь,
Что каждый из за шума слышал только—
И Руперт в том числе,—одно: Сильвестр.

ИЕРОНИМ.

И Руперт? Вот как? Если он нуждался
Лишь в этом слове, то и наперед
Он это знал. Не так ли? Отдаленно?

ЕВСТАФИЯ.

Да, он и до того подозревал.

ИЕРОНИМ.

Действительно? Ну да, тогда и слова
Не требовалось, удовлетворил
И взгляд один бы.

ЕВСТАФИЯ.

Мне-то недовольно
И этого. Но я—как муж. Плыву,
Куда подует ветер. Не забуду
Злосчастья для того, и он чреват
В грядущем не одним еще злосчастьем.
Но что же показал Иоганн?

ИЕРОНИМ.

Иоганн?

Да то же самое. Он ваше имя...

ЕВСТАФИЯ.

Назвал и больше ничего?

ИЕРОНИМ.

Того

Довольно было б, если б не Сильвестров
Высокий образ мыслей.

ЕВСТАФИЯ.

Значит, он

Не верит в это?

ИЕРОНИМ.

В Варванде, пожалуй,
Единственный лишь он вас не винит.

ЕВСТАФИЯ.

Ах, эта ненависть между ветвями
Единого ствола,—она всегда
Казалась мне раздутой, и всегда я
Старалась примирить их, но едва
Мне это удавалось, как неожиданно
Их разделяла новая вражда
На долгие года. Скажи, а больше
Ни в чем еще Иоганн не сознавался?

ИЕРОНИМ.

И даже это лишь в бреду прорвалось,
Но хватит и того, как я сказал.

ЕВСТАФИЯ.

Так что ж он, болен?

ИЕРОНИМ.

Да, в жару; и бредит,
И в перемежку с правдой ложь несет.
Так, например: в горах, там ад крошечный
Его души, и то же место—рай.
Агнесы с Оттокаром...

ЕВСТАФИЯ.

Это значит?...

ИЕРОНИМ.

Что влюблены, как ангелы.

ЕВСТАФИЯ.

Они?

Что ты пугаешь! Оттокар с Агнес...

ИЕРОНИМ.

Чего ты испугалась? А по мне—
Я был бы рад. Какому менестрелю
Могло что лучше в голову прийти,
Чтоб разрешить запутанную дико
Завязку, и кровавый ход вещей
Привести, смеясь, к благому окончанию,
К искоренению вековой вражды
Между двумя домами,—как не свадьба?

ЕВСТАФИЯ.

Ах, рыцарь, ты меня навел на мысль.
Но как за это взяться? Толковали—
Иль это слухи. Говорят, что ты
Сам за Агнесу сватался?

ИЕРОНИМ.

Да, правда.

Не спрашивай, избыток ли души
Иль недостаток благородства это,
Но, пусть идет за сына твоего—
Я уступаю. Говоря короче:
Она души не чаёт в нем.

ЕВСТАФИЯ.

Скажи,

Как познакомились они? Ведь только
Три месяца, как прибыл Оттокар
Домой из императорского замка,
Где был пажом,—за этот срок при мне
Он девочки не видел.

ИЕРОНИМ.

Но тем чаще

Не при тебе. Они вдвоем в горах
Еще сегодня были.

ЕВСТАФИЯ.

Правда, это

Счастливо примирило б нас. Сильвестр
Согласен был бы?

ИЕРОНИМ.

В этом я уверен.

Он дочку выдаст за него, хотя
Пока еще про их любовь не знает.
Вот Руперт бы...

ЕВСТАФИЯ.

Надежды никакой,

Почти что—никакой, и тем не мене
Я попытаюсь. Слышишь? Он идет.
Вот входит.

(Входят Руперт и Сантинг. Руперт замечает Иеронима, бледнеет, поворачивается).

РУПЕРТ.

Сантинг!

(Оба уходят).

ИЕРОНИМ.

Это что такое?

ЕВСТАФИЯ.

Он виделся с тобою раньше?

ИЕРОНИМ.

Нет.

И с умыслом сумел его избегнуть,
Чтоб перед тем поговорить с тобой.
Он кажется взбешен.

ЕВСТАФИЯ.

Едва увидел
Тебя, как побелел, а этот знак
Мне страшен, как тускнеющие тучи,
Что предвещают бурю. Быть грозе.

ИЕРОНИМ.

Он разве знает, что Иоганн моею
Рукой сражен?

ЕВСТАФИЯ.

Не знал, но только что
Имел он с третьим странником беседу.

ИЕРОНИМ.

Как жаль. Мой план расстроился теперь.
(Входит Руперт).

РУПЕРТ.

Евстафия, оставь нас.

ЕВСТАФИЯ

(вполголоса Иерониму).

Берегись,
Будь, ради бога, осторожен.
(Уходит).

ИЕРОНИМ.

Здравствуй!

РУПЕРТ.

Занятно знать, что в Россию привело
Тебя,—ведь ты из Варванды, не так ли?

ИЕРОНИМ.

Сейчас я из дому, но перед тем
Был в Варванде.

РУПЕРТ.

Так для тебя не тайна,
Я думаю, что с тамошней родней
С недавних пор не очень-то мы ладим.
Быть может, порученье есть ко мне?
Быть может, предложение мира? Может,
Передо мной священное лицо
Герольда, а?

ИЕРОНИМ.

Герольда? Нет, зачем же?
Вопрос необычаен. Я твой гость.

РУПЕРТ.

Мой гость? и не имеешь поручений
Из Варванда?

ПЕРОНИМ.

По крайней мере, тех,
С которыми за дружеской беседой.
Нельзя покончить мимоходом, — нет.

РУПЕРТ.

Покончим же: сейчас как раз нам время.

ПЕРОНИМ.

Сильвэстр желает переговорить
С тобой.

РУПЕРТ.

Со мною?

ПЕРОНИМ.

Требованье странно,
Неслыхано почти, а между тем,
Когда и существует оправданье
Невинности Сильвестровой, то — вот,
Нет лучшего.

РУПЕРТ.

Невинности?

ПЕРОНИМ.

Убийство —
Загадка, признаюсь, и для меня,
Как для тебя, в виду того, что дело
Показано убийцами. Хотя
Двусмысленны под пыткой показанья.
И слышанное слово ничего
Не говорит, когда оно без связи,
Но все же подозренье велико,
И от него очиститься по виду,
Почти нельзя или крайне нелегко.

РУПЕРТ.

Ты думаешь?

ПЕРОНИМ.

Однако, он считает,
Что есть возможность, что за этим всем
Скрывается какая-то ошибка.

РУПЕРТ.

Ошибка?

ИЕРОНИМ.

Да, которая легко
Раскрылась бы, когда б вы повидались.

РУПЕРТ.

Что до меня, то...

ИЕРОНИМ.

Правда? Ты готов?

РУПЕРТ.

Коль ты его когда-нибудь увидишь...

ИЕРОНИМ.

Когда-нибудь? Я тотчас поспешу.

РУПЕРТ.

Тогда скажи, что жду его с восторгом.

ИЕРОНИМ.

Каким я добрым духом приведен
Сюда к тебе! Я тотчас еду в Варванд
И вскоре привезу его с собой.
О, если б он нашел тебя настолько ж
Радущим и приветливым, как я!
Не затрудняй ему попытки. Дело
Запутано. Распутывать мечом—
Пустая и кровавая затея;
Условье всяческого счастья—мир.
При доброй воле ты его найдешь
Невинным, знаю; верю в это, верю.
Я подозрением был взбешён, как ты,
И вот довольно было только взгляда
На голову почтенную его,
Как тотчас я прозрел.

РУПЕРТ.

Твоя задача

Исполнена, как кажется.

ИЕРОНИМ.

Еще

Осталось мне по поводу событий,
Которые наверное дошли
До слуха твоего, сказать, что правда
Извращена в них.

РУПЕРТ.

Ну?

ИЕРОНИМ.

Иоганн лежит

В Варванде, ранен.

РУПЕРТ.

Да, смертельно. Знаю.

ИЕРОНИМ.

Он не умрет.

РУПЕРТ.

Как вам угодно.

ИЕРОНИМ.

Что?

РУПЕРТ.

Так это первое. Потом?

ИЕРОНИМ.

Прибавлю,

Что несмотря на то, что Иоганн
Нож на Агнесу...

РУПЕРТ.

Он подкуплен мною.

ИЕРОНИМ.

Как ты сказал?

РУПЕРТ.

Помочь ничем нельзя.

Как отрицать, когда он сам сознался?

ИЕРОНИМ.

Как раз наоборот, из слов его
Выходит, что тебе весь грех неведом.

РУПЕРТ.

Сильвестр ведь убежден, что я такой же
Убийца, как и он;—и справедливо.

ИЕРОНИМ.

Как раз наоборот; хоть весь народ
Обманут видимостью, но Сильвестр
Стоит на том, что ты не виноват.

РУПЕРТ.

О, дьявольская хитрость! Порождение,
Насиженное злейшим из чертей

ИЕРОНИМ.

Да что ты? Руперт!

РУПЕРТ.

С первым слухом кончил?

Еще другой исправить ты хотел.

ИЕРОНИМ.

Дай силы мне сперва, отваги, веры.

РУПЕРТ.

Пожалуйста. Итак?

ИЕРОНИМ.

Герольд...

РУПЕРТ.

Убит,

Я знаю,—и Сильвестр невинен вовсе
В той крови.

ИЕРОНИМ.

Да, поистине. Ничуть.

Он в обмороке был тем горьким часом.

Он этим возмущен и даст тебе.

Какое хочешь удовлетворенье.

РУПЕРТ.

Какие пустяки!

ИЕРОНИМ.

Что?

РУПЕРТ.

Что за важность.

Герольд?

ИЕРОНИМ.

Ты страшен!

РУПЕРТ.

Разве ты герольд?

ИЕРОНИМ.

Я гость твой, повторяю. Не священен

Тебе герольд, священей будет гость!

РУПЕРТ.

Священен? Да. Но часто без причины

Я падаю без памяти.

ИЕРОНИМ.

Прощай.

(Быстро уходит.—Пауза. Евстафия врывается из соседней комнаты).

ЕВСТАФИЯ.

Спаси его, спаси!..

(Открывает окно).

О, ради бога!

Наскакивают!.. бедный Пероним!

С дубинами... толпою... валят на землю...

Спаси его, спаси его! упал.

Но, ради бога, подойди к окошку!

Они его убьют!.. Нет, снова встал,

Вот вынул меч, разит их... отступают.

Не поздно, Руперт, я молю тебя!

Опять теснят... он борется, как дьявол!

Лишь слово крикни, ради всех святых,

Лишь слово из окна! Удар... о боже!

Шатается... другой... ай-ай!.. Ну вот,

Конеч!.. Ну вот, зашибли... На смерть!.. На смерть!

(Пауза. Евстафия подходит к Руперту).

Какое попустительство!.. Тебе

Лишь слова это б стоило; лишь шага

К окну, лишь взгляда было б твоего

Довольно, чтоб предупредить злодейство!

Пусть в горький час, как будет у тебя

Нужда в господней помощи, не медлит

Всевышний так, как ты!

(Входит Сантинг).

САНТИНГ.

Совершенно.

ЕВСТАФИЯ.

Совершенно, сказал ты?—Сантинг? Руперт?

Совершенно?

(Руперт в замешательстве отворачивается).

Теперь мне ясно все.

Я, глупая, звала его на помощь!

Расправа эта до того гнусна,

Настолько недостойна и презренна,

Настолько омерзительна, что я,

Приниженная женщина, открыто

И громко презираю вас! О, как

Приходится страдать тебе наверно,

Терпя мои обиды и снося,

Как в гордой чистоте превозношусь я!

Все вещи побеждает чувство правды!

Все!—Всякий страх и всякую любовь!

И для меня настолько не священны
 Ни муж мой, ни отец моих детей,
 Чтоб отрицать всю тяжесть приговора,—
 Да, ты—убийца!

РУПЕРТ

(встает).

Тот, кто, всех прежде
 Нанес ему удар—достоин смерти!

САНТИНГ.

По твоему приказу, государь...

РУПЕРТ.

Кто это говорит?

САНТИНГ.

Удар в лицо мне!

РУПЕРТ.

Утри!.. Вот важность, в самом деле.

(Свистит; входят два служителя).

Где

Собаки пропадают, как свищу я?
 Покличь-ка графа в комнату ко мне.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Россиц. Комната в замке

Руперт. Сантинг.

РУПЕРТ.

Проклятье власти в том и состоит,
Что воле, отменимой по природе,
Она дает орудье, от чего
Неотменяемым бывает дело.
Не совершил бы сотой доли зла
Властитель, если б должен был своими
Руками совершать его. Одна
Лишь мысль его родит беду, и каждый
Из слуг его имеет перед ним
То преимущество, что без последствий!
Зла может пожелать другим.

САНТИНГ.

Не мне

Учить тебя тому, что есть господство,
И послушанью не тебе—меня.
Что значит служба, знаю я прекрасно,
Впредь приказы не слушаться, и я
Послушаюсь.

РУПЕРТ.

Что? Служба? Послушанье?

Вот новичек! Куда как услужил!
Не стать ли объяснять тебе, что значит **А**
Услуга? В пользе, в пользе,—вот в чем суть.
Что принесла твоя мне служба? Только
Противное раскаянье одно!
Мне гадко. Лучше б этого не делал!
Я в башню засажу тебя за это.

САНТИНГ.

Меня?

РУПЕРТ.

Как только выйдешь из темницы,
Поместье горное получишь в лен.

(Входит Евстафия. Руперт встает, Сантингу вполголоса).

РУПЕРТ.

Так по рукам. А через две недели
Ты будешь на свободе.

(Евстафий).

Что тебе?

ЕВСТАФИЯ.

Я поменяла вам?

РУПЕРТ.

(Сантингу).

Ступай. Желанье

Мое тебе известно. Я не дам,
Пока я не слуга, другому в замке
Разыгрывать хозяина. Узда
Еще в моих руках, пора привыкнуть,
Хотя б пришлось и губы в кровь изгрызть.
Кто первый замахнулся на герольда,
Тот должен заплатиться головой.
Ты будешь заперт в замковую башню;
Ни слова больше, если ценишь жизнь.
Ты искажил приказ мой и желаньем
Моем мятежно злоупотребил.
Я жизнь тебе дарю. Ступай.

(Сантинг уходит).

Что надо,

Евстафия?

ЕВСТАФИЯ.

Супруг и господин!

РУПЕРТ.

Когда ты хочешь продолжать те речи,
Которые недавно начала,
То не трудись. Я не в расположеньи
Выслушивать их.

ЕВСТАФИЯ.

Если я к тебе

Была несправедлива...

РУПЕРТ.

То наверно

Мне надо оправдаться пред тобой?
Не вызвать ли мне замковую челядь,
И дать пред ней отчет тебе во всем?

ЕВСТАФИЯ.

О, мой супруг, жена охотно верит
В невинность мужа! С радостью, в слезах,
Готова целовать я эту руку,
Когда она чиста.

РУПЕРТ.

Что говорят
О происшедшем люди?

ЕВСТАФИЯ.

Дело ясно,
Народ натравлен Сантингом.

РУПЕРТ.

Что я
Не подошел, как позвала, к окошку—
Мне кажется загадкой. Тяжело
Об этом вспоминать.

ЕВСТАФИЯ.

И бесполезно.
Он пал так скоро, что скорейший шаг
Ему на помощь был бы запоздалым.
К тому ж и люди вышли из границ
И слушаться б тебя не стали.

РУПЕРТ.

Все же,
Явись я...

ЕВСТАФИЯ.

Да, тогда, иное дело,
Конечно.

(В комнату вбегает горничная и бросается к ногам Евстафии).

ГОРНИЧНАЯ.

Госпожа, умилось!
Помилуй! Мужа повели на казнь!
Спаси его! Не дай ему, не дай мне
Быть в жертву принесенными!

ЕВСТАФИЯ.

Тебе?
Ты в памяти?

ГОРНИЧНАЯ.

Нет, Фридриху! Он первый
Из всех нанес ему удар.

ЕВСТАФИЯ.

Кому?

ГОРНИЧНАЯ.

Да рыцарю, которого супруг твой
Велел решить!

РУПЕРТ.

Что! Дьявола велел я!
Все Сантинг натворил!

ГОРНИЧНАЯ
(вставши).

По твоему

Приказу!

РУПЕРТ.

Подкодная гадюка!
Вон! С глаз долой!

ГОРНИЧНАЯ.

И слышала сама,
Как Сантингу приказывал ты; Сантинг
Все сделал по приказу твоему.

РУПЕРТ.

Ты слышала?.. сама?

ГОРНИЧНАЯ.

Да. Я стояла
В прихожей замка за твоей спиной
И все от слова до слова слыхала.
Но в ярости слепой ты не видал
Меня. Еще свидетелей есть двое.

РУПЕРТ.

Добро. Ступай.

ГОРНИЧНАЯ.

Ты жизнь даришь ему?

РУПЕРТ.

Я отлагаю кару.

ГОРНИЧНАЯ.

Слава Богу!

Благодарю тебя, мой государь!
Он храбрый малый и отдаст охотно
Жизнь за тебя.

РУПЕРТ.

Добро. Ступай, сказал!

(Горничная уходит. Руперт бросается в кресло, Евстафия приближается к нему. Пауза).

ЕВСТАФИЯ.

Бесценный друг!

РУПЕРТ.

Евстафия, уйди.

ЕВСТАФИЯ.

Позволь остаться. Всякое пятно
Смывается возвышенным тем чувством,
Которым ты исполнен в этот час!
Раскалянье—невинность виноватых.
Дай мне полюбоваться! Никогда
Тебя я не видала величавей,
Чем в этот миг.

РУПЕРТ.

Я жалок!

ЕВСТАФИЯ.

Полно! Брось!
Миг по свершении преступленья выше
Всех прочих мигов жизни иногда.
Ты этого не знаешь, 'ах, не знаешь
И это-то чудеснее всего!
Всего прекрасней, может быть, бывает
Лишь в те минуты человек, когда
Он сознает, насколько он преступен.

РУПЕРТ.

Никто меня не может уважать.
Я тошен сам себе.

ЕВСТАФИЯ.

Но кто осудит.
Того, кто сам себе выносит суд?
О, подымись! Ты не настолько низко
Погряз в грехе, насколько высоко
Подняться можешь.

РУПЕРТ.

Кто тому причиной,
Что я столь безобразен стал? Ему
Не одобровать!

ЕВСТАФИЯ.

Еще ты можешь, Руперт,
О мщени думать?

РУПЕРТ.

Думаю ли я
О мщении? Уж лучше б ты спросила,
Живу ль еще?

ЕВСТАФИЯ.

Возможно ль? Этот миг
По крайности пятнать не смей ты злобой.
Тони из сердца демона в тот миг,
Как ангел говорит устами сердца.

РУПЕРТ.

Тебе ли повторять мне, что Сильвестр
Принес мне горе? Или друг на друга
Мы дуемся, что так легко простить?
Меня лишил он только сына, правда,
Да мальчика, что дорог был, как сын...

ЕВСТАФИЯ.

Не говори! Когда ты о поступке
Своем кровавом, каясь, пожалел,
То это надо доказать на деле.
Хоть в смерти уваженья окажи
Тому, чьей жизнью ты играл. Покойный
Поклялся, что Сильвестр не виноват!
(Руперт устремляет на нее неподвижный взгляд).
Да, да—не виноват в Петровой смерти,
Как в покушении на Агнесу—мы!

РУПЕРТ.

Нет, это несравнимо!

ЕВСТАФИЯ.

Почему же?

В обоих случаях до мелочей
Доходит сходство спорных обстоятельств.
Ты подозрительных нашел вблизи
От трупа умерщвленного ребенка;
И то же в Варванде. Ты их сразил;
И то же в Варванде. Они солгали,
Сознавшись; то же в Варванде. Ты им
Поверил;—то же в Варванде. Нет, в том-то
И все различье, что Сильвестр тебя
Оправдывает.

РУПЕРТ.

О, перевернули

Все дело наизнанку хитрецы!
Истец по правде, я у них ответчик!
И чтоб мошенничество довершить,
Меня убийцей выставив пред всеми,
Еще прощает он меня!

ЕВСТАФИЯ.

Оставь!

Не надо, Руперт. Эти подозренья
Срамят того, кто поддается им.

РУПЕРТ.

Уверенность, не подозренье это!
Зачем бы стал прощать меня Сильвестр
Раз за него событий очевидность,

Когда не с тем, чтоб выгадать на том?
 Он сам не в состоянии оправдаться
 И для того, чтоб я его простил,
 Меня прощает он. Наполовину
 Ему уловка эта удалась,
 И только: а ответ за покушение
 Я на себя беру и был бы рад,
 Когда бы парень порешил девчонку.

ЕВСТАФИЯ.

Девчонку!? Бог мой! Но не станешь ты
 Стремиться к смерти девочки?

РУПЕРТ.

Деревья

Посажены вплотную чересчур,
 И обивают ветки друг о друга.

ЕВСТАФИЯ

(в ногах у него).

О, пощади ее, молю тебя,
 Коленопреклоненно, если дорог
 Тебе твой сын, и если дорога
 Его любовь тебе, и если страшно
 Навлечь на голову свою его
 Проклятие; о, пощади Агнесу!

РУПЕРТ.

Вот необыкновенный оборот.
 Проклятьем сына ты грозишь?

ЕВСТАФИЯ.

Так знай же.

Той ночью заклиная я тебя,
 Той первой, накануне обручения,
 Которую я отдала тебе;
 Единственным ребенком заклиная,
 Последним, тем, которым ты готов
 Пожертвовать, не зная мук рожденья,
 Как я когда-то: положи отныне
 Конец братоубийственной вражде,
 Грозящей уничтожить даже память
 О Шроффенштейнах, не один их род!
 Бог указал дорогу к примиренью:
 Друг друга любят дети... У меня
 Есть сведения...

РУПЕРТ.

Любят?

ЕВСТАФИЯ.

Бог незримо
Свел их в горах.

РУПЕРТ.

В горах?

ЕВСТАФИЯ.

Мне Иероним
Сказал о том. Вот рыцарь без упрека!
Он мне доверил план свой. Он мечтал
О том, чтоб помирить вас этим браком,
Пожертвовав собой и уступив
Невесту сыну друга. Чти желанье
Покойного по смерти, чтобы дух
Терзать тебя в виденьях не являлся.
Благослови их,—я прошу тебя,
Слезами обливаясь и целуя
Твои колени,—руку, под венцом
Другое обещавшую мне в жизни,
Хоть раз, хоть раз направь ее к добру!
Дай сыну вожденную супругу,
Себе и мне, нам всем, желанный мир.

РУПЕРТ.

Нет, верно ль я расслышал? Как? Агнеса
И Оттокар выдаются в горах?

ЕВСТАФИЯ

(вставая).

О Боже, Боже, что я натворила!

РУПЕРТ.

Да, это, правда, важное известье.
(Встают, свищет: входят двое слуг).

ЕВСТАФИЯ.

Разумно ль опасаться? Нет, конечно!
О, слава богу. Это б превзошло
По низости и дьявола коварство!

РУПЕРТ.

Что, граф еще с прогулки не пришел?

СЛУГА.

Нет, господин.

РУПЕРТ.

Где Сантинг?

СЛУГА.

Возле тела.

РУПЕРТ.

Веди к нему.

(Уходят).

ЕВСТАФИЯ.

Стой, Руперт, Руперт! Стой!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Барванд. Комната в замке.

Входит Сильвестр, открывает окно и остается перед ним, глубоко взволнованный. Гертруда, с покрытым лицом, входит и приближается к нему.

ГЕРТРУДА.

Ты это знаешь?

(Входит Агнеса).

АГНЕСА

(вполголоса, с порога).

Мама! Мама!

(Гертруда оборачивается, Агнеса подходит к ней).

Знаешь

Про злодеянье?.. Иероним убит.

(Гертруда утвердительно кивает).

А знает он?

ГЕРТРУДА

(обращаясь к Сильвестру).

Сильвестр!

СИЛЬВЕСТР

(не оборачиваясь).

Ну что, Гертруда?

ГЕРТРУДА.

Когда б я знала в точности, в каком
Расположеньи духа ты, немало
Сказать тебе могла бы.

СИЛЬВЕСТР.

Нынче день
Ненастный: дождь, и ветер тучи гонит.
Какой-то мощный и незримый дух
Несет в одном и том же направлении
Морские волны, пыль и облака.

ГЕРТРУДА.

Намерен ли ты слушать?

СИЛЬВЕСТР.

Занимает
Меня тот парус. Видишь ты его?
Кренится он и очень ненадежен.
Едва ль достигнет берега.

ГЕРТРУДА.

Сильвестр,
Имею передать тебе известие
О Иерониме.

СИЛЬВЕСТР.

Вот он и пропал.
(Оборачивается к ней).

Я знаю все.

ГЕРТРУДА.

Ты знаешь? Что ты скажешь?

СИЛЬВЕСТР.

Немного. Воротился ли Тейстин?

ГЕРТРУДА.

Так стало быть, война?

СИЛЬВЕСТР.

Да, враг известен.

ГЕРТРУДА.

Да. К ней приводит ход самих вещей.
Уж если он не пощадил кузена,
Ни в чем не виноватого, то ты
Не будешь пощажен им и подавно.
Он планомерно обрубить решил
Все ветки вокруг ствола, чтоб сердцевина
Его тем выше кверху вознесла.

СИЛЬВЕСТР.

В отмщенье мне отдать на волю черни
Собрата-рыцаря за то одно,
Что он, не как герольд, нет, как приятель,
Приехал от меня поговорить
О мире с ним!

ГЕРТРУДА.

Теперь тебе он ясен?

СИЛЬВЕСТР.

Теперь мне ясен стал Пероним,
А я его еще корил недавно
За мнимое единомыслие с ним,
Его, что отдал жизнь за нас сегодня!
Он ждал беды, меня отговорил
И сам поехал в Россию, где опасность
И для него не меньшая была!

ГЕРТРУДА.

Да мог ли он иначе? Постоянно
Ты Рунерта оправдывал. Всегда
Журил немилосердно всех, кто робко
Осмеливался сомневаться в нем.
Он должен был поехать.

СИЛЬВЕСТР.

Успокойся.

Отныне я не буду знать иных
Движений сердца, кроме чувства мести,
И если я над головой его
Парил бесшумным облаком доселе,
То в молнию теперь преобразусь.

(Входит Тейстинер).—

ТЕЙСТИНЕР.

Граф, я с объезда. Пятерых вассалов
Привез с собою.

СИЛЬВЕСТР

(быстро обернувшись).

Где они?

ТЕЙСТИНЕР.

Внизу,

В палате. Трое—Парацин, Витица
И Манзо выставили тридцать душ.
Все на конях, и с ними...

СИЛЬВЕСТР.

Тридцать конных?

Угадано желанное число.

Уйдите, женщины:

(Женщины уходят).

Когда в них столько

Самоотверженности, то они

С таким же, верно, жаром рвутся в дело?

ТЕЙСТИНЕР.

Как луки напряженные! Их смерть
Жерома привела в слепую ярость.

СИЛЬВЕСТР.

Используем погоду. Он хотел
Вцепиться в волосы мне; тем скорее
Мы вцепимся в его. Ты говоришь
Что с ними—тридцать; двадцать сам поставлю
А вместе с воодушевленьем тем,
Что движет нами, это прямо войско!

ТЕЙСТИНЕР.

Граф, дай ты мне пятнадцать человек,
Я б нынче ж с ними захватил ворота
И путь тебе открыл бы: их гнездо
Известно мне, как ход в барсучью нору.
У них, божусь, не ждут еще беды;
Их караулят, как во время мира,
Лишь семеро мещан.

СИЛЬВЕСТР.

Так решено!

Ты выедешь с передовым отрядом,
А как стемнеет, выступим и мы.
Ты нападешь на входы и займешь их.
И—следом за тобою, по пятам.
Мы встретимся у тела Иеронима,
Я справить тризну положил по нем,
И Росниц будет факелом застольным.
Теперь пойдем к вассалам.

(Уходят).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Крестьянская кухня.

Барнава стоит у очага и мешает в котле, под которым разведен огонь.

ВАРНАВА.

Сперва отцу:

Мира в гробу: да нечистивца рука
Праха его по полю не разметет.
В духе восстать: да понесет, веселясь,
Голову ввысь, только труба позовет.
Гайских услад: да распахнутся врата,
Света рекой. очи с порога обдав.

УРСУЛА
(за сценой).

Барнава! А! Барнава!

Мешаешь ты в котле?

ВАРНАВА.

Ну да, ну да,
Обеими руками. Жаль—ногами
Нельзя помочь.

УРСУЛА.

Но ты не говоришь
Трех пожеланий.

ВАРНАВА.

Ну, должна признаться,
Коль наш Господь да так же глух, как ты,
Тогда ничто не в прок. Теперь за маму:
Спору в делах; да не испортит телва
Глазом дурным ведьма в соседнем селе.
Телу зажив: тряпке с кровавым комком
В щебне пстлеть, с тем и болячке конец.
Смерть бы попрать; смехом да не осмеет
Нечисть, когда Богу себя поручит.
Теперь себе:
Радостей вскрай: молодец, статный собой,
Да подведет к брачному ложу меня!
Боли благой: плодом..

УРСУЛА.

Барнава! Девка! Всыпать не забудь.
В котел цветочной пыли, волчьих ягод.

ВАРНАВА.

Засыпала уже. Кисель так крут,
Что месивом веселко выпирает.

УРСУЛА.

Икрою щучьей сдобрила?

ВАРНАВА.

Вспороть

Еще одну?

УРСУЛА.

Нет, погоди. Заправлю
Синелевой пылью вперед. Не смей
Пускать дужих на кухню. Слышишь? Слышишь?
Мешай усердней. Слышишь? Да путем
Заклятье говори мне. Слышишь?

ВАРНАВА.

Слышу.

Где бишь остановилась? Радостей вскрай?..
Да нет; уж говорила. Знать, второе:
Боли благой: Плодом утробы моей
Да разрешусь без воздыханий и слез,—
Вот мне и все: третье прошение еще
В воле моей: Господи, мать пещели.

(Останавливается, будто утомившись.)

О, Боже мой! Не будь так сладко счастье,
Кто б стал так горько маяться по нем?
Сначала начинай. Сперва отцу:
Мира в гробу: да нечестивца рука
Праха его... Ах!

(замечает Оттокара, вошедшего при последних ее словах).

ОТТОКАР.

О чем ты говоришь
С котлом, красотка? Если ты колдунья.
То ты всех мною виденных милей,
И, вероятно, зла не причиняешь
Друзьям.

ВАРНАВА.

Уйди, пригожий. Никому
Не место здесь, ни даже маме, кроме
Одной меня.

ОТТОКАР.

А отчего тебе
Такая честь?

ВАРНАВА.

Не знаю. Оттого, что
Девушка я.

ОТТОКАР.

Я вижу и готов
Ручаться. Как же звать тебя, девушка?

ВАРНАВА.

Варнавой.

ОТТОКАР.

Вот как? Голос твой звучит
Звончей, чем имя.

УРСУЛА.

Это с кем, Варнава,
Ты в кухне говоришь?

(Оттокар делает умоляющие знаки).

ВАРНАВА.

Про что ты, мать?

УРСУЛА.

Ты там одна? И говоришь заклатья?

ВАРНАВА.

Ну да, не беспокойся.

(Принимается опять мешать в котле).

Уходи,

Пригожий мой,—так мать меня учила:

Нечистый взглянет—ни к чему кисель.

ОТТОКАР.

А если чистый взглянет, только лучше.

ВАРНАВА.

Про то не говорила.

ОТТОКАР.

А на что?

Само собой понятно.

ВАРНАВА.

Может, правда?

Мне тоже кажется. Я мать спрошу.

ОТТОКАР.

На что ее? Своим умом размыслишь.

ВАРНАВА.

Ну ладно. Не мешай же мне. В котле
Кисель на счастье нам, и я над варом
Три заклинанья говорить должна.

ОТТОКАР.

Так, так. А что ты варишь?

ВАРНАВА.

Детский пальчик..

Ха! ха! Сейчас ты и вообразишь,

Что я колдунья!

ОТТОКАР.

Пальчик? Детский пальчик?

УРСУЛА.

Варнава! Девка! Это ты зачем
Смеешься?

ВАРНАВА.

Как зачем? Затем, что рада;
Что весело заклатья бормотать.

УРСУЛА.

А от болячки говоришь?

ВАРНАВА.

А как же?

И про теленка.

ОТТОКАР.

Верно ль я слышал?

ВАРНАВА.

Нет, нет; теперь мне не до разговоров.
Шепчу заклятья,—не мешай, отстань,
Браниться будет мать, кисель испорчу.

ОТТОКАР.

Послушай, знаешь что? Возьми, снеси
Ей этот кошелек. Скажи, свалился
На печь к тебе,—и приходи назад.

ВАРНАВА.

Вот этот кошелек? Да в нем ведь деньги.

ОТТОКАР.

Отдай без страха, да смотри, молчок
Про то, кто дал его тебе. Ступай же!

ВАРНАВА.

Не Божий ли ты ангел?

ОТТОКАР.

Ну, ступай,

И приходи скорее.

(Бережно просовывает ее в соседнюю комнату, оживленно расхаживает по кухне).

Детский пальчик.

Ах, если бы то мизинец был. Когда б
Мизинец этот был Петров! Надежда,
Как на качелях, колыхай меня!
Не разорвись от восхищенья сердце,
Что так качает, что закрыл глаза,
Что воротом моим играет воздух.
Как мощно бьется, счастье, твое
Предчувствие в груди! О, как снести мне
Тебя, избыток? Чу! Идет. Спрошу.

(Входит Варнава, он идет ей навстречу и подводит к авансцене).

Скажи мне, как попал к вам этот пальчик?

ВАРНАВА.

Мы с матерью нашли его.

ОТТОКАР.

Нашли?

Каким же родом?

ВАРНАВА.

Лишь тебе доверюсь,
Хоть строго и заказывала мать:

ОТТОКАР.

Не бойся, можешь.

ВАРНАВА.

Шли мы по траве,
Вдоль горной речки, лесом. Вдруг водой
Утопное дитя под нас прибило.
Мы вытащили на берег его,
Да как ни бились, как ни оттирали
Несчастненького, — даром! Тут-то мать.
Которая на это мастерица,
И срезала мизинчик у него.
Он может больше пользы сделать людям
По смерти, чем при жизни вся рука
У взрослого, за век его житейский.
Но что с тобой, пригожий мой? О чем
Задумался?

ОТТОКАР.

О Боге. Дальше, дальше
Ты с матерью была? А кроме вас?

ВАРНАВА.

Одни мы были.

ОТТОКАР.

Как?

ВАРНАВА.

Спустия немного
Два варвандские тоже подошли
И с правой ручки сняли; только с правой
Не помогает — силы нет такой.
Мы и ушли, чтоб от греха подальше,
Ну, вот и все, что знаю.

ОТТОКАР.

И того

-С меня довольно. Ты, как в откровенки,
Загадочное пояснила мне.
Ты этого еще не понимаешь,
Потом поймешь. Есть девушка одна
Из Варванда, дружу с ней, как с тобою,
Хотелось бы мне с ней поговорить
Сегодня же, в пещере, ей известной,
Дочь Варвандского графа, звать Агнесой.
Ты без труда ее отыщешь.

ВАРНАВА.

Что же?

Сходить за ней? Ну да, ведь это ей
Доставит радость.

ОТТОКАР.

И тебе вдобавок.

Мы оба наградим тебя. Другим
Не говори, лишь ей самой откроешь,
Что юноша послал. Смекнешь, конечно?
Я думаю. А чтоб найти в ней веру,
Ты этот поцелуй ей передай
И эту шаль возьми с собой для знака.

(Уходит. Варнава, вздыхая, смотрит ему вслед и тоже уходит).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другая местность в горах. Руперт, Сантинг.

САНТИНГ.

Мне часто егерь сказывал, что он
Обычно тут гуляет; сам я дважды
Столкнулся на дороге этой с ним.
Коль он теперь в горах, Агнеса тоже
Поблизости. Обоих и возьмем.

РУПЕРТ

(садится на камень).

Мне жарко. В горле пересохло.

САНТИНГ.

Что ты?

Прохладен ветерок.

РУПЕРТ.

Нутро горит.

САНТИНГ.

Тебе неможется?

РУПЕРТ.

Нет. Жажда мучит.

САНТИНГ.

Так подойди к ключу.

РУПЕРТ.

А разве он

Угасит жажду?

САНТИНГ.

Он так чист, что можно
Как в зеркало глядеться. Подойди.

(Руперт встает, идет к роднику, нагибается над водой и внезапно отвращивается с отвращением).

САНТИНГ.

Да что с тобой?

РУПЕРТ.

Я отраженье чорта

В воде увидел.

САНТИНГ
(со смехом).

А оно — твое.

РУПЕРТ.

У, изва! Скорпион!

(Снова садится; входит Варнава).

ВАРНАВА.

Почтенный рыцарь,

Так в Варванд я иду?

САНТИНГ.

Зачем тебе,

Прекрасное дитя?

ВАРНАВА.

Имею дело

К Агнессе.

САНТИНГ.

Вот как? Если и она,

Как ты. пригожа, я б пошел с тобою.
Что скажешь ты ей?

ВАРНАВА.

Что скажу? Без слов

Я в горы отведу ее.

САНТИНГ.

Сегодня?

ВАРНАВА.

Знаком ты с нею?

САНТИНГ.

Меньше, чем с тобой.

И не тужу. Итак: еще сегодня?

ВАРНАВА.

Да, тотчас. Верным я иду путем?

САНТИНГ.

А кто тебя послал?

ВАРНАВА.

Кто? Мать.

САНТИНГ.

Ах, вот как?

Да, не собьешься. Путь прямой. Ступай.

ВАРНАВА.

Храни вас Бог.

(Уходит).

САНТИНГ.

Ты это слышал, Руперт?

Бьюсь об заклад, что Оттокар послал.

Еще сегодня будет тут.

РУПЕРТ

(встает).

Пусть же.

Пусть Бог, пусть дьявол заведет ее

К нам в западню, — мне это безразлично.

Убийцею клеймят меня до дела,

Без повода, — так я ж им покажу,

Что были правы. Знаешь ли ты место

Их встречи?

САНТИНГ.

Нет, не знаю. Мы должны

Найти его по их следам.

РУПЕРТ.

Пойдем же.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Россиц. Темница в башне.

ОТТОКАР

(еще с воли).

Отец велел?

ФИНТЕНРИНГ.

Да, именно отец,

Чтоб тотчас же, как ты войдешь в ворота,

Ты шел за мной, куда я поведу.

Входи же, пареpek, входи.

ОТТОКАР.

Послушай,
Ты сатанинским видом, Финтенринг,
Мне адски подозрителен сегодня.
Но я не девочка, и подчинюсь.
(Входит, за ним тюремщик).

ФИНТЕНРИНГ.

Невиннейшего свойства, видишь, место.
На этих плитах даже сатану
Должно знобить.

ОТТОКАР.

Итак, меня он хочет
На место роз оковами увить?
Достаточно войти, чтоб убедиться,
Что этот грот заправская тюрьма.

ФИНТЕНРИНГ.

Но, знаешь, здесь чудеснейшие мысли
Приходят в голову! Ты через день
Ручаюсь я, лет на пять будешь старше
Своих висков.

ОТТОКАР.

Скорее в этом ты
Нуждаешься; седины уличают
Тебя в тридцатилетней лжи. старик.
Но мне пора к отцу.

ФИНТЕНРИНГ.

(заступает ему дорогу).

Отбросим шутки,
Ты остаешься тут. Будь весел, граф.

ОТТОКАР.

Клянусь, как никогда, я нынче весел.
Да я готов тебя расцеловать,
Беззубый старина ты! Вероятно,
Ты без охоты шел бы на войну?
Так вот что: передай своей старухе,
Что я принес вам мир.

ФИНТЕНРИНГ.

Как, не шутя?

ОТТОКАР.

Ну да, серьезно.

ФИНТЕРРИНГ.

Завтра потолкуем

Подробнее.

(Тюремщику).

Запри за мною дверь,

Как только выйду.

(Оттокару—заметив, что он собирается выйти вместе с ним).

Нет, клянусь, присягой

Что, по приказу твоего отца,

Ты узником считаешься.

ОТТОКАР.

Да что ты?

ФИНТЕРРИНГ.

Сказать не смею больше ничего,

За исключением этого.

ОТТОКАР.

Чего же?

ФИНТЕРРИНГ.

Того, что больше нечего сказать.

ОТТОКАР.

Свидетель Бог, мне надо неотложно

Поговорить с ним — надо передать

Необычайной важности известье,

Которого другим сказать нельзя.

ФИНТЕРРИНГ.

Тогда утешься тем, что он и Сантинг

Ушли, никто не ведает куда.

ОТТОКАР.

Я должен разыскать его.

ФИНТЕРРИНГ

(заступая ему дорогу).

Ты шутишь?

ОТТОКАР.

Нет, нет. Пусти. Поручкой честь моя,

Что над тобой я не шучу. Пусти же.

Так стало у меня вдруг на душе,

Как будто в воздухе гроза нависла!

Нет, эта вещь не терпит промедленья.

Не пустишь добровольно, я пробьюсь.

Клянусь тебе!

ФИНТЕНРИНГ.

Пробьешься? Ты? Однако,
Ты говоришь, как с женщиной, со мной.
Я за тебя в ответе головою
И честью. Уложи меня вперед,
Чтоб быть свободным. Глупости оставим,
Давай с умом поговорим. Часок
Потерпишь ты, а как отец вернется,
Я приведу его к тебе.

ОТТОКАР.

Скажи,
Всего на свете ради, — что я сделал
Дурного?

ФИНТЕНРИНГ.

Я не знаю. Рад помочь
И большим чем: отпустию скорохода.
К отцу, чтоб он потешил его.

ОТТОКАР.

Пожалуй.

ФИНТЕНРИНГ.

Так прощай.
(Тюремнику).

А ты исполни

Свой долг.

(Финтенринг и тюремщик уходят; дверь затворяется).

ОТТОКАР.

Ах нет, не следовало мне
Остаться тут. Бог весть, когда вернется
Отец. Они пойдут его искать.
Но разве их ведет тот дух, которым
Все чудеса творится? Нет! Кой чорт!
Мне надо вон; Агнесу звал я в горы!
Гей, Финтенринг! Гей, Финтенринг! Он глух,
Как тетерев. Гей, Финтенринг! Чтоб громом
Тебе продуло уши! Человек —
Замок, которого не отомкнуть
Ничем на свете, кроме слова графа!
Ему он служит с верностью слепой,
Хотя бы и во вред, но служит, служит!
А надо бы его расположить
Себе на пользу, если б показался.
Купить его — одно лишь средство есть:
Сказать ему, какой слуга он редкий.
Во всяком случае, уж больший прок
Задабривать его, чем эти стены.
Не мука ли, что мне, как пастушку,

Приходится печаловаться камню?
 Что делать? Ближе изучу тебя,
 О, добродетель женская, терпенье!
 Искусство это — жалкое, к стыду,
 Но видно будет стоять больше поту,
 Чем всякий подвиг.

(Собирается сесть).

Тише! Чу! Идут!

(Тюремщик отпирает Евстафии дверь).

ЕВСТАФИЯ.

И отплачу тебе!

ОТТОКАР.

О, мама!

ЕВСТАФИЯ.

Сын мой,

Ужасное должна я рассказать!

ОТТОКАР.

Но что с тобою? Ты меня пугаешь!

ЕВСТАФИЯ.

Одно уже наверно знаешь ты.

Убит Жером.

ОТТОКАР.

Жером?.. О, боже правый!

Но кем же?

ЕВСТАФИЯ.

Это далеко не все.

Отец твой про твою любовь проведал.

ОТТОКАР.

Отец? Кто это мог ему открыть?

ЕВСТАФИЯ.

Не спрашивай... Я, мать твою! Жером
 Доверил это мне, а я в порыве
 Безудержном — ему; — а он, тиран...

ОТТОКАР.

О ком ты это говоришь?

ЕВСТАФИЯ.

О боже!

Да о твоём отце!

ОТТОКАР.

Еще тебя

Лишь в половину понял я, но прежде
Всего узнай: все, все разъяснено!
Убийство перестало быть загадкой.
Случайно найден братнин труп людьми,
Которых после в близости застigli,
И лишь из суеверья одного
Отрезан был мизинец ими... Словом,
Как солнце, чист Сильвестр.

ЕВСТАФИЯ.

А он теперь

Над дочкою заносит нож.

ОТТОКАР.

Что?

ЕВСТАФИЯ.

Руперт.

Агнесе гибель, если в этот час
Она в горах; там рыщут он и Сантинг.

ОТТОКАР

(подбегает к двери).

Гей, Финтенринг! Гей, Финтенринг!

ЕВСТАФИЯ.

Послушай,

Он права не имеет отпереть,
Он головою поручился в этом.

ОТТОКАР.

Он или я?.. Гей, Финтенринг! Откликнись!

(Оглядывается по сторонам).

Так да поможет мне Святая Дева!

(Закутывается в плащ, лежащий на полу).

И да смягчит паденье этот плащ.

(Взбирается на окно, защищенное решеткой).

ЕВСТАФИЯ.

О Бога ради, сын мой, уж не вздумай
Ты с этой башни прыгать!.. Ты погиб!

Она пятидесяти слишком футов,
И двор под ней мощный. Оттокар!
Мой сын!

ОТТОКАР
(сверху).

Послунай, мать. Когда я спрыгну,
Не подымай тревоги, не шуми,
А то меня поймают.

ЕВСТАФИЯ.

На коленях
Тебя я заклинаю, Оттокар,
Не относись с пренебреженьем к жизни,
Не прыгай с башни!

ОТТОКАР.

Вся-то ей цена,
Чтоб ей пренебрегать... Прощай.
(Прыгает).

ЕВСТАФИЯ
(встает).

На помощь!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Внутренность пещеры.

Наступает ночь. Агнеса в шляпе и в двух платьях. Верхнее спереди завязано бантами. Варнава. Обе стоят у аван-сцены, с краю.

АГНЕСА.

Сказала б раньше мне!.. Я беспокоюсь.
Уж лучше было б не ходить с тобой.
А ну-ка, глянь, голубушка, наружу,
Не близится ли кто к пещере?

ВАРНАВА

(отходит вглубь сцены).

Нет.

Ни признака двух рыцарей.

АГНЕСА

(вздохнув).

О, Боже!

Спасибо за известье.

ВАРНАВА.

Да за то

И юноши прекрасного не видно.

АГНЕСА.

Нет? Не видать? Ты знаешь, ведь, его?

ВАРНАВА.

Как самое себя.

АГНЕСА.

Глянь на дорогу

Попристальной.

ВАРНАВА.

Становится темно,

В долине по домам уже мерцают
Камины и огни.

АГНЕСА.

Уж и огни?

Так это непонятно.

ВАРНАВА.

И такая

Таинственная тишина кругом,

Что было б слышно издали по шагу.

АГНЕСА.

Ах, я вернусь... Ведь это безнадежно.

Пойдем-ка. Проводи меня.

ВАРНАВА.

Постой!

Я слышу шорох — вот опять! Ах, это

Шум водопада ветром принесло.

АГНЕСА.

А точно ль это водопад?

ВАРНАВА.

В тумане

Маячит что-то.

АГНЕСА.

Двое иль один?

ВАРНАВА.

Не знаю.

Ах!

(Обе девушки отпрядывают назад. Оттокар входит и бросается в объятия Агнесы).

ОТТОКАР.

Господь, благодарю

Тебя и ангелов! Так ты, подруга,

Еще жива?

АГНЕСА.

Жива ли?

ОТТОКАР.

Ты дрожишь?

Что, разве я не Оттокар?

АГНЕСА.

Сегодня

На редкость жутким кажется мне все:

Чужая передатчица; твой поздний

Приход; теперь — тревожный твой вопрос;

Два рыцаря, слонявшиеся нынче

Весь день вблизи...

ОТТОКАР.

Два рыцаря?

АГНЕСА.

Они

Осведомлялись обо мне.

ОТТОКАР.

Да что ты?

Осведомлялись? У кого?

АГНЕСА.

У ней!

Она не скрыла, что собралась в горы
Позвать меня.

ОТТОКАР

(Варнаве).

Несчастная!

АГНЕСА.

А кто

Те двое?

ОТТОКАР

(Варнаве).

Им известно, что Агнеса

В пещере?

ВАРНАВА.

Я не говорила им.

АГНЕСА.

Ты, кажется, встревожен, Оттокар?

А я вдвойне... Но разве ты их знаешь?

(Оттокар стоит, задумавшись).

Они ведь не из Россица?.. Ведь их

Не снарядили мне на гибель?.. Это

Ведь не убийцы?

ОТТОКАР

(с внезапной напускной веселостью).

Да, представь себе,

Вся тайна разрешилась, — дело ясно.

Отец твой чист.

АГНЕСА.

Так стало быть, они?...

ОТТОКАР.

У этой девушки нашел я палец

Петра. Петр не убит, а утонул.

О мелочах — поздней. Упьемся вдосталь.

Блаженством часа. Скука и печаль
Болтливы не с добра, меж тем как счастье
Не любит слов.

(Прижимает ее к груди).

Сегодняшнюю ночь
Мы превращаем в пир любви... Согласна?
(Усаживает ее).

Ошибка разъяснится в скорый срок.
А как помирятся отцы, — открыто
Невестой нареку тебя... Теперь
Мы обручимся этим поцелуем.
(Встает; Варнаве шопотом).

Стань пред входом; слышишь? Только кто
Покажется, ты кликнешь мне. Да вот что:
Мы с нею поменяемся одеждой.
Минут чрез десять выйдешь ты с Агнесой
В мужской одежде и сведешь домой,
А если бы нас раньше захватили,
То тотчас же. Теперь ступай.

(Варнава уходит вглубь сцены. Оттокар возвращается к Агнесе).

АГНЕСА.

Куда

Ты девушку послал?

ОТТОКАР.

Моя Агнеса!

Какая будущность открылась нам!
Моей женой, моей женой ты станешь!
Но разве ты измеришь и поймешь,
Что это счастье значит?

АГНЕСА
(улыбаясь).

Ты научишь.

ОТТОКАР.

И как еще! Счастливая! Тот день,
Верней, та ночь уже близка... Ты знаешь,
Что любящим сияет ночью свет?
Ты покраснела?

АГНЕСА.
Мрак не защищает?

ОТТОКАР.

От глазу только, глупое дитя;
Щекою чую, как твоя пылает.
Ах, были б только сказаны слова,
Которых силою святится чувство,

Пока еще — греховное! Сперва
 В толпе гостей, которые, как осы
 Глазами липнут к нам, я подхожу
 К тебе; но уделив мне два три слова,
 Уже опять стесняясь, ты следишь
 За болтовней соседа. Я за это
 Ничуть на скромницу не рассержусь,
 Затем, что сам не хуже понимаю.
 Ведь что ни выйдет гость из-за стола,
 Где б ни была Агнеса, издалека
 Меня находит мимолетный взгляд
 Ее очей и, молча, утешает.
 Но вот прощается последний гость,
 И лишь с родителями мы одними.
 „Ну, доброй ночи, дети!“ — и смеясь,
 Целуют нас с тобой поочередно,
 Сперва тебя, потом меня, — потом
 Хотим итти, и целый штат прислуги
 С свечами хочет вслед. — „Одной свечи
 Довольно“, — говорю я, и беру
 Ее из рук, и, наконец, хватаюсь
 За эту, эту руку, за твою.

(Целует ее).

И медленно по лестнице мы всходим
 В таком безмолвьи, будто ни одна
 Не бьется мысль в душе у нас; так тихо,
 Что шорох платья твоего слышать:
 Разносится по гулкой галерее.
 И — спишь, Агнеса?

АГНЕСА.

Сплю? Что за вопрос?

ОТТОКАР.

Ты как-то вдруг притихла... Слушай дальше:
 И тихо дверь отперши, я ее
 Так тихо запираю, словно это
 Запрещено: — трепещет человек
 Всего, что соблюдать учили с детства.
 Садимся... Я клоню тебя, клоню,
 И крепко сжав в руках, всю мощь, всю бездну
 Любви влагаю в этот поцелуй.
 (Быстро уходит вглубь сцены. Варнаве, тайком).
 Что, никого не видно?

ВАРНАВА.

Мне казалось,
 Две тени будто кралась вдоль горы.
 (Оттокар быстро возвращается обратно).

АГНЕСА.

О чем ты все с той девушкой толкуешь?

ОТТОКАР

(опустившись к ней).

Про что бишь я?.. Ах да, про поцелуй.

И все смелей с минуты на минуту

Любовь, и оттого что ты — моя...

О разве не моя ты? я снимаю

С тебя чепец,

(делает это),

гряду твоих кудрей

Рукою рассыпаю,

(делает это),

с плеч срываю

Платок

(делает это)

— ты шепчешь: погаси свечу!..

И разом все затмивши, ночь, — как эта,

Роняет над святилищем любви

Покров свой, как сейчас...

ВАРНАВА

(из глубины)

О рыцарь! Рыцарь!

(Агнеса оборачивается в испуге).

ОТТОКАР.

Но вот, как внешней вздувшейся воде,

Нет удержа и меры возбуждению.

В волненьи я развязываю бант,

(делает это),

Еще скорей — другой,

(делает это),

и ты выходишь

Из чуждой оболочки.

АГНЕСА.

Оттокар!

О, что ты делаешь!

(Бросается ему на шею).

ОТТОКАР

(заятый нижним платьем).

Природе в помощь

Тебя воссоздаю я... Ах, к чему

Укутывать таинственностью тайну?

Прекрасному в покровах нужды нет —

Сама краса покров и...

ВАРНАВА.

Рыцарь! Рыцарь!

Скорее!

ОТТОКАР

(подбежав к Варнаве).

Что стряслось?

ВАРНАВА.

Один из них

Прокрался дважды мимо, вплоть у входа.

ОТТОКАР.

А он видал тебя?

ВАРНАВА.

Боюсь, видал.

(Оттокар возвращается к Агнесе, которая тем временем поднялась).

АГНЕСА.

Что девушка тебе в таком испуге
Кричала?

ОТТОКАР.

Ничего.

АГНЕСА.

Нет, что-то есть.

ОТТОКАР.

Два мужика справлялись о дороге.
Ты заблудилась? Вот, закутайся в мой плащ.
(Надевает на нее свой плащ).

АГНЕСА.

Ты странен.

ОТТОКАР.

Так присядь.

АГНЕСА

(садится).

А я б охотней

Ушла.

ОТТОКАР

(стоя перед ней).

Кто б мог сказать, что грубый плащ
Столь нежное создание укрывает,
Как стан девичий? Если ко всему
Еще надену шлем на эти кудри,
Соперников и в женщинах найду.

ВАРНАВА

(вбежав, второпях).

Они уж близко! Рыцарь! Снова—близко!

(Оттокар быстро набрасывает на себя верхнее платье Агнесы и надевает ее шляпу).

АГНЕСА.

Кто близок? Что ты сделал, Оттокар?

ОТТОКАР

(занятый переодеванием).

Отец мой близок, вот кто!

АГНЕСА.

О Иисусе!

(Готова упасть).

ОТТОКАР

(подхватывая ее).

Спокойнее. Никто не причинит
Тебе вреда. Не говоря ни слова,
Ты смело выйдешь из пещеры вон
В мужской одежде этой. Я останусь.
Не возражай мне, нет! Я остаюсь.
Так будет легче мне отбить их натиск.

(Показываются Руперт и Сантинг).

Идите ж тотчас и не тратьте слов.

(Девушки уходят).

РУПЕРТ.

(Заступив им дорогу).

Ты кто такой?

ОТТОКАР

(подоспев к ним, не своим голосом).

Вы ищете Агнесу?

Она пред вами. Если ж сами вы
Из Варванда, прошу, домой доставьте.

РУПЕРТ

(дав девушкам уйти).

Скорее призрак твой домой к отцу
Доставлю.

(Закалывает Оттокара, который падает без стона).

РУПЕРТ

(тупо глядя на тело)

Сантинг! Сантинг! Мне сдается,

Она мертва.

САНТИНГ.

Как ни живуча дрянъ,
Но меч в груди торчит—она издохла.

РУПЕРТ

(проводит рукой по своему лицу).

Зачем я это сделал, Сантинг? Мне
Никак не вспомнить.

САНТИНГ.

Это ведь Агнеса!

РУПЕРТ.

Агнеса, да; конечно; да! Она
Наделала мне много зла, я знаю,—
Но я забыл какое?

САНТИНГ.

Как понять?

Сама она худого ничего
Не сделала.

РУПЕРТ.

Не сделала? Ах, Сантинг,
За что ж я умертвил ее тогда?
Скажи скорей, пожалуйста, какую
Обиду причинила мне она?
Скорее, василиск, да позлорадней!
Чего глаза ты пилишь,—говори!
Да говори же, дьявол,—а не знаешь,
Солги, придумай!

САНТИНГ.

Ты сошел с ума?

Ведь это дочь Сильвестра.

РУПЕРТ.

Да, Сильвестра..

Того Сильвестра, что убил Петра.

САНТИНГ.

Герольда и Иоганна.

РУПЕРТ:

И Иоганна,

Да, совершенно верно, дочь того,
Кто беспричинно так меня ославил,
Что под конец я славу оправдал.

(Вытаскивает меч из груди Оттокара).

Он это заслужил. Гадючье племя.

(Толкает тело ногой).

САНТИНГ

(у входа).

Вот зрелище диковинное, граф,
Процессия при факелах, безмолвно
Спускается вдоль Варвандских высот.

РУПЕРТ.

Не иначе, как в Россиц, полагаю.

САНТИНГ.

Изрядно подозрительная вещь.

РУПЕРТ.

Ты думаешь, что тут не без Сильвестра?

САНТИНГ.

Иное мнение медного гроша
Не стоит, граф. Скорей домой вернемся,
А то двумя мгновеньями поздней,
Быть может, не пройти уже.

РУПЕРТ.

О, только б

К ним в руки не попался Оттокар!
Не он ли это вышел из пещеры,
Как мы входили?

САНТИНГ.

Думаю, что он.

Скорей всего—домой; и мы наверно
Нагоним по пути его. Пойдем.

(Оба уходят. Агнеса и Варнава показываются у входа.)

АГНЕСА.

Ночь ужасов! Тот поезд погребальный
С свечами, потрясающий, как сон
В жару. Долину грозно озаряет
Кроваво-красных факелов огонь.
Теперь, сквозь это войско привидений
Домой я не отважусь ни за что.
Уж лучше подождать в пещере, если
Она пуста, как говоришь...

ВАРНАВА.

Сейчас

Оттуда вышли оба.

АГНЕСА.

Так, наверно,

В ней Оттокар остался. Оттокар!
Нет Оттокара!

ОТТОКАР
(слабым голосом).
О, Агнеса!

АГНЕСА.
Где ты?
Клинок в груди... Спаситель!.. Боже мой!
Мой Оттокар!
(Падает на него).

ОТТОКАР.
Все удалось на славу.
Беги.
(Он умирает).

ВАРНАВА.
Вот горе! Барышня! Без чувств!
Вот горе то! О, Боже, чем помочь ей?
Привстань. Мужайся. Факелы никак?
Подходят! Прочь, несчастная! Спасайся!
(Убегает).
(Входят Сильвестр и Тейстинер; за ними факельщик).

СИЛЬВЕСТР.
Остановитесь!
(Тейстинеру).
Это ведь и есть
Пещера?

ТЕЙСТИНЕР.
Да, мой граф. О ней о самой
Иоганн твердил мне. По его словам,
В ней барышню найдем всего вернее.

СИЛЬВЕСТР.
Подай-ка факел!
ТЕЙСТИНЕР.
Если только я
Не ошибаюсь, вижу Оттокара,
А вот лежит Агнеса.

СИЛЬВЕСТР.
На земле?
С мечом в груди?.. Всемилостивый Боже!
Дитя! Агнеса!

АГНЕСА
(подымается).
Кто меня зовет?

СИЛЬВЕСТР.

Кромешный ад зовет тебя, убийца!
(Закалывает ее).

АГНЕСА.

Ах!

(Она умирает).

(Сильвестр опускается на колени возле тела Оттокара).

ТЕЙСТИНЕР.

(После паузы).

Мой господин, вам пребывать опасно
В тупом оцепенении страдания.
Нам требуются силы. Подымись!
Их может растерять в конец бездетный
От созерцанья горести такой.

СИЛЬВЕСТР.

Я отдохну, на миг. Природа мощно
Мятеся в человеческой груди
И хочет, чтобы ей одной служили,
Как Богу, где бы ни предстала нам.
Большую бурей я захвачен. Низко
Пригнула распатавшуюся жизнь
К краям могилы. Если вихрь не свалит,
Я выпрямлюсь во весь ужасный рост,
Лишь только первый взрыв грозы минует.

ТЕЙСТИНЕР.

Но мешкать здесь опасно нам. Идем!
Лови мгновенье! Столь благоприятно
Оно не будет больше никогда.
Идем! Прореем ангелами смерти
Над Россицем, того желает месть.

СИЛЬВЕСТР.

В какой дали все жизненные блага,
Когда одна утрата так близка,
Как это тело! Чем я наверстаю,
Что проиграл сегодня, в этот час?
Она мне золотила жизнь, как жатва,
Теперь врагом потравлен урожай!
В нужде пойду просить, как подавня,
Приемыша у матерей чужих.

ТЕЙСТИНЕР.

Сильвестр, послушай! Полно дольше мешкать!

СИЛЬВЕСТР.

Ты прав! У гореванья впереди
Вся жизнь еще, но только этим мигом
Располагает месть. Я первый раз
За весь свой век смертельно жажду крови,
И этот случай страшно упустить.
Вернемся к остальным.

(Издали слышится крики: Гей! гей! веди).

ТЕЙСТИНЕР.

Что это значит?

(Рыцари Сильвестра вводят пойманных Руперта и Сантинга).

РЫЦАРЬ.

С хорошею находкою, Сильвестр!
Оруженосец, с лошади слезая,
Напал на этих молодцов в кустах.

ТЕЙСТИНЕР.

Сильвестр! Протри глаза мне. Это—Руперт!
Живьем! и Сантинг!

СИЛЬВЕСТР
(обнажая меч).

Руперт!

ТЕЙСТИНЕР.

Видно, бес,
Которому он продался,—мошенник! ¹
Не защитил и выдал палачам.

СИЛЬВЕСТР.

Он пойман! Пойман!.. Божье правосудье!
Поговори с ним, растолкуй ему,
За что несет он кару.

РУПЕРТ
(увидев труп Агнесы).

Сын мой, сын мой!
Убит! Пустите же меня к нему!

(Хочет вырваться, рыцари его не пускают).

СИЛЬВЕСТР.

Он собственным мечом своим казнится!
(Вкладывает его в ножны).

Пускай подходит к сыну!

РУПЕРТ

(бросается к телу Агнесы).

Оттокар!

(Входит Гертруда).

ГЕРТРУДА.

Сейчас промчался всадник через Варванд,

Крича: Агнесу замертво нашли

В пещере. Люди! Люди! Это правда?

Где дочь моя? Агнеса! Всеблагой!

(Бросается к телу Оттокара).

Дитя мое? Живая плоть от плоти!

(Голос Евстафия).

ЕВСТАФИЯ.

Когда вы люди, дайте мне пройти

Нетронутой! Сильвестр! Отдай приказ им!

Я—мать убитого. О, дайте мне

Взглянуть на тело сына!

СИЛЬВЕСТР.

Пропуск горю.

Войди! Вон тело!

ЕВСТАФИЯ.

Где он?.. Иисус!

И дочь твоя?.. Как браком сочетались!

(Сильвестр отворачивается. Евстафия тихо преклоняет колени перед телом Агнесы; входит Сильвий, ведомый Иоганном; последний с признаками безумия).

СИЛЬВИЙ.

Куда меня завел ты, мальчуган?

ИОГАНН.

В несчастье, старый, ибо я—безумье.

Не беспокойся. Это верный путь!

СИЛЬВИЙ.

Увы, в лесу плутает слепота

Со зрячим помешательством в вожатых!

Вернемся мальчик, отведи домой.

ИОГАНН.

Вспять, в счастье, старый? Это невозможно.

Оно на крюк закрылось изнутри.

Нам надо двигаться вперед.

СИЛЬВИЙ.

Так надо?

Так пусть же смилются небеса.

Пойдем.

ИОАНН.

Марш! Трогай! Вот мы и у цели.

СИЛЬВИЙ.

Уже? А где же внучка? Где она?

ИОАНН.

Будь я и слеп, я б мог ее пронюхать,
Уже воняет! Ну ка, старина,
Как коршуны над падалью воссядем.

(Садится у тела Оттокара).

СИЛЬВИЙ.

Беснуется! Увы! Пеужто ж нет
Людских ушей вблизи, чтоб внять средь леса
Отчаянно заблудшего слепца?

ИОАНН.

Зачем серчаешь, дед? Служу за совесть.
Дай руку. Дай, к Агнесе подведу.

СИЛЬВИЙ.

Далеко ли еще?

ИОАНН.

Стрела достала б.

Нагнись ка!

СИЛЬВИЙ

(ощупав тело).

Меч... в груди... у мертвеца!

ИОАНН.

Что, жутко, старый? Девочка при жизни
Была так хороша, так хороша!

СИЛЬВИЙ.

Агнеса это будто? Не Агнеса!
Наряд—ее. Но это не она!
Клянусь, что это не она!

ИОАНН

(ощупывая тело).

Ах, язва ж!

Да это Оттокар ведь!

СИЛЬВИЙ.

Оттокар?

ГЕРТРУДА.

Как мать, готова клясться я, что это
Не дочь моя.

(Она подымается).

СИЛЬВЕСТР.

Дай факел... Не Агнеса,
Не дочь? !

ЕВСТАФИЯ
(подбегая).

Агнеса!.. Это—Оттокар мой!
Что думать мне, несчастной! Каково
Переживать вторично боль утраты?

СИЛЬВЕСТР.

Твой сын в ее наряде? Кто ж тогда
В мужской одежде? Это ведь не... это
Ведь не...

СИЛЬВИЙ.

Сильвестр! Где тело? Подведи
Меня к останкам внучки.

СИЛЬВЕСТР.

О, несчастный!
Ее ведь не убили!

ИОАНН.

Брось, старик;
Не слушай дурака. Вставай; в пещере
Еще есть труп; надеюсь, тот ее.

СИЛЬВИЙ.

Еще? Другой? Да разве мы в мертвецкой?

ИОАНН.

Ура, старик! Я говорил! Она!
Агнеса!

СИЛЬВЕСТР

(закрывает лицо руками).
Дочь!

ИОАНН.

Вот, тронь лицо. Оно
Должно на ощупь быть как летний пух.
(Руперту).

Проваливай, чудовище!

РУПЕРТ

(поднявшись).

Раздайтесь!

Опасно, издеваясь, потакать
Причудам бесноватого в припадке.
Связать его,—он все ж вам передаст
Свою болезнь слюной, в лицо вам плюнув.
Прошу вас, отойдите от греха
И тело Оттокара мне оставьте.

ИОГАНН.

Прочь, бешеная сука! Прочь, сказал,
Прочь! Оттокар твой там! Сюда! Поверь мне!
Сюда старик. К Агнесе!

СИЛЬВИЙ.

Внучка, ты ль?

ЕВСТАФИЯ.

О, дочь моя! Что за ошибка! Боже!

РУПЕРТ

(осмотрев тело Агнесы пристальнее, подымается, быстро переходит к телу Оттокара и отворачивается с выражением ужаса).

Геенский лик! Что рожи корчишь мне!

(Снова глядит на труп).

Какой-то дьявол, дико ослабься, кажет
Язык мне.

(Снова взглядывает на него, хватается за голову).

Сам я. Собственной рукой!

Два раза грудь пронзил! Пронзил два раза!

(Входит Урсула).

УРСУЛА.

Вот вам ваш детский пальчик.

(Швыряет его в середину сцены и исчезает).

ВСЕ.

Это кто?

Что за явление это?

ЕВСТАФИЯ.

Детский пальчик?

(Отыскивает его).

РУПЕРТ.

Не срезан ли был с левой у Петра
Мизинец?

СИЛЬВЕСТР.

У убитого ребенка?

У их Петра? Вернуть ее назад!

Поймать старуху!

ЕВСТАФИЯ.

Мать не знать не может

Что родила. Да, это он. Петров!

Петров мизинец!

РУПЕРТ.

Он?

ЕВСТАФИЯ.

Да, да.—Он самый!

По этой вот щедринке узнаю,

Единственной на тельце после оспы!

РУПЕРТ.

Загадочно!

(Вводят Урсулу).

УРСУЛА.

За что? За что? За что?

СИЛЬВЕСТР.

Старуха, как попал к тебе мизинец?

УРСУЛА.

Помилуй! Не губи меня! Младенец,
С которого сняла я этот пальчик,
Не умерщвлен, а утонул в реке,
И я сама нашла его без жизни.

РУПЕРТ.

Он утонул?

СИЛЬВЕСТР.

Зачем же, говори,
Ты срезала его с руки?

УРСУЛА.

Хотела
Зарыть под свой порог! Такая вещь
От бесов ограждает. Если мальчик
Твой сын—почем я знала? Не губи!

РУПЕРТ.

Но не тебя ведь я нашел у трупа,
А двух людей из Варванда.

УРСУЛА.

Они
Позднее подошли и сняли с правой.
(Руперт закрывает себе лицо).

ИОАНН.

(Подойдя к ней).

Чего тебе, колдунья?

УРСУЛА.

Ничего,
Пристукнули, гляжу, мою красотку!
Ох, до смерти друг друга бьет ваш брат.
Неосторожны, знать.

ИОАНН.

Неосторожны!
Неосторожны! Бедный Оттокар!
Агнесу тоже жалко! Очень жалко!

РУПЕРТ.

Иоганн! Молчи, мой мальчик! Твой язык,
Что нож двулезвийный!

ИОГАНН.

Не надо. Папа
Не будет больше. Папа сам не знал!
Он был неосторожен! Не сердитесь!

РУПЕРТ.

Сильвестр! Тебя ребенка я лишил,
Но предлагаю друга в возмещение!

(Пауза).

Сильвестр. Я сам бездетен!—Ах, Сильвестр!

(Пауза).

Кровь дочери твоей на мне да будет,
Когда меня простить не можешь ты.

(Сильвестр, отвернув лицо, протягивает ему руку; Евстафия и Гертруда обнимаются).

ИОГАНН.

Вина! Вина! Живее! Вот умора!
Потеха! Лопнуть со смеху! Вина!
Обоим чорт во сне измазал лица
Горелой пробкой! Смыли и опять
Друзья друзьями! Сволочь! Где ж вино-то?
Ну, как не выпить с радости за них?

УРСУЛА.

Ну, вот и помирились. Слава Богу!

РУПЕРТ.

Ты завязала этот узел; ты
И развязала. Уходи!

ИОГАНН.

Ступай же.

Ловка ты, ведьма старая. Тобою
Доволен я, искусница. Ступай.

Перевел с немецкого

Б. Пастернак

Р О Б Е Р Т Г И С К А Р
ГЕРЦОГ НОРМАНСКИЙ

R O B E R T, G U I S K A R D
HERZOG DER NORMÄNNER

ОТРЫВОК ТРАГЕДИИ

1802—1806

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Роберт Гискар, герцог Норманский.

Роберт, его сын

Абеляр, его племянник } Норманские принцы.

Цецилия, герцогиня Норманская, супруга Гискара.

Елена, вдовствующая императрица Византийская, дочь Гискара
и Абелярова невеста.

Старец

Отряд выборных воинов } норманны.

Народ.

Сцена: кипарисы перед холмом, на котором стоит палатка Гискара, в норманском лагере перед Константинополем. На переднем плане горят костры, питаемые от времени до времени ладаном и другими крепко-пахнущими куреньями. Позади, в глубине, виднеется флот.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Показывается отряд норманских выборных в праздничных военных нарядах. Их провожает Народ, всякого возраста и пола.

НАРОД

(в беспокойном движении).

Отцы, с горячей жаждою спасенья
К Гискару мы сопровождаем вас.
Десницей Божьей вы руководимы
И ангелами, если вам удастся
Поколебать упорную скалу,
Бесплодно омываемую пеной
Смятенных и волнующихся войск.
Стрелой громовой бейте, чтоб тропа
Открылась нам и вывела из стана
Ужасного! Когда из лап чумы,
Натравленной на лагерь жутким адом,
Он нас не вырвет тотчас, этот край
Всплывет средь моря гробовым курганом
Усопшего народа! Далеко
Распростирающимися шагами,
Отталкивая встречных по пути,
Бредет чума и чадно дышет в лица
Отравую зловонно-вспухших губ.
Куда ни ступит—пепел! Конь и всадник
Мгновенно рассыпаются. Друзей
Пугает другом; жениха—невестой;
Родным ребенком любящую мать!
Ее слышать—склонись к холму и слушай:

Она заводит плач по пустырям,
 Где хищники над падалью ширяют
 И тучами, затмением дня грозя,
 Бросаются, бушуя, на несчастных.
 Чудовище настигнет и его,
 Бесстрашно бросившего страху вызов,
 И если не отступит, он возьмет
 Тогда не кесарийскую столицу,
 А только камень гробовой. На нем,
 Взамен благословенья, взгромоздится
 Когда-нибудь проклятье наших чад
 И с громовой хулой из медной груди
 На древнего губителя отцов,
 Кошунственное, выроет когтями
 Гискаровы останки из земли.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Те же и Старец.

ВОИН.

Поди сюда, Армин!

ДРУГОЙ.

Толпа ревет

И пенится, бичуемая страхом,
 Как океан.

ТРЕТИЙ.

Порядок наведи!

Того гляди палатку опрокинут.

СТАРЕЦ

(народу).

Долой все бесполезное! К чему
 Здесь женщины и дети? Лишь двенадцать
 Избранников, а остальные—вон!

НОРМАНН

(из народа).

Дай нам...

ЖЕНЩИНА.

Дай нашим волям...

СТАРЕЦ.

Вон! Сказал я.

Вы, кажется, не прочь явить ему
 Личину мятежа? Хотите вы
 Чтoб я с Гискаром говорил,—хотите?

НОРМАНН.

Хотим, почтенный старец! Только ты
 Один, ты заводи с ним речи! А если

Он будет глух, безжалостен,—тогда
 Приставь к его ушам железный рупор
 Народного смятения, греми
 Ему о долге в уши!—мы терпели
 Все, что способен вытерпеть народ!

1-й ВОИН.

Глядите! Чу!

2-й ВОИН.

Палатка распахнулась.

3-й ВОИН.

Царица Византии!

1-й ВОИН.

Это так!

Вот это случай кстати! Просьба тотчас
 И выслушана будет.

СТАРЕЦ.

Тише там.

Никто ни слова больше! Повторяю,
 Моленью, не восстанью, отдаю,
 Свой голос. Подтверждаю это вновь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Те же и Елена.

ЕЛЕНА.

Ответствуй, чадо лучшего отца,
 Народ, ручьями льющийся с пригорков,
 Какие вихри бурные влекут
 Тебя к шатру Гискара, к кипарисам,
 Порой, когда чуть брезжит юный день?
 Знать, правило забыли, ночью строго
 Предписывающее тишину,
 И лагерный уклад настолько чужд вам,
 Что женщина должна вас поучать
 Тому, как надо приближаться к месту,
 Где боевая мысль кует свой план?
 Святые силы, это ли любовь
 К отцу, которою хвалились вы—
 Что криком вы и лязганьем оружия
 Насильно подымаете мне старца
 Из кратковременных объятий сна?
 Его, который, обливаясь потом,
 Три ночи сплошь без отдыха провел
 В открытом поле, в противленьи буйству
 Отвсюду напиральной чумы!

Но что-то неотложное, нет спору,
Вас подняло; шаги таких людей,
Как вы, всегда предмет для размышленья.
Так к делу же! Я знать его должна.

СТАРЕЦ.

Прости нас, царственная дочь Гискара!
А если этот избранный отряд
Приблизился к шатру с излишним шумом,
То я их порицал. Сама суди:
Гискара спящим мы не полагали;
Воззрись-ка, солнце уж давно палит
Тебе затылок, а с тех пор как помнит
Себя норманн, вставал он до зари.
Мы крайнею нуждой, невыносимой
К Гискарову шатру приведены.
Пришли молить, обняв его колени,
Об избавленьи! Если же еще,
Как ты сказала, сон его покоит,
И неусыпный труд его свалил,
То подождем в почтительном безмолвьи,
Пока пробудит день; а этот час
Молитвой о Гискаре скоротаем..

ЕЛЕНА.

Не воротиться ль лучше вам назад?
Народ в таком количестве всегда
Подобен морю, даже и в покое,
Всегда рокочет волн его прибой.
А лучше б разошлись они по стану.
И стали бы в порядке у знамен:
Лишь только герцог бровью шевельнет,
Пришлю сказать вам собственного сына.

СТАРЕЦ.

Бесценная, не отсылай нас прочь,
Когда на то нет важных оснований!
Об отдыхе отцовском не пекись.
Гляди, твой светлый облик умилил нас.
Мы будем тише моря в час, когда
В безветрии повиснет вымпел с мачты,
И на буксире тащится корабль.
Позволь нам тут мгновенья дожидаться,
Когда от сна пробудится отец.

ЕЛЕНА.

Пусть так, друзья. Когда не ошибаюсь,
В палатке слышатся его шаги.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Те же без Елены.

СТАРЕЦ.

Чудно!

1-й ВОИН.

Уж и шаги в палатке слышит,
А только что, казалось, крепко спал!

2-й ВОИН.

Она от нас отделаться хотела.

3-й ВОИН.

Ей Богу, так! Хотела даром сбыть.
Вот и юлила, языком виляя;
Я вспомнил поговорку про лису,

СТАРЕЦ.

А то, сдавалось, ближе подзывала.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Те же и Норманн.

НОРМАНН

(кивнув старику).

Армин!

СТАРЕЦ.

Здорово, Франц! Ну, что?

НОРМАНН

(с таким же кивком первому воину).

Мария!

1-й ВОИН.

Ты с новостями?

НОРМАНН.

Из дому привет.
Приезжий из Калабрии явился.

СТАРЕЦ.

Да что ты? Из Неаполя?

1-й ВОИН.

Зачем

Так странно смотришь ты кругом?

НОРМАНН

(быстро схватив обоих за руки).

Так странно?

Рехнулись, чай? Я весел и здоров!

СТАРЕЦ.

Сын! Губы у тебя, как мел. Ты болен?

Да говори же!

НОРМАНН

(снова оглянувшись назад).

Ладно. Но зарок:

Не отвечать ни даже взглядом быстрым,
Тем паче вслух, на то, что расскажу.

СТАРЕЦ.

Ты страшен, право! Что нибудь случилось?

НОРМАНН

(громким голосом, народу, который наблюдает за ним).

Ну как дела? А выйдет ли Гискар?

НЕКТО ИЗ ТОЛПЫ.

Надеемся.

ДРУГОЙ.

Царица вызвать хочет.

НОРМАНН

(таинственно, отводя обоих собеседников в сторону).

Когда я нынче ночью на часах
Стоял перед Гискаровой палаткой,
Внутри слышался внезапный стон
И тяжкий присвист, как при издыханьи
Больного льва. Там тотчас поднялась
Тревожная возня, и был служитель
Разбужен герцогиней. Второпях
Зажегши свет, он бросился наружу.
На зов его сбежалась вся родня
В ужасном замешательстве: царица
В ночном уборе, за руки влача
Обоих сыновей своих; племянник
Под наскоро накинутым плащем;
Сын герцога почти в одной рубашке,
И наконец, слуга с какой-то тенью,
Закутанной, которая на мой
Дежурный окрик, рыцарем назвалась.
Но дайте юбку мне, и я, как он,
Нет, с большим сходством женщиной прикинусь.
Все вещи: плащ, пишак и сапоги
На шельме, как на вешалке, болтались.

Когда ж, добра не чая, я схватил
Его за рукава, поворотивши
Лицом на месяц, я узнал—кого?—
Гискарова врача, Иеронима!

СТАРЕЦ.

Как, врач!

1-й ВОИН.

Святители!

СТАРЕЦ.

Так значит, он,

По твоему, недужен, болен?

1-й ВОИН.

Болен?

Он заражен!..

СТАРЕЦ

(зажав ему рот).

О, лучше онемей!

НОРМАНН

(после паузы, полной ужаса).

Я этого не говорил. А сами

Поймете вы.

(Роберт и Абельяр, беседуя друг с другом, показываются у выхода из палатки).

1-й ВОИН.

Палатка распахнулась

И оба принца—видите—выходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Те же, Роберт и Абельяр.

РОБЕРТ

(подошедши к самому краю холма).

Кто ставлен говорить от всей толпы,
Тот выступи!

СТАРЕЦ.

Я здесь.

РОБЕРТ.

Ты здесь? Твой разум

Моложе головы твоей, а вся

Твоя премудрость в волоса впиталась:

Столетний век—твой щит, старик, а то бы

Ты не ушел домой без наказания
 От принца. Легкомысленным юнцом
 Ты выказал себя в своей проделке,
 Не тем домашним другом, что стерег.
 Давно когда-то колыбель Гискара.
 Теперь ты оказался вожаком
 Мятежной шайки, вынудившей оружие
 И пляшущейся, по словам сестры,
 По стапу, криками будя и мертвых.
 Ты кличешь полководца из шатра.
 Что думать? Это правда? Отвечай!

СТАРЕЦ.

Да, правда, что вождя наружу звали;
 Но не могла сказать тебе сестра,
 Правдивая с тобой, как полагаю,
 И до сих пор участливая к нам,
 Что этот зов сопровождался бранью.
 К моим годам ты вряд ли будешь знать,
 Как чтут вождя; зато, что значит воин,
 Я знал в твои года. Ступай к отцу
 И научись,—он сам тебе покажет,
 Как надо разговаривать со мной.
 А если за речами я забыл,
 Чем я тебе обязан,—что ж, я справлюсь,
 Горя стыдом, у правнуков своих:
 Я этому их обучил с пеленок.
 С покорностью, как это повелось
 Давно у нас, норманнов, господин,
 Молили мы, чтоб вышел к вам Гискар.
 И не в первой была б такая милость
 Для нас; но, разумеется, в первой,
 Когда б он в ней, как ты, вот, отказал нам.

РОБЕРТ.

Ты, старый дуралей, лишь подтвердил
 Словами то, что думал опровергнуть.
 Распущенный мальчишка, вертопрах,
 Не проявил бы столько дерзновенья,
 Как ты! Тебя придется поучить
 Еще тому, что значит послушанье.
 Чтоб убедиться в том, что я гожусь
 В учителя, начнем: тебе пристал бы
 Один ответ на выговор,—тогда же
 Увести толпу без спора. Значит, если
 Я повторю теперь тебе приказ,
 То ты, надеюсь, уведешь их тотчас,
 Без прекословья, без задержки, вмиг!

АБЕЛЯР.

Я вижу, на приказы ты щедрее,
 Чем полагает нужным твой отец.
 Но жар твоих нападок, я заметил,
 Воспринимает холодно народ.
 Они как шум дневной, который слышен
 Всегда, но все же невятен никому.
 Заслуживающего порицанья
 Я до сих пор не встретил ничего.
 Что слово старца этого бесстрашно
 И горделиво,—будто и к лицу:
 Два поколения старого почтили,
 И представитель третьего за пядь
 От гроба оскорблять его не должен.
 Тебе не мил народ за то, что смел,
 Мне ж, будь он мой, он был бы мил за смелость.
 Свобода для норманна, как жена.
 Четую, родящую на ложе битвы
 Победу, я б священной почитал.
 Так мыслит и Гискар; он любит руку,
 Играющую гривой его.
 Иное—сын. Его хребет плешивый
 Бросает в дрожь от близости руки.
 Уверен ли ты так, что не минует
 Тебя корона? Слишком уж ты горд!
 Ты можешь взять ее одной любовью...
 Она, по праву, вспомни, не твоя.
 Меж тем, в тебе нет ни малейшей искры
 Гискаровой, и менее всего
 Получишь ты в наследство это имя*).
 Ведь в миг, решающий твою судьбу,
 Ты заушаешь тех, кто мог бы тут же
 Тебя к вершине славы вознести.
 Напрасно ты считаешь, что норманны
 Покинуты кругом и без друзей.
 Не хочешь ты, так я их другом буду.
 Выслушивать молящего легко;
 Внимать его моленью, вот в чем хитрость.
 Ты гонишь их, я оставляю. Люди,
 За все Гискару отвечаю я.

РОБЕРТ

(многозначительно и вполголоса).

Теперь я разглядел тебя насквозь.
 Спасибо, злой мой демон! Как ни ловко

*) Guiscard (по нормански) значит „лукавая голова“; прозвище, данное норманнами своему герцогу.

Ты тасовал, но выиграл не ты.
Желаешь, покажу тебе, что верно
Играю я, как карты б ты ни клал?

АБЕЛЯР.

Что ты задумал?

РОБЕРТ.

Примечай, постигнешь.

(Народу).

Сыны Гискара, прогнанные мной,
А им удерживаемые лъстиво,
Вас в судьи призываю я себе.
Произведите выбор между нами
И воспротивьтесь одному из нас.
Сын герцога, я, волей Божьей, принц,
Он—принц лишь по случайности счастливой;
Я только любопытствую, могли ль
Его слова, запавши в ваши души,
На их весах перетянуть мои,
Что было бы неслыханною вещью.

АБЕЛЯР.

Сын герцога? Сын герцога и я!
До твоего отца был мой на троне!
Имел на это больше прав, чем твой!
И мне, наследнику престола, сыну
Оттона,—ближе и родней народ,
Чем сыну моего опекуна,
Которого закон назначил править
Моей страной, куда был я мал! *)
Но я и сам за то, что ты задумал.
Так выбирайте ж между мной и им.
Вы можете, по моему приказу,
Остаться тут и говорить со мной,
Как говорили б вы с самим Оттоном.

СТАРЕЦ.

Мой принц, ты стоишь своего отца!
Твой славный дядя, наш великий герцог,
Возликовал немало б в смертный час,
Имей и он наследника такого.

*) У Вильгельма Норманского, основателя Норманского государства в Италии, было три брата, которые закономерно, по бездетности, следовали друг за другом в управлении. По смерти третьего брата должен был быть провозглашен правителем его сын Абеляр. Однако, благодаря своей популярности или оттого, что этому благоприятствовал возрастной порядок замещения престола, коронован был Гискар, четвертый брат, которому покойный поручил опеку над сыном, и меры, принятые для того, чтобы узаконить это коронование, были позабыты. Короче, в продолжение тридцати лет, Гискара признавали герцогом, а Роберта наследником престола. Вот обстоятельства, которые лежат в основании данного момента.

Гляди, твой вид меня омолодил.
 Точь в точь как ты, осанкой, речью, нравом
 Такой же друг народа, как и ты,
 Стоял Гискар когда-то перед нами,
 Народом обожаемый кумир!
 Да низольется на тебя с небес
 Та благодать, что награждает доблесть,
 Да процветет твоя судьба под ней.
 Всегда и впредь благоволенью дяди,
 Как солнцу, озарять себя давай.
 Не сомневайся. Благостная почва
 Со временем благе даст плоды.
 Расти судьбу. Не надо удобренья
 Сомнительного. Лучше сохрани,
 Пока возможно это, почву чистой.
 Во многих спорах победил бы ты,
 Но в этом состязаньи твой противник
 Сильней тебя. И оттого, что твой
 Приказ лишь разрешает там, где слово
 Его—велит, не гневайся, что мы
 Внушительнейшему послушны будем...

(Роберту, холодно).

Ты приказал уйти,—и мы уйдем.
 Ты сын Гискара,—этого довольно!
 Но можно ль нам прийти опять? Скажи,
 Когда мне их привести с собой обратно?

РОБЕРТ

(скрывая свое смущение).

Явитесь завтра. Нынче, может быть
 В обед, пожалуй, если будет время...
 Да, лучше в полдень. Важные дела
 Теперь на час Гискара задержали.
 По окончании их я позову
 Вас сам, когда он вас захочет видеть.

АВЕЛЯР.

Беременная ль женщина народ,
 Что бережен ты так с ним в обхожденьи?
 Зачем таишь ты правду? Это страх
 За участь недоноска?..

(Поворачиваясь к народу).

Герцог болен.

СТАРЕЦ

(испуганно).

О, Господи! Он заболел чумой?

АБЕЛЯР.

Не ею. Я не этого боюсь...
Хоть врач и опасается, что—ею.

РОБЕРТ.

Чтоб громом в безмятежно-ясный день
Язык твой покалечило, предатель!
(Уходит в палатку).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Те же без Роберта.

ГОЛОС

(из толпы).

Архангелы, защитю нам будьте!

ДРУГОЙ.

Погиб народ!

ТРЕТИЙ.

Погибли без Гискара!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Погибли безвозвратно!

ПЯТЫЙ.

Ни про что,
В морях окруженной Византии!

СТАРЕЦ

(простирая руки к Абеяру).

Нет, это правда, вестник роковой,
Скажи, он в самом деле заразился?

АБЕЛЯР

(спускаясь с холма).

Я вам сказал. Наверно знать нельзя,
Но так как знаков, кроме быстрой смерти,
Не существует, то, пока живет,
Он отвергает эту мысль и будет—
На то Гискар ведь—спорить и в гробу,
Но это ясно матери и сыну,
И дочери, и самому врачу.

СТАРЕЦ.

А чувствует он слабость? Это—признак.

1-й ВОИН.

На жажду жалуется?

2-й ВОИН.

И на жар?

СТАРЕЦ.

Вперед ответь мне. Чувствует он слабость?

АБЕЛЯР.

Сейчас я подошел к его коври
И справился: „Ну, как тебе, Гискар?“—
„Да что ж“, он говорит, „довольно сносно,
Хотя гигантов нужно бы позвать,
Чтоб эту руку маленькую сдвинуть“.
И вслед затем супруге:—„Перестань!
Ты Этву обдуваешь!“—увидавши,
Что машет опахалом на его
Распахнутую грудь. Когда ж царица,
Заплаканная, кубок поднесла
К его губам и перед тем спросила,
Не выпьет ли, Гискар ей отвечал,
Допив до дна: „Что выпить?—Дарданеллы!“

СТАРЕЦ.

Какой удар!

АБЕЛЯР.

Но это не мешает
Ему все время взоры устремлять
На верх дворцовой кровли, что сверкая,
Над Византией горбится, как тигр.
В молчаньи, с картою в руках, он занят
Несбыточными планами, как тот,
Который в жизнь сегодня лишь вступает.
К князьям же Нессу с Локсем, давно,
Как вам известно, передать готовым
Ему тайком ключи, с одним условием,
С одним, которое до этих пор
Он отвергал с достойной прямою,
Отправлен нынче от него гонец
С бумагой о принятии условия *).
И если ночь найдет его в живых,
Увидите, безумье совершится:
И завтра он назначит общий штурм.
Он задавал уже вопросы сыну,
Который восхищен его мечтой:—
Какого мнения он о предприятьи?

*) Таким условием (что должно выясниться в дальнейшем) было требование заговорщиков в Константинополе, чтобы корона досталась не изгнанной Алексеем Комненом греческой императрице, именем ее детей, но непосредственно самому Гискару.

СТАРЕЦ.

О если б сбылся план!

1-й ВОИН.

О если б мы

Могли за ним последовать!

2-й ВОИН.

О если б

Он долго мог еще, наш вождь, вести
Нас в бой, к победе, на смерть!

АБЕЛЯР.

Было б это!

Увы, скорее герцог к византийским
Стенам подступит и скорей перчатка
Гискара постучится в ворота,
Скорей пред герцогской кирасой кончик
Дворцовой кровли склонится, чем сын,
Когда не станет герцога, корону
С мятежного Алексия сорвет.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Те же и Роберт (выходя из палатки).

РОБЕРТ.

Норманны! Слушайте! Гискар покончил
С делами и появится сейчас!

АБЕЛЯР

(испуганно).

Появится? Нет, это невозможно!

РОБЕРТ.

Твое же безобразие, лицемер,
Предстанет всем теперь без покрывала!
(Скрывается в палатку).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Те же без Роберта.

СТАРЕЦ.

О Абеляр, что сделал ты?

АБЕЛЯР

(мгновенно побледнев).

Сказал

Вам истинную правду. Головою
Готов платиться, если был обман.

Гискар, когда я вышел из палатки,
 Лежал пластом, без сил, как труп. Но, впрочем,
 Он духом побеждать умел судьбу
 И тело победил. Не ново это!

МАЛЬЧИК

(поднявшись до половины на холм).

Гляди, гляди! Палатку открывают!

СТАРЕЦ.

Ах, милый мальчик, видишь ты его?
 Ответь же, видишь?

МАЛЬЧИК.

Вижу, ясно вижу!

Среди палатки, вижу, встал, стоит!
 Нагрудный панцырь, вижу, надевает!
 Вот цепь надел! Вот на широкий лоб,
 Могучий, через силу надвигает
 Большой, колеблющийся пышно шлем.
 Да вон, глядите! Вот и сам он! Вот!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Те же и Гискар. За ним следуют герцогиня, Елена, Роберт и свита.

НАРОД

(в ликовании).

Он! Это он! Да здравствует Гискар!
 (Несколько шапок летит в воздух).

СТАРЕЦ

(еще во время общего ликующего крика).

Гискар! Приветствуем тебя, о герцог,
 Как если б ты спустился с облаков!
 Ведь мы тебя за ними полагали!

ГИСКАР

(с приподнятой рукой).

Где мой племянник, принц?
 (Всеобщее безмолвие).

Стань позади!

(Принц, успевший смешаться с толпой, входит на холм и становится позади Гискара, в то время как этот неотступно преследует его взглядом).

И стой в молчаньи здесь. Ты понимаешь?
 Потом я сам с тобой поговорю.

(Обращаясь к старцу).

Кто говорит от войска? Ты, Армин?

СТАРЕЦ.

Да, государь!

ГИСКАР

(выборным).

Когда мне все сказали,
Я очень огорчился, мой народ,
В виду того, что предо мною люди
Не худшие; и вы пришли ко мне
Не попусту; и я скорбел, что третьи
Рассказывают мне о вас в нужде.
Будь краток, старичина! В чем несчастье?
Опять беда? Желаете ль чего?
Могу помочь? Утешить? Говори же!

СТАРЕЦ.

Желанье, князь, сюда нас привело,
Но не оно причина ожидания
Столь бурного, и доброта твоя
Немало б эту кучку устыдила,
Когда б ты мыслей был таких о ней.
Нет, в миг, когда ты вышел из палатки,
Иной причиной вызван был восторг:
Не радостью одной тебя увидеть,
Но страхом, обожаемый Гискар,
Что не видать уже тебя нам больше.
Не меньшим, чем, когда уж говорить
На чистоту, чем сумасшедшим слухом,
Что ты овеев страшною чумой...

ГИСКАР

(смеясь).

Чумой овеев? Вы никак рехнулись?
Лицом на зачумлённого ль похож
Стоящий перед вами в цвете жизни?
И членами владеющий вполне?
Чей чистый голос из свободной груди
Гремит с холма, как звон колоколов?
Нет, с этим расстается зараженный!
Надеюсь, вы цветущего меня
Не повлечете на поле к гниющим?
Кой чорт! Не дамся! В стане никому
Не залучить меня во гроб! В Стамбуле
Угмонюсь, а раньше никогда!

СТАРЕЦ.

Боготворимый князь! Веселой речью
Ты возвращаешь снова к жизни нас!
О, если б было можно, чтоб на свете

Тебе и вовсе не был гроб сужден,
О, если б был бессмертен ты! Бессмертен!
Бессмертен в меру подвигов твоих!

ГИСКАР.

Как раз сегодня, странная случайность,
Я чувствую себя не чересчур
Веселым, но отнюдь не нездоровым,
Всего же менее—больным чумой!
Вернее, здесь недуг последних дней,
Когда пришлось о войске мне скорбеть.

СТАРЕЦ.

Ты говоришь?..

ГИСКАР

(перебивая его).

Сказал, не стоит речи!

Ни в жизнь на этой старой голове
Не баливал ни даже малый волос!
Я все болезни тела побеждал.
Сама чума, могу уверить вас,
Подавится костями старика!

СТАРЕЦ.

Ах, лучше б поручил ты нам заботу
О заболевших с нынешнего дня!
Средь них, Гискар, такого не найдется,
Кто б на поле не предпочел лежать
Без помощи, в мученьях, под угрозой
Заброшенности, нежели иметь
Пособье от тебя, под вечным страхом
Ужаснейшую из всех смертей
За помощь завещать тебе в награду.

ГИСКАР.

С какой поры так мало значит слово
Гискарово? Я часто повторял:
Что если не боюсь прикосновенья
Больных—не даром это; что не даром
Доселе безнаказан; что на это
Свои причины есть. Короче, страх
Оставьте про себя. Теперь же, к делу.
Что надо вам? Будь короток и скор!
Дела зовут меня назад в палатку.

СТАРЕЦ

(после короткой паузы).

Ты знаешь, государь, ты больше всех
Страдаешь под тяжелой ношей горя!
В решительный, в последний час, когда...
(Гискар оглядывается, старец запинаясь).

ГЕРЦОГИНЯ

(тихо).

Ты хочешь?..

РОБЕРТ.

Хочешь?..

АБЕЛЯР.

Что с тобой?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, Боже!

АБЕЛЯР.

В чем дело?

РОБЕРТ.

Что ты?

ГЕРЦОГИНЯ.

Говори ж, Гискар!

(Императрица вытаскивает большой войсковой барабан и пододвигает ему сзади; Гискар мягко опускается на него).

ГИСКАР

(дочери вполголоса).

Дитя мое!..—Армин! Так в чем же дело?

Поведай нам его и дай словам

Широкий ход,—я враг обмолвок робких!

(Старец опускает голову, размышляя).

ГОЛОС

(из толпы).

Что мешкает?

ДРУГОЙ.

Эй, старый! Говори!

СТАРЕЦ

(собравшись с мыслью).

Ты знаешь, князь,—кому и лучше ведать,

На ком другом еще так тяжела

Рука судьбы?—С богинею победы

Уже готов обняться ты, жених,

Уже простерты руки к ней, невесте,

И что ж? Дорогу к ложу заступив,

Дыша огнем, летит к тебе навстречу

Злой ужас наводящая чума!

Ты, правда, все еще не тронут ею,

Но твой народ, кость от кости твоей,

Уже отравлен, больше не способен

На подвиги, и каждый новый день

Все новых верных повергает наземь,

Как рушит сосны наземь ураган!

Упавших не поднять, и там, где пали,

Нашли могилу. Изю всех своих
 Убывших сил стремятся встать, и снова
 Усилъя напругают! Тщетный труд!
 Надламываются живые кости,
 Испорченные ядом, и опять,
 Без сил в могилу падают, отчаясь!
 Ах! В помутненньи разума, подчас,—
 Видали мы,—со скрежетом зубовным,
 С хулой на мир, на бога и людей
 Они сопротивлялись с беснованьем
 Другьям и братьям, женам, матерям,
 Отцам и детям, шедшим к ним на помощь.

ГЕРЦОГИНЯ

(поникая на грудь дочери).

О небо!

ЕЛЕНА.

Обожаемая мать!

ГИСКАР

(медленно оборачиваясь).

Что с ней?

ЕЛЕНА

(неуверенно).

Сдается...

ГИСКАР.

Увести в палатку.

(Елена уводит герцогиню).

СТАРЕЦ.

И так как ты за краткие слова:
 Ах, уведи нас прочь из сей юдоли!
 Ты, выручивший нас из стольких бед,
 Уже помогний стольким бедным, сжался!
 Не отнимай у войска твоего
 Единственный целительный напиток.
 Не откажи нам в воздухе родном.
 В Италию! Веди нас прочь отсюда!
 На родину, на родину верни!

Персвел с немецкого

Б. Пастернак

АМФИТРИОН

AMPHITRYON

КОМЕДИЯ ПО МОЛЬЕРУ

1807

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юпитер, в образе Амфитриона.

Меркурий, в образе Сосия.

Амфитрион, фиванский полководец.

Сосий, его слуга.

Алкмена, жена Амфитриона.

Харита, жена Сосия.

Полководцы.

Действие происходит в Фивах, перед дворцом Амфитриона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Н о ч ь .

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СОСИЙ.

(появляется с фонарем).

Эй, кто крадется? Эй? Когда бы солнце
Взошло, я был бы рад; а ночью — что?
Привет, друзья! У нас одна дорога —
Вы видите честнейшего из смертных,
Клянусь вам честью, под лучами солнца:
Точнее, месяца, хотел сказать я.
Мошенники, а может быть и плуты,
Что не решаются меня задеть!
Иль это ветер прошумел среди листьев?
Здесь каждый звук разносится в горах.
Тихонько! Осторожно! Если я
Еще не скоро доберусь до Фив,
То в мрачный Оркус попаду наверно.
Во имя палача! ведь храбрый я
Мужчина, это повелитель мой
Проверить мог бы как-нибудь иначе.
Он славою увенчан и почетом,
Но отправлять меня в полночный час
Немногим лучше самой скверной шутки.
Немножечко вниманья и любви
Я бы ценил не менее, чем доблесть,
Которой сокрушает он врагов.
Он мне сказал: „Ступай, слуга мой, Сосий!
Ты возвестишь мою победу Фивам
И нежную владычицу мою
Предупредишь о скором возвращеньи”.
Все ж до утра бы это подождало.
Будь я конем, оседланным конем!
Но что это! Никак уже и дом наш!
Триумф! Ты, наконец, у цели, Сосий,
И все враги отныне прощены.

Теперь подумай, друг, о поручении.
 Тебя торжественно сведут к царице,
 К Алкмене, и тогда ты ей расскажешь
 Полно и с красноречием, достойным
 Великой битвы, как Амфитрион
 За родину победоносно дрался.
 Но как я это сделаю, раз я
 При этом не был? Чорт возьми! Досадно,
 Что не выглядывал я из шатра,
 Когда войска смешались в рукопашной.
 Да что! про битву расскажу я смело
 И выдержу не хуже, чем другие,
 Что свиста стрел не слышали совсем.
 Но роль бы не мешало разучить!
 Так! Справедливо, Сосий! Подготовься!
 Пусть это будет залом, а вот этот
 Фонарь — Алкмена, что сидит на троне.

(Ставит фонарь на землю).

— Светлейшая! меня Амфитрион,
 Мой господин и славный ваш супруг,
 Шлет о победе над афинским войском
 Вам принести отраднейшую весть.—
 Начало хорошо! — „Ах, милый Сосий!
 Я не скрываю радости своей —
 Тебя увидеть." — „Эта доброта,
 Великолепная, меня смущает,
 Хотя другому бы внушила гордость".
 — Ага, опять не плохо! — „А любезный
 Душе моей, возлюбленный супруг?
 Как поживает он?" — „Я буду краток:
 Как доблестный герой на поле славы".—
 Вот, здорово! — „Когда же он вернется?"
 — „Не позже, чем ему позволит доля,
 Хоть не так скоро, как бы он хотел".
 Так! — „Ничего он больше не велел
 Мне передать?" — „Он мало говорит,
 Совершает много, и трепещет мир."—
 Возьми меня чума! Да я остер!
 — „Афиняне, ты говоришь, бегут?"
 — „Они бегут; Лабдак, их вождь, убит.
 Фарисса пала, и в горах повсюду
 Грохочет наш победоносный крик".
 — „О, драгоценный Сосий! Знай! Ты должен
 Мне это все подробно рассказать".
 — „Властительница, я к услугам вашим,
 Тем более, что о победе этой
 Подробно, лышу себя, могу поведать.

Так будьте же добры себе представить:
Вот с этой стороны

(Указывает места на своей руке).

лежит Фарисса.

А этот город, верно вам известно,
В своем объеме будет, praeter propter,
Чтоб не соврать, пожалуй, даже больше
Чем Фивы; — здесь река. И наше войско.
На возвышеньи в боевом порядке;
А там, в равнине, скучившийся враг.
Послав такую клятву к небесам,
Что содрогнулись облачные своды,
Он бросился, кругом отряды выслав,
Шумящими потоками на нас.
Но мы, не меньше храбрые, ему
Обратный указали путь; — вот так:
Здесь встретил он передовой отряд,
Тот сдал. Тут он на лучников ударил;
Те отступили. Осмелев, насел он
На прашников: те побежали с поля,
Когда ж он двинулся на главный корпус,
Тот бросился — стой! С корпусом не ладно...
Мне показалось, что я слышу шум.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Меркурий выходит под видом Сосия из дома Амфитриона.

МЕРКУРИЙ.

(про себя).

Когда я эту пакостную рожу
Отсюда во время не удалю,
То под сомненьем счастье, которым
В объятиях Алкмены насладиться
Сегодня, в образе Амфитриона,
Зевс Олимпийский на землю сошел.

СОСИЙ.

(не видя Меркурия).

Нет ничего, и мой улегся страх.
Но чтобы приключений избежать,
Здесь, окончательно, устроюсь дома
И поручение мое исполню.

МЕРКУРИЙ.
(про себя).

Ты победишь Меркурия, иначе
Я этого не допущу, мой друг.

СОСИЙ.

А ночь до бесконечности длинна.
Коль я еще не пять часов в дороге
По Фивским солнечным часам, то я
Их вдребезги на башне расстреляю.
Иль, оп'яненный новою победой,
За утро принял вечер господин мой,
Иль рыхлый Феб еще не пробудился,
Вчера в бутылку крепко заглянув.

МЕРКУРИЙ.

С каким нахальством этот прощальга
Толкует о богах. Еще немного —
Его почтенью живо научу.

СОСИЙ.

(увидев Меркурия).

Ах, боги темной ночи! Я погиб.
Там вот крадется тот, кого увижу
На виселице рано или поздно.
Я буду смел и дерзок, и уверен.
(Свистит).

МЕРКУРИЙ.

(громко).

Кто этот остопоп, который здесь
Имеет наглость, — будто дома он,
Свистеть мне, как шарманка, прямо в уши?
Не заплесала бы моя дубина!

СОСИЙ.

Нельзя сказать, чтоб музыку любил он.

МЕРКУРИЙ.

Давно уж никого я не встречаю,
Кому бы кости мог переломать.
Моя рука немеет от покоя,
И горб, такой вот ширины, как твой,
Как раз подходит мне для упражнений.

СОСИЙ.

Кой чорт родил мне этого бродягу?
Я чувствую в груди смертельный страх;
Он даже мне дыхание стесняет.
Когда б из преисподней вышел он,
Меня бы вид его смутил не боле!

А может этому шуту не лучше,
И он разыгрывает людоеда,
Чтобы меня согнуть в бараний рог?
Стой, сын! Я тоже так могу. К тому же
Нас двое, у меня два кулака,
Не больше у него; в беде же крайней
Здесь есть куда мне отступить; — вперед!

МЕРКУРИЙ.

(заступая ему дорогу).

Стой! Кто идет там?

СОСИЙ.

Я.

МЕРКУРИЙ.

Какое я?

СОСИЙ.

Когда позволите, мое. Не платит
Оно здесь пошлин, думаю. Смелей!

МЕРКУРИЙ.

Стой! Так легко ты не уйдешь отсюда!
Какого состоянья?

СОСИЙ.

Состоянья?

Я, видите, стою на двух ногах.

МЕРКУРИЙ.

Хочу я знать, слуга ты или барин?

СОСИЙ.

Зависит, как смотреть на это дело.
И барином могу быть, и слугой.

МЕРКУРИЙ.

Ты мне не нравишься.

СОСИЙ.

Мне очень жаль,

МЕРКУРИЙ.

Короче, я хочу узнать, предатель,
Ночной бездельник, улетный бродяга,
Кто ты такой, куда идешь, откуда
И почему болтаешься ты здесь?

СОСИЙ.

На это я ответить вам могу
Лишь так: я — человек; пришел — оттуда,
Иду — туда, и кое-что затеял,
Что начинает мне надоедать.

МЕРКУРИЙ.

Я вижу, ты остер и очень хочешь
 Меня скорей отшить. Но мне пришла
 Охота продолжать знакомство наше,
 И чтоб исполнить это, я тебе
 Вот этою рукой заеду в ухо.

СОСИЙ.

Мне?

МЕРКУРИЙ.

Да, тебе, и вот теперь почувствуй!
 Какой из этого ты сделал вывод?

СОСИЙ.

АЧорт!

И крепкий же кулак у вас, приятель.

МЕРКУРИЙ.

Удар был средний. Часто попадаю
 И лучше.

СОСИЙ.

Если б мне такую силу,
 Мы здорово друг в друга бы вцепились.

МЕРКУРИЙ.

Я был бы рад. Люблю такие схватки.

СОСИЙ.

Но должен я откланяться, по делу.
 (Хочет итти.)

МЕРКУРИЙ.

Куда?

СОСИЙ.

Тебе нет дела, к чорту!

МЕРКУРИЙ.

Слушай,

Я знать хочу, куда?

СОСИЙ.

Вон те ворота

Я прикажу себе открыть. Пусти.

МЕРКУРИЙ.

Когда осмелишься ты к тем воротам
 Приблизиться, то на тебя смотри,
 Как град посыпятся мои удары!

СОСИЙ.

Что? Я к себе домой итти не смею?

МЕРКУРИЙ.

Домой? А ну-ка повтори.

СОСИЙ.

Ну да!

Домой.

МЕРКУРИЙ.

Ты говоришь об этом доме?

СОСИЙ.

Ведь это же Амфитриона дом?

МЕРКУРИЙ.

Амфитриона дом. Да, безусловно,

Подлец, Амфитриона это дом.

Дом первого из полководцев в Фивах.

Какой же вывод из того?

СОСИЙ.

Какой?

Что я туда войду. Его слуга я.

МЕРКУРИЙ.

Его...

СОСИЙ.

Слуга.

МЕРКУРИЙ.

Ты?

СОСИЙ.

Я.

МЕРКУРИЙ.

Амфитриона?

СОСИЙ.

Слуга Амфитриона, полководца.

МЕРКУРИЙ.

Твое как имя?

СОСИЙ.

Сосий.

МЕРКУРИЙ.

Со...

СОСИЙ.

Да, Сосий!

МЕРКУРИЙ.

Тебе я кости размозжу.

СОСИЙ.

Да ты

В своем уме?

МЕРКУРИЙ.

Да как ты смеешь, дерзкий,
Присваивать себе чужое имя?

СОСИЙ.

Его мне дали, я его не брал,
Пусть мой отец тебе за то ответит.

МЕРКУРИЙ.

Слышал ли кто о наглости такой?
Ты мне бесстыдно говоришь в лицо,
Что Сосий ты?

СОСИЙ.

Без всякого сомненья.
И это только потому, что так
Великие хотели боги; я же
Борюсь с ними не имею силы,
Другим желая сделаться, чем есть;
Что ж, я есть Я, слуга Амфитриона,
Хоть в десять раз мне было бы милее
Его кузеном или зятем стать.

МЕРКУРИЙ.

Тебя я постараюсь переделать.

СОСИЙ.

Фиванцы! Горожане! Караул!

МЕРКУРИЙ.

Как, ты еще кричишь, мерзавец?

СОСИЙ.

Что?
Меня ты бьешь, а я кричать не смею?

МЕРКУРИЙ.

Да знаешь ты, что — ночь, что время сна,
Что во дворце покоится Алкмена,
Жена Амфитриона?

СОСИЙ.

К чорту вас!

Кончать я должен; видите вы сами,
Что драка мне не так с руки, как вам;
Давать удары, их не получая,
Не есть геройство. Я вам говорю:
Нехорошо храбриться пред людьми,
Которых рок заставил спрятать храбрость.

МЕРКУРИЙ.

Так к делу. Кто ты?

СОСИЙ.

(про себя).

Если я спасусь,

Бутыль вина я обещаю в жертву
Наполовину выплеснуть на землю,

МЕРКУРИЙ.

Ты Сосий все еще?

СОСИЙ.

Пусти меня,

Ты можешь сделать, что меня не будет,
Пока же существую — я есть Я.
Вся разница лишь в том, что я теперь
Почувствовал, что я побитый Сосий.

МЕРКУРИЙ.

Смотри, собака, плохо кончишь!
(Грозит).

СОСИЙ.

Брось!

Брось, перестань, довольно.

МЕРКУРИЙ.

Нет, не раньше,

Чем перестанешь ты.....

СОСИЙ.

Я перестал.

Не стану спорить; пусть ты прав во всем,
На все, что скажешь, я отвечу „да“.

МЕРКУРИЙ.

Ты Сосий все еще, предатель?

СОСИЙ.

Ах!

Я то, что хочешь ты. Повелевай,
Тебя владыкой сделала дубина.

МЕРКУРИЙ.

Ты говоришь, что Сосием ты звался?

СОСИЙ.

До этого мгновенья я считал,
Что в этом есть большая доля правды.
Но научили доводы твои
Меня: я вижу, как я ошибался.

МЕРКУРИЙ.

Я тот, кто Сосием зовется.

СОСИЙ.

Сосий?

Ты?

МЕРКУРИЙ.

Да, я Сосий. Кто же рассуждает,
Пускай побережется этой палки.

СОСИЙ.

(про себя)

О, боги вечные, теперь я должен
Отречься от себя и допустить
Обманщика мое похитить имя?

МЕРКУРИЙ.

Ты что ворчишь сквозь зубы там, я слышу?

СОСИЙ.

Нет, ничего, что бы тебя касалось.
Но именем всех греческих богов,
Которые тобой и мною правят,
Тебя я заклинаю разрешить мне
Хоть на мгновенье откровенным быть.

МЕРКУРИЙ.

Ну?

СОСИЙ.

Будет ли молчать при этом палка?
Участия не примет в разговоре?
Мы заключаем перемирие!

МЕРКУРИЙ.

Ладно.

На этот пункт согласен я.

СОСИЙ.

Скажи мне,

Как в голову тебе пришла затея,
Бесстыдно имя у меня украсть?
Добро бы плащ, добро бы ужин мой,
Но имя! Можешь ты его надеть?
Есть? Пить? Иль заложить его хотя бы?
Какая польза в этом воровстве?

МЕРКУРИЙ.

Что? Ты — ты смеешь?

СОСИЙ.

Стой! Я говорю

Мы заключили перемирие.

МЕРКУРИЙ.

Дерзкий!

Негодный плут!

СОСИЙ.

Тут я не протестую.
Ругательства терплю, они беседы
Не нарушают.

МЕРКУРИЙ.

Ты зовешься Сосий?

СОСИЙ.

Неосновательно, я признаюсь,
Молва меня—

МЕРКУРИЙ.

Довольно. Перемирие
Я нарушаю, чтоб заговорить.

СОСИЙ.

Ступай в Аид. Я не могу исчезнуть,
Перемениться, вылезти из кожи
И эту кожу на себя повесить.
Бывало ли подобное на свете?
Мне снится, что ли? Подкрепляясь утром,
Я чересчур сегодня постарался?
Иль может быть я не совсем в уме?
Не выслал ли меня Амфитрион
Супруге доложить о возвращении?
И я не должен ли его победы
И как Фарисса пала — рассказать?
Не прибыл ли я только что сюда?
И не держу ли фонаря? Тебя
Я не нашел ли возле двери дома,
Когда ж к воротам подойти хотел,
Не взял ли палку в руки ты и мне
Не разможил ли спину безобразно,
В лицо мне утверждая, что не я,
А ты, ты сам слуга Амфитриона?
Все это, к сожаленью, слишком верно;
Но я бы предпочел быть сумасшедшим,

МЕРКУРИЙ.

Мерзавец, берегись! Мой гнев мгновенно,
Как град, опять ударит на тебя;
Все то, что говорил ты, слово в слово
Все — обо мне, побои исключив.

СОСИЙ.

Как о тебе? Фонарь, клянусь богами,
Свидетель мой...

МЕРКУРИЙ.

Ты лжешь, я говорю
Меня послал Амфитрион сюда.

Мне полководец Фив вчера под вечер
 Еще в пылу кровавого сраженья,
 Покинув храм, где жертву приносил,
 Дал порученье Фивам возвестить
 Его победу и конец Лабдака,
 Затем что, говорю тебе, я — Сосий,
 Его слуга, сын Давуса, который
 Был местным пастухом, брат Гарпагона,
 Что умер на чужбине, муж Хариты,
 Которая меня приводит в ярость.
 Тот Сосий, что сидел на башне, тот,
 Кому еще недавно отсчитали
 За лишнюю болтливость пятьдесят.

СОСИЙ.

(про себя)

На этот раз он прав! И как ни странно,
 Но, Сосием не будучи, нельзя
 Знать то, что он, повидимому, знает.
 Приходится ему слегка поверить.
 Тем более, что он, как посмотрю,
 Похож фигурой, ростом, обращеньем
 И видом плутоватым на меня.
 Его спрошу я кой о чем, и это
 Все выведет на чистоту.

(Громко)

С добычей,
 Что найдена была во вражьем стане
 Как поступил Амфитрион, скажи мне,
 И что на долю выпало ему?

МЕРКУРИЙ.

Ему наградой был венец Лабдака,
 Который найден был в его шатре.

СОСИЙ.

И что решили сделать с тем венцом?

МЕРКУРИЙ.

Амфитриона имя начертали
 Слепительно на золотом венце.

СОСИЙ.

Его он носит сам теперь?

МЕРКУРИЙ.

Алкмене

Он предназначен, чтобы в память битвы
 Она носила золотой убор.

СОСИЙ.

И ей из лагеря направлен будет
Подарок этот?

МЕРКУРИЙ.

В золотом ларце,
Где вытеснил Амфитрион свой герб.

СОСИЙ.

(про себя)

Он знает все. Во имя всех чертей!
В себе я вправду начал сомневаться.
Свою наглостью и палкой был уж раз
Он Сосием, и не хватало только,
Чтоб им он стал на должном основаньи...
Но, щупая себя, готов я клясться,
Что тело Сосия я узнаю.
Как выпутаться мне из лабиринта?
Что делал я, когда я был один,
Никто не видел, знать никто не может,
Когда он не такой же Я, как я.
Так, — мой вопрос прольет немного света,
Что ж, попадется он — а вот увидим.

(Громко)

Когда лицом к лицу войска схватились.
Скажи, что делал ты среди палаток,
В которые так ловко затесался?

МЕРКУРИЙ.

От ветчины.....

СОСИЙ.

(про себя)

И чорт же в этом парне!

МЕРКУРИЙ.

Которую нашел в углу палатки,
Отрезал я себе кусочек сочный
И растворил искусно погребец,
Чтобы для битвы, вокруг меня кипевшей,
Немного храбрости себе придать.

(СОСИЙ)

(про себя)

Довольно: это все равно, как если б
Земля меня на месте поглотила.
Затем, что пить из погребца нельзя,
Случайно не найдя, как я, в мешке
Такого подходящего ключа.

(Громко)

Теперь я вижу, старый друг, что ты,
 От Сосия имеешь все, что надо
 И может пригодиться на земле,
 И большее мне кажется излишним.
 Навязчивым я быть не собираюсь
 И отступлю перед тобой легко.
 Но будь ты так любезен и скажи мне:
 Раз я не Сосий, кто же я такой?
 Ведь, согласишься, я все же кто-нибудь.

МЕРКУРИЙ.

Когда я Сосием не буду больше,
 Будь ты им, с этим я вполне согласен —
 Пока же это — я, то берегись,
 Чтоб мысль тебе такая не пришла.

СОСИЙ.

Уж ладно. Закружилась голова.
 Я вижу, друг, как дело обстоит,
 Хотя сейчас не очень понимаю,
 Однако — надо положить конец;
 Для этого, пожалуй, будет мудро
 Итти своей дорогой.

До свиданья!

МЕРКУРИЙ.

(отталкивает его назад)

Как, висельник! Куда? Тебе все кости
 Переломать сначала, что ли?

(Бьет его)

СОСИЙ.

Боги!

Защиты нет... Моя спина болит,
 Когда Амфитрион за палку даже
 И не берется! Что ж! Пойду себе
 От чорта этого обратно в лагерь,
 Как мрачно ни зияет эта ночь.
 Однако же, почетное посольство!
 И как-то встретит господин меня?

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МЕРКУРИЙ.

Ну, наконец! Что не сбежал ты раньше?
 Себя бы сохранил ты от ударов —
 Ведь честь рукою бога быть избитым
 Мошенника нисколько не волнует.
 За то и задал я ему изрядно.
 Да будет так! Довольно нагрешил он,
 Побой заслужил, хоть не сегодня.
 Он может их принять себе в зачет.
 Но только бы своим ужасным криком,
 Как будто резали его, чтоб жарить,
 Влюбленных он не разбудил! Клянусь я,
 Зевс встал. Идет сюда, отец богов,
 И нежная ведет его Алкмена,
 Как будто вправду он Амфитрион.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юпитер (в образе Амфитриона). Алкмена, Харита, Меркурий. (Факелы)

ЮПИТЕР.

Вели, моя прелестная Алкмена,
 Чтоб факелы убрали. Хоть и светят
 Они прекраснейшему на земле
 И лучшему, что видел Олимпиец,
 Но, как сказать? Они же выдают
 Того, кто этим чудом соблазнился,
 И лучше, если сохранится втайне,
 Что в Фивах был Амфитрион.
 Ведь у войны украдены мгновенья,
 Которые любви я посвятил;
 Как истолкует мир такую кражу?
 И пусть единственный свидетель будет
 Та, для которой я ее совершил.

АЛКМЕНА.

Амфитрион! Итти ты хочешь? Ах,
 Как тягостна обуза славы, милый!
 Я рада бы отдать венец, который
 Завоевал ты, за букет фиалок,
 Тобою сорванных вокруг лачуги.
 Что, кроме нас, нам нужно? Почему
 Столь чуждое навязано тебе:
 Жезл полководца, царская корона?

Хоть, правда, в час, когда народ, ликуя,
 Великих превозносит имена,
 Так сладко знать, что мне принадлежишь ты;
 Но разве это может искупить
 То, что я чувствую, когда в бою
 Стрела грозит могучей этой груди?
 Как без тебя мне пуст наш дом! Как вяло
 В твоём отсутствии влечется
 Унылый хоровод ночных часов!
 Увы, что у меня берет отчизна,
 Я поняла, Амфирион, сегодня,
 Тобою владав лишь два часа.

ЮПИТЕР.

Любимая, как ты прелестна! Но
 Есть у меня забота, и ее
 Хоть шуткой и звучит она, открою.
 Ты знаешь: есть супружеский закон,
 Есть долг; и кто любви не мог достигнуть,
 Ее добиться может по суду.
 Блаженству моему мешает это.
 Тебе хочу я благодарным быть
 И сердцу твоему за благосклонность.
 Но только не смирению, которым
 Ты, может, связанной себя считаешь,
 Тебе легко прогнать мои сомненья!
 Открой свою мне душу и скажи
 Супруга ль, обрученного тебе,
 Любимого ль ласкала ты сегодня?

АЛКМЕНА.

Любимый и супруг! Что говоришь ты?
 Не есть ли это та святая связь,
 Которая оправдывает ласки?
 Зачем же мучает тебя закон,
 Далекий от каких-либо стеснений,
 Тот, что для самых дерзостных желаний
 Уничтожает всякие границы?

ЮПИТЕР.

Моя любовь, дрожайшая Алкмена,
 Как солнце далека от чувств, что муж
 К жене испытывает. Отвыкай,
 Любимая, от мужа и учись
 Меж ним и мною различать умело.
 Смещение это боль мне причиняет,
 И для меня невыносима мысль,
 Что принимала ротозея ты.

Который мнит, что у него права.
 Тебе хотел бы я, мой нежный друг,
 Казаться существом другого рода.
 Быть победителем твоим, богами
 Наученным искусству побеждать.
 Зачем же полководца Фив сюда
 Мешать, который за большой дворец
 Однажды княжескую дочь посватал?
 Знай, добродетель я твою охотно
 Ему бы уступил, тому тщеславу,
 И для себя одну любовь оставил.

АЛКМЕНА.

Ты шутишь. Если б кто-нибудь услышал,
 Как нынче ты бранишь Амфитриона,
 Тебя бы счел он кем-нибудь другим —
 Не знаю кем. Не то, чтоб не ценила
 Я этой милой ночью, как супруга
 Возлюбленный умеет превзойти;
 Но раз уж небожители обоих
 В тебе соединили, я прощаю
 Вот этому провинности того.

ЮПИТЕР.

Так обещай мне, что наш дивный праздник,
 Которым справили мы нашу встречу,
 Из памяти твоей не ускользнет;
 И день божественный, что нами прожит,
 Ты не смешаешь с будничными днями
 Дальнейшего супружества, мой друг.
 Скажи, что будешь помнить обо мне,
 Когда Амфритрион к тебе вернется.

АЛКМЕНА.

Ну, да. Что я могу сказать?

ЮПИТЕР.

Спасибо!

Здесь больший смысл, чем кажется тебе.
 Прощай, меня зовет мой долг.

АЛКМЕНА.

Куда ты?

Так эту ночь, что десять тысяч крыльев
 Умчали, милый, не dokonчим мы?

ЮПИТЕР.

Ужели ночь была тебе короткой?

АЛКМЕНА.

Ах!

ЮПИТЕР.

Нежное дитя! И все ж Аврора
Промедлила для нас насколько можно
Я позабочусь, чтобы другие ночи
Не дольше были на земле, чем нужно.

АЛКМЕНА.

Он оп'янен, мне кажется. Я тоже.
(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

(Меркурий. Харита.)

ХАРИТА.

(про себя)
Вот это нежность! Это постоянство!
Вот это праздник мне, когда супруги
Опять вдвоем, и кончена разлука
Но тот мужик, с которым я связалась, —
Чурбан и тот приветливей, чем он.

МЕРКУРИЙ.

(про себя)
Теперь скорее ночь предупредить,
Чтоб мир не вышел из повиновенья.
Богиня-сводня уж часов семнадцать
Над Фивами сегодня провела.
Теперь пусть мчится дальше, свой покров
Спуская на другие приключения.

ХАРИТА.

(громко)

Вот он, безчувственный! Вот он идет!

МЕРКУРИЙ.

Не должен ли я быть с Амфитрионом?
Я думаю, когда идет он в лагерь,
Не мне валяться на медвежьей шкуре?

ХАРИТА.

Хоть что-нибудь сказал бы!

МЕРКУРИЙ.

Э! Успею,
О чем спросила, то узнала — баста!
Я в этом случае же многословен.

ХАРИТА.

Ты — остопоп! „Жена“, сказал бы так,
„Люби меня, утешься — и так дальше“.

МЕРКУРИЙ.

Что, чорт, взбрело на ум тебе? Я должен
Здесь на гримасничанье тратить время?
Исчерпан разговор за десять лет.
Давным-давно тебе я все сказал.

ХАРИТА.

Смотри, предатель, как Амфитрион,
Подобно низшим людям, мил и нежен.
Не стыдно ли тебе, что в уваженьи
К своей жене, в супружеской любви.
Твой господин заткнул тебя за пояс?

МЕРКУРИЙ.

Медовый месяц у него, дитя.
Есть возраст, где буквально кстати все.
Хотел бы видеть я, как мы с тобой
Проделали б все то, что эти двое.
Мы были бы похожи на ослов,
Что разбросали вкусные остатки.

ХАРИТА.

Нахал! Что это за слова такие!
Не в состояньи я?...

МЕРКУРИЙ.

Не говорю,
Твои из'яны можно не заметить!
Ты серая, когда темно; но здесь
На площади собралась бы толпа,
Когда бы чорт меня толкнул быть нежным.

ХАРИТА.

Я ль не прошла, как только ты пришел,
На водокачку! Я ль не причесалась?
Я ль в платье чистое не приделась?
Все для того, чтоб ты меня облаял!

МЕРКУРИЙ.

Что платье! Если ты могла бы снять
То платье, что дала тебе природа,
Передник грязный мне б не помешал.

ХАРИТА.

Но я же нравилась тебе невестой.
И было нужно надевать его
На сенокос, и за стирпней, и стиркой.
От времени оно поистрепалось!..

МЕРКУРИЙ.

Но я его заштопать не могу.

ХАРИТА.

Плут, ты не заслужил, чтоб у тебя
Была такая честная супруга.

МЕРКУРИЙ.

Когда бы ты так не была честна,
Но головы бы мне не продала
Сварливую свою болтовней!

ХАРИТА.

Как? Недоволен ты, что я честна,
Что имя доброе я заслужила?

МЕРКУРИЙ.

Избави небо! Нет, блюди невинность,
Но только не води ее, как лошадь,
Треща на улицах и площадях.

ХАРИТА.

Тебе жену бы, как бывают в Фивах —
Бессовестную, хитрую! Она
Тебя бы в сладкой речи утопила,
А ты б ее бесчинства проглотил.

МЕРКУРИЙ.

А что до этого, моя душа,
То мысли гложуг только дураков,
И я завидую тому, чей друг
Сумел с его женою мирно спеться;
Старея, жизнью их детей живет он.

ХАРИТА.

Ты так бесстыден, что меня ты дразнишь,
Так дерзок, что как будто вызываешь
Дать в заместители тебе Фиванца,
Что крадется за мной по вечерам?

МЕРКУРИЙ.

Да, чтобы чорт побрал меня! Но только
Избавь меня от точного доклада.
Удобный грех но мне куда дороже
Несносной добродетели; и вот —
Поменьше чести мне, побольше бы покоя!
Прощай, Харита, прелесть! Я спешу.
Амфирион уж в лагере наверно.

(Уходит).

ХАРИТА.

Зачем решимости мне не хватает
Поступком откровенным наказать
Презренного негодника? О, боги!
Как я теперь жалею, что весь свет
Меня приличной женщиной считает!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

День.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Амфитрион. Сосий.

АМФИТРИОН.

Стой, вор, стой, говорю тебе, проклятый
Бездельник! Болтовней своею ты
Себя до виселицы доведешь!
И чтоб с тобою поступить достойно,
Нет под рукой дубины у меня!

СОСИЙ.

Когда такой вы тон берете что ж.
Пусть мне приснилось, иди был я пьян!

АМФИТРИОН.

Плести бесстыдно мне такие сказки,
Рассказы, вроде тех, какими няньки
По вечерам баюкают детей!
Ты думаешь, быть может, я поверю?

СОСИЙ.

Избави бог. Вы — барин, я — слуга,
И вы поступите, как вам угодно.

АМФИТРИОН.

Пусть будет так. Я подавлю свой гнев
И запасусь терпением, чтоб еще раз
С начала до конца тебя прослушать.
Доколе не распутаю загадки,
Мол нога не ступит во дворец
Ну, хорошенько соберись с умом
И точно Расскажи мне все, как было.

СОСИЙ.

Но, господин, из страха вас прошу,
Скажите, прежде чем приступим к делу,
Как мне вести мое повествование.
Согласно убеждениям моим
Могу я честно с вами говорить,
Иль так, как подобает при дворе?
Могу я смело говорить всю правду.
Иль должен быть вполне благовоспитан?

АМФИТРИОН.

Без всяких фокусов! Повелеваю
Все без утайки мне изобразить.

СОСИЙ.

Так. Ладно. Я вам услужу теперь
Вы только задавайте мне вопросы..

АМФИТРИОН.

На мой приказ?

СОСИЙ.

Отправился я в путь
Сквозь адский мрак, такой, как-будто день
На десять тысяч сажен провалился,
Вас и приказ ваш посылая к чорту,
Дорогою на Фивы, во дворец.

АМФИТРИОН.

Что говоришь ты?

СОСИЙ.

Правду, господин.

АМФИТРИОН.

Так. Дальше! Продолжайте путь свой, ты?...

СОСИЙ.

Переставлял поочередно ноги
И за собою оставлял следы.

АМФИТРИОН.

Как? Говори мне, что с тобой случилось!

СОСИЙ.

Да ничего! А только *salva venia*.
Мне страх и ужас наполнили душу.

АМФИТРИОН.

Прибыв на место?...

СОСИЙ.

Я поупражнялся
В речах, что должен был произносить,
И остроумно представлял себе,
Что мой фонарь — светлейшая Алкмена.

АМФИТРИОН.

Потом?..

СОСИЙ.

Мне помешали. Вот загвоздка.

АМФИТРИОН.

Кто помешал? Что помешало?

СОСИЙ.

Сосий.

АМФИТРИОН.

Как мне понять тебя?

СОСИЙ.

Как вам понять?

Ей богу! Вы хотите слишком много!
Мне в упражненьях Сосий помешал.

АМФИТРИОН.

Как, Сосий? Что за Сосий! что за птица.
Какой еще бездельниц Сосий в Фивах,
Носящий то же имя, что и ты.
В твоих занятиях помешал тебе?

СОСИЙ.

Да, Сосий, ваш слуга, что вы послали
Вчера под вечер, чтобы во дворце
Предупредить о вашем возвращенья.

АМФИТРИОН.

Ты? Что ли?

СОСИЙ.

Я. При этом я, который
Все наши тайны знает на зубок,
И об алмазах знает и ларце.
Совсем, как я, что с вами говорит,

АМФИТРИОН.

Что за рассказ такой?

СОСИЙ.

Весьма правдивый.

Чтоб дольше мне не жить, когда я вру?
То Я явилось ранее, чем я,
И в этом случае, чорт подери,—
Я был на месте до того, как прибыл.

АМФИТРИОН.

О, что за чушь! Откуда этот вздор?
 Что это — бредни? Или ты налился?
 С ума сошел? Задумал подшутить?

СОСИЙ.

Нет, я серьезен, господин, и вам
 Поверить на слово придется мне.
 Коль будете вы так добры. Клянусь,
 Что вышел я в единственном числе,
 И что неожиданно в Фивах раздвоился,
 Что с изумлением встретил сам себя.
 Да, это Я, что здесь сейчас стоит
 Измученное голодом и жаждой,
 Нашло другое, чортову детину,
 Спокойно выходящим из дворца.
 И оба эти жулика, ревниво
 Исполнить поручение желая,
 Тотчас подрались; мне потом пришлось
 Плестись обратно, в лагерь, потому что
 Я безрассудным негодяем был.

АМФИТРИОН.

Ведь только с добротой моей, с моим
 Терпением и кротостью возможно
 Такие речи позволять слуге.

СОСИЙ.

Когда вы горячитесь, я умолкну.
 Поговорим о чем-нибудь другом.

АМФИТРИОН.

Ну, хорошо. Я сдерживаюсь, видишь.
 Я кротко буду слушать до конца.
 Но только ты по совести скажи:
 В том, что за правду выдаешь ты мне,
 Имеется хоть тень правдоподобья?
 Возможно ли понять, связать, постигнуть?

СОСИЙ.

Избави бог! Кто это говорит?
 Да в желтый дом того отправить надо,
 Кто скажет, что он что-нибудь да понял.
 Оно не ковано, оно не шито.
 Весь случай колдовской, как будто сказка
 И все же было. — как солнце в небесах.

АМФИТРИОН.

Пять чувств имея, как тому поверить?

СОСИЙ.

Ей-ей! как вам, мне стоило усилий,
 Пока я в это верить научился.
 Я думал, что сошел с ума, когда
 Себя нашел на площади, шумящим,
 И долго я плутом себя ругал.
 Но, наконец, узнал я сам себя,
 Второе Я признал я, вслед за первым.
 Казался воздух зеркалом, вот здесь
 Стояло существо, совсем, как я,
 Такой осанки и такого роста;
 Воды две капли менее похожи.
 Да будь он поприветливее только,
 А не такой нахал, я, право, мог бы,
 По совести, совсем довольным быть,

АМФИТРИОН.

К какой я выдержке приговорен!
 Но в дом вошел же ты, в конце концов?

СОСИЙ.

Что? В дом? Отлично! Только как же это?
 Я допускал? Я слушался речей?
 Не преграждал себе пути к воротам?

АМФИТРИОН.

Что: к чорту! как?

СОСИЙ.

Как? Очень просто—палкой.
 Моя спина еще хранит следы.

АМФИТРИОН.

Тебя побили?

СОСИЙ.

Здорово!

АМФИТРИОН.

Но кто же?

Кто был так дерзок?

СОСИЙ.

Я.

АМФИТРИОН.

Ты? Сам себя?

СОСИЙ.

Ну да же! Я. Не это Я, что здесь,
 Другое Я, проклятое, из дома,
 Что бьет, как пять здоровых батраков.

АМФИТРИОН.

Поберегись со мной так говорить!

СОСИЙ.

Я доказать могу, когда хотите.
Свидетель мой, достойный веры, это
Товарищ по несчастью — спина.
Но Я, что выгнало меня отсюда,
Имело преимущество: и храбрость,
И руки крепкие, как у борца.

АМФИТРИОН.

В конце концов — мою жену ты видел?

СОСИЙ.

Нет!

Почему? АМФИТРИОН.

СОСИЙ.

На важных основаниях.

АМФИТРИОН.

Предатель, кто тебе позволил долга
Не выполнить! Повеса! Негодяй!

СОСИЙ.

Я двадцать раз вам должен повторять?
Я, — говорю вам, — дьявольское Я,
Что этой дверью крепко овладело,
Я, что желает быть единым Я,
Я из дворца, Я — с дюжею дубиной,
Я — что меня до полусмерти било!

АМФИТРИОН.

Я вижу, эта бестия пьяна
И окончательно ума лишилась.

СОСИЙ.

Поди я к чорту, если я сегодня
Пил больше порции, чем пил всегда.

АМФИТРИОН.

А может быть, ты завалился спать
И захрапел? Быть может, скверный сон
С тобою эту шутку разыграл,
которую за правду ты считаешь?

СОСИЙ.

Нет, ничего подобного. Не спал я,
И не имел охоты спать в лесу;
Я бодрым был совсем, когда явился,
И очень бодр и весел был другой,
Тот Сосий, что помял меня изрядно.

АМФИТРИОН.

Молчи. Зачем себя я утомляю?
 Я сам безумен, слушая тебя.
 Ненужная, смешная болтовня.
 В которой нет ни разума, ни смысла!
 Ступай за мной.

СОСИЙ.

(про себя).

Ну, да. Из уст моих
 Все это вздор, вниманья недостойный:
 Но то же самое скажи великий,—
 О чуде уж кричали бы везде!

АМФИТРИОН.

Ворота пусть откроют. Что я вижу?
 Сюда идет Алкмена. Удивится,
 Меня не ожидая увидеть!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Алкмена, Харита.

АЛКМЕНА..

Идем, Харита. Принесем богам
 Мы вместе благодарственную жертву.
 Чтоб милость их защитная и впредь
 На самом лучшем из мужей почил.

(Увидав Амфириона)

О, бог! Амфитрион!

АМФИТРИОН.

Подай мне небо,
 Чтоб не меня супруга испугалась.
 Не думаю, чтоб, испытав разлуку.
 Алкмена стала менее нежна
 К вернувшемуся к ней Амфитриону.

АЛКМЕНА.

Уже назад?

АМФИТРИОН.

Однако, этот возглас
 Мне кажется довольно странным знаком
 Того, что я богами был услышан.
 „Уже назад!“ клянусь я, не похоже
 На жаркое приветствие любви.

Глупец! Я думал, что меня война
Вне дома слишком долго задержала,
Я думал, возвращаюсь очень поздно.
Ты показала мне, как я ошибся,
И с удивленьем вижу я теперь,
Что с облаков сюда упал я лишним.

АЛКМЕНА.

Да, право я не знаю...

АМФИТРИОН.

Нет, Алкмена,
Прости. Но этим словом, как водою
Ты залила огонь моей любви.
Как я уехал, солнечных часов
Не удостоила ты быстрым взглядом.
Полета времени здесь не слышали,
Средь шумных развлечений во дворце.
Пять месяцев, отсчитанных по пальцам.
Как столько же мгновений протекли.

АЛКМЕНА.

С трудом, мой милый друг, я постигаю,
На чем основан этот твой упрек.
Коль сетуешь на холодность мою,
Я смущена, как угодить тебе
Еще могу я. Кажется, вчера,
Когда ты в сумерках ко мне явился,
Вину, что ставишь мне сейчас в упрек.
Я сладостною лаской искупила.
Когда ты большего еще желаешь.
То в скудости моей я признаюсь.
Тебе я отдала все, что имела.

АМФИТРИОН.

Что!

АЛКМЕНА.

И ты спрашиваешь! Разве я,
Когда поцеловал меня ты в шею,
Подкравшись сзади, не забыла пряжу.
Не бросилась на грудь тебе, ликуя?
Возможно ль было радоваться больше?

АМФИТРИОН.

Что говоришь ты?

АЛКМЕНА.

Странные вопросы!
Безмерной радости ты сам был полон—

Что так любим когда же я смеялась
И проливала слезы, ты поклялся
Ужасной клятвой мне, что никогда
Юпитер с Герою так не был счастлив.

АМФИТРИОН.

О, боги вечные!

АЛКМЕНА.

Но на заре

Мои мольбы тебя не удержали,
Ты даже солнца не хотел дожидаться.
Уходишь, падаю опять на ложе,
Но утро горячо, и мне не спится
Хочу богам я жертву принести
И вдруг перед дворцом тебя встречаю.
Ты должен объясниться, если видишь,
Что я поражена твоим возвратом,
И даже смущена им, но за что же
Сердиться на меня, меня бранить?

АМФИТРИОН.

Не сон ли возвестил меня тебе,
Алкмена? В сновиденьи я к тебе
Являлся верно, если говоришь,
Что ты любовь мою вознаградила?

АЛКМЕНА.

Какой злой дух твою похитил память,
Амфитрион? Кто из богов расстроил
Твой светлый разум, что, глумясь жестоко,
Ты с целомудренной любви супруги
Все нравственное захотел совлечь?

АМФИТРИОН.

Ты смеешь утверждать, что я вчера
Сюда в вечернем сумраке прокрался?
Что я тебя шутил, в затылок — чорт!

АЛКМЕНА.

Ты смеешь отрицать, что ты вчера
Сюда в вечернем сумраке прокрался?
Что ты себе со мной позволил все
Что только муж себе позволить может?

АМФИТРИОН.

Ты шутишь. Будем говорить серьезно,
Так эта шутка неуместа здесь.

АЛКМЕНА.

Ты шутить. Будем говорить серьезно,
Так эта шутка непристойно зла

АМФИТРИОН.

С тобою я себе позволил все,
Что только муж себе позволить может?
Не так ли это?

АЛКМЕНА.

О, неблагородный!

АМФИТРИОН.

О, небеса! Какой удар мне! Сосий!
Мой друг!

СОСИЙ.

Ей чемерицы нужно дать,
У ней на чердаке не все в порядке.

АМФИТРИОН.

Алкмена! Именем богов! Подумай,
Куда ведут такие разговоры;
Опомнись! Разберись в своих словах.
Тому, что скажешь ты сейчас, поверю.

АЛКМЕНА.

Что б ни случилось, знай, Амфитрион,
Хочу, чтоб ты мне верил и не думал,
Что к неприличной шутке я способна.
Ты видишь, не боюсь я за исход.
Коль можешь ты в лицо мне отрицать,
Что во дворец вчера явился ночью,
И коль тебя не покарают боги,
Другие доводы мне безразличны.
Ты моего покоя не нарушишь,
И также не изменишь мненья света;
Мне только будет больно, что любимый
Меня жестоко оскорбить хотел.

АМФИТРИОН.

Несчастная! Какие речи! Разве
И доказательства имеешь ты?

АЛКМЕНА.

Да слыхано ли это? Вся прислуга
Дворца — мои свидетели; да камни,
Которые ты попирал, деревья,
Собаки, что у ног твоих ласкались,—
Все подтвердили бы, когда могли.

АМФИТРИОН.

Прислуга вся! Нет! Это невозможно!

АЛКМЕНА.

Ты непонятливый, так я должна
Тебе решающий представить признак?
А кто мне подарил вот этот пояс?

АМФИТРИОН.

Как, пояс? От меня? Я подарил?

АЛКМЕНА.

Да, ты сказал, что то — венец Лабдака,
Тобой сраженного в последней битве.

АМФИТРИОН.

(Сосию)

Предатель ты! Что мне теперь подумать?

СОСИЙ.

Позвольте-ка! Уловки эти плохи:
Венец Лабдака у меня в руках.

АМФИТРИОН.

Где?

СОСИЙ.

Здесь!

(Он достает ларец из кармана).

АМФИТРИОН.

Печать на нем совсем цела!

(Он рассматривает пояс на груди у Алкмены)

И все же — или чувства лгут мои...

(Сосию).

Скорей открой замок.

СОСИЙ.

Ей-ей! Все пусто!

Чорт утащил его, здесь больше нет
Великолепного венца Лабдака.

АМФИТРИОН.

О, боги всемогущие, владыки
Вселенной! Что вы ниспослали мне!

СОСИЙ.

Вам ниспослали то, что вы — двойной!
Амфитрион с дубиной побывал здесь,
И вы еще счастливы...

АМФИТРИОН.

Замолчи!

АЛКМЕНА.

(Харите).

Что непонятно так его волнует?
И почему охвачен он смущеньем,
При виде камня, что ему знаком?

АМФИТРИОН.

И раньше слышал я о чудесах,
О небывалах тайнах, что порою
Являют нам нездешние миры.
Но нить потусторонняя сегодня
С моею честью связана и душит.

АЛКМЕНА.

(Амфириону).

Увидев этот пояс, странный друг,
Ты отрицать не станешь, что являлся,
И что вину свою я искупила?

АМФИТРИОН.

Нет, но ты все расскажешь мне, что было.

АЛКМЕНА.

Амфитрион!

АМФИТРИОН.

Да, я не сомневаюсь.
И можно ли венцу противоречить?
Но есть причины, по которым я
Тебя прошу мне рассказать подробно
О посещении моем вчерашнем?

АЛКМЕНА.

Мой друг, ведь ты не болен?

АМФИТРИОН.

Болен— нет!

АЛКМЕНА.

Но может быть забота о воине
Навязчиво тебя отяготила,
Стеснила добрый, деятельный дух?

АМФИТРИОН.

Да, правда. Я как будто оглушен.

АЛКМЕНА.

Идем со мною, отдохни.

АМФИТРИОН.

Оставь.

Мне невтерпеж. Как я сказал, хочу я
Услышать прежде, чем войду в свой дом.
О посещении моем вчерашнем.

АЛКМЕНА.

Рассказ короткий. Вечер наступил.
Сидела и прятала я, и мечтала
Под звук веретена, что я — в походе,
С оружием, средь воинов, и вдруг
Услышала ликующие клики.

АМФИТРИОН.

Кто ликовал?

АЛКМЕНА..

Прислуга.

АМФИТРИОН.

Ну?

АЛКМЕНА.

Но мне

Во сне не снилось, не пришло на ум,
Какое удовольствие и радость
Мне боги уготовили, и я
Опять уже взялась за нитку, как
От головы до пят вдруг содрогнулась.

АМФИТРИОН.

Я знаю.

АЛКМЕНА.

Знаешь.

АМФИТРИОН.

А потом?

АЛКМЕНА.

Потом,

Шутили и болтали мы немало,
Вопросы скрещивались без конца.
Садимся мы — и ты мне говоришь
Воинственно о том, что нынче был
Под стенами Фариссы, про Лабдака,
Как погрузился он навеки в ночь...
Про каждый шаг кровавого сраженья.
Затем — венец роскошный получила
В подарок я, — он стоил поцелуя;
Мы им при свечке долго любовались —
И я его, как пояс повязала,
Ты мне его обвил вокруг груди.

АМФИТРИОН.

(про себя)

Живей возможно ль ощупать кинжал?

АЛКМЕНА.

Немного позже нам был подан ужин.
Ни ты, ни я, однако, не смотрели
На кушанья, стоявшие пред нами,

И на бутылки; ты сказал, шутя,
 Что нектаром моей любви живешь,
 Что небожитель ты и многое еще,
 Что приходило на язык в весельи.

АМФИТРИОН.

Что приходило на язык в весельи!...

АЛКМЕНА.

Что приходило на язык. И вот —
 Что ты так мрачен, друг?

АМФИТРИОН.

И, вот?...

АЛКМЕНА.

Мы встали

От ужина; и вот потом...

АМФИТРИОН.

Потом?

АЛКМЕНА.

Когда от ужина мы оба встали...

АМФИТРИОН.

Когда от ужина мы оба встали...

АЛКМЕНА.

Пошли мы...

АМФИТРИОН.

Ну, пошли...

АЛКМЕНА.

Пошли... ну, да!

Зачем ты так внезапно покраснел?

АМФИТРИОН.

О, мой кинжал, он жизнь мою наметил!
 Нет, нет, обманщица, то не был я.
 И тот, кто вечером вчера во мраке
 Сюда прокрался, как Амфитрион,
 Был недостойнейшим из негодяев!

АЛКМЕНА.

О, негодяй!

АМФИТРИОН.

Изменница! Молчи!

Довольно сдерживаться, прочь все то
 Что гнев мой ослабляло, прочь любовь,
 Воспоминанья, счастье и надежды!
 Пускай пируют ненависть и месть!

АЛКМЕНА.

Довольно! Да, неблагоприятный муж!
 Довольно! Сердце кровью истекает.
 Твоей уловкой я возмущена!
 Когда другой отныне ты пленился,
 Стрелой любви пронзенный, надо было
 Тебе признаться в этом мне, и ты
 Без хитростей достиг бы той же цели.
 Ты видишь, я решила снять оковы.
 Стесняющие твой мятежный дух:
 И даже раньше, чем настанет вечер.
 Все, чем ты связан, снимется с тебя.

АМФИТРИОН.

Позорна страшная моя обида,
 И это далеко еще не все,
 К чему вызывает раненая честь.
 Что я обманут, ясно совершенно,
 Хотя в проклятой этой паутине
 Еще не разобрался. Сзовите
 Свидетелей, они помогут мне.
 И брата твоего, и полководцев,
 И войско все Фиванское сюда,
 Которое покинул я впервые,
 С косым лучом сегодняшнего утра!
 Тогда я нападу на смысл загадки,
 И горе тем, кто обманул меня!

СОСИЙ.

А я....

АМФИТРИОН.

Молчи. Я слушать не желаю.
 Останься, жди меня здесь, под стеной.

(Уходит).

ХАРИТА.

А мы...

АЛКМЕНА.

Молчи. Я слушать не желаю.
 Оставь меня, хочу побыть одной.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Харита, Сосий.

ХАРИТА.

Что это было! Он сошел с ума,
Когда он может утверждать, что ночь
Прошедшую он в лагере проспал;
Но скоро брат придет, и мы увидим.

СОСИЙ.

Какой удар жестокий господину!
Неужто так же награжден и я?
Я должен кое-что здесь разузнать.

ХАРИТА.

(про себя).

В чем дело? Он еще имеет дерзость
Мне поворачивать, надувшись, спину.

СОСИЙ.

Бегут, ей-ей, по телу мураши,
Уж очень это дело щекотливо.
Я предпочел бы ничего не трогать,
В конце концов, все это на одно,
Коль только не рассматривать при свете.
Живей, однако, должен все узнать я!
Бог помоги тебе, Харита!

ХАРИТА.

Что?

Предатель! затоваривать со мной,
Когда я на тебя сердита!

СОСИЙ.

О, боги! Говори мне, что с тобой?
Здороваются люди при свиданьи,
А ты ершишься из-за ничего.

ХАРИТА.

Что называешь ты ничем, скажи мне?
Что называешь ты ничем, негодный?

СОСИЙ.

Что называю я ничем? По правде
То, что в стихах и в прозе так зовется.
Ничто равно почти что ничему.
Пойми меня, хотя бы не совсем.

ХАРИТА.

Что связывает руки мне, не знаю.
Ведь так и чешется — себя едва
Могу сдержать — в твои глаза вцепиться
И показать тебе, что значит ярость.

СОСИЙ.

Избави небо, что за наступленье!

ХАРИТА.

Ничем ты называешь все бесстыдство,
Которое себе позволил ты!

СОСИЙ.

Что я себе позволил? Что случилось?

ХАРИТА.

Что приключилось? Видите, наивность!
Теперь и он, как господин его,
Начнет твердить, что в Фивах не бывал.

СОСИЙ.

Что этого касается, ей-ей!
Я от тебя не сделаю секрета
Мы выпили чертовского вина,
Оно нам смыло все воспоминанья!

ХАРИТА.

Ты думаешь, что проведешь меня?

СОСИЙ.

Харита, верь мне. Будь я подлецом,
Когда сюда не с вечера я прибыл,
Но ничего не знаю, что случилось.
Мне все на свете было все равно.

ХАРИТА.

Так ты не знаешь, как себя ты вел,
Когда ты в дом вошел вчера под вечер?

СОСИЙ.

Не многим больше, чорт, чем ничего!
Скажи мне все! Я, знаешь, добрый малый,
Сам прокляну себя, коль согрешил,

ХАРИТА.

О, недостойный! Дело было в полночь,
Давно ушла к себе царица с мужем,
Ты все еще бродил среди покоев
Амфитриона и в свою квартиру

Все не заглядывал. И, наконец,
 Пришлось твоей жене самой итти
 Тебя искать, — и что же я нашла?
 Где, вероломный, я нашла тебя?
 Как будто здесь ты дома, не иначе,
 Ты, развалившись на подушках, спал.
 На нежный мой вопрос ты мне ответил.
 Что так велел тебе Амфитрион,
 Чтоб не проспал ты ранний час отъезда —
 С утра задумал он покинуть Фивы...
 И прочий вздор ты городил со сна.
 Ни ласкового слова, ни привета.
 Когда же я, с любовью, наклонилась
 За поцелуем, повернулся ты
 К стене, мерзавец, продолжая спать.

СОСИЙ.

Честнейший, старый Сосий!

ХАРИТА.

Что такое?

Мне кажется ты хвалишься еще?

СОСИЙ.

Ей-ей, меня благодарить должна ты.
 Харита, знаешь, я наелся хрена
 И не хотел дышать тебе в лицо.

ХАРИТА.

Эх, что! Я не заметила бы даже,
 Мы за обедом тоже ели хрен.

СОСИЙ.

Ей-ей! А я не знал, что это так,

ХАРИТА.

Но ты не вывернешься здесь уловкой,
 И рано или поздно отомстится
 Такое обращение со мной.
 Меня грызет, я не скрываю, то,
 Что я слышала сегодня утром.
 И я еще использую свободу,
 Что ты мне дал, я честью в том клянусь.

СОСИЙ.

Какую дал тебе свободу я?

ХАРИТА.

Ты мне сказал, и был вполне в уме,
 Что стать рогатым для тебя неважно,

Что будешь ты доволен, если я
С Фиванцем, что за мною тенью ходит,
Без угрызений скоротаю время
Пусть будет по желанью твоему.

СОСИЙ.

Так говорил тебе осел, не я
И шутки прочь так я не говорил,
Предупреждаю — будь благоразумна.

ХАРИТА.

Сумею ли себя я побороть?

СОСИЙ.

Идет Алкмена. Замолчи.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Алкмена.

АЛКМЕНА.

Харита!

Что на меня, несчастную, свалиться?
Что? Посмотри на эту драгоценность.

ХАРИТА.

Царица, что за драгоценность это?

АЛКМЕНА.

А это, видишь ли, венец Лабдака,
Великолепный дар Амфитриона,
На нем свое он имя начертал.

ХАРИТА.

Так это вот и есть венец Лабдака?
Но нет здесь имени Амфитриона.

АЛКМЕНА.

Несчастливая, да ты сошла с ума?
Здесь, кажется, слепой бы прочитал
По золоту начертанное А.

ХАРИТА.

Конечно нет, царица. Что за мысль?
Совсем не та заглавная здесь буква.
Здесь „Ю" стоит.

АЛКМЕНА.
Как „Ю“?

ХАРИТА.
„Ю“. Без ошибки.

АЛКМЕНА.
О, горе мне тогда! Погибла я.
ХАРИТА.

Скажите мне, что так вас взволновало?

АЛКМЕНА.
Какие я слова найду, Харита,
Чтоб непонятное растолковать?
Вернувшись в комнату свою в смятении,
Не зная, сон ли это, или явь,
Ужасным подозрением томясь,
Что кто-то посторонний мне являлся;
Припомнив скорбь и гнев Амфитриона,
Его последние слова, что он
Идет за братом — ты подумай только!
Идет его в свидетели позвать;
Спросив себя, ошиблась я иль нет, —
Один из нас ошибкой одурачен.
Ни он, ни я на козни неспособны;
И воскресив двусмысленную шутку,
Которую Амфитрион-любовник —
Не знаю, может быть, слыхала ты —
Амфитриона-мужа поносил;
От ужаса и страха трепеща,
И чуть ли не совсем лишившись чувств,
Беру я, дорогая, этот камень,
Единственный, бесценнейший залог,
Надежное свидетельство мое,
Беру его — хочу родное имя,
Изобличенье милого лжеца,
Прижать к своим восторженным губам,
И вижу вдруг совсем чужую букву.
И молния меня сражает — Ю!

ХАРИТА.
Ужасно! Неужели вы ошиблись?

АЛКМЕНА.
Ошиблась, я?

ХАРИТА.
Я говорю про букву.

АЛКМЕНА.
Ах, ты про букву — кажется, что да!

ХАРИТА.

И так?..

Что же и так?

ХАРИТА.

Вы не волнуйтесь.

Все кончится, наверно, хорошо,

АЛКМЕНА.

Я усомнюсь скорей в себе, Харита!
 Скорей приму глубокое чутье.
 Что с материнским молоком всосала
 И что мне говорит, что я Алкмена,—
 За Парфа или, может быть, за Перса,
 Моя ль рука вот эта? Грудь моя ли?
 Меня ли отражают зеркала?
 Он близок мне! Возьми мои глаза—
 Его услышу; уши — я почую;
 Без осязанья — буду им дышать.
 Не надо осязанья, зренья, слуха,
 Возьми все чувства и оставь мне сердце;
 Ты мне оставишь колокол, который
 Его отыщет посреди миров.

ХАРИТА.

Конечно. В этом и сомненья нет!
 Как может женщина тут ошибиться?
 Берут не тот наряд, не ту посуду,
 Но узнают мужчину в темноте.
 К тому же, все мы видели его.
 И у ворот его встречали шумно,
 Как только он явился, толпы слуг.
 Был день еще. И тут бы надо ночи
 Закрыть немало очень зорких глаз.

АЛКМЕНА.

И в то же время, что это за буква!
 Как мне не бросился в глаза сейчас же
 Такой чужой и незнакомый знак,
 Который спутать может лишь безумна?
 Когда я двух таких имен, Харита,
 Не в состоянии различить, скажи,
 Не носят ли их два вождя, которых
 Иначе было бы не различить?

ХАРИТА.

Но вы совсем уверены, царица?

АЛКМЕНА.

Как в том, что я дышу и что невинна.
 Быть может ты меня не так поймешь,
 Но никогда он не был так прекрасен.
 Его могла принять я за картину,
 Портрет, исполненный рукой искусной,
 Божественно и очень близко к жизни.
 Передо мною он стоял, как сон.
 И несказуемое чувство счастья
 Меня впервые обуяло вдруг,
 Когда, сверкая, словно в ореоле,
 Высокий победитель мне предстал,
 И это был Амфитрион, сын славы!
 Мне богом показался он тогда,
 Бессмертным богом; мне спросить хотелось.
 С какой звезды ко мне он снизошел.

ХАРИТА.

Воображение! Восторг любви!

АЛКМЕНА.

Харита, а двусмысленная шутка,
 Все время создававшая различье
 Меж ним и подлинным Амфитрионом?
 Когда ему принадлежала я,
 Себя возлюбленным он называл
 И вором, что крадет! Проклятье мне
 За то, что я, смеясь, внимала шутке.
 Она не с губ супруга сорвалась.

ХАРИТА.

Не тропитесь мучиться сомненьем.
 Амфитрион признал ведь сразу надпись,
 Когда венец сегодня увидал.
 Царица, здесь какая-то ошибка!
 Он не смутился незнакомым знаком.
 И, видно, камню свойственен тот знак,
 И были мы вчера ослеплены;
 Зато сегодня все уже, как должно.

АЛКМЕНА.

А если невнимательно взглянул он,
 И с полководцами сейчас вернется,
 И с яростью еще раз повторит,
 Что не переступал порога дома!
 Я не имею больше доказательств,
 Не за меня мой камень говорит.
 Что я, смущенная, им возражу,
 Когда его он пристально рассмотрит?

Куда бежать от боли, от презренья?
 И не придется ли признаться мне,
 Что эта буква не Амфитриона?
 Признаться, что подарок с этим знаком
 Не мог быть мной получен от него?
 А если поклянусь на алтаре.
 Что сам вчера он передал венец мне.
 Уверена ли я, скажи, что знак,
 Стоящий здесь, таким же был вчера?

ХАРИТА.

Да вот и он. Сейчас все объяснится.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Те же. Юпитер.

АЛКМЕНА.

Супруг и господин мой! Разреши,
 Встав на колени, дать тебе венец.
 Я жизнь мою кладу к твоим ногам,
 Когда ты подарил мне этот камень,—
 Взгляни внимательней! — с чужою буквой,
 Его целуя, я над ним поплачу:
 Когда же не дарил, и отречешься,
 И не признаешь, — умереть я рада,
 Пусть ночь навек покроет мой позор.

ЮПИТЕР.

Прекрасная моя! Возьму ли камень,
 Когда такая ценность предо мной?
 Встань. Что ты хочешь? Не волнуйся так.

АЛКМЕНА.

Мои слова обидели тебя,
 В тот миг была я сильной и невинной.
 Но увидав чужую — эту букву.
 Не доверяю больше я себе.
 Что мне... другой... являлся, — я поверю.
 Когда ты это снова подтвердишь.

ЮПИТЕР.

Жена моя! Как ты меня смущаешь!
 Какая ложь слетает с уст твоих?
 Да как же мог другой к тебе явиться?
 И кто дерзнет к тебе, перед которой

Всегда один, всегда один стоит?
 От всякой близости тебя, святую,
 Предохранит алмазный пояс твой,
 И даже тот, кому ты отдалась,
 Невинною тебя оставит; всякий
 Кто подошел к тебе — Амфитрион.

АЛКМЕНА.

О, мой супруг! Скажи мне, ты был это?
 Иль это не был ты? Скажи мне! Ты?

ЮПИТЕР.

Да, то был я. И кто бы ни был! — Тише.
 Что видела ты, ощутила, знала,
 Был я; мой друг, кто мог бы быть иной?
 И кто бы ни вступил на твой порог,
 Меня, любимая, ты принимала;
 Кому бы ласк ни расточала ты,
 Я твой должник, благодарю тебя.

АЛКМЕНА.

О нет, Амфитрион! Ты в заблуждении.
 Теперь прощай навеки, мой любимый!
 Я это все предвидела.

ЮПИТЕР.

Алкмена!

АЛКМЕНА.

Прощай! Прощай!

Что вздумала ты?

АЛКМЕНА.

Прочь!

ЮПИТЕР.

Звезда моих очей!

АЛКМЕНА.

Ступай!

ЮПИТЕР.

Послушай!

АЛКМЕНА.

Не стану слушать я, не стану жить,
 Раз грудь моя уже не непорочна.

ЮПИТЕР.

Любимая, жена, что говоришь ты?
 Что ты могла, святая, преступить?
 И если бы к тебе явился дьявол
 И пеною тиною преступленья
 Тебя опутал, все же он
 Не запятнал бы блеска этой груди
 Нисколько! Что за мысли у тебя!

АЛКМЕНА.

О я, постыдно павшая!

ЮПИТЕР.

Он пал

Постыдно, дорогая. Только он,
Не ты, своим искусством злым обманут.
А ты права! Когда воображал он,
Что ты в его объятьях, ты лежала
На сердце у Амфитриона: бредил
Он поцелуями, — а в этот миг
Амфитриона целовала ты.
О, верь, глубоко в нем сидит заноза,
Которую из пламенной груди
Не может вырвать никакая сила.

АЛКМЕНА.

И бросил Зевс его к моим ногам!
О, боги... Мы должны теперь расстаться.

ЮПИТЕР.

Тобой ему подаренная ласка
Меня к тебе сильнее привязала,
Чем вся любовь, что ты ко мне питаешь.
Когда б я мог из стаи легких дней
Вчерашний, словно галку, сбросить вниз,
Знай, милая жена моя, что так,
За сладкое блаженство на Олимпе
И за бессмертье, я не поступил бы.

АЛКМЕНА.

А я бы лучше мертвеца ласкала!
Меня в твоём ты доме не увидишь
И женщинам Эллады не покажешь!

ЮПИТЕР.

Я Олимпийцам покажу тебя,
Алкмена! Что за речи? В сонм богов
Тебя, сверкающую, приведу я.
И если б был я Зевсом в этот миг,
Перед тобой бы молча встала Гера,
И Артемида строгая склонилась.

АЛКМЕНА.

Меня терзает эта доброта!

ЮПИТЕР.

Алкмена!

АЛКМЕНА.

Отпусти!

ЮПИТЕР.

Жена моя!

АЛКМЕНА.

Амфитрион, ты слышишь. Прочь должна я...

ЮПИТЕР.

Ты хочешь вырваться из рук моих?

АЛКМЕНА.

Амфитрион, пустить меня ты должен!

ЮПИТЕР.

Когда б в чужие страны ты бежала.
В ужасные пустыни, шел бы следом
Я за тобой до берега морского,
Тебя догнал бы, целовал и плакал,
И на руках тебя подняв, ликуя,
Обратно на постель свою принес.

АЛКМЕНА.

Я поклянусь, когда того ты хочешь,
И призову в свидетели богов,
Ужасных мстителей неверной клятвы:
Готова я приблизиться скорей
К могильной яме, чем к твоей постели.

ЮПИТЕР.

Уничтожаю клятву страшной силой,
Ее осколки бросив в высоту.
К тебе не смертный нынче появлялся,
Зевс Громовержец посетил тебя.

АЛКМЕНА.

Кто, ты сказал?

ЮПИТЕР.

Юпитер.

АЛКМЕНА.

Кто, безумный?

ЮПИТЕР.

Он, говорю, Юпитер.

АЛКМЕНА.

Он, Юпитер?

Ты смеешь, жалкий?..

ЮПИТЕР.

Говорю, Юпитер,

И повторю. Никто иной, как он,
Прошедшей ночью приходил к тебе.

АЛКМЕНА.

Ты смеешь Олимпийцев обвинять
В позорном злодеянии, безбожник?

ЮПИТЕР.

Я обвиняю олимпийцев в скверне?
Безумная! Чтоб больше я не слышал
Таких речей из жалких уст твоих!

АЛКМЕНА.

Таких речей?... Но это ли не скверна?

ЮПИТЕР.

Молчи, приказываю я.

АЛКМЕНА.

Несчастный!

ЮПИТЕР.

Когда тебя не увлекает слава
Приблизиться к бессмертным на ступень,
Я за тебя честолюбивым буду.
И если не завидуешь ты Леде,
Прекрасной Каллисто или Европе,
Я завистью пылаю к Тиндарею
И сыновей хочу — как Тиндариды.

АЛКМЕНА.

Завидую ли Леде и Европе,
Славнейшим женам солнечной Эллады?
Юпитера избранницам высоким
И жительницам вечного эфира?

ЮПИТЕР.

Да и зачем завидовать тебе!
Тебе, пресыщенной блаженством — видеть
У ног своих единого из смертных,

АЛКМЕНА.

Что это за неслыханные речи!
Такую мысль могу ли я питать?
Да разве я от блеска не ослепла б,
Когда бы так случилось, разве жизнь
Еще бы я носила в жарком сердце?
Я, недостойная! Я, дочь греха!

ЮПИТЕР.

Достойна ли ты милости иль нет,
Не можешь ты решить. И предоставь,
Чтоб по заслугам воздалось тебе.
Ты хочешь властвовать над тем, кто знает
Все тайны человеческих сердец?

АЛКМЕНА.

Да, да, Амфитрион! Я понимаю,
Я тронута твоим великодушьем,
Ты слово оборонил, чтобы меня
Рассеять, знаю, — но к тяжелым думам
Опять уж возвращается душа.
Ступай, любимый! Жизнь моя ступай!
Найди жену другую, будь счастливым,
И предоставь поплакать мне о том,
Что осчастливить я тебя не смею.

ЮПИТЕР.

Любимая! Ты трогаешь меня.
Взгляни на камень, что в твоих руках.

АЛКМЕНА.

Меня храните, боги, от безумья!

ЮПИТЕР.

Его здесь знак. Не мой ли был вчера?
Не все ли, что свершается здесь — чудо?
И не был ли еще сегодня замкнут
Венец твой в запечатанном ларце?
И не нашел ли я, ларец открыв,
Взамен венца одно пустое место?
Уж на твоей груди сверкал убор.

АЛКМЕНА.

Должно ли сердце думать так? Юпитер?
Отец богов предвечных и людей!

ЮПИТЕР.

Тончайшие весы сердечных чувств
Кто мог бы обессилить так жестоко?
Кто мог бы душу женскую опутать,
Которая так тонко ощущает
Игру колоколов в груди,
Что от дыхания уже звучит?

АЛКМЕНА.

То он! Он сам!

ЮПИТЕР.

Лишь Всемогуший может

Так дерзко посетить тебя, как тот!
Я рад, что у меня такой соперник!
Я рад, когда Всеведуший дорогу
Находит к сердцу твоему, я рад.
Когда к тебе подходит Вездесущий:
И даже он же должен ли украсть
Мои черты и стать Амфитрионом,
Чтобы твоя душа его приняла?

АЛКМЕНА.

О, да!

(Целует его)

ЮПИТЕР.

Божественная!

АЛКМЕНА.

Я — счастлива!

И как счастливой быть я рада, рада!
И как охотно боль переношу,
Мне причиненную великим богом,
Когда все ласково ко мне, как прежде.

ЮПИТЕР.

Сказать тебе, что думаю?

АЛКМЕНА.

Скажи.

ЮПИТЕР.

Чему я даже очень склонен верить,
Когда нам откровения не будет?

АЛКМЕНА.

Меня пугаешь ты...

ЮПИТЕР.

А что, когда

Его ты гнев — не страшно ль — возбудила?

АЛКМЕНА.

Я? Гнев его?

ЮПИТЕР.

Он ясен ли тебе?

Воспринимаешь ты его творенье?
Ты видишь ли его в заре вечерней.
Мерцающей сквозь сонные кусты?
Ты слышишь ли его в журчании вод
И в шелканьи ночного соловья?
Тебе его ли возвещают горы,
Стремящиеся к небу, и гремящий,
Разбитый в брызги горный водопад?
Когда высоко в небе светит солнце
И, радостным биением полна,
Творца миров природа величает,
Ты не спускаешься ли в недра сердца
И там не поклоняешься ль кумиру?

АЛКМЕНА.

Ужасный! Что ты говоришь! Да можно ль
Благочестивей чтить его, чем я?

И был ли день, чтоб не слагала я
 Вот это сердце на алтарь, молясь
 За милого, за жизнь благодаря?
 И не склоняла ль звездной ночью я
 Пред ним лица и низко и усердно,
 Молитвы жаркие, как дым курений,
 В кипеньи чувства посылая ввысь?

ЮПИТЕР.

Зачем склоняла ты свое лицо?
 Не потому ль, что в очертаньях молний
 Ты узнавала милые черты?

АЛКМЕНА.

О ужас! Как ты можешь это знать?

ЮПИТЕР.

У алтаря кому ты шлешь молитвы?
 Ты знаешь ли того, кто в облаках?
 Твой разум может ли его обнять?
 И чувства, к своему гнезду привыкнув,
 Осмелятся ли на такой полет?
 И не всегда ли ты лежишь в пыли
 Перед возлюбленным Амфитрионом?

АЛКМЕНА.

Как ты меня, несчастную, смущаешь!..
 Возможно ли в невольном обвинять?
 Не белому же мрамору молиться?
 Его чертами облакаю я.

ЮПИТЕР.

Ты думаешь, что идолопоклонство
 Его не огорчает? Что ненужно
 Прекраснейшее из сердец ему?
 Что он бы не хотел твоей молитвы?

АЛКМЕНА.

Пожалуй. Где тот грешник, чьи хвалы
 Богам бы показались неуютны?

ЮПИТЕР.

Конечно! Потому и снизошел он,
 Чтобы тебя о нем заставить думать,
 Чтобы тебе, забывшей, отомстить.

АЛКМЕНА.

О ужас!

ЮПИТЕР.

По заслугам он тебя
 Накажет только. Но зато отныне
 У алтаря его ты будешь мыслить,
 Ночного милого, а не меня.

АЛКМЕНА.

О, в этом я клянусь! Я знаю твердо,
 До мелких черточек, каким он был,
 С тобой его я больше не смежаю.

ЮПИТЕР.

Так поступай. Не то вернется он!
 Как только знаки ты его увидишь,
 Начертанные на венце, о госте
 С сердечным трепетом ты будешь думать,
 Его явление припоминать,
 Припоминать, как вся ты содрогнулась,
 Бессмертного лицом к лицу увидев,
 Как получила драгоценность; как
 Он опоясаться помог тебе,
 И что произошло в тот вечер. Если ж
 Муж помешает, ты его попросишь
 Тебя на час совсем одну оставить.

АЛКМЕНА.

Да, хорошо, ты будешь мной доволен.
 И в утренние первые часы
 Совсем не буду о тебе я думать;
 Зато потом Юпитера забуду.

ЮПИТЕР.

Итак, когда б теперь Тучегонитель,
 Твоим внезапным исправленьем тронут,
 В великом блеске встал перед тобой,
 Любимая! Что сделала бы ты?

АЛКМЕНА.

О, этот страшный миг!.. Раз между вами
 Так мало разницы, как жаль, что я
 У алтаря не думала о нем!

ЮПИТЕР.

Его бессмертный лик тебе неведом,
 Алкмена! Перед ним твоя душа
 В тысячекратной неге расцвела бы.
 Была бы зноем страсть твоя к нему,
 И льдом — твоя любовь к Амфитриону.
 Когда бы он души твоей коснулся,
 Чтобы, простившись, на Олимп вернуться,
 Невероятное узнала б ты,
 И плакала, что с ним идти же можешь.

АЛКМЕНА.

Нет, этому не верь, Амфитрион!
И если б мне прожить вчерашний день,
От всех богов, от всех героев в келье
Закрывшись сотнею запоров прочных,
Была бы рада я...

ЮПИТЕР.

Да неужели?!

АЛКМЕНА.

Я от всего бы сердца согласилась.

ЮПИТЕР.

(про себя).

Будь проклята та мысль, что завлекла меня!

АЛКМЕНА.

Ты сердишься? Ты не доволен, милый?

ЮПИТЕР.

Ты не хотела бы, дитя мое,
Божественную жизнь его украсить?
Ты оттолкнула бы его главу,
Вселенной правящую, если б он
К тебе для отдыха склонился? Ах!
И на Олимпе пусто без любви.
Что для пылающей груди моление
Земных народов в прахе и пыли?
Ведь любят не его а бред о нем.
А он, окутан вечным покрывалом,
В людской душе хотел бы отразиться,
В слезе восторга увидеть себя.
Любимая, смотри! Как много счастья
Он сыплет между небом и землей;
Когда бы выпало тебе на долю
Всю благодарность миллионов жизней
И все долги им созданных существ
Одной твоей улыбкой заплатить,
Была бы ты — ах, не могу подумать,
Не позволяй мне думать...

АЛКМЕНА.

Я не стану

Противиться решению богов.
И, будь я удостоена избрания,
Я слепо покорилась бы творцу.
Но...

ЮПИТЕР.

Что ж?

АЛКМЕНА.

Когда б мне дан был выбор...

ЮПИТЕР.

... Что же?

АЛКМЕНА.

Ему б я принесла благоволение,
Любовь мою — тебе, Амфитрион.

ЮПИТЕР.

А если б я был этим богом...

АЛКМЕНА.

Ты...

Но как? Когда б ты этим богом был...
Должна ли пред тобою пасть я ниц?
Должна ли? Так ли это? Так ли это?

ЮПИТЕР.

Сама решай ты. Я Амфитрион.

АЛКМЕНА.

Амфитрион...

ЮПИТЕР.

Тебе — Амфитрион!

Но если б, — спрашиваю, — был я богом,
Спустившимся с Олимпа из любви,
Как повела тогда бы ты себя?

АЛКМЕНА.

Когда бы ты был богом этим — да,
Я бы не знала, где Амфитрион,
И за тобою вслед пошла бы всюду,
Хотя бы и в Аид, как Эвридика.

ЮПИТЕР.

Когда б не знала, где Амфитрион,—
И вдруг Амфитрион бы появился?

АЛКМЕНА.

Когда б Амфитрион — о, мой мучитель!
Как мог Амфитрион бы показаться,
Когда в объятиях я его держу?

ЮПИТЕР.

В объятиях держать ты можешь бога,
Воображая: то — Амфитрион,
И чувству своему не удивляясь.
Но вот я — бог — тебя держу в объятиях,
И появляется Амфитрион,
Как сердце бы твое тогда решило?

АЛКМЕНА.

Но вот ты — бог — меня в об'ятьях держишь,
И появляется Амфитрион, —
Я стала бы печальней и хотела б,
Чтоб он был богом и чтоб ты остался
Амфитрионом мне, такой, как есть.

ЮПИТЕР.

Возлюбленное нежное создание,
В котором все мое блаженство, все!
Такое близкое мечте богов
И формою, и мерою, и звуком,
Как я не создавал еще от века!

АЛКМЕНА.

Амфитрион!

ЮПИТЕР.

Спокойнее! Спокойней!
Здесь все окончится твоей победой.
Бог нетерпением горит тебе
Явить себя, и даже раньше, чем
В ночное поле выйдет рать созвездий,
Узнает грудь твоя, кому пылала.
Эй, Сосий!

СОСИЙ.

Господин!

ЮПИТЕР.

Иди, слуга мой!
Иди, мы этот день должны прославить!
Алкмена помирилася со мной;
А ты ступай и созови скорей
Из лагеря на пир ко мне гостей.
(Оба уходят).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Харита и Сосий.

ХАРИТА.

(про себя).
Несчастливая, что здесь я услышала!
К нам боги Олимпийские спустились?
И тот, что представлялся мне, как Сосий,
Один из небожителей, конечно,
Гермес, иль Аполлон, лиь Ганимед?

СОСИЙ.
(про себя).

Зевс Громовержец, вот кто это был.

ХАРИТА.
(про себя).

Фу, постыдись, как ты, себя держала!

СОСИЙ.
(про себя).

Ей-ей, а служат то ему недурно.
Тот молодец стоял за своего,
За господина дрался, как пантера.

ХАРИТА.
(про себя).

А вдруг я ошибаюсь? Испытаем.

(Громко).

Давай и мы с тобой мириться, Сосий.

СОСИЙ.

Сейчас мне нету времени. Другой раз.

ХАРИТА.

Куда ты?

СОСИЙ.

Полководцев звать сюда.

ХАРИТА.

Дозволь сказать мне слово, мой супруг.

СОСИЙ.

Супруг твой? О, охотно.

ХАРИТА.

Слышал ты,

Что в сумерках вчера к моей царице
И к самой преданной ее служанке
Два олимпийских бога снизошли,
Что был здесь Зевс, владыка туч небесных,
И светлый Феб его сопровождал?

СОСИЙ.

Да, к сожалению, Харита, слышал.
Такие браки мне всегда противны.

ХАРИТА.

Противны? Почему же? Я не знала.

СОСИЙ.

По правде говоря, ведь это словно
Осел и лошадь.

ХАРИТА.

Что! Осел и лшадь!

Бог и царица!

(Про себя).

Ну, уж этот видно

Спустился не с Олимпа.

(Громко).

Вздумал ты

Шутить с твоей служанкой недостойной.

Еще такого торжества, как наше,

Не слыхивали Фивы никогда.

СОСИЙ.

На мне оно неважно отразилось.

И небольшая порция позора

Была бы мне милее, чем трофеи,

Что плечи разукрасили мои.

Но я спешу.

ХАРИТА.

Хотела я сказать...

Кто думал принимать таких гостей?

В двух скверных человеческих телах

Кто двух бессмертных мог бы угадать?

А жаль! Ведь можно было кое-что

Хорошее, что было в нас, наружу

Сильнее выдвинуть, чем удалось.

СОСИЙ.

Мне это пригодилось бы, ей-ей,

Харита! Ты была со мной нежна,

Как кошка дикая. Смотри, исправься.

ХАРИТА.

Чем я тебя обидела, не знаю.

Я сделала...

СОСИЙ.

Уж будто бы ничем?

Будь я подлец, когда сегодня утром

Не заслужила трепки ты такой,

Какой доныне не знавали жены.

ХАРИТА.

Но что же, что случилось?

СОСИЙ.

Что случилось,

Разиня? Ты ль не говорила мне,

Что позовешь Фиванца, негодяя,

Которого я выбросил на-днях?

Ты мне рогов не обещала? Ты

Меня не величала рогагоносцем?

ХАРИТА.

Да, шутки же, конечно.

СОСИЙ.

Шутки. Знай же

При повторении выдеру тебя,

Чорт подери!..

ХАРИТА.

О небо! Что со мною?

СОСИЙ.

Свиная шкура!

ХАРИТА.

Не смотри так грозно!

На части разрываешь ты мне сердце.

СОСИЙ.

Стыдись, богопротивная, стыдись!

Смеяться над супружескою честью!

Ступай, но больше не греши, совет мой.

Когда ж вернусь, — чтоб мне была готова

Поджаренная колбаса с капустой.

ХАРИТА.

Все что захочешь! Что же медлю я?

Что мешкаю? Не он ли то? Не он ли?

СОСИЙ.

Не я ли?

ХАРИТА.

В прах я падаю!

СОСИЙ.

Да что ты?

ХАРИТА.

Перед тобой раздавленная в пыль!

СОСИЙ.

Да ты в своем уме?

ХАРИТА.

Ты — он! Ты — он!

СОСИЙ.

Да кто же я?

ХАРИТА.

Ах, не скрывайся больше.

СОСИЙ.

Взбесились все сегодня!

ХАРИТА.

Я узнала!
В твоих глазах, пылающих от гнева,
Сверкнул молниеносный Аполлон.

СОСИЙ.

Я, Аполлон? Вот, чорт! Один меня
Собакой делает, другая богом?—
Я старый и знакомый всем осел.
Я — Сосий!

(Уходит).

ХАРИТА.

Сосий? Что еще? Ты старый
Знакомый мне осел, — ты — Сосий?
Мерзавец, хорошо, что знаю это,—
Ты не дожدهшься нынче колбасы.

(Уходит).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

АМФИТРИОН.

Как мне противны лица полководцев!
Считает долгом каждый принести
Мне поздравленья с выигранной битвой,
И каждого из них обнять я должен,
И посылаю каждого в Аид.
И нет ни одного, кому бы мог я
Излить все сердце, полно, до конца!
Чтоб можно было выкрасть драгоценность
Из-под печати, не взломав ее?
Допустим; может вор на расстояньи
Все, что угодно утащить у нас;
Но взять у человека рост, фигуру,
И этим провести его жену —
Конечно, это — шутка сатаны.
Достаточно пяти здоровых чувств,
Чтобы узнать своих друзей в покоех,
Свечами озоренных; из орбит
Из'ятых глаз, положенных на стол
Отдельных членов, пальцев и ушей, —
Достаточно должно быть, чтобы мужа
Узнать. Но, видно, что теперь придется
Мужей клеймить железом, вешать им
Бубенчики на шею, как баранам.
К обману злостному она способна,
Как горлица ее; и я скорей
Поверю в добродетель негодая,
Чем в козни этой женщины невинной.
Она сошла с ума и завтра утром
Придется за врачами мне послать.
Нашелся б только повод, чтоб придраться.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Меркурий (на балконе). Амфирион.

МЕРКУРИЙ.
(про себя).

Сопровождать в любовном приключенья
Тебя, старик Юпитер, только дружба
Одна могла Меркурия заставить.
Клянуся Стиксом! Мне уж надоело,
И нет большой охоты у меня,
Обманывая более, чем нужно,
Разыгрывать Харитина супруга!
Себе забавы здесь я поищу,
Ревнивца доведя до исступленья.

АМФИТРИОН.

Зачем же дом закрыт средь бела дня?

МЕРКУРИЙ.

Терпенье! Кто стучится?

АМФИТРИОН.

Я.

МЕРКУРИЙ.

Кто — я?

АМФИТРИОН.

Открой!

МЕРКУРИЙ.

Открой! Болван! Кто ты такой,
Что так шумишь, со мною говоря?

АМФИТРИОН.

Да ты не узнаешь меня?

МЕРКУРИЙ.

О, да;

Я знаю всякого, кто в дверь стучится!
Узнал ли я!

АМФИТРИОН.

Все Фивы целиком
Сошли с ума и белены обелись.
Эй, Сосий, Сосий!

МЕРКУРИЙ.

Так меня зовут.

Мое мерзавец повторяет имя,
Заботясь, чтоб его я не забыл.

АМФИТРИОН.

О боги! Ты не видишь, что ли?

МЕРКУРИЙ.

Вижу.

Что дальше?

АМФИТРИОН.

Плут! Что дальше!

МЕРКУРИЙ.

Что ж не дальше?

Чорт подери! Учить тебя словам?

АМФИТРИОН.

Собака, погоди! Тебе дубиной
Я покажу, как говорить со мной.

МЕРКУРИЙ.

Хо, хо! Внизу крепчайший из запоров,—
Прости великодушно.

АМФИТРИОН.

Чорт!

МЕРКУРИЙ.

Спокойней!

АМФИТРИОН.

Эй! Эй! есть дома кто-нибудь, иль нет?

МЕРКУРИЙ.

Эй, Хармион, Филипп! Где вы застряли!

АМФИТРИОН.

Подлец!

МЕРКУРИЙ.

Тебе же надо услужить.

Но если ты не будешь ждать с терпением
И если ты дотронешься хоть раз
До колотушки, я тебя отсюда
Бушующим посольством угощу.

АМФИТРИОН.

Бесстыдный! Дерзкий! Тот, кого так часто
Ногами попирал я; тот, кого
Распять бы мог я, если б захотел!

МЕРКУРИЙ.

Ну? ты готов? ты осмотрел меня?
Бычачьими глазами хорошо
Меня измерил? Как он их таращит!
Когда бы взгляды злобные кусались,
Меня бы разорвал он на куски.

АМФИТРИОН.

Я сам дрожу при мысли, что готовишь
Себе ты этими речами, Сосий!
Ужасные побои ждут тебя!
Иди, спустись и отвори мне!

МЕРКУРИЙ.

То-то!

АМФИТРИОН.

Не заставляй меня ждать дольше, я спешу.

МЕРКУРИЙ.

Нельзя узнать, чего желаешь ты?
Открыть тебе ворота, что ли?

АМФИТРИОН.

Да.

МЕРКУРИЙ.

Ну, это можно и добром сказать.
Кого ты ищешь?

АМФИТРИОН.

Что?

МЕРКУРИЙ.

Кого ты ищешь?

Чорт! ты глухой? Кого ты хочешь видеть?

АМФИТРИОН.

Кого хочу я видеть? Поломаю
Тебе все кости, только в дом войду.

МЕРКУРИЙ.

Друг, мой совет тебе: иди-ка с миром.
Ты печень раздражаешь мне, ступай.

АМФИТРИОН.

Подлец, узнаешь ты, как поступают
С слугой, который смеет издеваться
Над господином.

МЕРКУРИЙ.

Что, над господином?

Над господином? Ты мой господин?

АМФИТРИОН.

Он отрицает это!

МЕРКУРИЙ.

Мне известен

Один лишь господин — Амфитрион.

АМФИТРИОН.

А кто же, как не я — Амфитрион?
Подлец, ты перепутал день и ночь.

МЕРКУРИЙ.

Амфитрион?

АМФИТРИОН.

Амфитрион, ты слышишь!

МЕРКУРИЙ.

Ха-ха! Спешите же сюда, Фиванцы!

АМФИТРИОН.

Чтоб провалиться мне! Какой позор!

МЕРКУРИЙ.

Послушай, друг, скажи мне, где кабак,
В котором так ты нализался?

АМФИТРИОН.

Небо!..

МЕРКУРИЙ.

Там было старое вино?

АМФИТРИОН.

О боги!

МЕРКУРИЙ.

Еще стаканчик надо было выпить.
Ты бы допился до царя Египта!

АМФИТРИОН.

Все кончено со мной.

МЕРКУРИЙ.

Ступай, любезный.

Мне жаль тебя. Ступай-ка! Здесь живет
Амфитрион, Фиванский полководец.
Ступай, не нарушай его покоя.

АМФИТРИОН.

Что? в этом доме, здесь, Амфитрион?

МЕРКУРИЙ.

Он в этом доме, да, он и Алкмена.
Иди, я говорю, и берегись
Нарушить счастье наших двух влюбленных,
Когда не хочешь, чтоб он сам явился
И за бесстыдство наказал тебя.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

АМФИТРИОН.

Какой удар тебе, о несчастливец!
 Я — уничтожен, кончено со мной.
 Я — похоронен, и моя вдова
 Уже другому мужу отдана.
 Какое же решение мне принять?
 Кричать ли миру о позоре страшном,
 Что дом мой поразил, или молчать?
 Да что! Здесь нечего беречь! Одно
 На совещаньи этом ясно: чувство
 Пылающей и раскаленной мести,
 Моей единственной заботой будет —
 Чтобы предатель не ушел живым.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сосий. Полководцы. Амфитрион.

СОСИЙ.

Вот здесь все гости, что успел созвать я
 В ужасной этой спешке, господин.
 Ее-ей, хотя б не за столом со всеми,
 А свой обед я все же заслужил.

АМФИТРИОН.

Ах, вот и ты!

СОСИЙ.

Ну?

АМФИТРИОН.

Пес! теперь — умрешь.

СОСИЙ.

Как? Я умру?

АМФИТРИОН.

Теперь узнаешь — кто я.

СОСИЙ.

А разве я не знаю?

АМФИТРИОН.

Так ты знал!
 (Берется за мечь).

СОСИЙ.

Вы, господа, вступитесь за меня.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.
Прости его!
(Берет его за руку).

АМФИТРИОН.
Прочь!

СОСИЙ.
В чем я провинился?

АМФИТРИОН.
Ты спрашиваешь? Прочь, я говорю вам,
Свободу дайте справедливой мести.

СОСИЙ.
Раз вешают, то говорят причину.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.
Пожалуйста!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.
Скажи нам, что он сделал?

СОСИЙ.
Позвольте, господа, я вас прошу.

АМФИТРИОН.
Что! Только что вот этот негодяй
Держал мне перед носом двери дома,
Речей бесстыдных низвергал потоки
И заслужил позорнейшую казнь.
Умри, собаки!

СОСИЙ.
Умер.
(Падает на колени).

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.
Успокойся!

СОСИЙ.
Ах, полководцы!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.
Что?

СОСИЙ.
В меня он тычет!

АМФИТРИОН.
Прочь, говорю вам! Выплатить ему
Награду должен я за оскорбление,
Которое он только что нанес мне.

СОСИЙ.
В чем мог еще теперь я провиниться,
Когда, согласно вашим приказаньям,
Я в лагере провел почти весь день?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Он к твоему столу нас приглашал;
Уж два часа, как в лагерь он явился,
И был все время на глазах у нас.

АМФИТРИОН.

Кто приказал тебе?

СОСИЙ.

Кто? Вы! Вы сами!

АМФИТРИОН.

Когда же? Я!

СОСИЙ.

С Алкменой помирившись,
Обрадовались вы и приказали
Устроить пиршество в своем дворце.

АМФИТРИОН.

О, небо! Каждый шаг и каждый час
Меня заводят глубже в лабиринт.
Что должен я, друзья мои, подумать?
Вы слышали, что здесь произошло?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

То, что сказал нам этот, очень мало
Рассудку говорит, и должен ты
Отважиться и разорвать немедля
Обманчивую сеть загадки этой.

АМФИТРИОН.

Пусть будет так. Нужна мне ваша помощь,
И привела вас добрая звезда.
Испробовать я должен счастье жизни.
В груди горит желанье все узнать,—
И, ах, я этого боюсь, как смерти.
(Он стучит).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Те же. Юпитер.

ЮПИТЕР.

Здесь шум такой, что мне пришлось спуститься!
Кто там стучал? Вы это, полководцы?

АМФИТРИОН.

Кто ты такой? О, боги в небесах!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Что вижу? Небо! Два Амфитриона!

АМФИТРИОН.

Моя душа от ужаса немеет.
О, горе мне! загадка решена.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Но кто из вас двоих Амфитрион?

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Действительно, во всем они подобны,
И человеку их не различить.

СОСИЙ.

Здесь, господа, Амфитрион, — другой же
Нахал, который заслужил тюрьму.
(Становится рядом с Юпитером)

3-й ПОЛКОВОДЕЦ.

(Указывая на Амфитриона).

Невероятно! Этот вот — обманщик?

АМФИТРИОН.

Довольно недостойного обмана!
Я разрешу загадку!
(Берется за меч).

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Стой!

АМФИТРИОН.

Оставьте!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Что затеваешь ты?

АМФИТРИОН.

Я наказать

Хочу негодного! Прочь, говорю я.

ЮПИТЕР.

Спокойнее. Здесь дело не в горячке.
Кто именем своим так озабочен,
Едва ли на него имеет право.

СОСИЙ.

Я то же говорю. Себе живот
Набил он и лицо свое раскрасил,
Чтоб на хозяина похожим быть.

АМФИТРИОН.

За отвратительную болтовню
Получишь триста палок в наказание.
Я над тобой троих сменю, предатель.

СОСИЙ.

Ого! Мой господин тебе покажет,
Что значит трогать верных слуг его.

АМФИТРИОН.

Не возбраняйте дольше, говорю вам,
Мой стыд в крови предателя омытъ.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Прости нас! Допустить не можем мы
Ужасной битвы двух Амфитрионов.

АМФИТРИОН.

Вы не допустите?.. Что?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Успокойся.

АМФИТРИОН.

Так вот где ваша дружба, полководцы?
Вот где хваленая подмога ваша?
Не только вы не мстите за меня,
Но сторону обманщика берете,
Удерживая мой разящий меч?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Когда б ты мог судить вполне свободно,
Одобрил ты бы все поступки наши.
Который из двоих Амфитрион?
Ты — хорошо! Но тот другой ведь — тоже.
Где божий перст, который указал бы,
В которой из грудей, в той иль другой,
Скрывается предательское сердце?
Когда мы это выясним, тогда
Мсть своего достигнет несомненно.
Покуда может лишь в слепую меч
Свиристовать и наносить удары;
Не лучше ль, чтоб остался он в ножнах!
Позволь же нам расследовать, в чем дело.
И, если правда, ты Амфитрион,
На что мы в этом случае неожиданным
Надеемся, хотя полны сомненья,
С такою же ты легкостью, как он,
Нас в этом обстоятельстве уверишь.

АМФИТРИОН.

Я — в обстоятельстве?..

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

И с основаньем,
Иначе ничего у нас не выйдет.

ЮПИТЕР.

Ты прав, Фотид, и то, что между нами
 Ты равенство установил такое —
 Тебя в твоих сомненьях извиняет.
 Я не сержусь, что между им и мной
 Производить приходится сравненье.
 Я думаю созвать сюда все Фивы
 И посреди огромнейшей толпы
 Свое происхождение доказать.
 И этот здесь признает славный род мой,
 И то, что я над Фивами владыка.
 Лицо передо мной он склонит в прах.
 Моими назовет он все поля,
 Моими — все стада Фиванских пастбищ,
 Моим — дворец, мою — госпожу,
 Что тихо царствует в его покоях.
 И вся вселенная должна узнать,
 Что стыд не поражал Амфитриона.
 И подозрения, что тот, глупец
 Посеял, превратить с'умею в стыд я.
 Сюда, все Фивы скоро соберутся;
 Теперь обед присутствием почтите,
 К которому вас Сосий пригласил.

СОСИЙ.

Ей-ей, я так и думал. Это слово
 Уничтожает сразу все сомненья.
 Тот, у кого сейчас обедать будут,
 Конечно, тот и есть Амфитрион.

АМФИТРИОН.

Вы, справедливейшие боги!
 Возможно ль человека так унижить?
 Позволить, чтоб безбожный негодяй
 Украл жену, господство, имя, честь.
 И знать, что руки связаны друзьями!

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Кто-б ни был ты, терпением запасись!
 Мы скоро все узнаем. И тогда
 Поднимется немедля наша месть,—
 Беда тому, кого она настигнет!

АМФИТРИОН.

Ступайте, восхваляйте негодяя!
 Друзей имею я, помимо вас.
 Еще найдутся в Фивах горожане,
 Которые разделят боль мою
 И в мстительной руке мне не откажут.

ЮПИТЕР.

Отлично. Позови их. Я их жду.

АМФИТРИОН.

Крикун базарный! Ты воображаешь,
Что в задние ворота улизнешь!
Но ты не избежишь ужасной мести.

ЮПИТЕР.

Ступай, зови твоих друзей, тогда
Два слова я скажу, но не теперь.

АМФИТРИОН.

Ты прав, во имя Зевса Громовержца!
Затем, что если я тебя схвачу,
Не больше чем два слова скажешь ты,
И меч тебя пронзит до рукояти.

ЮПИТЕР.

Ты позовешь друзей; могу смолчать,
И говорить лишь взором, если хочешь.

АМФИТРИОН.

Скорей вперед, пока не ускользнул он!
Вы мне должны доставить радость, боги, —
Его послать еще сегодня в Оркус.
Вернусь обратно я с толпой друзей
Вооруженных, мы оцепим дом
И, как оса, вонжу тогда я жало
В грудь негодяя. Пусть играет ветер
Останками засохшими его!
(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Те же. Юпитер, Сосий.

ЮПИТЕР.

Идемте ж, господа, коль вам угодно
Почтить мой дом присутствием.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Клянусь!

События эти разум мой смутили.

СОСИЙ.

С сомненьем заключивши перемирие,
Идите и пируйте до утра.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.**СОСИЙ.**

Ну, и усядусь я теперь на стуле!
 Ну, и рассказывать же буду храбро,
 Когда пойдет беседа о войне.
 Горю желанием поведать всем
 О битве над Фариссой; никогда
 Меня не грыз такой собачий голод.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.**Меркурий, Сосий.****МЕРКУРИЙ.**

Куда? Ты, вижу, нос суешь повсюду?
 Ты, негодяй! Обнюхиватель кухонь!

СОСИЙ.

Позвольте! — Нет!

МЕРКУРИЙ.

Прочь! Убирайся вон!

Тебя на место должен посадить я?

СОСИЙ.

Что? Как? Великодушный друг мой Я!
 Спокойней! Сосия побереги,
 О, Сосий! Кто настаивает так
 На том, чтоб наносить себе побои?

МЕРКУРИЙ.

Ты принимаешься за те же штуки?
 Опять берешь себе чужое имя
 И Сосием опять себя зовешь?...

СОСИЙ.

Ах, что там! Боже упаси меня,
 Я разве нелюбезен или жаден?
 Бери наполовину это имя,
 А если хочешь, так бери совсем!
 И был бы я Кастор или Поллукс,
 Я имени тебе не пожалел бы.
 Тебя переносу я в этом доме,
 Переноси и ты меня, как брат,
 Пока два я ростных Амфитриона
 Друг другу в ревности ломают шеи;
 Пусть оба Сосия, объединившись,
 За стол усядутся, под звон бокалов
 Друг другу возглашая „многи лета”.

МЕРКУРИЙ.

Нет, нет! Однакоже, и предложение!
Ты хочешь, чтобы лапу я сосал,—
Прибор поставлен только одному.

СОСИЙ.

Что ж, нужды нет! Нас мать одна родила,
Одна изба служила кровом нам,
Мы оба, спали на одной кровати,
Одна одежда нам, одна — судьба.
Давай же кушать из одной тарелки.

МЕРКУРИЙ.

Об этом слышать мне не приходилось,
Я с малолетства, был всегда один,
И не делил ни платья, ни постели,
Ни каравая хлеба я ни с кем.

СОСИЙ.

Опомнись. Мы с тобою близнецы.
Ты — старший. С этим я вполне согласен.
Во всеми идешь ты впереди меня,
Ты получаешь первую и нечет,
А я — вторую ложку и весь чет.

МЕРКУРИЙ.

Ничуть! Всю порцию я с'ем один,
А что останется, — возьму с собой.
Того я проучу, клянусь богами,
Кто только сунется в мою тарелку.

СОСИЙ.

Тогда терпи меня, как тень свою,
Что падает за стулом в час обеда.

МЕРКУРИЙ.

Как след ноги, и то не потерплю!

СОСИЙ..

О, варварское сердце! Человек,
Из меди выбитый на наковальне!

МЕРКУРИЙ.

Ты думаешь, что я, как беспризорный,
Вблизи ворот улягусь на траве
И воздухом небес питаться буду?
Сегодня больше, чем любая лошадь,
Я заслужил обильную еду.
Из лагеря не прибыл ли я к ночи?
Не возвратился ли туда под утро,
Чтобы гостей к обеду созывать?

Не измочалил ли притом до бедер
Своих трудолюбивых, старых ног
За время этой беготни чертовской?
К обеду нынче колбаса с капустой,
Оно и кстаги — силы подкрепить.

СОСИЙ.

На этот раз ты прав. О корни сосен,
Которые сплелись вдоль всей дороги,
Не только ноги, голову сломаешь.

МЕРКУРИЙ.

Итак!

СОСИЙ.

О, я покинутый богами!
Так колбаса есть у Хариты?..

МЕРКУРИЙ.

Да.

Не для тебя. Зарезали свинью,
И я Хариту уж опять задобрил.

СОСИЙ.

Так. Мне пора в могилу. И капуста?

МЕРКУРИЙ.

Капуста, разогретая. Да, да.
И пусть меня с Харитой бережется
Тот, у кого уж слюнки потекли.

СОСИЙ.

Капусту жрите, что б вам околеть!
Зачем мне ваша колбаса! Кто птицам
Небесным посылает корм, тот верно
И Сосия несчастного накормит.

МЕРКУРИЙ.

Ты все еще себя так называешь!
Ты смеешь, пес?

СОСИЙ.

Речь шла не обо мне,

О родственнике старом, говорил я,
О Сосии, который здесь служил
И слугам остальным давал пинков,
Покуда неизвестный молодец
Его не выгнал вон, перед обедом.

МЕРКУРИЙ.

Будь осторожней, больше ничего.
Будь осторожней, мой совет, когда
К числу живых принадлежать желаешь.

СОСИЙ.

(про себя).

Когда б я смел, и задал бы я трепку
Тебе, наглец, свалившийся с небес,
Надутый чванством!

МЕРКУРИЙ.

Что сказал ты?

СОСИЙ.

Что?

МЕРКУРИЙ.

Как будто, ты сказал...

СОСИЙ.

Я?

МЕРКУРИЙ.

Ты.

СОСИЙ.

Не знаю.

МЕРКУРИЙ.

Но мне послышалось про трепку что-то,
Про наглеца, свалившегося с неба...

СОСИЙ.

Так это был, наверно, попугай;
Когда тепло, они болтают.

МЕРКУРИЙ.

Ладно.

Теперь прощай. Зачешется спина —
Меня найти ты можешь в этом доме.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

СОСИЙ.

Надменный сатана! Чтоб от свиньи
Заколотой ты смерть себе нашел!
„Тому задаст, кто сунется в тарелку."
Скорее буду есть с моей овчаркой,
Чем из одной тарелки вместе с ним.
Его отец, голодный, умирал бы,
А он ему не дал бы и того,
Что у него застряло в дырке зуба.
Ну, что ж! Я это заслужил, неверный!
Будь у меня в руках по колбасе,

Я в рот себе нарочно б не засунул.
 Покинуть доблестного господина,
 Который нагло изгнан из дворца...
 Вот близится он с мощными друзьями!
 Течет народ оттуда. Что такое?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Амфирион с начальниками (с одной стороны). Народ (с другой).

АМФИТРИОН.

Привет! Кто вас позвал, мои друзья?

1-й ИЗ ТОЛПЫ.

По городу герольды возглашали,
 Что мы должны собраться у дворца.

АМФИТРИОН.

Герольды! Но, скажите мне, зачем?

ТОТ ЖЕ.

Свидетелями, будем, говорят
 Тому, как сказанное вами слово
 Загадку, от которой целый город
 В смятении, разрешит.

АМФИТРИОН.

(к начальникам).

Какой нахал!

Возможно ль быть заносчивей, чем он?

2-й НАЧАЛЬНИК.

Он явится еще.

АМФИТРИОН.

Ну да, конечно!

1-й НАЧАЛЬНИК.

Что ж! нужды нет. Здесь — Аргатифонтид.
 Когда его увижу, жизнь его
 На кончике меча тотчас заплывет.

АМФИТРИОН.

(к народу).

Вы, горожане Фив, внемлите мне!
 Не я созвал сегодня вас сюда,
 Хотя огромное собрание ваше
 Приветствую всем сердцем. То был он,
 Тот адский дух, что выпеснить меня
 Из Фив желает, из души Алкмены,

Из памяти страны, а если б мог —
 Из собственного моего сознания.
 Сберитесь с мыслями, и если б каждый
 Был Аргусом и был тысячеглазым,
 И даже был способен темной ночью
 Среди песков сыскать следы сверчка,
 То всетаки усилия напрягите,
 Глаза откройте шире, как кроты,
 Которые средь полдня ищут солнце,
 И бросьте в зеркало все эти взоры
 И обратите снова на меня,
 Осматривая с головы до ног,
 И мне скажите, об'явите мне,
 Кто я такой.

НАРОД.

Кто ты? Амфитрион!

АМФИТРИОН.

Так, так. Амфитрион. Отлично. Если ж
 Исчадь мрака встанет перед вами,
 Ужасный человек, чей каждый волос
 Закручен точно так же, как и мой;
 И если признаков дано вам будет
 Гораздо меньше, чем необходимо
 Для матери, чтоб узнать младенца;
 И вам придется выбрать между ним
 И мною — между капель двух воды —
 Один из нас — чист, честен, безупречен,
 Другой — яд, лесть, убийство и обман,
 То не забудьте, горожане Фив,
 Что я — Амфитрион, тот, кто пред вами
 На этом шлеме надломил перо.

НАРОД

Ого! Что делаешь? Оставь перо,
 Пока во всей красе ты перед нами.

2-й НАЧАЛЬНИК.

Чтоб мы могли...

АМФИТРИОН.

Друзья мои, оставьте.
 Я знаю, что я делаю сейчас.

1-й НАЧАЛЬНИК.

Что ж, как желаешь. Только я надеюсь,
 Что эти фокусы не для меня!
 Пусть сомневались ваши полководцы,
 Когда явился шут, — не значит это,
 Что усумнится Аргатифонтид.
 Когда я нужен другу в деле чести,

Я на брови надвину славный шлем
 И на противника отважно брошусь.
 Глядеть, как враг гарцует без конца,
 Годится только старым бабам; я же
 За быстрое решение стою;
 В таких делах годится для начала
 Противнику, без лишних разговоров,
 Вогнать свой меч в желудок напрямик.
 Короче, Аргатифонтид сегодня
 Готов пойти решительно на все,—
 И будет на землю повержен плут
 Ничьей рукой, клянусь, как лишь моею.

АМФИТРИОН.

Тогда вперед!

СОСИЙ.

И я у ног твоих,
 Мой истинный, гонимый господин.
 Я, наконец, пришел к уразумению,
 За дерзость справедливой кары жду.
 Топчите, гните, колотите, плюйте,
 Избейте и казните — я не пикну.

АМФИТРИОН.

Встань. Что произошло?

СОСИЙ.

От всей еды
 Мне даже и понюхать не пришлось!
 Второе „Я“, что служит „Вам“ второму,
 Каким-то бесом было одержимо.
 Рассосиирован, короче, я,
 Как разамфитрионены вы были.

АМФИТРИОН.

Вы слышите, Фиванцы?

СОСИЙ.

Да, Фиванцы!
 Вот это — подлинный Амфитрион;
 А тот что за столом сидит, достоин,
 Чтобы сожрали вороны его.
 Скорее осаждайте же дворец,
 Пока капуста горяча.

АМФИТРИОН.

За мной!

СОСИЙ.

Да он идет сюда. Она и он.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Те же. Юпитер. Алкмена. Меркурий. Харита.
Полководцы.

АЛКМЕНА.

Невероятно! Смертный, говоришь ты,
И хочешь показать меня ему?

НАРОД.

О, боги вечные. Что видим мы!

ЮПИТЕР.

Весь мир, возлюбленная, должен знать,
Что не приблизился к тебе никто,
Как только твой супруг, Амфитрион.

АМФИТРИОН.

Несчастная! Создатель! Что я вижу?

АЛКМЕНА.

Никто! Как можно прошлое вернуть?

НАЧАЛЬНИКИ.

О, олимпийцы! Там — Амфитрион.

ЮПИТЕР.

Ради себя, ради меня, Алкмена,
Возлюбленная, жизнь моя, скрепись!
Не унывай! ждет торжество тебя.

АМФИТРИОН.

Чорт подери! Такое выступление!

ЮПИТЕР.

Фиванцы, вас приветствую я здесь!

АМФИТРИОН.

Они пришли тебя убить, собака!
Довольно.

(Он обнажает меч).

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

(преграждая путь).

Стой!

АМФИТРИОН.

Вперед за мной, Фиванцы!

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

(указывая на Амфитриона)

Хватайте же обманщика, Фиванцы!

АМФИТРИОН.

Как! Аргатифондит!

1-й НАЧАЛЬНИК.

Я околдован!

НАРОД.

Людскому глазу здесь не различить!

АМФИТРИОН.

Смерть! Дьявол! Ярость без исхода!

Погиб!

(Падает на руки Сосию).

ЮПИТЕР.

Безумный! Дай сказать два слова.

СОСИЙ.

Он плохо будет слушать. Он же умер.

1-й НАЧАЛЬНИК.

Надломленные перья не помогут!

„Глаза откройте шире, как кроты!“

Тот прав, кто собственной женою признан!

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Вот здесь, начальники, — Амфитрион.

АМФИТРИОН.

(очнувшись).

Кто признан собственной женой?

1-й НАЧАЛЬНИК.

Того

Она признала, с кем из дома вышла.

Его не обвила бы, как лоза,

Когда бы не был он ее стволом.

АМФИТРИОН.

Когда б хватило только сил язык,

Сказавший это, растоптать!

Не признан ею он!

(Подымается).

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Теперь ты лжешь!

Ты хочешь сбить суждение народа,

Там, где он видит слишком хорошо.

АМФИТРИОН.

Не признан ею он, я повторяю!

Когда его она признает мужем,

То больше я не спрашиваю, кто я,

И сам приветствую Амфитриона.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Скажи же нам.

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Скажи же нам, царица!

АМФИТРИОН.

Алкмена! Дорогая! Объясни им
И подари мне свет твоих очей.
Скажи, что признаешь его супругом,
И меч тебя освободит, быстрее
Чем мысль, от лицемерья моего.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Пусть так. Сейчас мы приговор услышим.

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Его ты знаешь?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ..

Он тебе знаком?

АМФИТРИОН.

Тебе ли незнакома эта грудь,
Прильнув к которой слушала ты часто,
Как любящее сердце билось в ней?
Тебе ли голос незнаком — те звуки,
Что с губ любимых ты ловила взором
Пока я их еще не произнес?

АЛКМЕНА.

Когда б во мрак мне вечный погрузиться!

АМФИТРИОН.

Я так и знал. Вы видите, фиванцы!
Скорее потечет Пеней обратно,
Скорей на Иде узрим мы Босфор
И дромадер пройдет по океану
Чем этого, вон там, она признает.

НАРОД.

Как? Он — Амфитрион? Она молчит.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Мы ждем!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Скажи нам!

3-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Говори!

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Хоть слово!

Мы все погибли, раз она молчит...

ЮПИТЕР.

Открой народу правду, дорогая.

АЛКМЕНА.

Вот этот здесь Амфитрион, друзья.

АМФИТРИОН..

Вот этот здесь Амфитрион! О, боги!

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Судьба твоя решилась, уходи!

АМФИТРИОН.

Алкмена!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Прочь, предатель! Берегись,

Чтоб не был нами приговор исполнен.

АМФИТРИОН.

Любимая!

АЛКМЕНА.

Бесстыдник! Негодяй!

Как смеешь так меня ты называть?

И даже грозным обликом супруга

От ярости твоей я не укрыта!

Чудовище! Противнее, чем те,

Что водятся, раздутые, в трясиных!

Что сделала тебе я, что ко мне

Под кровом адской ночи ты подкрался,

Чтоб ядом с крыльев капать на меня?

Я ничего не сделала, лишь тихо

В глаза твои блеснула, как светляк!

Как я была обманута, я вижу!

Мне свет был нужен, чтобы отличить

Великолепье этих царских членов

От грубого сложения слуги,

Чтоб от быка оленя отличить.

Проклятье чувствам, грубому обману

Поддавшимся! Проклятье груди этой,

Откуда звуки лживые исторглись!

Проклятие душе, что не умела

Возлюбленного своего узнать.

Когда никто не охраняет сердца

Невинного, я в мертвенную глушь

На горные вершины убегу,

Где даже филин не найдет меня.

Иди! Твоя уловка удалась.

Покой моей души навек нарушен.

АМФИТРИОН.

Несчастливая! Да разве это я

К тебе явился миновавшей ночью?

АЛКМЕНА.

Довольно! Отпусти меня, супруг!
Ты будешь добр и сократишь немного
Горчайший час из пережитых мной.
Позволь бежать от этих тысяч взглядов,
Что, как дубины, бьют со всех сторон.

ЮПИТЕР.

Божественная! Ясная, как солнце!
Тебя ждет торжество, какое в Фивах
Не выпадало никому на долю.
Побудь еще одно мгновение здесь.

(К Амфитриону).

Теперь ты веришь, я — Амфитрион?

АМФИТРИОН.

Тебя считать ли мне Амфитрионом?
Ужасный человек, доколе
Еще мне повторять тебе все то же...

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Предатель! Как?

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Еще ты отрицаешь?

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Быть может, ты захочешь доказать,
Что всех нас здесь царица обманула?

АМФИТРИОН.

О, каждое из слов ее правдиво,
И золото обмытое не чище!
Написанному молнией на небе,
И сказанному голосом грозы,
Оракулу я так бы не поверил,
Как этим неиспорченным устам.
Присягу приношу на алтаре
И семикратной смертью умираю,
Неколебимой верой преисполнен,
Что этот вот — ее Амфитрион.

ЮПИТЕР.

Довольно! Ты Амфитрион.

АМФИТРИОН.

Но кто же ты, невероятный дух?
Да, я!

ЮПИТЕР.

Амфитрион. Я думал, что ты знаешь.

АМФИТРИОН.

Амфитрион! Для смертных непонятно.
Скажи ясней.

АЛКМЕНА.

Что слышу я за речи!

ЮПИТЕР.

Амфитрион! Глупец! Так ты не веришь?
Я — все! Фотид и Аргатифонтид,
Высокий город Кадма и Эллада,
Эфир, и свет, и реки, и моря,
И все, что есть, что было и что будет.

АМФИТРИОН.

Сюда, друзья, собирайтесь вокруг меня
И будем ждать, как раз'яснится тайна.

АЛКМЕНА.

Невероятно!

ПОЛКОВОДЦЫ.

Что должны мы думать?

ЮПИТЕР.

(к Алкмене).

Как думаешь, то был Амфитрион?

АЛКМЕНА.

Оставь меня среди сомнений, если
Твой свет мне душу затемнил навек.

ЮПИТЕР.

Проклятие блаженству, если б я
С тобой не пребывал во веки!

АМФИТРИОН.

Так говори же, наконец, мне: кто ты?

(Гром и молния. Сцена окутывается облаками. Из облаков спускается орел с молнией).

ЮПИТЕР.

Так хочешь ты узнать?

(Хватает молнию; орел улетает).

НАРОД.

О, боги!

ЮПИТЕР.

Кто я?

ПОЛКОВОДЦЫ и НАЧАЛЬНИКИ.

Ужаснейший! Так это он! Юпитер!

АЛКМЕНА.

О, небо, защити!

(Падает в объятия Амфитриона)

АМФИТРИОН.

Тебе хвала

Во прахе! Ты великий Громовержец!

Все то, что я имело, все твое.

НАРОД.

То он! Во прах! Склоняйтесь перед ним!

(Все бросаются на землю, кроме Амфитриона)

ЮПИТЕР.

Зевесу был любезен твой чертог,

Амфитрион, и ты получишь знак

Благоволения моего за это.

Гони скорее черную кручину

И сердце распахни для торжества.

Что ты свершал, когда я был тобой,

Тебе не повредит передо мною — вечным.

Тебя приветствую и покидаю.

Твоя же слава в памяти людей

Пребудет безграничною отныне.

Когда ты недоволен этим: — что же,

Любое я желание исполню:

Для этого даю ему язык.

АМФИТРИОН.

О нет, Зевес, еще я недоволен!

Язык растет у моего желанья.

Что сделал Тиндарею сделай то же

Амфитриону: сына подари

Ему великого, как Тиндарида.

ЮПИТЕР.

Да будет так. Тебе почию я сына

По имени Геракл; с ним не сравнится

Среди героев древности никто,

Ни даже молодые Диоскуры

Двенадцать подвигов он совершит,

Себе построит памятник нетленный.

Когда ж оконченная пирамида

Вершиной приподымет облака,

По ней подыметсЯ он прямо в небо,

И на Олимпе, бога, встречу я.

АМФИТРИОН.

Благодарю! А эту мне оставишь?

Она не дышит. Посмотри.

ЮПИТЕР.

Оставлю!

Пусть отдохнет, чтобы остаться в мире.

Гермес!

(Он теряется в облаках, которые посредине, на верху, разверзаются и открывают вершину Олимпа, где восседают Олимпийцы).

АЛКМЕНА.

Амфитрион!

МЕРКУРИЙ.

Я за тобой!

Но дай сперва сказать тому болвану,

Что мерзкое его лицо устал

Носить я, что амврозией сейчас

Его я с олимпийских щек отмою:

Что, как он бит, достойно быть воспетым,

Что я Гермес, не больше и не меньше,

Никто иной, как крылоногий бог.

(Уходит).

СОСИЙ.

Оставил лучше бы меня навеки

Ты невоспетым! Я, всю жизнь мою,

Такого драчуна еще не видел.

1-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Какое торжество!

2-й ПОЛКОВОДЕЦ.

Какая слава!..

1-й НАЧАЛЬНИК.

Мы все потрясены...

АМФИТРИОН.

Алкмена!

АЛКМЕНА.

Ах!

Перевела с немецкого

Ада Оношкович-Яцына.

СОДЕРЖАНИЕ

Гейприх фон Клейст, очерк В. Зоргенфрея	7
Семейство Шроффенштейн, трагедия в 5-ти действиях . . .	19
Роберт Гискар, отрывок трагедии	149
Амфитрион, комедия	171

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРМАНИЯ

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

HEINRICH von KLEIST

1777—1811

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. ЗОРГЕНФРЕЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

ПЕРЕВОДЫ ФЕДОРА СОЛОГУБА
и А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

ПЕТЕРБУРГ—МСМХХIII—МОСКВА

Петрооблит № 4417. Гиз. № 5006. Печ. 5000 экз. Зак. № 303.

Госуд. Тип. имени Евг. Соколовой, Измайловский, 29

П Ь Е С Ы:

1. РАЗБИТЫЙ КУВШИН
2. ПЕНТЕСИЛЕЯ
3. КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОННА ИЛИ
ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ *)

*) См. статью о Клейсте в I томе собрания его сочинений, изд. „Всемирной Литературы“.

РАЗБИТЫЙ КУВШИН

КОМЕДИЯ

DER ZERBROCHENE KRUG

EIN LUSTSPIEL

1807

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вальтер, член суда.

Адам, сельский судья.

Лихт, писарь.

Марта Руль.

Ева, ее дочь.

Фейт Тюмпель, крестьянин.

Рупрехт, его сын.

Бригитта.

Слуга, хозяин, служанки и др.

Действие происходит в голландской деревне, близ Утрехта.

М е с т о действия: судная горница.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

А д а м с и д и т и перевязывает себе ногу. Л и х т входит.

ЛИХТ.

Ах, чорт возьми! Ну, что же, кум Адам,
Случилось? На кого же вы похожи!

АДАМ

Уж спотыкаться, так никто, как ноги.
Ведь гладок пол, не видно ни сучка?
А я споткнулся; камень преткновенья
Для самого себя, знать, каждый носит.

ЛИХТ.

Придумали! Что ж, каждый тащит камень?..

АДАМ

Себе!

ЛИХТ.

Проклятый груз!

АДАМ

А что такое?

ЛИХТ.

От слабого ведете род вы предка;
Упал он раз в начале всех начал
И стал своим падением известен;
А вы...

АДАМ

Ну что?

ЛИХТ.

Вы так же?

АДАМ.

Я? Пожалуй!

Я говорю вам, здесь споткнулся я.

ЛИХТ.

Не в переносном смысле?

АДАМ.

Ну, конечно, —

Уж где такую боль перенести!

ЛИХТ.

Когда же этот случай приключился?

АДАМ.

Теперь, в единый миг, едва с постели
Я встал. Еще с молитвой на устах
Споткнулся рано утром я, и прежде,
Чем я свои дела дневные начал,
Уже господь успел свихнуть мне ногу.

ЛИХТ.

И левую, конечно?

АДАМ.

Почему же?

ЛИХТ.

Вот эту?

АДАМ.

Да! Вот эту.

ЛИХТ.

Справедливо!

Ту, что на путь греха ступила тяжело?

АДАМ.

Да не пойму!

ЛИХТ.

Кривую?

АДАМ.

Что? кривую

Одна нога такая ж, как другая.

ЛИХТ.

Ну, к вашей правой вы несправедливы.
Она, ведь, этим может не хвалиться,
И уж скорей рискнет на скользком месте.

АДАМ.

Одна рискнет, за нею и другая.

ЛИХТ.

А что же вам лицо так исказило?

АДАМ.

Лицо?

ЛИХТ.

А вы не знаете об этом?

АДАМ.

Не стану лгать! — На что ж лицо похоже?

ЛИХТ.

Лицо-то?

АДАМ.

Ну же, кум!

ЛИХТ.

Да, смотрит гнусно.

АДАМ.

Ясней скажите.

ЛИХТ.

В ссадинах оно,

А на щеке куска не достает

Большого, — на весах прикинуть можно б.

АДАМ.

Ах, чорт!

ЛИХТ.

(приносит зеркало).

Да вот, удостоверьтесь сами.

Овца, через терновник от собак

Бегущая, оставит шерсти меньше,

Чем вы, бог знает где! Вон, — клочья мяса.

АДАМ.

Хм! Да! Не так-то уж красиво! Верно.

Нос тоже пострадал.

ЛИХТ.

Да уж и глаз.

АДАМ.

Ну, глаз-то ничего.

ЛИХТ.

Ну, да! У глаза

Синяк такой багровый, вот, ей-богу,

Как будто злой детина вас бабацнул.

АДАМ.

Глазная кость, и только. Да, признаться,

Не думал я, что сильно так расшибся.

ЛИХТ.

Да, да! Как будто были вы в бою.

АДАМ.

В бою? С козлом проклятым я сразился,
Вон с тем, что здесь у печки. Знаю, знаю.
Я равновесье потерял, и, словно
Утопленник хватается за воздух,
Я за штаны схватился, — накануне
Повесил с вечера я их на печку.
Схватился, понимаете, и думал
Что удержусь — д у р а к ! и разорвал
Кушак, — кушак, штаны и я летим, —
Я головой вперед, и прямо в печку
Как хлобыстну, да прямо в угол тот,
Куда козел потягивает морду.

ЛИХТ

(смеется).

Ну, ловко!

АДАМ.

Окаянный!

ЛИХТ.

День ваш прямо

С постели начали грехопаденьем.

АДАМ.

Скажите-ка, что нового у нас?

ЛИХТ.

Что нового! Ах, чорт возьми, как скоро
Я позабыть успел об этом!

АДАМ.

Ну?

ЛИХТ.

Да, из Утрехта будет гость, кого мы
Не ждали здесь.

АДАМ.

Как?

ЛИХТ.

Член суда приедет.

АДАМ.

Кто?

ЛИХТ.

Член суда пожалует к нам, Вальтер,
Он все суды в округе ревизует
И к нам прибудет нынче непременно.

АДАМ.

С ума сопли? Сегодня?

ЛИХТ.

Уж поверьте.

В деревне смежной, в, Холле, был вчера он
И судный дом успел ревизовать.
Один крестьянин на пути в Гуйзум
Приметил запряженную повозку.

АДАМ.

Он, из Утрехта, член суда, сегодня!
Ревизия! Он знает толк в делах,
А я к нему явлюсь с такою харей!
В Гуйзум он едет, станет придираяться...

ЛИХТ.

До Холлы добрался, в Гуйзум приедет.
Поберегитесь!

АДАМ.

Вздор!

ЛИХТ.

Я говорю вам.

АДАМ.

Да ну, рассказывайте ваши сказки.

ЛИХТ.

Кой чорт, когда крестьянин видел сам!

АДАМ.

Как знать, кого паршивый плут увидел!
Плешивого увидев, не поймет
Болван, где тут лицо, и где затылок.
На кочергу повесьте треуголку,
Наденьте плащ и пару башмаков,—
И дурень примет за кого угодно.

ЛИХТ.

Что ж, сомневайтесь, чорт бы вас побрал,
Пока он в дверь войдет.

АДАМ.

Чтоб он вошел,

О том вперед нам не сказав ни слова!

ЛИХТ.

Безумие! Еще когда бы это
Вахгольдер был, наш прежний ревизор!
Да нет, теперь нас Вальтер ревизует.

АДАМ.

Ну, Вальтер, пусть! Оставь меня в покое.
Служебную присягу принял он
Точь в точь, как мы, и применяет право
Обычное и все, какие есть, законы.

ЛИХТ.

Ну, уверяю вас, советник Вальтер
Вчера нежданно в Холле появился,
Проверил кассу, книги шнуровые,
И писаря с судьею отрешил
От должности, за что? мне неизвестно.

АДАМ

Да что за чорт! Сказал мужик все это?

ЛИХТ.

И более.

АДАМ

Да ну?

ЛИХТ

Коль знать хотите:
Пришли к судье сегодня рано утром,
Который был в своем доме посажен
Под стражу, — и нашли его в овине.
Высоко на стропилах он висел.

АДАМ.

Что говорите вы?

ЛИХТ.

Пришли на помощь,
Из петли вынув, терли, обливали
И к жизни возвратили кое-как.

АДАМ

Д а ? возвратили?

ЛИХТ

И теперь печати
На всем в доме, все замкнуто и сдано
На сохраненье, будто он уж труп,
И в должности ему наследовал другой.

АДАМ

Ах, чорт, смотри! Распутный был он пес,
Клянусь я жизнью, хоть и в честной шкуре —
А с ним приятно время проходило.

Приходится сказать, совсем распутный.
Да, если был советник ныне в Холле,
Так плохо было бедному сычу.

ЛИХТ.

Лишь этот случай, говорит крестьянин,
Причина, что сюда не прибыл Вальтер,—
Но в полдень непременно будет здесь.

АДАМ.

А, в полдень! Кум, не забывайте дружбу.
Вы знаете, рука ведь руку моет.
Я знаю, вы не прочь бы стать судьей,
И служите, клянусь, не хуже прочих.
Сегодня случай все же не для вас,—
Пусть эта чаша вас минует нынче.

ЛИХТ.

Судьей? Мне? С чего вы это взяли?

АДАМ.

Вы любите витиеватость речи
И в школе в Амстердаме изучали
Не хуже, чем другие, Цицерона.
Но подавите нынче честолюбье,—
Ведь в жизни будет случаев не мало
Вам все искусство ваше показать.

ЛИХТ.

Ну, не морочьте! Мы, ведь, кумовья.

АДАМ.

Умел молчать и Демосфен великий
Порою. Следуйте его примеру.
Не македонский я король, но все же,
Такой, как я, могу быть благодарен.

ЛИХТ.

Да что за подозрительность? Отстаньте!
Когда же я?..

АДАМ.

Смотрите, я, я сам,
С великого беру пример я грека,—
Отдай на рост, проценты получай,—
И речь моя растет вот точно так же.
И кто еще такой период сложит?

ЛИХТ.

Ну, дальше!

АДАМ.

Упрекать-то всякий может,
А ну их к чорту! Если разобрать,
Все это — шалость. Ночью рождена,
С рассветом дня должна расстаять.

ЛИХТ.

Знаю.

АДАМ.

Ей-богу! Нет причины, чтоб судья,
Коль не сидит он на судейском стуле,
Ходил серьезней белого медведя.

ЛИХТ.

Я тоже говорю.

АДАМ.

Идем же, кум.
Регистратурой за меня займитесь,
А я за эту груду дел засяду, —
Тут вавилонское столпотворенье.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит слуга. Те же. Потом: две девушки.

СЛУГА.

Бог в помощь, господин судья! Советник Вальтер
Велел вам кланяться, — сюда идет он.

АДАМ.

О праведное небо! Что же, с Холлой
Уж кончено?

СЛУГА.

Да, он сейчас в Гуйзуме.

АДАМ.

Гей! Лиза! Маргарета!

ЛИХТ.

Успокойтесь.

АДАМ.

Эх, куманек!

ЛИХТ.

Благодарить велите

СЛУГА.

А завтра едем дальше в Гусе

АДАМ.

Ну, что же делать мне теперь?
(Хватается за свою одежду).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(входит).

Я здесь.

ЛИХТ.

Штаны наденете? Да вы в уме ли?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

(входит).

Вот, господин судья, и я.

ЛИХТ.

Сюртук возьмите.

АДАМ

(озирается).

Кто, господин советник?

ЛИХТ.

Нет, служанка.

АДАМ.

Воротничок мне! Плащ!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Сперва жилет.

АДАМ.

Ну, что? Живей!

ЛИХТ

(слуге).

Мы рады и готовы
Советника приветствовать. Ему
От нас „добро пожаловать“ скажите.

АДАМ.

Ко всем чертям! Судья Адам вас просит
Его простить.

ЛИХТ.

Простить!

АДАМ.

Простить.

Уж он теперь в пути?

СЛУГА.

Теперь советник

В гостинице. Он кузнеца позвал.
Коляска сломана.

АДАМ.

Отлично. Мой поклон.

Кузнец ленив. Прошу меня простить,
Себе чуть ногу вместе с шеей не сломал я.
Смотрите сами, — вот спектакль занятный.
Уж я таков, — меня от страха слабит.
Я захвораю.

ЛИХТ.

Вы с ума сошли? —

Советника принять мы будем рады. —
Что вам?

АДАМ.

Ах, чорт!

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Чорт меня возьми,

Ведь лучше б порошки принять мне было.

ЛИХТ.

Ну, этим от него вы не спасетесь.

АДАМ.

Маргрета! Эй! мешок с костями! Лиза!

ОБЕ ДЕВУШКИ.

Да здесь мы. Что угодно?

АДАМ.

Унесите

Капусту, сыр, бутылки и колбасы, —
Все прочь из канцелярии! Живее!
Не ты! Другая!... Ротозейка! Ты!...
Ах, гром тебя побей!... Коровница ты, Лиза,
Ты в канцелярию.

(Первая девушка уходит).

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

А мне что делать?

АДАМ.

— Молчать! Живей! Тащи мне мой парик!
Он там в шкафу, где книги. Ну, пошла!

(Вторая девушка уходит).

ЛИХТ.

(служителю).

Надеюсь я, что ничего худого
С советником в дороге не случилось?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Да ничего! В овраг свалились только.

АДАМ.

Ой, ой! Нога моя! Сапог не лезет.

ЛИХТ.

Ах, боже мой! Свалились, говорите?
Но не расшиблись?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Пустяки.

Советник растянул немножко руку.
Сломалось дышло.

АДАМ.

Пусть он шею сломит!

ЛИХТ.

Рука! О, господи! Кузнец пришел?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Для дышла.

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Я думал, доктор позван.

ЛИХТ.

Зачем?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Для дышла?

АДАМ.

Нет же, для руки.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Прощайте, господа... Не все, как будто, дома!
(Уходит).

ЛИХТ.

Про кузнеца я думал.

АДАМ.

Выдали себя.

ЛИХТ.

А что?

АДАМ.

Вы смущены.

ЛИХТ.

Да ну!

(Первая девушка входит).

АДАМ.

Эй, Лиза!

Ты что несешь?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Брауншвейгские колбасы.

АДАМ.

Сиротские бумаги!

ЛИХТ.

Я смущен!

АДАМ.

Они идут опять в регистратуру.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Колбасы?

АДАМ.

Что? Колбасы? Нет, обложка.

ЛИХТ.

Тут недоразуменье.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

(входит).

В книжном шкафе

Мне парика найти не удалось.

АДАМ.

А почему?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Хм! Потому-что...

АДАМ.

Ну?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Вчера

В одиннадцать...

АДАМ.

Ну, говори.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Пришли вы,—

Припомните, — домой без парика.

АДАМ

Что? Я? Без парика?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

Да, в самом деле.

Да вот свидетель, — Лиза то же скажет.

У парикмахера другой парик.

АДАМ.

Я был?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Да, верно, господин Адам.

С открытой головою вы вернулись.

Забыли вы? Сказали, что упали.

Еще я кровь вам с головы смывала.

АДАМ.

Бесстыдница!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Уж где мне скромной быть!

АДАМ.

Сказал, — молчать! Тут правды нет ни слова.

ЛИХТ.

Так рана-то у вас вчера была?

АДАМ

Сегодня.

Сегодня рана, а вчера парик,

Он был на голове, и на-бело напудрен,

И по ошибке, вот ей-богу, вместе с шляпой

Я снял его, когда домой вернулся.

Чьи косточки ты мыла, я не знаю.

Да провались ты к чорту, там болтай.

В регистратуру!

(Первая девушка уходит).

Ну же, Маргарета!

Кум пономарь мне должен свой ссудить;

В моем сегодня кошка окотилась,

Свинья такая! Он лежал загажен

Там под кроватью, я теперь припомнил.

ЛИХТ.

Что? Кошка? Что вы?

АДАМ

Жизнью вам клянусь!
Пять желтых с черным, и один котенок белый.
Всех черных я намерен утопить.
Что ж делать! Не хотите ли котенка?

ЛИХТ.

Как? В парике?

АДАМ

Пусть чорт меня возьмет!
Когда я раздевался, так парик
На стул повесил у моей кровати.
Я ночью стул задел, и он упал.

ЛИХТ.

А кошка хватать его зубами.

АДАМ

К чорту!

ЛИХТ.

Стащила под кровать и окотилась.

АДАМ

Зубами? Нет...

ЛИХТ.

А как же?

АДАМ

Кошка? Верно.

ЛИХТ.

А может быть, и нет?

АДАМ

Зубами? Как же!

Ее ногою я толкнул сегодня,
Когда увидел.

ЛИХТ.

Ладно!

АДАМ

Вот каналья!

Они котят рожают, где придется.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

(хихикая).

Так мне итти?

АДАМ.

Ну да! и мой поклон
Почтенной Черноризке, пономарше.
Я ей верну в сохранности парик
Сегодня, — а ему, смотри, ни слова.
Ты поняла меня?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

Да уж исполню.
(Уходит).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

А да м и Лихт.

АДАМ.

Недоброго я жду сегодня, кум.

ЛИХТ.

А что?

АДАМ.

В башке такая кутерьма]
А что, сегодня судный день?

ЛИХТ.

Конечно.

Уже истцы стоят перед дверьми.

АДАМ.

Мне снилось, что истец меня схватил
И потащил к судейскому столу,
И за столом я сам сидел, и сам
Распоряжался, разносил себя,
И сам себя я присудил в оковы.

ЛИХТ.

Как? Самого себя?

АДАМ.

Клянуся честью!
Потом соединились мы, бежали,
И в соснах ночь пришлось нам скоротать.

ЛИХТ.

Ну, что ж? Ведь это сон?

АДАМ.

А, чорт возьми!
Пусть будет это сон, иль только шутка,
Как вы хотите, только б он не сбылся;

ЛИХТ.

Нелепый страх! Все делайте законно,
Когда присутствовать советник будет,
Права сторон прилежно разбирайте,
Чтоб сон об осужденном судие
Ни под какими видами не сбылся.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит член суда Вальтер. Те же.

ВАЛЬТЕР.

Храни вас бог, судья Адам.

АДАМ.

Добро

Пожаловать, почтенный господин.
Один господь всеправедный лишь знает,
Как радостно мы вас здесь ожидали.
Какой бы сон по утру нам ни снился,
Но что пред этим счастьем устоит!

ВАЛЬТЕР.

Я прихожу немножко рано, — знаю.
Приходится довольным быть в пути
По службе, если рано или поздно
Хозяева приветливо отпустят.
Что до меня касается, то я
К вам прихожу с открытым, чистым сердцем.
Высокий трибунал в Утрехте хочет
Улучшить правосудие в стране, —
Кой-где оно свершается неверно, —
И строгие ввести везде порядки.
Моей поездки цель — еще не строгость,
Я должен осмотреть, не наказать,
И если я найду не все, как должно,
То буду рад, когда хоть сносно будет.

АДАМ.

Похвально это благородство мысли.
Не сомневаюсь я, что вы найдете
Причину порицать обычай старый.

И если в Нидерландах тот обычай
 От Карла Пятого уж существует:
 То мало ли еще придумать можно?
 На свете дураки перевелися,
 И все читали, знаю, Пуффендорфа.
 Но Гуйзум — малый уголок на свете,
 Из общей мудрости свою лишь долю,
 Не больше и не меньше, взять он может.
 Юстицию в Гуйзуме просветите
 И верьте, милостивый господин,
 Что раньше, чем спиной к ней повернетесь,
 Вы будете вполне довольны ею.
 Но если б вы сейчас нашли ее такою,
 Как вы хотите, это было б чудо,—
 Она лишь смутно знает, что вам нужно.

ВАЛЬТЕР.

Да, не хватает правил. А вернее,
 Так много их, что надо б их просеять,

АДАМ.

Да, сито больше взять. Мякины много!

ВАЛЬТЕР.

А это кто там, писарь?

ЛИХТ.

Писарь Лихт,
 Покорнейший слуга ваш. В Духов день
 Я девять лет в суде.

АДАМ

(подвигая стул).

Прошу садиться.

ВАЛЬТЕР.

Не беспокойтесь.

АДАМ

Бы пришли из Холлы!

ВАЛЬТЕР.

Не более двух миль. Вы от кого узнали?

АДАМ.

Да вашей милости слуга...

ЛИХТ.

Крестьянин

Сказал, — из Холлы он недавно прибыл.

ВАЛЬТЕР.

Крестьянин?

АДАМ.

Что прикажете?

ВАЛЬТЕР.

Да! Вышел

Один там случай очень неприятный;
Нарушил он спокойствие, с которым
Нам относиться следует к делам.
Должно быть, вы извещены об этом?

АДАМ.

Так это верно, ваша честь? Судья,
В своем дому, подвергнутый аресту,
Пришел в отчаянье и удавился?

ВАЛЬТЕР.

И этим только худших дел наделал.
Запутанность в делах и беспорядок
Хищением, на деле, оказались,
Чего закон, конечно, не шадит.
Здесь сколько касс?

АДАМ.

Пять, если вам угодно.

ВАЛЬТЕР.

— Как пять? Я думал... Но зачем так много?
Я думал, что четыре.

АДАМ.

Извините.

Есть касса для водоснабжения Рейна.

ВАЛЬТЕР.

Что? Касса для водоснабжения Рейна?
Да для чего же Рейн снабжать водою,
Иль к Рейну проводить еще каналы?
Скажите, нынче судный день у вас?

АДАМ.

Гм... нынче — ?

ВАЛЬТЕР.

Что?

ЛИХТ.

Да, первый на неделе.

ВАЛЬТЕР.

А эти вот, которых я в сенях
Снаружи видел, это?...

АДАМ.

Эти будут...

ЛИХТ.

Да, это уж просители собрались.

ВАЛЬТЕР.

Я рад, что так случилось, господа.
Я не мешаю, можете позвать их.
Я буду здесь и посмотрю, как в вашем
Гуйзуме совершаете вы суд.
Регистратуру с кассами возьмем
Мы после, кончив прежде это дело.

АДАМ.

Как вы прикажете. Эй, там, хозяин!

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Вторая девушка входит. Те же.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Поклон от пономарши, господин судья.
Она охотно б вам парик...

АДАМ.

Что? Нет?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Она сказала, утром будет служба,
Один парик надел сам пономарь,
Другой же невозможно надевать,
Он к парикмахеру пойдет сегодня.

АДАМ.

Ах, чорт!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Как только пономарь вернется,
Она тотчас же вам пошлет парик.

АДАМ.

По чести, ваша милость...

ВАЛЬТЕР.

Что случилось?

АДАМ

Проклятый случай отнял у меня
Два парика; а вот теперь и третий,
Что я занять хотел, мне не дается:
Придется лысым сесть на судный стул.

ВАЛЬТЕР.

Без парика?

АДАМ

Клянуся вечным богом,
Меня весьма смущает то, что надо
Сегодня мне судить без парика.
Пожалуй, попытаться бы на хутор.
Быть может, арендатор даст!

ВАЛЬТЕР.

На хутор?

А разве здесь никто другой не может?

АДАМ

Нет, в самом деле...

ВАЛЬТЕР.

Может быть, пастор.

АДАМ

Пастор? Да он...

ВАЛЬТЕР.

Иль, может быть, учитель.

АДАМ

С тех пор, как отменили десятину,
Чему и я содействовал в суде,
На этих двух рассчитывать нельзя мне.

ВАЛЬТЕР.

Ну, господин судья? Что ж судный день?
Иль ждете, волоса не отрастут ли?

АДАМ

Когда позволите, пошлю на хутор.

ВАЛЬТЕР.

Как далеко на хутор?

АДАМ

Да не больше

Полчасика.

ВАЛЬТЕР.

Как, целых полчаса!
Ведь час открытия суда уж пробил.
Спешите! Мне в Гусеа надо ныне ж.

АДАМ

Спешить...

ВАЛЬТЕР.

Ну, голову посыпьте пудрой!
Куда же к чорту делись парики?
Уж как-нибудь устройтесь. Я спешу.

АДАМ

Ну вот.

ХОЖАЛЫЙ

(входит).

Хожалый здесь.

АДАМ.

Пока позвольте
На завтрак колбасу из Брауншвейга,
Стаканчик данцигской...

ВАЛЬТЕР.

Благодарю.

АДАМ

Без церемоний!

ВАЛЬТЕР.

Завтракал, спасибо.
Идите, не теряйте времени, — пока
Я в записную книжку кое-что внесу.

АДАМ

Ну, как прикажете. — Эй, Маргарета.

ВАЛЬТЕР.

Вы пострадали, господин судья.
Упали вы?

АДАМ

Со мной удар случился,
Когда с постели утром я вставал, —
Там, в комнате, такой удар ужасный,
Что я уж, ваша честь, подумал, — смерть пришла,

ВАЛЬТЕР.

Мне очень жаль. Надеюсь, что последствий
Не будет?

АДАМ.

Думаю, что нет, и службе
Моей не помешает этот случай.
Позволите?

ВАЛЬТЕР.

Пожалуйста.

АДАМ

(хозяину).

Истцов!

(Адам, девушка и хозяин уходят).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Марта, Ева, Фейти Рупрехт, Вальтер и Лихт в глубине.

МАРТА.

Вы, бьющая кувшины сволочь! Вы!
Вы мне заплатите!

ФЕЙТ.

Да успокойтесь, Марта.
Сегодня здесь все это разберут.

МАРТА.

Да, разберут. Смотри-ка, пустомеля,
Кувшин разбит, — его и разберут.
Да что ж кувшин разбитый разбирать?
Вот здесь и разберут, что мне разбитый
Принадлежит кувшин. Да я и черепка
Не дам за разбирательство такое.

ФЕЙТ.

Когда докажете вы ваше право,
Я возмешу...

МАРТА.

Он возместит кувшин!

Я докажу — тогда он возместит!
Да пусть попробует хоть раз поставить
Его мне на карниз. Он возместит!
Кувшин не положить и не поставить,
Уж так разбит, а он, гляди-ка, возместит!

ФЕЙТ.

Ну, что вы лаетесь! Что больше можно сделать?
Когда один из нас разбил кувшин,
То вас вознаградят.

МАРТА.

Вознаградят!

Ну, словно бы моя овца заговорила!
 Ну, что же, суд, по твоему, гончар?
 Пойдут высокомошные, подвяжут
 Передники, и в печку понесут
 Кувшин, иль что еще с кувшином сделать
 Сумеют, чтоб меня вознаградить!

РУПРЕХТ.

— Да ну, отец. Оставь. Ведь ведьма, право,
 И не кувшин разбитый злит ее;
 А то, что свадьба вдребезги разбилась,
 Надеется, что починить заставит.
 Ну, я то крепко на своем стою, —
 Да будь я проклят, коль женюсь на девке.

МАРТА.

Пустой болтун! О свадьбе я забочусь!
 Ведь свадьба-то не только что и дратвы,
 И черепка-то одного не стоит.
 Да стой она, натертая до глянца,
 Передо мной, как мой кувшин вчера,
 Так я б ее схватила крепко в руки
 Да о башку ему разбила б звонко,
 А уж не здесь чинить бы черепки!
 Чинить!

ЕВА.

Рупрехт!

РУПРЕХТ.

Пошла!

ЕВА.

Рупрехт, голубчик!

РУПРЕХТ.

Прочь с глаз моих! Пошла!

ЕВА.

Клянусь тебе!

РУПРЕХТ.

Распутная... Сказать не смею, кто ты!

ЕВА.

Одно словцо тебе шепну я.

РУПРЕХТ.

Нет.

ЕВА.

Ты, Рупрехт, в полк идешь теперь. Кто знает,
 Уж если ты ружье возьмешь, увижу ль
 Еще тебя когда-нибудь я в жизни.
 Война, — подумай, на войну идешь ты!
 Со злобою покинешь ты меня?

РУПРЕХТ.

Со злобой? Сохрани меня господь!
 Дай бог тебе так много благ, как только
 Он может дать. Когда с войны вернуся
 Здоровым я, и с закаленным телом,
 И до преклонных лет здесь доживу,
 То в смертный час тебе скажу я: — Девка! —
 Перед судом сама ты это скажешь.

МАРТА

(Еве).

Отстань! Я что тебе сказала? Хочешь,
 Чтобы позорили тебя? Капрал
 Тебе под пару, brave ветеран,
 Который палкой по-солдатски машет,
 Не этот ротозей, который палки
 Своей спине попросит. Будь сегодня
 Помолвка, свадьба, будь хоть бы крестины,
 Мне все равно, хоть в гроб меня кладите,
 Уж растопчу я гребешок у спеси, —
 Надулась до моих кувшинов.

ЕВА.

Мама!

Кувшин оставьте. В город отпустите
 Меня. Найдется, может быть, там мастер,
 Чтоб вам на радость склеить черепки.
 А если он пропал, тогда возьмите
 Мою копилку, и купите новый.
 Да разве стоит глиняный кувшин,
 Хоть будь он тех времен, когда жил Ирод,
 Такой беды, таких больших тревог?

МАРТА.

Что говоришь, сама не понимаешь.
 Уж будто, Евочка, ты захотела
 Эпитимью нести в то воскресенье?
 Ведь честь твоя лежит в кувшине этом
 И вместе с ним страдает перед всеми.
 Ведь бог-то видит, да не скоро скажет.

Судья — мой будет мастер, да хожалый,
 Колодки нужны, плетка, — вот что надо,
 А там и на костер мерзавцев этих.
 Вот это нашу честь очистить может
 И мой кувшин опять отполирует.

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит Адам, в орнате, но без парика. Те же.

АДАМ

(про себя).

А, Евочка! И дюжий негодяй
 Здесь, Рупрехт! Что за чорт! Да здесь вся шайка!
 Не на меня ль мне жаловаться будут?

ЕВА

Ах, мамочка, уйдемте, умоляю,
 Из этой страшной горницы скорее!

АДАМ

Скажите, кум, зачем они пришли?

ЛИХТ.

Да как мне знать! Не беспокойтесь, мелочь.
 Я что-то слышал про кувшин разбитый.

АДАМ

Кувшин! Так, так! А кто разбил кувшин?

ЛИХТ.

Кувшин-то кто разбил?

АДАМ

Да, куманек.

ЛИХТ.

Садитесь. Все узнаете, ей-богу.

АДАМ

(тихо)

Скажи-ка, Евочка.

ЕВА

(так же).

Я знать не знаю.

АДАМ

Вы с чем пришли?

ЕВА.

Ну, вот еще, идите.

АДАМ.

Ну, Евочка, да что же это значит?

ЕВА.

Ведь говорю ж я вам... Да вот, нейдет.

АДАМ

(Лихту).

Послушайте, я больше не могу.

От раны на ноге меня мутит.

Вы разбирайте, я пойду в постель.

ЛИХТ.

В постель? Да вы, никак, с ума сошли?

АДАМ.

Чтоб чорт их всех унес! Меня тошнит.

ЛИХТ.

Да вы с ума сошли? Ну что ж, пожалуй!

Но уж советнику скажите сами,

Позволит ли. Да что же это с вами?

АДАМ

(опять к Еве).

Помилуй, Евочка, я так страдаю!

Зачем пришли?

ЕВА.

Узнаете, небось.

АДАМ.

Насчет кувшина, что старуха держит?

Ведь я его...

ЕВА.

Ну да, насчет кувшина.

АДАМ.

И только?

ЕВА.

Только.

АДАМ

Больше ничего?

ЕВА.

Ведь говорю же вам! Ну, что пристали!

АДАМ.

Послушайся совета, будь умна.

ЕВА.

Бесстыжий!

АДАМ.

Слушай, крупным шрифтом имя
В свидетельстве стоит уж: Рупрехт Тюмпель.
Оно, пойми же, у меня в кармане;
Хрустит, ты слышешь, Евочка? Подумай,—
Через год, клянуся честью, ты, пожалуй,
Сошьешь передник траурный, корсаж,
Как известят: в Батавии твой Рупрехт
Издох, — от лихорадки, желтой, что ли,
Или от красной, или от гнилой.

ВАЛЬТЕР.

Со сторонами говорить не надо.
Садитесь здесь, допрашивайте их.

АДАМ.

Что там? — Что вам угодно, ваша милость

ВАЛЬТЕР.

Что мне угодно? Говорю вам ясно,—
Двусмысленной беседой вам не время
Со сторонами тайно заниматься.
Вот здесь вам подобающее место,
И я публичного допроса жлу.

АДАМ

(про себя).

Ах, чорт возьми! Я не могу решиться...
Я уходил, так зазвенело что-то.

ЛИХТ

(обращая его внимания).

Ну, что ж вы там?

АДАМ.

Кто? Я? По чести, нет.
Я остороженько его повесил,
И был бы дурнем...

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Что?

ЛИХТ.

Вы ответьте!

АДАМ

На что ответить?

ЛИХТ

Что вы, глухи, что ли?

Тут господин советник вас зовет.

АДАМ

Я думал... Кто?

ЛИХТ.

Да господин советник.

АДАМ

(про себя).

Ах, чорт вас всех возьми! Как ни прикинь,

Одно из двух: не гнется, так ломай...

Сейчас! Что вашей милости угодно?

Прикажете открыть мне заседание?

ВАЛЬТЕР

Рассеяны вы очень. В чем же дело?

АДАМ

Прошу, простите. У моей песарки,—

Ее купец из Индии мне продал,—

Типун; не знаю я, что с этим делать,

И вот, просил у девушки совета.

В таких вещах я — сущее дитя,

И курочек моих зову детьми.

ВАЛЬТЕР

Ну, что ж, истцов зовите, допросите,

А писарь пусть составит протокол.

АДАМ

Вести процесс прикажет ваша милость

С формальностями или так, как мы,

В Гуйзуме здесь, привыкли это делать?

ВАЛЬТЕР.

С законными формальностями теми,

Что приняты у вас в Гуйзуме, только.

АДАМ

Так, так. Я постараюсь угодить вам.

Готовы, писарь?

ЛИХТ.

Да, к услугам вашим.

АДАМ

Да будет правосудие вершиться!
Истцы, сюда!

МАРТА.

А, господин судья.

АДАМ

Кто вы?

МАРТА.

Кто?...

АДАМ

Вы.

МАРТА.

Кто я?

АДАМ

Кто вы? Скажите

Мне имя, званье, адрес, и так дальше.

МАРТА.

Я думаю, вы шутите.

АДАМ

Шутить?

Вы здесь стоите, Марта, пред судом,
Суду же надо точно знать, кто вы.

ЛИХТ

(в полголоса).

Ну, что за странность!

МАРТА.

Каждый праздник сами,

Идя на хутор, вы ко мне в окошко
Глазеете.

ВАЛЬТЕР.

Да вам она знакома?

АДАМ

Она живет здесь, ваша милость, близко,—
Через терновник там идет тропинка.
Была за кастеляном, нынче бабка,
Почтенная, ее здесь каждый знает.

ВАЛЬТЕР.

Когда вы так осведомлены в этом,
Так для чего ж вам лишние вопросы?
Внесите только имя в протокол,
Прибавивши: суду известна лично.

АДАМ.

Ну, что ж, когда формальностей не надо,
Я сделаю, как ваша честь велит.

ВАЛЬТЕР.

Теперь спросите о предмете иска.

АДАМ.

Теперь я должен?...

ВАЛЬТЕР.

Да, узнать, в чем дело.

АДАМ.

В кувшине, извините.

ВАЛЬТЕР.

Что? В кувшине.

АДАМ.

Кувшин. Простой кувшин. Кувшин, внесите,
Прибавивши: суду известен лично.

ЛИХТ.

Вы, господин судья, предполагаю,
Хотите...

АДАМ.

Если я вам говорю,
Пишите. Марта, что у вас, кувшин?

МАРТА.

Да, здесь кувшин.

АДАМ.

Ну, то то же.

МАРТА.

Разбитый.

АДАМ.

Педантские подробности!

ЛИХТ.

Прошу вас...

АДАМ.

А кто разбил? Известен вам повеса?

МАРТА.

Да вот повеса.

АДАМ

(про себя).

Больше мне не надо.

Неправда!
РУПРЕХТ.

АДАМ
(про себя).
Воскресай, старик Адам!

РУПРЕХТ.
На шею хомутать...

АДАМ
Молчи, разиня!
Твоей-то шее уж пора в колодки.
Кувшин, как сказано, внесите, писарь,
И запишите, кто его разбил.
Ну, вот, мы дело то и разобрали.

ВАЛЬТЕР.
Эй, господин судья! Что за приемы?

АДАМ
Как так?

ЛИХТ.
Не станете формально?..

АДАМ
Нет же.
Их милость ведь формальностей не любит.

ВАЛЬТЕР.
Ну, если, господин судья, процесса
Порядок вы усвоить не успели,
То здесь не место этому учить.
Не можете иного дать суда,—
Уйдите: писарь, может быть, сумеет.

АДАМ
Позвольте! Я сужу, как здесь обычно.
Ведь ваша милость так мне приказали.

ВАЛЬТЕР.
Я вам?..

АДАМ
Клянуся честью!

ВАЛЬТЕР.
Я сказал,
Чтоб суд вы здесь свершали по закону.
Я думаю, закон такой же здесь
В Гуйзуме, как и в целом государстве.

АДАМ.

Так извиненья я прошу покорно!
 Когда позволите вы, здесь в Гуйзуме
 Имеем мы особые статуты,
 Не писанные, правда, но до нас
 Дошедшие по верному преданью.
 Из этой формы, смею вас уверить,
 Сегодня я и иоты не нарушил.
 Но сведущ я и в этих ваших формах,
 Какие применяют в государстве.
 Угодно доказательств? Прикажите!
 Могу я так и иначе судить.

ВАЛЬТЕР.

О вас я начинаю плохо думать.
 Ну, хорошо. Начните снова дело.

АДАМ.

Клянуся честью, будете довольны.
 О чем вы, Марта Руль, просить пришли?

МАРТА.

Прошу, вы знаете насчет кувшина.
 Но, прежде чем скажу, что с ним случилось,
 Прошу я позволения рассказать,
 Какой он раньше был.

АДАМ.

За вами слово.

МАРТА.

— Почтеннейшие судьи, посмотрите,—
 Вы видите кувшин?

АДАМ.

Ну да, мы видим.

МАРТА.

Да нечего смотреть, одни обломки.
 Такой кувшин, и в дребезги разбили!
 Как раз на этом месте, где дыра,
 Там штаты нидерландские совместно
 Испанскому Филиппу присягали.
 Вот здесь стоял Карл Пятый в облачении:
 Смотрите, — от него одна нога осталась.
 Вот здесь корону принимал Филипп:
 Теперь лежит в горшке почти он весь,
 До задней части, да и та побита.
 Французская с венгерской королевы,
 Его двоюродные сестры, тоже

В горшок упали; только можно видеть,
 Одна из них платочек поднимает,
 Как будто плачет над своей бедою.
 Здесь, в свите, опирается на меч
 Граф Филиберт, которого спасает
 Сам Кесарь — и ему пришлось свалиться
 С Максимильяном вместе. Ах, бездельник!
 Мечи внизу лежат, совсем разбиты.
 По середине, в освященной митре,
 Стоял архиепископ из Арраса, —
 Так начисто ведь чорт его унес,
 И только тень на мостовой осталась.
 Здесь в глубине стояли лейб-драбанты,
 Вплотную копья, аллебарды сдвинув;
 Вот здесь дома, что в Брюсселе на рынке,
 Вот здесь торчит в окошке любопытный:
 На что он смотрит там, уж я не знаю.

АДАМ

Избавьте, Марта, нас от этих скучных
 Подробностей, столь не идущих к делу.
 Дыра нам интересна, а не штаты,
 Которые Филиппу присягали.

МАРТА.

Какой кувшин, уж это прямо к делу.
 Котельный мастер Хильдерик кувшином
 Тем завладел в те годы, как испанцы,
 Как проливень, застигли нас внезапно.
 Кувшин вином был полон, и испанец
 Его поднес к губам, а Хильдерик
 Испанца повалил, кувшин схватил,
 Вино все выпил и ушел с кувшином.

АДАМ.

Так вот кто проливень!

МАРТА.

Потом кувшин
 К могилышки в наследство перешел.
 Три раза только пил он из кувшина,
 Да и притом вино мешал с водою.
 На молодой женившись в шестьдесят,
 Он выпил первый раз; через три года,
 Когда отцом счастливым стал, второй раз;
 Когда ж она пятнадцать родила
 И умерла, он выпил третий раз.

АДАМ.

Не плохо, что ж!

МАРТА.

Потом кувшин достался
Закхею, тирлемондскому портному,
И от него-то мой покойный муж
Услышал то, что я вам расскажу.
Когда французы грабили, он бросил
В окно кувшин со всем домашним скарбом,
Сам прыгнул и сломал, несчастный, шею,
А этот мой кувшин, кувшин из глины,
Упал на донце и остался цел.

АДАМ.

Прошу о деле, Марта Руль! О деле!

МАРТА.

Когда пожар был в шестьдесят шестом,
Владел им муж, пошли ему господь...

АДАМ.

Ко всем чертям! Вы кончите, иль нет?

МАРТА.

Ну, если, господин судья, мне надо
Молчать, то для чего ж я здесь? Уйду,
И поищу суда, где можно говорить.

ВАЛЬТЕР.

Вы можете здесь говорить, но только
О том, что относилось бы к делу.
Из ваших слов о качествах кувшина
Мы знаем много, — для суда довольно.

МАРТА.

Чего довольно вам, чтобы судить,
Не знаю я, да и никто не знает;
А вот, чтоб жаловаться, я уж знаю,
Что надо сметь мне говорить, о чем.

ВАЛЬТЕР.

Ну пусть. Так что же? Что с кувшином было?
Ну, что ж с кувшином на пожаре было
В год шестьдесят шестой? Услышим это?
С кувшином что случилось?

МАРТА.

Что случилось
О кувшином в шестьдесят шестом году?

Простите, господа, — да ничего!
 Остался цел, из пламени цел вышел,
 И на другое утро я из пепла
 Его достала; он блестел, лоснился,
 Как будто вышел из гончарной печи.

ВАЛБТЕР.

Ну, так. Кувшин мы знаем. Что случилось,
 Чего с ним не случилось, все мы знаем.
 Что ж дальше?

МАРТА.

Вот кувшин, вы посмотрите,
 Кувшин ведь в дребезги разбит, кувшин,
 Который барышнинных уст достоин,
 И даже уст штатгалтерши самой,—
 Вы, судьи чтимые, взгляните оба,
 Какой-то негодяй разбил кувшин!

АДАМ.

Кто?

МАРТА.

Рупрехт, он.

РУПРЕХТ.

Неправда, господин

Судья.

АДАМ.

Молчите, слово не за вами.
 Придет черед, поговорите вы.
 Вы в протокол внесли все это?

ЛИХТ.

Внес.

АДАМ.

Ну, расскажите ж, Марта, по порядку.

МАРТА.

Вчера в одиннадцать часов...

АДАМ.

Когда?

МАРТА.

В одиннадцать.

АДАМ.

Утра?

МАРТА.

Простите, ночи.

Уже ночник я погасить хотела,

Как вдруг мужские голоса и шум
 Из Евиной каморки слышу, словно
 Вломился враг туда. Я испугалась.
 На лестницу бегу проворно, вижу,
 Что выломана комнатная дверь,
 Свирепая навстречу брань несется,
 И вот, когда я осветила выход,
 Что, господин судья, я там нашла?
 Кувшин разбитый в комнате лежал,
 По всем углам разбросаны куски,
 Ломают руки девушка, а он,
 Как бешеный, средь комнаты воюет.

АДАМ.

Ах, чорт возьми!

МАРТА.

Кого?

АДАМ.

Ну, Марта?

МАРТА.

Да.

И вот, как будто, в справедливом гневѣ,
 Еще десяток рук я отрастила,
 И каждая была сильна, как коршун.
 И потянула я его к допросу,
 Чего он поздней ночью ищет в доме,
 Кувшины для чего крушит, бущуя:
 И что ж он мне ответил? угадайте!
 Бесстыжий ты! Бездельник! Негодяй!
 На колесе бы мне тебя увидеть,—
 И то еще тебе большая милость.
 Он говорит, другой, мол, с полки
 Кувшин сронил, — подумайте! — другой
 Был в комнате, и только что исчез,—
 И начал девушку мою срамить!

АДАМ.

Пустые отговорки! Ну?

МАРТА.

Тогда

На Еву я с вопросом посмотрела.
 Она стоит, как труп. Зову я: Ева!
 Садится. Спрашиваю, — кто ж другой?
 Воскликнула! „Иосиф и Мария!

Да что вы, мама!" Говори! Кто был?
 „Да кто ж иной!" твердит. Да кто ж и мог быть?
 И поклялась мне в том, что это он был.

ЕВА.

Как я клялась? Да в чем я поклялась?
 Я не клялась вам.

МАРТА.

Ева!

ЕВА.

Нет! Вы лжете!

РУПРЕХТ.

Вот, слышали...

АДАМ.

Проклятый пес, молчи!

Иль плотку кулаком тебе заткнут!
 Потом поговоришь, вот будет время.

МАРТА.

Ты не клялась?

ЕВА.

Нет, мама, вы ошиблись.

Поверьте, всей душою я страдаю,
 Что объяснять публично это надо:
 Но не клялась я, нет, я не клялась.

АДАМ

Одумайся, дитя.

ЛИХТ.

Да, это странно!

МАРТА.

Как, Ева, ты меня не уверяла?
 Иосифа с Марией не звала?

ЕВА

Не в клятву, нет! Теперь я том клянусь,
 Иосифа, Марию призываю.

АДАМ

Послушайте-ка! Марта, что такое?
 Вы запугали милого ребенка.
 Когда девица вспоминать начнет,
 Напомните спокойно, что случилось,—
 Случилось, говорю, а так же то,
 О чем она молчит, но что могло быть:
 Сличите, что вчера и что сегодня
 Она покажет, с клятвою ли, нет ли.
 Иосифа с Мариею оставьте.

ВАЛЬТЕР.

Да нет же, господин судья! Как можно
Давать двусмысленные наставленья!

МАРТА.

Когда она в глаза сказать мне смеет,
Бесстыдная, беспутная девчонка,
Что это был не Рупрехт, а другой,
Так я уж и не знаю, что сказать.
Но, господин судья, вы мне поверьте,
Я уверяю, что она клялась.
Вчера она клялась, клянусь я в этом,
Иосифа, Марию призываю.

АДАМ

Ну, Еву спросим.

ВАЛЬТЕР.

Господин судья!

АДАМ.

Что, ваша честь? — Что? — Нет, голубка, Ева?

МАРТА.

Ну, говори! Так ты мне не сказала?
Ты мне вчера, ты мне не говорила?

ЕВА.

Ну, да, сказала...

АДАМ.

Вот тебе и раз!

РУПРЕХТ.

Ты — тварь, ты!

АДАМ.

Запишите.

ФЕЙТ.

Тьфу, стыдися!

ВАЛЬТЕР.

О вашем поведении, господин судья,
Что думать? Если бы кувшин вы сами
Разбили, то усердней не могли бы
С себя на молодого человека
Валить все подозренья, чем теперь.
Вы, писарь, в протокол вписали только,
Надеюсь, что девушка созналась
В сознании вчерашнем, а не в факте.
Да разве ей показывать черед?

АДАМ.

Нет, ваша милость, ей еще не время.
В таких вещах не трудно сбиться с толку.
Ответчика спросить теперь я должен?
Усвою я хорошие уроки!

ВАЛЬТЕР.

Наивность! — Да, ответчика спросите.
Спросите же, прошу я вас, кончайте:
Последний здесь ведете вы процесс.

АДАМ.

Последний? Что? Ответчика, конечно!
О чем ты думал, опытный судья?
Проклятая цесарка с типуном!
Издохнула бы от чумы индейской!
Мне из ума нейдет комок лапши.

ВАЛЬТЕР.

Нейдет? Что за комок?

АДАМ.

Комок лапши,
Простите, курице я должен дать.
Когда пилюлю стерва не проглотит,
То уж не знаю, как и быть, ей-богу!

ВАЛЬТЕР.

Ах, чорт! Ведите ж дело, говорю вам!

АДАМ.

Ответчик!

РУПРЕХТ.

Здесь я, господин судья.
Из Гуйзума, сын Тюмпеля, Рупрехт.

АДАМ.

Ответчик слышал ли все то, что против
Него сейчас суду сказала Марта?

РУПРЕХТ.

Да, господин судья.

АДАМ.

Что возразить
На эту жалобу ответчик может?
Сознается, или решится здесь,
Как человек безбожный, отпираться?

РУПРЕХТ.

На эту жалобу что возразить
Могу я? Господин судья, позвольте
Сказать, что здесь и слова правды нету.

АДАМ.

Что? Это может доказать ответчик?

РУПРЕХТ.

Ну, да.

АДАМ.

Достойнейшая Марта, что...
Не беспокойтесь. Дело обойдется.

ВАЛЬТЕР.

До Марты что вам, господин судья?

АДАМ.

Что мне? Но христианству должен...

ВАЛЬТЕР.

Скажет

Он о себе, что может показать.
Дела вести умеее вы, писарь?

АДАМ.

Ой, что?

ЛИХТ.

Кто, я? Ну, что ж, коль ваша честь...

АДАМ.

Что пучишь ты глаза? Ну, что ты скажешь?
Ты, там, осел, ну что, как бык, стоишь?
Ну, что ответчик скажет?

РУПРЕХТ.

Что скажу?

ВАЛЬТЕР.

Ну, да, ответчик скажет все, что было.

РУПРЕХТ.

Да мне ведь не дают сказать и слова.

ВАЛЬТЕР.

Ведь так нельзя же, господин судья!

РУПРЕХТ.

Лишь только десять пробило в ту ночь,—
Та ночь январская была тепла,
Как в мае, — я отцу сказал: „Отец!
Хочу сходить я ненадолго к Еве“.

Ее хотел нанять я, — надо знать,
 Ловка в работе, сам во время жатвы
 Я видел, как в руках ее горела
 Работа, как снопы взлетали ловко.
 Сказал я: „Хочешь?" А она мне: „Ах!
 Что мелешь вздор!" Потом сказала: „Да!"

АДАМ

Поближе к делу! Мелешь вздор ты! Что?
 Сказал ты: „Хочешь?" Отвечала: „Да!"

РУПРЕХТ.

Так точно, господин судья.

ВАЛЬТЕР.

Ну, дальше!

РУПРЕХТ.

Я говорю: „Отец, пусти, ты слышишь?
 Через окошко говорить мы будем".
 Сказал: „Иди, да на дворе останься". —
 „Ей-ей!" — сказал я, значит, побожился.
 Он мне: „Живей! В одиннадцать домой!"

АДАМ

Ну, мелешь ты, и мелешь без конца!
 Ну, скоро ты расскажешь?

РУПРЕХТ.

„Ну, — сказал я, —

Одно словечко". Надеваю шапку,
 Иду. Хотел тропинкой, но пришлось
 Итти двором назад, — ручей разлился.
 „Погода! — думаю. — Не ладно, Рупрехт".
 Иду себе к калитке в Мартин сад.
 До десяти не запирала Ева, —
 Коль в десять не был, значит, не приду.

АДАМ

Ну, и беспутство! Ну!

ВАЛЬТЕР.

Что было дальше?

РУПРЕХТ.

Ну, подхожу по липовой аллее,
 Где ветви с двух сторон сплелись сводом,
 И темно так же, как в Утрехтском храме,
 И слышу издали, скрипит калитка.
 Ну, думаю, да Ева еще там,
 И радостно туда ж, откуда упи

Мне весточку несли, глаза послал,—
 Когда ж они вернулись, обругал их
 Слепыми и тотчас же их отправил
 Вторично, чтобы лучше огляделись.
 Негодные, сказал, клеветники,
 Доносчики, наушники вы злые,
 И в третий раз послал их и подумал,
 Что, свой исполнив долг и негодуя,
 Они вдруг голову мою покинут
 И на другую службу перейдут:
 Была там Ева, я ее узнал
 По кофточке, и вместе с нею кто-то.

АДАМ.

Что? Вместе с нею? Кто же, пустомеля?

РУПРЕХТ.

Меня спросить хотите, кто?

АДАМ.

Ну, да!

Я думаю,— не пойман, не повесят.

ВАЛЬТЕР.

Довольно, господин судья! Оставьте
 Его! Не надо так перебивать.

РУПРЕХТ.

Перед дарами в том не поклянуся,
 Ведь ночь была, в потьмах все кошки серы,
 Но должен вам сказать я, что сапожник
 Лебрехт, который был недавно призван,
 Старался обойти меня пред Евой.
 Я осенью сказал: „Послушай, Ева,
 Плуту втереться в дом я не позволю.
 Скажи, что ты ему не по зубам,
 Не то я с ним разделаюсь по-свойски”.
 Она сказала: „Ты мне надоел”,
 Ему сказала, да не очень крепко,
 Так я пошел и выгнал негодяя.

АДАМ.

Лебрехт его зовут?

РУПРЕХТ.

Лебрехт.

АДАМ.

Ну, ладно.

Вот имя. Как-нибудь да обойдется.
 Вы, писарь, записали в протокол?

ЛИХТ.

Конечно, да и все другое также.

АДАМ.

Ну, дальше говори, сынок.

РУПРЕХТ.

Спешу,

Чтобы в одиннадцать застать, не позже,
Там парочку, — я в десять уходил.
И думаю: смотри, пока не поздно,
Рупрехт, — не вырасти рогов оленьих.
Ты лоб себе заботливо ощупай,
Не пробиваются ли там ростки.
Полез себе тихохонько в калитку,
В кустах боярышника притаился,
И слышу болтовню там, шопот, шутки,
То там, то здесь, — ну, господин судья,
Не опоздать бы, думаю...

ЕВА.

Злодей!

Да как тебе не стыдно!

МАРТА.

Ах, бездельник!

Вот подожди, останемся вдвоем,
Я проверю тебя! Еще не знаешь
Моих когтей, так испытаеть вволю.

РУПРЕХТ.

Прошло так четверть часика. Смекаю:
Ну, что ж там будет, свадьба, что ль, сегодня?
Но прежде, чем я так успел подумать,
Глядь, оба в дом они, и без пастора.

ЕВА.

Скажу я, мама, — пусть их, что угодно...

АДАМ.

Ну, ты там у меня, молчи! Чтоб гром
Тебя побил, незванная болтуня!
Дам слово, подожди, — тогда и скажешь.

ВАЛЬТЕР.

Ей-богу, странно!

РУПРЕХТ.

Господин судья,
Как в сердце нож воткнули. Задыхаюсь.

От куртки пуговица отскочила.
 Я куртку рву, кричу: „Дышать мне дайте!"
 Иду, вхожу, стучусь; у этой твари
 Дверь на задвижку заперта, но я,
 Что силы было, приналег и вышиб.

АДАМ.

Разбойник ты!

РУПРЕХТ.

Она загрохотала,
 Кувшин с карниза печки полетел,
 И бух! в окошко кто-то живо прыгнул,
 Кафтана полу только я и видел.

АДАМ.

То был Лебрехт?

РУПРЕХТ.

А кто ж друтой то мог быть?
 Стоит девчонка, я ее свалил,
 Бегу скорей к окошку, вижу, парень
 Еще висит на кольях частокола,
 Где виноградники вились до кровли.
 Задвижка у меня в руках осталась,
 Когда я в дверь ломился; ну, огрел я
 Его задвижкой, весом с фунт, стальнойю,
 Так, господин судья, как только мог.

АДАМ.

Задвижкой?

РУПРЕХТ.

Что?

АДАМ.

Или?...

РУПРЕХТ.

Задвижкой к двери.

АДАМ.

Ага...

ЛИХТ.

Вы думали, что это — шпага?

АДАМ.

Я? Шпага? Как так?

РУПРЕХТ.

Шпага?

ЛИХТ.

Ну, конечно.

Ведь можно не дослышать. А задвижка
Со шпагою имеет много сходства.

АДАМ.

Я думал...

ЛИХТ.

Уверяю! Рукояткой?

АДАМ.

Как? Рукояткой?

РУПРЕХТ.

Нет, не рукояткой,
А просто задней стороной задвижки.

АДАМ.

Т а к в о т к а к , — задней стороной задвижки.

ЛИХТ.

Так, так!

На ручке там, сказать я должен,
Кусок свинца, как рукоятка шпаги.

АДАМ.

Как рукоятка?

ЛИХТ.

Рукоятка шпаги.

Я так и знал, что там должно быть, было
Какое-то коварное оружие.

ВАЛЬТЕР.

Ну, к делу, господа! Скорее к делу.

АДАМ.

Пишите, писарь! Ну, ответчик, дальше!

РУПРЕХТ.

Свалился парень. Отойти хотел я,
Как вдруг услышал шорох в темноте.
„ Ж и в ! " думаю, взобрался на окошко,
Хочу бежать за парнем, господа,
Но только что прыжок хотел я сделать,
Как вдруг мне горсть прекрупного песку, —
И плут, и ночь, и свет, и подоконник,
Где я стоял, — убей меня господь! —
Вот ровно все в один мешок свалилось, —
К а к град, рассеявшись, летит в глаза.

АДАМ

Проклятый! Вишь ты! Кто же?

РУПРЕХТ.

Кто? Лебрехт.

АДАМ

Бездельник!

РУПРЕХТ.

Я уверен, это он был.

АДАМ

Уж кто иной!

РУПРЕХТ.

Как с десятисаженной

Горы меня свалил бы ливень с градом, —

Так хлопнулся я в комнату с окошка.

Уж думал я, что пол прошиб. Хотя

Я шеи не сломал, ни поясницы,

Ни ног, и ничего другого, все же

Не мог уж я за негодеем гнаться,

Сидел и протирал себе глаза.

Она: „Ах, Боже мой!" И после: „Рупрехт,

Да что с тобой?" Ей-богу, пнул ногою,

Куда, не видел, уж и то спасибо.

АДАМ

Ведь это от песка?

РУПРЕХТ.

Да, горсть песка.

АДАМ

Проклятье! Угодил!

РУПРЕХТ.

В себя пришел я,

Здесь, думаю, не стоит рук марать.

Я обругал ее распутной тварью,

И думал, что еще не очень сильно,

Но слезы мне мешали говорить.

Ну, тут вот Марта в комнату вошла

И с лампою; я девушку увидел,

Стоит, шатается, смотреть-то жалко.

Такая бойкая бывала прежде.

Ну, думаю, слепым-то быть не плохо.

Глаза, как шарики, охотно б отдал

Кому угодно, — пусть играет ими.

ЕВА.

Не стоишь ты, злодей...

АДАМ

Ну, ты, молчать!

РУПРЕХТ

Дальнейшее известно.

АДАМ

Что такое?

РУПРЕХТ.

Ну да, явилась Марта, заорала,
И Ральф, сосед, пришел, и Гинц, сосед,
Пришел, и тетка Сус, и тетка Лиза,
Батрак, работница, коты, собаки,
Стоят, глазют. Спрашивает Марта
Вон ту девицу, — кто разбил кувшин.
Та, знаете, сказала, будто я.
Ей-богу, не ошиблась: я разбил
Кувшин, с которым по воду ходила,
И у сапожника в башке пролом.

АДАМ.

Что, Марта, возразить на эту речь
Хотите?

МАРТА.

Возразить на эту речь?
Она куницей вкралася, и правду,
Как клокчущую куру, задавила.
Кто правду любит, тот бери дубину
И пришиби полночного злодея.

АДАМ.

Так это доказать вы нам должны

МАРТА.

Охотно. Вот свидетель. Говори!

АДАМ.

Как, Марта, дочь? Нельзя.

ВАЛЬТЕР

Но почему же?

АДАМ.

Свидетельницей, ваша честь? Но где же
В законе есть, в четвертой или в пятой
Главе, что если юный олух станет
Кувшины или что иное бить,
То матери свидетельствует дочка?

ВАЛЬТЕР.

У вас в мозгу познание с заблуждением,
 Как в тесте, сбились в один комок:
 Вы каждый раз подносите их вместе.
 Дочь не свидетельствует, объясняет.
 О ком и за кого она свидетель,
 Из объяснений выяснится только.

АДАМ.

Да, объясняет. Так. Глава шестая.
 Но что ни скажет, этому нет веры.

ВАЛЬТЕР.

Дитя мое, поди сюда.

АДАМ.

Гей, Лиза!
 Простите, в горле пересохло. Грета!

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

В х о д и т девушка. Те же.

АДАМ.

Стакан воды!

ДЕВУШКА.

Сейчас!

(Уходит).

АДАМ.

Могу вам также?

ВАЛЬТЕР.

Спасибо.

АДАМ.

Что? Французское или Мозель?

(Вальтер отказывается. Девушка приносит воду и уходит).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без девушки.

АДАМ.

Позвольте откровенно вам сказать,
 Что дело можно кончить примиреньем.

ВАЛЬТЕР.

Не понимаю, господин судья.
 Благоразумных примирить легко;
 Но как достичь могли б вы примиренья,
 Когда еще не разобрали дела?
 Вот это я от вас хотел бы слышать,
 Как думаете вы его решить?
 Готово ли решение ваше?

АДАМ.

Право,
 Когда закон меня в тупик поставил,
 Пусть философия поможет мне.
 Был это Лебрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кто?

АДАМ

Или Рупрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кто?

АДАМ

Или Лебрехт тот кувшин разбил.

ВАЛЬТЕР.

Да как же так? Иль Лебрехт? Иль Рупрехт?
 Я вижу, вам решение выбирать—
 Все то же, что в горшке с горохом рыться.

АДАМ.

Позвольте!

ВАЛЬТЕР.

Замолчите.

АДАМ.

Как угодно.

По чести, лучшее решение было б,
 Когда б они кувшин разбили оба.

ВАЛЬТЕР

Спросите и узнаете.

АДАМ

Охотно.

Но будь я плут, коль что-нибудь узнаем!
 Ну, писарь, протокол у вас готов?

ЛИХТ

Готов.

АДАМ.

Отлично.

ЛИХТ.

Начал лист я новый.
Занятно, что записано там будет?

АДАМ.

Лист новый? Ладно.

ВАЛЬТЕР.

Говори, дитя.

АДАМ.

Ну, Евочка, ты слышишь? говори же!
Дай, боже, ей, — голубушка, ты слышишь? —
Чтобы она показывала правду.
Подумай, здесь ты вот, как перед богом,
И не должна ты огорчать судью
Ни запирательством, ни болтовнею,
Нейдушей к делу. Ну, да ты разумна.
Судья, ведь, знаешь ты, всегда судья.
И каждому, быть может, пригодится.
Лебрехт разбил, ты скажешь: хорошо;
А скажешь, Рупрехт, — ну, и это ладно!
Так скажешь, так, — меня не проведешь,
А как покончить, от тебя зависит.
А вздумаешь ты здесь болтать иное
И третье имя сдуру называть,
Смотри, дитя, я тратить слов не стану.
Тебе ни в Гуйзуме, чтоб чорт побрал
Их всех, ни в Нидерландах не поверит
Никто; ведь стены не свидетель,
А за себя стоять умеют люди;
Рупрехта твоего возьмет падучка!

ВАЛЬТЕР.

Когда же кончите вы ваши речи?
Такая болтовня ни то, ни се!

АДАМ.

Не понимает вапа честь?

ВАЛЬТЕР.

Кончайте.

Вы здесь уже довольно говорили.

АДАМ

По чести! Не учен я, ваша милость,
И господам не ясен из Утрехта,
Но здесь нужны совсем иные речи.
Клянусь вам, Ева знает, что мне надо.

МАРТА

Ну, что ж ты? Говори теперь смелее!

ЕВА

О, мама милая!

МАРТА

Ну, ты! Живей!

РУПРЕХТ

Ей Богу, трудно смело говорить,
Когда за плотку нас ухватит совесть.

АДАМ

Молчать, нахал, ни пикнуть!

МАРТА

Кто же был?

ЕВА

О Иисус!

МАРТА

Разины! Негодяй!

О Иисус! Ведь этакая дура!
Что ж, Иисус разбил?

АДАМ

Как можно, Марта!
Пусть девушка сама нам все расскажет.
Пугать дитя, — овечья морда!— Дура!
К чему все это? Пусть сама припомнит.

РУПРЕХТ

Ну да, припомнит.

АДАМ

Ты, болван, молчи!

РУПРЕХТ

Сапожник ей припомнится ужю.

АДАМ

Ах, чорт! Хожалого позвать! Ганфрид!

РУПРЕХТ

Ну, господин судья, молчу, оставьте.
Она и до меня дойдет, пожалуй.

МАРТА.

Ты, слушай, не устраивай спектакля.
Я честно сорок девять лет, ты слышишь,
Жила, дай бог пятидесятый так же.
Мое рождение — третье февраля,
Сегодня первое. Недолго. Кто же?

АДАМ.

Вот это так! Отлично, Марта Руль!

МАРТА.

Сказал отец, кончаясь: „Слушай, Марта,
Ты честно замуж девушку отдай,
А если вырастет распутной тварью,
Так ты к могильщику сходи, дай грош,
Чтоб на спину меня он положил,—
Ей-богу, я в гробу перевернуся”.

АДАМ.

Не дурно.

МАРТА.

Что ж, почтить ты хочешь, Ева,
Отца и мать, как заповедь гласит
Четвертая? Скажи: к себе впустила
Сапожника или еще кого-то,
Ты слышишь? Только не был то жених.

РУПРЕХТ.

Ее мне жаль. Оставьте же кувшин;
Я отнесу его в Утрехт. Неужли
Такой кувшин хотел бы я разбить!

ЕВА.

Как недостойно это! Тьфу, стыдися,
Что не сказал: ну, я разбил кувшин!
Тьфу, Рупрехт, тьфу! О, как тебе не стыдно,—
Ты в этом деле мне не хочешь верить!
Дала ж тебе я руку, „да!” сказала,
Когда меня спросил ты: „Ева, хочешь?”
Ну, что ж, по твоему, сапожник лучше?
Когда б ты даже подглядел за дверью,
Что я с Лебрехтом из кувшина пью,
Ты знать бы должен, — Ева не изменит,
И все к ее же чести объяснится,
Когда не в этой жизни, то за гробом,
В тот день, когда мы все пред богом станем.

РУПРЕХТ.

Ей-богу, что мы это тянем, Ева!
Что у меня в руках, тому и верю.

ЕВА.

Положим, это был бы Лебрехт,
Но почему же, — вот как перед смертью
Я говорю, — тебе б я не открылась?
Перед соседями и батраками,
Положим, я хотела б это скрыть,
Но почему, Рупрехт, я не могла бы,
Тебе доверясь, на тебя сказать?
Ну почему же? Почему не так?

РУПРЕХТ.

Ах, чорт возьми! Уж если стыд забыла,
Скажи, что хочешь, мне-то что за дело!

ЕВА.

Какой ты скверный! О, неблагодарный!
Из-за тебя мне стыд забыть? Да хочешь, —
Могу одним я словом оправдаться,
Тебя же этим словом осрамить?

ВАЛЬТЕР.

Какое ж это слово? Ну, скорее.
Так это был не Рупрехт?

ЕВА.

Ваша милость,
Когда он сам так хочет, — нет, не он.
Из за него об этом я молчала:
Нет, глиняный кувшин не он разбил,
Он говорит, так можете поверить.

МАРТА.

Не Рупрехт, Ева? Что?

ЕВА.

Нет, мама, нет.
Вчера я вам неправду говорила.

МАРТА.

Да я тебе все кости обломаю!
(Ставит кувшин на пол).

ЕВА.

Как вам угодно.

ВАЛЬТЕР
(внушительно).

Марта!

АДАМ.

Эй, хозяин!

Вон выпвырнуть проклятую каргу!
Да почему ж никто иной, как Рупрехт?
Она ему тогда светила, что ли?
Я думаю, девица лучше знает.
Да будь я плут, коль не Лебрехт там был.

МАРТА.

Так это был Лебрехт? Лебрехт там был?

АДАМ.

Ну, Евочка, скажи, Лебрехт иль нет?

ЕВА.

Бесстыжий вы! Бессчастный! Как могли
Вы на Лебрехта говорить!...

ВАЛЬТЕР.

Девица!

Да как ты смеешь! Разве ты забыла,
Что ты к судье обязана почтеньем?

ЕВА.

Ну что! Судья туда ж! Да сам он стоит,
Ничтожный грешник, чтоб его судили,
Уж он-то лучше знает, кто там был!

(Обращаясь к судье).

Да разве он не сам вчера Лебрехта
Отправил со свидетельством в Утрехт
В комиссию рекрутского набора?
Так как же мог на Лебрехта сказать он,
Когда отлично знал, что тот в Утрехте?

АДАМ.

Ну кто ж иной? И не Лебрехт, — кой чорт!
И не Рупрехт, и не Лебрехт... Опомнись!

РУПРЕХТ.

Ей-богу, господин судья, позвольте
Сказать, что девушка теперь не лжет.
Лебрехта сам вчера я встретил, в восемь
Часов утра, когда в Утрехт он шел,

И если он не взгромоздился в фуру,
То уж такой-то косолапый парень
Не мог бы к той же ночи обернуться.
Конечно, третий кто-то виноват.

АДАМ.

Что, косолапый! Ах, овечья морда!
Не хуже всякого шагает парень.
Да будь я бессловесною скотиной,
Уж если даже маленькой овчарке
Порой не удастся рысью мчаться.

ВАЛЬТЕР.

Рассказывай.

АДАМ.

Простите, ваша милость!
Девушка вам служить едва ль сумеет.

ВАЛЬТЕР.

Служить? Едва ль сумеет? Почему же?

АДАМ.

Дитя еще. Добра, но безтолкова.
Недавно подтверждена. Стыдится,
Увидев бороду издалека.
В потьмах куда ни шло, но если днем,
Так пред судьей отпираться станет.

ВАЛЬТЕР.

Вы с нею очень кротки, господин
Судья, и снисходительны не в меру.

АДАМ.

Сказать по правде, господин советник,
Ее отец мне был хорошим другом.
Так будьте, ваша честь, великодушны,
И ведь не более, как только долг наш
Исполним мы, девушку отпустивши.

ВАЛЬТЕР.

Я чувствую великую охоту
Исследовать все дело до конца.
Ну, кто, дитя, кувшин разбил? Смелее.
Знай, ты теперь не перед тем стоишь,
Кто ни единой не простит ошибки.

ЕВА.

Мой дорогой, почтенный господин,
Не заставляйте, чтобы я сказала,

За мой отказ меня не обвиняйте.
 В том есть чудесное предуказанье
 Небес, чтобы мои уста сомкнулись.
 Что не Рупрехт разбил кувшин, могу я,
 Когда потребуете вы, в том клятву
 Перед священным алтарем принять.
 Все ж остальное, что вчера случилось,
 Здесь никому до этого нет дела,—
 Не может мать потребовать, чтоб рвали
 Одну единственную нить из ткани,
 Когда она сплелась со всею тканью.
 Я не скажу здесь, кто разбил кувшин,
 Иначе я чужую выдам тайну,—
 К кувшину не относится она.
 Когда-нибудь я матери откроюсь,
 Но здесь, перед судом, она не в праве
 Меня заставить говорить об этом.

АДАМ.

Ну да, не в праве мать. Но чести, нет.
 Да, девушка умеет помолчать.
 Когда она присягу принесет
 Перед судом, то иск отвергнуть надо,
 И спорить против этого не стоит.

ВАЛЬТЕР.

Что в объясненье скажете вы, Марта?

МАРТА.

Да если б возразить я не сумела,
 То я прошу вас, ваша милость, верить,
 Что это просто мой язык отсох.
 Представьте, что какой-нибудь пропащий,
 Чтоб честь свою восстановить пред всеми,
 В суде солгать осмелится и с ложной
 Своею клятвой к алтарю святому,
 А не к позорному столбу пойдет,
 Так это здесь случилось бы впервые.
 Будь эта правда, что вчера другой,
 Вошел в каморку Евы, а не Рупрехт,
 Будь это даже только лишь возможно,
 Поймите же, я б здесь не стала медлить.
 Я посадила бы ее на стул
 Здесь, перед дверью, и сказала б: Ева,
 Иди подальше, здесь тебе не место.
 Твоя коса одна тебе в наследство,
 На ней повесишься, так лучше будет.

ВАЛЬТЕР.

Вы успокойтесь, Марта.

МАРТА.

Я, однако,
Могу найти свидетельство иное,
Уж если Ева мне откажет в этом.
Уверена вполне, что только он,
Никто иной, кувшин мой сокрушил,
И если с клятвой отрицают это,
Так я и худшее подозреваю.
Иное преступление скрыто ночью
Вчерашнею, не только озорство.
Я вашей милости открою: Рупрехт
В набор попал, и должен он в Утрехте
На днях принять военную присягу.
Сыны отечества бегут нередко.
Допустим, нынче ночью он сказал бы:
«Что, Евочка? Бежим! Ведь свет велик.
Ключи от сундуков в твоих руках»...
Она бы поупрямилась немного,
А я случайно им бы помешала,—
Из мести он, и из любви она,—
Все остальное, что случилось, ясно.

РУПРЕХТ.

Воронья сыть! Откуда эти речи!
От сундуков...

ВАЛЬТЕР.

Молчи!

ЕВА.

Он, убежать!

ВАЛЬТЕР.

Здесь о кувшине речь. Скорее к делу.
Рупрехт его разбил, так докажете.

МАРТА.

Сначала докажу здесь, ваша милость,
Что Рупрехт мой кувшин разбил, а после
И в доме у себя я посмотрю.
Смотрите, за меня свидетель будет.
На каждое им сказанное слово,
И пусть бы в ряд построили их все,
Да это я уж и заране знаю,
Что и без вас со всеми ими справлюсь.
Вот, если вы Бригитту позовете,

Рупрехта тетку, я довольна буду,
Она его рассказы опровергнет.
Она в саду обоих в половине
Одиннадцатого, заметье, раньше,
Чем был кувшин разбит, застала в споре;
И как вся эта басня, что он сплел,
Расколется от головы до ног
От одного единственного слова,
Вы, ваша милость, поглядите сами.

РУПРЕХТ.

Кто встретил? Кто?

ФЕЙТ.

Сестра Бригитта?

РУПРЕХТ.

С Евой?

МАРТА.

Его, в саду, и с Евой, в половине
Одиннадцатого, а он болтает,
Что к Еве он в одиннадцать вломился;
Был спор, то ласки, то возня, как будто
Ее хотел он в чем-то убедить.

АДАМ

(про себя).

Ах, чорт возьми! Ну, вывози, кривая.

ВАЛЬТЕР.

Зовите эту женщину.

РУПРЕХТ.

Да нет же

Здесь слова правды, это невозможно.

АДАМ.

Вот погоди, разбойник! Эй, хозяин!
Ганфрид!— Коль на бегу кувшины бьются...
Прошу вас, писарь, привести Бригитту.

ФЕЙТ.

Проклятый плут, послушай, что ты сделал?
Все кости обломаю...

РУПРЕХТ.

Да за что?

ФЕЙТ.

Зачем же промолчал ты, что в саду
Ты с девкой полчаса болтал и спорил?
Зачем о том молчал?

РУПРЕХТ.

Зачем молчал?
Да бог меня побей, коль это правда.
Докажет тетя Бригги, так повесь
Меня, да и ее к ногам, пожалуй.

ФЕЙТ.

Да уж доказывает, — слышишь это?
И ты, и эта недотрога Ева,
Вы сговорились, как вам отвечать
Здесь на суде. Какая-то есть тайна
Позорная, — о ней девчонка знает,
Да нам, тебя жалея, не расскажет.

РУПРЕХТ.

Что? Тайна?

ФЕЙТ.

А зачем ты уложился?
А? вечером зачем ты уложился?

РУПРЕХТ.

Я? вещи?

ФЕЙТ.

Да, штаны, белье, кафтаны.
Как будто путешественнику вскинуть
На плечи узел.

РУПРЕХТ.

Да в Утрехт мне надо!
Небесный гром! Ведь если в полк я должен!
Вы думаете, я ?...

ФЕЙТ.

Ага, в Утрехт!
Заторопился ты в Утрехт уж очень!
Позавчера еще не знал, на пятый
Иль на шестой день надобно итти.

ВАЛЬТЕР.

Старик не знает ли чего о деле?

ФЕЙТ.

Да уж не знаю, право, ваша милость.
Я дома был, когда кувшин разбился.
А что касается других наветов,

Сказать по правде, ничего такого,
 Что подозрение на него бросало б,
 За сыном за моим я не заметил.
 В его невинности я был уверен,
 И шел сюда, чтоб, этот спор покончив,
 Расторгнуть вместе с тем его помолвку,
 Назад потребовать его цепочку
 И пфенник свадебный, который Еве
 На стоворе он осёнью поднес.
 А если что о бегстве, об измене
 На голову мою седую рухнет,
 Так это так же ново мне, как вам, —
 И пусть ему сломает дьявол шею.

ВАЛЬТЕР.

Зовите же, судья, сюда Бригитту.

АДАМ.

А разве вашу милость это дело
 Не утомило? Затянулось очень.
 Еще хотели ваша милость в кассы,
 В регистратуру... А который час?

ЛИХТ.

Пробьет сейчас...

АДАМ.

Одиннадцать?

ЛИХТ.

Двенадцать.

ВАЛЬТЕР.

Ну что ж!

АДАМ.

Пора, — у вас вскружится голова.
 (Сморгает на часы).

Как честный человек — что вам угодно?

ВАЛЬТЕР.

Я думаю...

АДАМ.

Прервать разбор? Отлично.

ВАЛЬТЕР.

Позвольте! Думаю окончить дело.

АДАМ.

Вы думаете? Хорошо. Но только,
 По чести, завтра утром в девять, дело
 Я б, с позволения вашего, закончил.

ВАЛЬТЕР.

Чего хочу, известно вам.

АДАМ.

Исполню.

Хожалого пошлите, писарь; должен
Сейчас сюда он привести Бригитту.

ВАЛЬТЕР.

Чтоб время, дорогое для меня,
Сберечь, прошу, займитесь этим сами.
(Лихт уходит).

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Лихта. После — девушки.

АДАМ

(вставая)

Не будет ли пока угодно вам
Немного освежиться?

ВАЛЬТЕР.

Гм! О, да.

Что я хочу сказать...

АДАМ.

— Позвольте также,

Наедине, пока придет Бригитта...

ВАЛЬТЕР

Наедине?

АДАМ

За дверью, если вам...

ВАЛЬТЕР

(про себя)

Ах, чорт!

(громко).

Так знаете ль, судья Адам,
Стакан вина мне дайте в перерыве.

АДАМ.

От всей души, охотно. — Эй, Маргрета!
Я буду счастлив, ваша милость. — Грета!
(Девушка входит)

ДЕВУШКА

Здесь.

АДАМ.

Что прикажете?... Вы, люди, прочь!
Французского?... В переднюю!.. Иль с Рейна?

ВАЛЬТЕР.

С родного Рейна.

АДАМ.

Так... Вы, — марш. Я кликну.

ВАЛЬТЕР.

Куда?

АДАМ.

Иди, — того, с печатью, Грета...
Куда? За двери, в сени... Здесь... Вот ключ.

ВАЛЬТЕР.

Останьтесь.

АДАМ.

Живо! Марш... Иди, Маргрета!
И масло свежее, и сыр лимбургский,
И гусь копченый померанский, жирный.

ВАЛЬТЕР.

Постойте! Много так не хлопочите,
Прошу вас, господин судья.

АДАМ.

Ступайте,
Чтоб чорт вас взял! Идите, говорят вам!

ВАЛЬТЕР.

Их отослать хотите?

АДАМ.

Ваша милость?

ВАЛЬТЕР.

Что вы?..

АДАМ.

Когда позволите, уйдут
Они, пока не явится Бригитта.
Иль разве надо?..

ВАЛЬТЕР.

Хм! Как вы хотите.
Но только стоит ли их высылать?
Вы думаете, что еще не скоро
Она сюда придет?

АДАМ.

Сегодня день

Для сбора дров. Почти что все крестьянки
пошли в сосновый бор собирать валежник.
И очень может статься...

РУПРЕХТ

Тетка дома.

ВАЛЬТЕР.

Вот видите.

РУПРЕХТ.

Она сейчас придет.

ВАЛЬТЕР.

Сейчас придет. Пошлите за вином.

АДАМ

(про себя).

Проклятый!

ВАЛЬТЕР.

На закуску ничего,

Кусок сухого хлеба с солью только.

АДАМ

(про себя).

Минуты две бы с девкой мне побыть...

(Громко).

Сушеный хлеб и соль? Да что вы!.

ВАЛЬТЕР.

Да.

АДАМ.

По крайней мере, сыр? Ведь после сыру
Вино для языка приятней станет.

ВАЛЬТЕР.

Кусочек сыру, больше ничего.

АДАМ.

Иди. Камчаткою накроешь, белой.

Плоха, да настоящая.

(Девушка уходит).

Вот в этом

Есть выгода для нас, холостяков,

Что тем немногим, скудным, что другие

С женой, с детьми должны всегда делиться.

Мы вволю насладимся в час приличный,

И с кем хотим.

ВАЛЬТЕР.

Что я хочу спросить,—
Где вы расшиблись, господин судья?
Ведь голова у вас совсем разбита.

АДАМ.

Упал...

ВАЛЬТЕР.

Упали? Так. Когда? Вчера?

АДАМ.

Сегодня, утром рано, извините,
В шестом часу, едва с постели встал.

ВАЛЬТЕР.

Да кто же так вас?

АДАМ.

Господин советник,
По правде вам сказать, никто, как сам:
Ударился об дверь я головою,
И до сих пор не вспомнюсь, отчего.

ВАЛЬТЕР.

Затылком?

АДАМ.

Что? Затылком?

ВАЛЬТЕР.

Или лбом?

У вас две раны, спереди и сзади.

АДАМ.

— И так, и этак... Маргарета!

(О б е девушки с вином и пр. накрывают и уходят).

ВАЛЬТЕР.

Как?

АДАМ.

Сначала так, потом... Об угол печки
Сперва я лоб себе расшиб, потом
От печки навзничь на пол повалился,
И там себе затылок я разбил...

(Наливает).

Угодно вам?

ВАЛЬТЕР

(беря стакан).

Имейте вы жену,

Тогда б я, господин судья, подумал
Нивесть что.

АДАМ.

Как так?

ВАЛЬТЕР.

Уверяю вас,
На всем лице царапины я вижу.

АДАМ

(смеясь).

Нет, слава богу! Не от женских рук.

ВАЛЬТЕР.

Так. Преимущество холостяков.

АДАМ

(смеясь).

Прутняк поставлен был, для шелковичных
Червей, здесь у меня сушиться к печке.
Здоровье ваше!

(Пьют).

ВАЛЬТЕР.

И как раз сегодня
Так странно вы лишились парика!
Вы париком закрыли б ваши раны.

АДАМ.

Одна беда придет, за ней другая.
Вот здесь, могу я предложить?

ВАЛЬТЕР.

Кусочек.

Из Лимбурга?

АДАМ.

Прямехонько оттуда.

ВАЛЬТЕР.

Но как же, чорт возьми, случилось это?

АДАМ.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Как же вы лишились парика?

АДАМ.

Да вот, — я вечером вчера читал
Дела, и так как я очки засунул
Куда-то, то я так нагнулся низко,
Что от огня свечи парик мой ярко
Зажегся вдруг. Подумал я, что льется

Огонь с небес по грешной голове.
Хватаюсь за парик, чтоб снять его,
Но прежде чем распутал я завязки,
Он, как Содом или Гоморра, вспыхнул,—
Едва-едва три волоска я спас.

ВАЛЬТЕР.

Ах чорт! И в городе у вас другой?

АДАМ.

У парикмахера... Ну что ж, за дело!

ВАЛЬТЕР.

Не торопитесь, господин судья.

АДАМ.

Да что, часы летят. Еще стаканчик.

(Наливает)

ВАЛЬТЕР.

Когда тот парень правду говорил,
Лебрехт свалился тоже неудачно.

АДАМ.

Клянуся честью.

(Пьет).

ВАЛЬТЕР.

Если ныне дело,
Как я боюсь, распутано не будет,
То все же вам виновника в Гуйзуме
Не трудно будет уличить по ранам.

(Пьет).

Нирштейнер?

АДАМ.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Иль добрый Оппенгеймер?

АДАМ.

Нирштейн. Да вы — знаток, клянуся честью.
Я из Нирштейна получил его..

ВАЛЬТЕР.

Я пробовал его на месте.

АДАМ.

(опять наливает).

Марта,

Скажите, высоко ль окошки ваши?

МАРТА.

Мои окошки?

ВАЛЬТЕР.

Окна той каморки,

Где спит девица?

МАРТА.

Комнаты, конечно,

Все в первом этаже, внизу подвал,

Окно не выше, чем на девять футов;

Но если хорошенько разобрать,

Так прыгать там не так, чтобы удобно.

Два фута от стены там виноградник;

Он ветви узловатые развесил,

Обвивши колышки, вдоль всей стены,

И даже он окно совсем запутал.

Там разве только боров продерется,

Когда захочет от ловца бежать.

АДАМ.

Да там никто и не был.

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Да?

АДАМ.

Конечно

(Пьет).

ВАЛЬТЕР

(Рупрехту).

Ты как плута, не в голову ль ушиб?

АДАМ.

Прошу...

ВАЛЬТЕР.

Не надо.

АДАМ.

Очень.

ВАЛЬТЕР.

Будет.

АДАМ.

Я налью.

ВАЛЬТЕР.

Вы слышали...

АДАМ.

Для круглого числа.

ВАЛЬТЕР.

Прошу вас.

АДАМ.

Да что ж, по теореме Пифагора.

(Наливает ему).

ВАЛЬТЕР

(опять Рупрехту).

Ты сколько раз плута в башку ударил?

АДАМ.

Один — господь. Два — хаос в темноте.

Три — свет. Люблю я выпить три стакана.

Из третьей чаши пьем по капле солнце,

А в остальных уж звездочки небес.

ВАЛЬТЕР.

В башку ты сколько раз плута ударил?

Рупрехта спрашиваю.

АДАМ.

Что, не слышишь?

Ударил сколько раз плута? Ну, живо!

Ах, божий гром, да парень сам не знает!

Забыл ты?

РУПРЕХТ.

Ручкой?

АДАМ.

Ну, почему я знаю!

ВАЛЬТЕР.

С окна, когда ты на него напал?

РУПРЕХТ.

Два раза.

АДАМ.

Негодяй! Вот это помниш!

(Пьет).

ВАЛЬТЕР.

Два раза! Уложить его ты мог бы

Ударами такими.

РУПРЕХТ.

Уложил бы,

Так уложил бы, да и был бы прав.

Лежи он мертвый здесь, так отпираться

Не стал бы я, сказал бы, — это я.

АДАМ.

Да, мертвый! Ну, еще бы! Но, однако...

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Ты в темноте его не разглядел?

РУПРЕХТ.

Ни черточки, почтенный господин.

АДАМ.

А ты глаза бы пиялил больше... Ну же!

РУПРЕХТ.

Глаза! Уж я ли их не пиялил, только

Мне чорт засыпал их песком.

АДАМ

(в бороду).

Песком!

А ты б своих глазищ не пиялил этак!

За то, что любим, выпьем, ваша милость.

ВАЛЬТЕР.

За верность, правду, честь, судья Адам.

(Пьют).

АДАМ.

Теперь последнюю, коль вам угодно.

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Судья Адам, у Марты вы бывали.

Не можете ль назвать мне, не считая

Рупрехта, кто еще был к Марте вхож?

АДАМ.

Не часто, ваша милость, извините.

Кто был к ней вхож, я не могу сказать..

ВАЛЬТЕР.

Как? Неужели вы из чувства дружбы

Вдову по временам не посещали?

АДАМ.

Нет, в самом деле, только редко.

ВАЛЬТЕР.

Марта!

Судье Адаму вы не угодили?

Он говорит, что вас не навещает.

МАРТА.

Не угодила, ваша милость? Нет,
Он, кажется, моим остался другом.
Но не могу похвастаться, чтоб часто
Его я видела в моем дому.
Недель уж девять у меня он не был,
И то зашел лишь мимоходом.

ВАЛЬТЕР.

Да что вы?

МАРТА.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Недель уж девять?

МАРТА.

Девять.

В четверг уж десять. У меня семян
Просил он, скороспелок и гвоздики.

ВАЛЬТЕР.

А в праздники, когда идет на хутор?

МАРТА.

Ну да, ко мне в окно тогда заглянет,
Чтоб поздороваться со мной и с Евой,
Потом идет себе своей дорогой.

ВАЛЬТЕР

(про себя).

Ага! Уж не ошибся ль я...

(Пьет).

Сдается

Мне так, что если девушка полезна
В хозяйстве вам, то надо в благодарность
За это мать ее почаще навещать.

АДАМ.

Как, ваша милость?

ВАЛЬТЕР.

Как? Ведь вы сказали,
Что Ева помогает вашим курам,
Когда они больны. Еще сегодня
Она совет давала вам, не так ли?

МАРТА.

Конечно, это верно, ваша милость.
Позавчера послал он ей больную

Цесарку, — бедная едва дышала.
 Одну она спасла от типуна,
 И эту также вылечит лапшею, —
 Но благодарности не видно что-то.

ВАЛЬТЕР

(в недоумении).

Пожалуйста, судья Адам, налейте.
 И мне налейте. Выпьем по одной.

АДАМ

Готов служить. Я очень счастлив. Вот.
 (Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Здоровье ваше!.. Рано или поздно
 Судья Адам придет.

МАРТА.

Ну, сомневаюсь.

Когда б такой Нириштейнер, что вы пьете
 И что, покойный муж мой, кастелян,
 К себе на погреб ставил, я имела б,
 Чтоб утопить судью, иначе было б;
 Но я ведь только бедная вдова,
 И что в моем дому его приманит!

ВАЛЬТЕР.

Ну, это к лучшему.

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Лихт, Бригитта с париком в руке. Девушки входят. Те же.

ЛИХТ.

Сюда, Бригитта.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же, писарь Лихт, вот эта?..

ЛИХТ.

Вот госпожа Бригитта, ваша милость.

ВАЛЬТЕР.

Итак, теперь вопрос мы разрешим
 Возьмите это, девушки.

(Девушки со стаканами и пр. уходят).

АДАМ.

Ну, Ева,
Уж закрути пилюлю мне сегодня,
Как следует, — я вечером за это
Приду к тебе покушать карася.
Пускай ее проклятая проглотит,
А велика, — не жалко, пусть подохнет.

ВАЛЬТЕР

(заметив парик).

А это что нам принесла Бригитта,
Парик?

ЛИХТ.

Угодно?

ВАЛЬТЕР.

Принесла Бригитта
Что за парик?

ЛИХТ.

Гм!

ВАЛЬТЕР.

Что?

ЛИХТ.

Простите.

ВАЛЬТЕР.

Ну, в чем же дело?

ЛИХТ.

Если вам угодно,
Через судью она спросить желает,
Кому принадлежит парик, — и станет
Дальнейшее, не сомневаюсь, ясно.

ВАЛЬТЕР.

Зачем же знать мне, чей парик? Пусть скажет
Бригитта, как она его нашла.

ЛИХТ.

Она нашла парик на частоколе
У Марты Руль. Висел он, как гнездо,
Запутавшись на виноградных лозах
Под тем окошком, где девица спит.

МАРТА.

Как? У меня? В саду?

ВАЛЬТЕР

(тихо).

Судья Адам,

Когда б вы мне хотели что доверить,
То будьте же добры, во имя чести
Суда, прошу вас, все откройте мне.

АДАМ

Я вам?

ВАЛЬТЕР.

Нет? Ничего?

АДАМ

(берет парик).

Клянуся честью.

ВАЛЬТЕР.

Ну что ж, парик не вам принадлежит?

АДАМ

Ну, что же, мне принадлежит парик.
Да, чорт возьми! Ведь это — тот же самый,
Который восемь дней назад я отдал
Ему, чтоб к Мелю отнести в Утрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кому?

ЛИХТ.

Рупрехту?

РУПРЕХТ.

Мне?

АДАМ

Когда в Утрехт

Он восемь дней тому назад собрался,
Не вверил разве плуту я парик,
Чтоб парикмахеру его он отдал?

РУПРЕХТ.

Парик? Ну да. Он дал мне...

АДАМ

Почему же,

Бездельник, парика ты не отнес?
Ведь я ж тебе велел, так почему же
Его ты в мастерскую не отнес?

РУПРЕХТ.

Как почему?... Да бог меня убей,—
Его же в мастерскую я отнес.
И мастер Мель его...

АДАМ.

Его отнес?

Да как он в винограднике нашелся?
 Ну, погоди, каналья, не уйдешь ты.
 Сдается мне, что пахнет здесь шпионством
 Или изменой, — как мне знать! — Позвольте
 Мне женщину тотчас же допросить.

ВАЛЬТЕР.

А ваш парик?..

АДАМ.

Позвольте, ваша милость.

В четверг прошедший собирался парень
 В Утрехт итти с отцовскими волами.
 Пришел и говорит: „Судья Адам,
 Вам в городе чего-нибудь не надо?“
 Сынок, сказал я, если так ты ласков,
 Возьми парик, отдай его поправить.
 Но не сказал ему: иди и спрячь
 К себе парик, надень его, пожалуй,
 Иль в винограднике оставь у Марты.

БРИГИТТА.

Нет, господа, по-моему, — простите, —
 Там был не Рупрехт. Шла вчера я ночью
 К моей двоюродной сестре на хутор, —
 У ней роды тяжелые, — и слышу:
 Кого-то девушка в саду бранит.
 И страх, и ярость ей сжимали горло.
 „Да как тебе не стыдно! Тьфу, негодный!
 Что делаешь? Уйди! Я кликну мать!“
 Как будто бы испанец к ней пришел.
 Я: — Ева! — ей кричу через ограду, —
 Что, Ева? что такое? — Тихо стало. —
 Ну, что ж? Ответишь? — „Что угодно, тетя?“ —
 Что здесь? — я говорю. — „Чему ж здесь быть!“ —
 Да что, здесь Рупрехт? — „Да, ну что же, Рупрехт!
 Идите мимо“. — Так вот и кипит.
 Ну, думаю, любовь здесь — точно ссора.

МАРИА.

Итак?

РУПРЕХТ.

Итак?

ВАЛЬТЕР.

Молчите! Пусть окончит.

БРИГИТТА

Кода же с хутора я возвращалась,
И к полуночи уж время было близко,
Гляжу, — в аллее лип у сада Марты
Передо мною вырос кто то лысый,
С копытом конским, и промчался мимо,
Вонюч, как дым от шерсти, смол и серы.
Я „С нами бог" шепчу, и отвернулась
В испуге, и гляжу, ну вот, ей-богу,
Светясь, как дерево гнилое, плешь
По липовой аллее убегала.

РУПРЕХТ.

Ах сто чертей!

МАРТА.

С ума сошли вы, Бригги?

РУПРЕХТ.

По-вашему, там чорт был?

ЛИХТ.

Тише! Тише!

БРИГИТТА

Что видела, что нюхала, то знаю.

ВАЛЬТЕР

(с нетерпением).

Был чорт там или нет, — не наше дело.
Его никто ни в чем не обвиняет.
О ком другом нам скажете, — отлично,
А от нечистого уж нас избавьте.

ЛИХТ.

Позвольте, ваша милость, ей докончить.

ВАЛЬТЕР.

Тупоголовые!

БРИГИТТА

Как вам угодно,

Но мой свидетель будет писарь Лихт.

ВАЛЬТЕР.

Как? Ваш свидетель будет?

ЛИХТ.

Да, отчасти.

ВАЛЬТЕР.

Не знаю, право же...

ЛИХТ.

Прошу покорно
 Прослушать до конца рассказ Бригитты.
 Что это чорт был, я не утверждаю;
 Но лошадиное копыто, плешь
 И смрадный дым, — все это в нас вселяет
 Почти уверенность... Ну, продолжайте!

БРИГИТТА.

Сегодня с удивленьем я узнала
 Все, что случилось у Марты Руль.
 Чтоб выследить разбившего кувшин,
 Того, кого я повстречала ночью,
 Я осмотрела место, где он спрыгнул,
 И след в снегу нашла я, господа, —
 И что за след, подумайте, нашла я?
 Направо — ясный, тонкий, ровный след,
 Совсем, как следует, нога людская,
 А слева безобразный, неуклюжий,
 Громадный след ножищи лошадиной.

ВАЛЬТЕР

(с досадою).

Ну что за вздор, безумный и зазорный!

ФЕЙТ.

Не может быть!

БРИГИТТА.

Да я вас уверяю!

Сперва у частокола, где он спрыгнул,
 Виднеется кругом изрытый снег,
 Как будто там в снегу свинья валялась;
 И след людской, и конский след оттуда,
 И след людской, и конский след, и след людской, и
 конский след,
 Вдоль сада, по аллее, дальше, дальше.

АДАМ.

Проклятье!.. Эта шельма, нарядившись,
 Как чорт, быть может...

РУПРЕХТ.

Что? Чтоб я?..

ЛИХТ.

Молчи!

БРИГИТТА.

Когда охотник выследит лисицу,
 Не так обрадуется он, как я.
 „Ну, писарь Лихт,— сказала я, увидев,
 Что, вами посланный, за мной идет он,—
 Ну, писарь Лихт, оставьте это дело,
 Не вам судить того, кто бьет кувшины, —
 От вас далеко он, сидит в аду:
 Смотрите след, которым он промчался”.

ВАЛЬТЕР.

Вы сами убедились?

ЛИХТ.

Ваша милость,
 Насчет следа все совершенно верно.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же, конский след?

ЛИХТ.

Да нет, людской,
 Но, praeter propter, точно лошадиный.

АДАМ.

Ей Богу, дело кажется серьезным.
 Есть много ядовитых сочинений,
 Где утверждается, что бога нет;
 Но дьявола отвергнуть, сколько знаю,
 Никто из атеистов не сумел.
 Мне этот случай кажется достойным
 Внимания. По-моему, должны мы
 Не торопиться с нашим заключеньем,
 И раньше запросить синод в Гааге,
 Согласно ли с законом мы поступим,
 Признав, что Вельзевул разбил кувшин.

ВАЛЬТЕР.

Да, только этого от вас и ждал я.
 А писарь Лихт что скажет?

ЛИХТ.

Ваша милость,
 Зачем синод, и сами вы решите.
 Пускай кончается, — если вам угодно, —
 Бригитта; сопоставив показания,
 Надеюсь, выясним мы это дело.

БРИГИТТА.

„Ну, писарь Лихт, — я говорю, — давайте
Пойдемте-ка по следу мы, да взглянем,
Куда бы это чорт укрыться вздумал”.
А он: „Умно придумано, Бригитта;
И, может быть, не в сторону уйдем мы,
Когда отправимся к судье Адаму”.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же вы нашли?

БРИГИТТА.

Сперва нашли мы
За садом, в липовой аллее, место,
Где, испуская серный дым клубами,
Передо мною чорт вскочил: примято,
Как будто пятился трусливый пес
От кошки, фыркавшей пред ним.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же дальше?

БРИГИТТА.

Немного дальше памятник остался
У дерева, — я даже испугалась.

ВАЛЬТЕР.

Как? Памятник? Какой?

БРИГИТТА.

Да как сказать..

АДАМ
(про себя).

Живот проклятый мой!

ЛИХТ.

Прошу вас, дальше,
Бригитта, продолжайте, я прошу вас.

ВАЛЬТЕР.

Куда привел вас след, хочу я знать.

БРИГИТТА.

Куда? Ближайшею дорогой к вам,
Прямехонько, как писарь Лихт сказал.

ВАЛЬТЕР.

Сюда?

БРИГИТТА

От липовой аллеи, вдоль
Сажалки карпов, Старостиным полем,
Потом тропинкою через кладбище,
Сюда, скажу я вам, к судье Адаму.

ВАЛЬТЕР.

К судье Адаму?

АДАМ.

Что? Сюда? Ко мне?

БРИГИТТА

Да, к вам, сюда.

РУПРЕХТ.

Да неужели чорт

В суде живет?

БРИГИТТА

Уж я не знаю, право,
Живет ли в этом доме он; но здесь
Остановился он, я это знаю;
Прямехонько к порогу след приводит.

АДАМ.

Быть может, здесь он только мимоходом?

БРИГИТТА

Да, или мимоходом. Может быть.
А след отсюда...

ВАЛЬТЕР.

Был отсюда след?

ЛИХТ.

Следа отсюда не было, простите.

БРИГИТТА

Ну да, отсюда след затоптан.

АДАМ.

Затоптан. Мимоходом. Будь я плут,
Заметьте, господа, что парень ищет
Чего-то здесь в суде. Да будь я проклят,
У нас в регистратуре дело плохо.
Не сомневаюсь я, — мои расчеты
Все перепутаться теперь должны,
И я уж ни за что не поручусь.

ВАЛЬТЕР.

Я тоже.

(Про себя).

Гм! Не знаю, право, левой
Иль правою. Одна его нога...
Судья Адам, позвольте табакерку.

АДАМ

Как?

ВАЛЬТЕР.

Табакерку вашу.

АДАМ

(Лихту).

Вот, подайте.

ВАЛЬТЕР.

К чему же так? Достаточно ведь шага.

АДАМ

Исполнено... Советнику подайте.

ВАЛЬТЕР,

Я нечто вам бы на ухо сказал.

АДАМ

Быть может, после будет случай.

ВАЛЬТЕР.

Ладно.

(Лихт опять садится).

Скажите, господа, здесь есть, в Гуйзуме,
С уродливой ногою кто-нибудь?

ЛИХТ.

Конечно, кто-то есть у нас в селе...

ВАЛЬТЕР.

Да? Кто?

ЛИХТ.

Спросите, ваша милость, у судьи.

ВАЛЬТЕР.

Судьи Адама?

АДАМ

Ничего не знаю.

Уж десять лет судьей я здесь, в Гуйзуме,
А кривоногих не случалось видеть.

ВАЛЬТЕР

(Лихту).

Ну, кто по-вашему?

МАРТА.

Да пусть он ногу вынет!
Зачем под стол он ногу прячет? Можно
Подумать, — сам он этот след оставил.

ВАЛЬТЕР.

Судья Адам?

АДАМ.

Кто? Я? Да чорт я разве?
А это разве конская нога?
(Показывает свою левую ногу).

ВАЛЬТЕР.

Сказать по чести, так нога прямая.
(Тихо).

Кончайте же скорее заседание.

АДАМ.

Когда бы чорт имел такую ногу,
На бал итти он мог бы и плясать.

МАРТА.

И я скажу, — где господин судья...

АДАМ.

Что? Я?

ВАЛЬТЕР.

Кончайте ж, говорю, скорее.

БРИГИТТА.

Вот только, господа, одно сомненье
Наводит этот праздничный убор!

АДАМ.

Какой там праздничный?..

БРИГИТТА.

Да вот, парик!
Кто видел чорта в этаким наряде?
Как пышно взбито, сколько вбито сала!
Как у соборного декана в праздник.

АДАМ.

Да разве здесь мы можем знать, Бригитта,
Что у чертей в аду сегодня в моде!
Обычно чорт своими волосами
Доволен. На земле ж, я в том уверен,
Он прячется нередко под парик,
Чтобы втираться к благородным людям.

ВАЛЬТЕР.

Бездельник! Стоило бы вас отсюда
С позором выгнать! Что вас защищает,
Так это только честь суда! Кончайте
Скорее заседание!

АДАМ.

Я надеюсь...

ВАЛЬТЕР.

На что надеетесь? Увертки ваши вижу.

АДАМ.

Не верите ж вы, чтобы я, судья,
Парик мой в винограднике оставил?

ВАЛЬТЕР.

Избави бог! Ведь ваш парик, подобно
Содому и Гоморре, был сожжен.

ЛИХТ.

Простите, ваша милость, — это кошка
Вчера котят снесла в его парик.

АДАМ.

Вот, собралися на меня улики.
Но не спешите, я прошу вас. Будет
Иль честь мне, или поношение.
Пока молчит девица, не пойму я,
Как можете меня вы обвинять.
Здесь на судейском месте я в Гуйзуме
Сижу, и положил парик на стол:
Кто говорит, что это — мой парик,
Того зову в верховный суд в Утрехте.

ЛИХТ.

Гм! А парик-то вам идет, ей Богу,
Как будто бы на голове он вашей вырос.
(Надевает на него парик).

АДАМ.

Злословие!

ЛИХТ.

Не правда?

АДАМ.

Плащ в плечах
Широк мне, а парик еще мне шире.
(Смотрится в зеркало).

РУПРЕХТ.

Ну, что за негодай!

ВАЛЬТЕР.

А ты молчи!

МАРТА.

Ведь этакий судья проклятый, ну!

ВАЛЬТЕР.

Еще раз говорю, кончайте дело!

АДАМ.

Как вам угодно!

РУПРЕХТ

(Еве).

Ева, это — он?

ВАЛЬТЕР.

На что еще осмелится бесстыдник?

ФЕЙТ.

Ведь сказано, молчи.

АДАМ.

Ужо, скотина!

РУПРЕХТ.

Эх, конское копыто!

ВАЛЬТЕР.

Эй, хозяин!

ФЕЙТ.

Заткни же глотку.

РУПРЕХТ.

Я тебя достану!

Сегодня мне песку в глаза не бросишь!

ВАЛЬТЕР.

Ну, что ж, судья Адам, все нет у вас догадки?

АДАМ.

Когда позволите, я объявлю решение.

ВАЛЬТЕР.

Да, объявляйте.

АДАМ.

Дело рассмотрев,

Рупрехта, шельму, нахожу виновным.

ВАЛЬТЕР.

Отлично. Дальше что?

АДАМ.

На шею цепь

Надеть ему, а так как очень дерзко
Держался он перед своим судьей,
Так за решетку посадить в тюрьму.
Срок заключения после я назначу.

ЕВА.

Рупрехта?

РУПРЕХТ.

Как? Меня в тюрьму?

ЕВА.

На цепь?

ВАЛЬТЕР.

Не беспокойтесь, дети... Все сказали?

АДАМ.

Кувшин он возместит или нет, — как хочет.

ВАЛЬТЕР.

Отлично. Заседание закрыто.
Рупрехт обжаловать в Утрехте может.

ЕВА.

Обжаловать в Утрехте должен он?

РУПРЕХТ.

Что? Я?

ВАЛЬТЕР.

Конечно, чорт возьми! Пока же...

ЕВА.

А что пока?

РУПРЕХТ.

Итти в тюрьму я должен?

ЕВА.

На шею цепь! Так вот какой ваш суд!
Он сам, бесстыжий, он, что там сидит,
Он сам...

ВАЛЬТЕР.

Да слушай, чорт возьми! Молчи!
И волоска не тронут...

ЕВА.

Рупрехт! Эй!
Судья Адам кувшин у нас разбил!

РУПРЕХТ.

Ну, погоди же!

МАРТА.

Он?

БРИГИТА.

Вон тот?

ЕВА.

Ну да!

Он был вчера с твоею Евой, Рупрехт!
Держи его! Насыпь ему, как хочешь!

ВАЛЬТЕР

(встает).

Молчать! Кто беспорядок...

ЕВА.

Все равно!

Пусть будет цепь заслужена, мой Рупрехт!
Тащи его с судейского сиденья.

АДАМ.

Простите...

(убегает).

ЕВА.

Ну же!

РУПРЕХТ.

Стой!

ЕВА.

Скорее!

АДАМ.

Что?

РУПРЕХТ.

Ах, чорт хромой!

ЕВА.

Ну, что ж ты?

РУПРЕХТ.

Гром и буря!

Я только плащ держу.

ВАЛЬТЕР.

Оставь! Хожалый!

РУПРЕХТ

(бьет по плащу).

Бац! Раз! И бац! и бац! Еще один!
Еще один! Не по горбу, — по платью.

ВАЛЬТЕР.

Ты, грубиян! Веди себя пристойно!
Когда сейчас же ты не перестанешь,
Смотри, сегодня же ты на цепь сядешь.

ФЕЙТ.

Ну, успокойся, ты, повеса!

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без А д а м а . В с е переходят на переднюю часть сцены.

РУПРЕХТ.

Ева!

Я грубо оскорбил тебя сегодня,
Ах, сто чертей! сегодня и вчера.
Голубушка! невеста золотая!
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

ЕВА

(бросаясь в ноги Вальтеру).

Вы не поможете, так мы погибли!

ВАЛЬТЕР.

Погибли?

РУПРЕХТ.

Господи! Да в чем же дело?

ЕВА.

Рупрехта мне спасите от набора!
Набор ведь этот, — мне судья Адам,
Как тайну, это рассказал, — идет
В Ост-Индию; отсюда ж, вам известно,
Из трех едва один назад вернется.

ВАЛЬТЕР.

В Ост-Индию? Да ты с ума сошла?

ЕВА.

В Бантам, — уж не скрывайте, ваша милость!
Вот здесь письмо секретное; в нем есть
Инструкции для сбора ополчения;
Они даны правительством недавно.
Как видите, о всем я верно знаю.

ВАЛЬТЕР

(берет письмо и читает его).

Неслыханно-предательская ложь!

Письмо подложное!

ЕВА

Подложное?

ВАЛЬТЕР.

Конечно!

Скажите сами, писарь Лихт, вот это —

Приказ, который прислан из Утрехта?

ЛИХТ.

Приказ? Ах, греховодник! Клок бумаги,

И это все он сам же сочинил.

Вербуются войска, но лишь для службы

Во внутренних провинциях; никто

Из них в Ост-Индию не будет послан.

ЕВА

Да, правда? Никогда?

ВАЛЬТЕР.

Клянуся честью!

А если б оказался я неправ —

Внесу за твоего Рупрехта выкуп.

ЕВА

(поднимаясь).

Как обманул меня злодей, о боже!

Он страшною тревогою терзал

Мне сердце и ко мне явился ночью,

Чтоб навязать мне отзыв о Рупрехте;

Доказывал, что можно по болезни

Его совсем освободить от службы;

Рассказывал, доказывал, забрался

Ко мне, чтобы свидетельство писать;

И мерзостей хотел таких, которых

Уста девичьи рассказать не смеют.

БРИГИТА

Ах, негодяй! Какой обманщик мерзкий!

РУПРЕХТ.

Забудь хромого чорта, милый друг!

Когда бы твой кувшин разбила лошадь,

Я ревновал бы столько ж, как теперь

(Целуются).

ФЕЙТ.

Ну то-то же, — целуйтесь, — мир да лад.
На Троицу, коли хотите, свадьба.

ЛИХТ

(у окна).

Смотрите, вон судья Адам, смотрите,
С холма на холм, как будто бы от казни,
Прямехонько по пашне так и машет.

ВАЛЬТЕР.

Как? Это вот судья Адам?

ЛИХТ.

Конечно.

ДРУГИЕ.

Теперь идет по улице. Смотрите!
Парик-то по спине его как бьется!

ВАЛЬТЕР.

Скорее, писарь Лихт, — назад зовите!
Чтоб злейших бед, спасаясь, не наделал.
Он с должности своей смещен, конечно,
А вас я назначаю, до дальнейших
Распоряжений, эту должность править;
Надеюсь я, что кассы все в порядке,
И я его преследовать не стану.
Верните же его, прошу вас очень.
(Лихт уходит).

ПОСЛЕДНЕЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Лихта.

МАРГА.

Скажите, ваша милость, как найти мне
Правительство в Утрехте?

ВАЛЬТЕР.

А зачем вам?

МАРГА

(с раздражением).

Зачем? Не знаю! Только если здесь я
Насчет кувшина правды не добилась...

ВАЛЬТЕР.

Конечно! Извините! Возле рынка
В четверг и в пятницу там заседания.

МАРГА.

На этой же неделе буду там.

(Все уходят).

Перевел с немецкого

Федор Сологуб.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

PENTHESILEA

ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пентесилея, царица амазонок.

Протоэ

Мероэ

Астерия

Верховная

Антилох

Ахилл

Одиссей цар

Диомед

Греки и амазонки.

} знатные амазонки.

жрица Дианы.

} греческих народов

Место действия: поле сражения близ Трои

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Появляются Одиссей и Диомед с одной стороны, Антилох — с другой,
за ними свита.

АНТИЛОХ

Привет, цари! Что нового с тех пор,
Как виделись при Трое мы недавно?

ОДИССЕЙ.

Да плохо, Антилох. Ты видишь, здесь
Сошлись греки с ратью амазонок,
Два войска, словно два насытых волка,
Клянусь, не знают сами для чего!
И если силой гнева Марс иль Делий
Их не уймут, и если громовержец
Их не разгонит блеском горних молний,
То разъяренные все будут падать,
Зубами будут глотки рвать друг другу.
Подайте воду в шлеме!

АНТИЛОХ

О, стихии!

Чего же нужно этим амазонкам?

ОДИССЕЙ.

Приняв совет Атрида, мы пошли.
Соединив отряды мирмидонян,
Ахилл и я; был слух, Пентесилея
Из скифских дебрей поднялась, и войско
С собою повела — одетых в кожи
И пьяных жаждой боя амазонок —
Через ущелья гор, чтобы избавить
Царя Приама в Трое от осады.
На берегу Скамандра слышим мы,
Что Деифоб, Приама сын, с отрядом

Своим из Илиона также вышел,
 Чтоб дружеский привет воздать парице,
 Идушей им на помощь. Мы спешим
 Тогда бегом, чтоб этих супостатов
 Нечистому союзу помешать.
 Всю ночь мы шли извилистой тропею.
 Но как мы изумились, Антилох,
 Когда в лучах зари, еще не яркой,
 В долине перед нами увидали
 Троянцев Деифоба в битве с войском
 Наездниц яростных! Пентесилея,
 Как ураган, что тучи в небе мечет,
 Ряды троянцев гонит пред собою,
 Как-будто хочет их с лица земного
 Смести и отогнать за Геллеспонт.

АНТИЛОХ

Клянусь богами, странно!

ОДИССЕЙ

Мы собрались,
 Чтоб путь пресечь троянским беглецам:
 Они неслись как шумная лавина,
 Мы копья сдвинули стеной сплошнойю,
 И в этот миг смутился Приамид.
 Посовещавшись быстро, мы решили
 Приветствовать парицу амазонок.
 Победный бег она остановила.
 Что б лучше мы могли тогда придумать?
 Афина, если б я ее спросил,
 Сама бы мне иного не шепнула.
 Должна, клянусь Гадесом, эта дева,
 Вооруженная и в нашу распря
 Попавшая внезапно, словно с неба,
 Вступить в наш спор, за нас или за них;
 И счесть ее должны мы другом, если
 Она врагом для тевкров оказалась.

АНТИЛОХ

Клянуся Стиксом, лучше не придумать!

ОДИССЕЙ

Так вот, нашли мы скифскую парицу,
 Ахилл и я. Воинственно ликует,
 Окружена толпою амазонок,
 Вооруженная, в пернатом шлеме.
 Колыша золото и пурпур кистей,

Ее скакун копытом роет землю.
 Задумавшись, она на войско наше
 Пустых очей мгновенный взор метнула,
 Как-будто перед нею были камни.
 Вот здесь моя ладонь вешает больше,
 Клянуся в этом, чем ее лицо.
 Но вот она взглянула на Пелида,
 И вдруг румянец хлынул ей до шеи,
 Лицо окрасив, словно вокруг нее
 Весь мир огнем сияющим зарделся.
 Взглянувши мрачно на него, царица
 Стремительным движением на землю
 С коня сошла, передала поводья
 Своей прислужнице и нас спросила,
 Зачем мы так торжественно пришли.
 Я ей сказал, как были рады встретить
 Мы, аргивяне, в ней врага троянцев,
 Какая злоба против Приамидов
 Горит в сердцах у греков, как полезно
 И нам, и ей вступить в союз для брани,
 И все, что мне минута подсказала.
 Но с изумленьем вижу, что царица
 Меня не слушает. Ее лицо
 Одно лишь удивленье выражает,
 Как-будто ей шестнадцать только лет,
 И с олимпийских игр она уходит.
 Своей подруге, близ нее стоящей,
 Кричит: „Такого мужа, о Протоэ,
 И мать моя, Отрера, не встречала!“
 Подруга смущена, молчит. Ахилл
 И я с улыбкою переглянулись.
 Она покоит опьяненный взгляд
 На светозарном облике эгинца.
 Когда ж он скромно подошел, она
 Вдруг вспомнила, что мне не отвечала,
 Пыланьем щек — то стыд ли были ль ярость—
 До пояса свой панцырь озарила
 Смущенная, но гордая дикарка
 И мне сказала, что Пентесилея
 Передо мной, царица амазонок,
 И что ответ пришлет мне из колчана.

АНИШЮХ.

Так, слово в слово, передал гонец,
 Но в целом стане греческом не понял
 Его никто.

ОДИССЕЙ

И вот, совсем не зная,
 Что думать нам об этом приключенья.
 Мы, оскорбленные, идем обратно.
 Позор наш тевкры словно угадали.
 Смеясь язвительно, они собрались,
 Готовя торжество, воображая,
 Что выиграли дело и что ярость
 Царицы против них была ошибкой,
 Которая немедля раз'яснится,
 И вестника опять послать хотели,
 Ей снова предложить союз сердечный,
 Уж раз отвергнутый. Но прежде чем
 Успел стряхнуть с доспехов пыль их вестник,
 Кентавриха, поводья отпустя,
 Бросается на греков и троянцев
 Подобно бурно-пенному потоку,
 И нас, как их, свирепо поражает.

АНТИЛОХ

Неслыханно, данайцы!

ОДИССЕЙ

Вспыхнул бой.
 С тех пор как фурии владеют нами,
 Земля такого боя не видала.
 Насколько знаю я, во всей природе
 Есть сила, есть сопротивление,— третье
 Немыслимо: вода погасит пламя,
 Или огонь иссушит влагу. Здесь же
 Такой была ее свирепость силой,
 Когда огонь не знает, не с водой ли
 Ему шипеть совместно, а вода —
 Не с пламенем ли к небу устремиться.
 Теснимый амазонками, троянец
 Спешит под щит данайца, грек его
 Спасает от преследующей девы.
 Забыв о похищении Елены,
 Троянец должен с греком вместе биться,
 Чтобы спастись от общего врага.

(Грек подает ему воду).

Спасибо! В горле пересохло.

ДИОМЕД

Ныне

На той равнине непрерывно битва

Бушует, яростнее с каждым мигом,
 Подобная грозе среди лесистых
 Ущелий. С этолийцами пришел я
 Вчера, чтоб наши силы подкрепить,—
 Вновь яростная битва разразилась,
 Как бы стремясь грозой своих ударов
 До тла все войско греков уничтожить.
 Уже погублен цвет страны,— Аристон,
 Менандр, Астианакс лежат в долине,
 Для той отважной дочери Арея
 Под лавры землю угучнив своими
 Прекрасными и юными телами.
 Она пленила больше, чем могли б мы
 Очами счесть и вывести на свободу
 Руками тех, кто нам еще остался.

АНТИЛОХ

Чего ж от нас ей надо? Неужели
 Никто не разгадал?

ДИОМЕД

Никто,— куда бы
 Грузило дум ни опускали мы.
 Порой, чтоб странную понять свирепость,
 С которою она в пылу сраженья
 Фетиды сына ищет, мы решали,
 Что злость к нему в ее груди бушует.
 Так бешено голодная волчиха
 Не мчится по оснеженному лесу
 За приглянувшеюся ей добычей,
 Как через наши строи за Ахиллом
 Царица гонится. Но вот недавно
 Ахилла жизнь была у ней во власти,
 Она ж ее с улыбкой возвратила.
 Не будь ее, сошел бы он в Аид.

АНТИЛОХ

Как? Если б не она?

ДИОМЕД

Сама царица!
 Когда вчера в вечернем полумраке
 На поле битвы встретился Ахилл
 С Пентесилеей, Деифоб примчался
 И амазонкам начал помогать.
 Настиг Пелида тевкр и так коварно
 Его мечом по панцырю ударил.

Что всколыхнулись вершины вязов,
Она, бледнея, руки опустив,
Мгновенья два стояла. Вспыхнув снова
И бешено кудрями потрясая,
Высоко поднялась на стременах,
И, словно с неба прянув, Деифобу
Молниеносный меч вонзила в горло,
И вмиг непрощенный ее союзник
Упал к ногам божественного сына
Фетиды. Хочет ей ответить тем же
В знак благодарности Пелид. Царица
Пригнулась к гриве своего коня,
Кусающего золото уздечки,
Смертельного удара избежала,
И улыбаясь усакала прочь.

АНТИЛОХ

Непостижимо!

ОДИССЕЙ

Ты какие вести

Принес?

АНТИЛОХ

Меня послал Агамемнон
Спросить: когда все так переменялось,
Не будет ли умней итти обратно
Тебе? Хотим разрушить Илион,
А не мешать походу вольной девы
С какою-то, нам безразличной, целью.
И потому, когда ты убедился,
Что не с подмогой городу дарданцев
Идет Пентесилея, то он хочет,
Чтоб вы тотчас, во что бы то ни стало,
В аргивские окопы поспешили.
Когда ж она преследовать вас станет,
То сам Атрид с войсками выйдет в поле,
Чтобы узнать, что этот сфинкс двуликий
Замыслил делать под стенами Трои.

ОДИССЕЙ

Клянусь Юпитером, согласен с этим.
Не думаете ль вы, что Лаертиду
Угодна безрассудная война?
Отсюда прочь возьмите вы Пелида.
Когда бросаются собаки с воем
Оленю на рога, заботы полный,
Охотник отзывает их назад;

Вцепившись все-таки в загривок зверя,
Они за ним чрез горы и потоки
Несутся в глушь лесную: так и он
Освирепел с тех пор, когда увидел
В лесу войны столь редкостную дичь.
Удар стрелы его сковал: клянется,
Что не отступит он, что амазонку
Преследовать он будет, что ее,
Схватив за косы шелковые, сбросит
С ее, как тигр, пятнистого коня.
Так попытай же, Антилох, коль хочешь,
Над ним свое искусство убеждать,
Хоть и дрожат у яростного губы.

ДИОМЕД

Обсудимте, цари, еще однажды,
Как нам его безумное решение
Умом холодным расколоть, что клином.
Ларисец хитрый, ты найдешь, конечно,
К его рассудку сокровенный доступ.
А не послушает тебя, ну, ладно ж!
Двух этолийцев кликну я; взваливши
Безумца, как чурбан, к себе на спины,
Перенесем его мы в стан аргивян.

ОДИССЕЙ

За мной!

АНТИЛЮХ

А это что? Кто к нам спешит?

ДИОМЕД

Адраст идет. Расстроен он и бледен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Военачальник и те же.

ОДИССЕЙ

Ну что?

ДИОМЕД

Ты весть принес?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мрачней которой

Ваш слух не слышал.

ДИОМЕД

Что же?

ОДИССЕЙ.

Говори.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Ахилл в руках у амазонок. Стенам
Пергамским не грозит теперь паденье.

ДИОМЕД

О, боги олимпийцы!

ОДИССЕЙ.

Вестник бедствий!

АНТИЛОХ

Когда и где случился этот ужас?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Грозе подобный, новый натиск этих
Рассвирепевших дочерей Ароя
Ослабил строй отважных этолийцев.
Рекою девы бросили на нас
Дотоль непобедимых мирмидонцев.
Напрасно мы идем потоку бегства
Навстречу: в диком устремлении поднял
Он нас, и с поля бранного увлек.
Когда же мы смогли вздохнуть свободно,
Остался далеко от нас Пелид.
Тогда он вырвался из леса копий,
Из ада битвы, и спешит в смятении
С высокого холма, направив бег
Удачно к нам, и мы уже, ликуя,
Ему привет спасенья посылаем.
Но крики замерли у нас в груди,
Когда отпрянула его четвёрка;
Над жуткой бездной к облакам высоко
Взвились и вдруг остановились кони.
Теперь напрасно все, хоть он и мастер
Высокого искусства игр истмийских:
Испуганная пятится четвёрка
И подставляет головы бичу,
И, падая в запутанной упряжке,
В хаос влекутся кони с колесницей,
И с колесницей вместе сын богов
Упал, как бы опутанный силками.

АНТИЛОХ

Безумца что взманило!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Автомедон,

Возничий ловкий колесницы, быстро
Бросается к мятущимся коням,
И всю четвёрку поднимает смело.
Но ранее, чем он из всех узлов
Освободил запутанные бёдра,
Царица в тот овраг примчалась вместе
С толпой победоносных амазонок,
Отрезав всякий путь ему к спасенью.

АНТИЛОХ

О, боги!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Облак пыльный поднимая,
Порывный бег коня остановила
И, взор сверкающий подняв к вершине,
Откос, измерила в одно мгновенье.
И даже плем как-будто ужаснулся,
И к низу тянет поднятое темя.
И вдруг она отбросила поводья.
Глядим, — руками небольшими сжала
Свой лоб она, как бы лишаясь чувства,
А вокруг лица волною вьются кудри.
Поражены ее столь странным видом,
Вокруг нее столпились амазонки,
Царицу пылко убеждая в чем-то.
Одна, что кажется к ней очень близкой,
Ее рукою обняла, другая ж
Решительно коня взяла за повод.
Хотят ее насильно удержать.
Она ж...

ДИОМЕД

Осмелилась?

АНТИЛОХ

Ну, что же дальше?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Попытки удержать ее напрасны.
Направо и налево с кроткой мощью
Раздвинувши подруг, тревожно рыщет
Туда, сюда оврагом, и глядит,
Откроется ли узкая тропинка

Желанью, у которого нет крыльев.
 И видим мы, — царица то повиснет,
 Безумная, на выступе утеса,
 То здесь стоит, сгорая от желанья,
 То там, полна безумною надеждой
 На том пути в силках схватить добычу.
 Она уж испытала много рытвин,
 В скале дождем изрытых, — все напрасно,
 И видит, — неприступна высота.
 Но в исступлении она кружится
 И на утес карабкается снова,
 Неутомимая, и в самом деле
 Нашла тропу, где и пройти то страшно.
 Взбирается на верхний край утеса,
 С вершиной ильмов вровень; вот достигла
 Гранитной глыбы; на площадке узкой
 Стоит, где устоять лишь серна сможет.
 Вокруг нее — зияющая пропасть,
 И ни вперед, и ни назад ни шагу.
 Пронзают воздух крики женских страхов.
 Внезапно конь и всадница несутся
 В падении осыпавшихся камней,
 Гремя, как-будто правят прямо в Оркус,
 К глубокому подножию скалы.
 Но не боится, не сломала шеи,
 И на утес карабкается вновь.

АНТИЛОХ

Пойми слепое бешенство гизны!

ОДИССЕЙ

Что ж Автомедон?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Наконец поднялся.

Стоят в порядке кони с колесницей, —
 Гефест, пожалуй, за такое время
 Сковать бы мог такую же повозку, —
 Вскочил, хватает за поводья, — камень
 У нас, аргивян, отвалился с груди.
 Но не успел коней он повернуть, —
 Тропинку отыскиали амазонки,
 Ведущую полого на вершину,
 И, криком ликованья оглашая
 Вес дол, зовут царицу, в исступленьи
 Еще пытавшуюся взлесть на скалы.
 Она, услышав, прынула назад;

Бросает быстрый взгляд на эту тропку;
 Насторожившейся пантерой тотчас
 Туда спешит; а он, Пелид, исчез
 С конями, устремленными обратно;
 И вскоре затерялся в глубинах,
 И что с ним случилось, этого не знаю.

АНТИЛОХ

Погиб!

ДИОМЕД

Идем! Друзья, как поступить нам?

ОДИССЕЙ

Что сердце вам прикажет! Что ж, пари,
 Идем! Освободить его нам надо,
 Хотя б в бою на жизнь или на смерть, —
 Оружие Атридов дело кончит.

(Одиссей, Диомед, Антилох уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Военачальник. Оряд греков, взбравшихся тем временем на холм.

МИРМИДОНЕЦ

(озирая местность).

Смотрите! Там, вздымаясь над горою,
 Не голова ли видится в доспехах?
 Волнами перьев осененный шлем,
 И мощная под этим шлемом шея!
 Плечо в сверканьи стали, и рука!
 И грудь широкая, смотрите, други,
 А вот и золотом горящий пояс!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто ж там?

МИРМИДОНЕЦ

Кто там? Я грежу, аргивяне?

Уж головы коней я вижу в ранах
 Кровавых! Только бёдра да копыта
 Еще скрывает высота холма.
 Теперь на горизонте боевая
 Вся колесница мне видна! Так солнце
 Восходит пышно в вешний день веселый!

ГРЕКИ.

Победа! Сын богов, Ахилл идет!
Он сам своей квадригой управляет!
Он спасся!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Олимпийцы! вечно славным
Да будет ваше царство. Одиссей!
Послать кого-нибудь к царям Аргоса!
(Один из греков поспешно уходит).
Подходит он, данайцы?

МИРМИДОНЕЦ.

О, смотри!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что там случилось?

МИРМИДОНЕЦ.

Дух мне захватило.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Ну, говори ж!

МИРМИДОНЕЦ.

О, как он держит коней
И левою рукою ими правит!
Как спины их бичом он полосует!
Как, возбужденные, под свист бича,
Божественные кони землю топчут!
Клубится пар из пастей, увлекая,
Клянуса всем живущим, колесницу!
Олень гонимый мчится не быстрее!
Слилися в круг вертящиеся спицы,
И взгляд за них проникнуть не сумеет!

ЭТОЛИЕЦ.

Но сзади...

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что?

МИРМИДОНЕЦ.

У склона той горы...

ЭТОЛИЕЦ.

Там пыль.

МИРМИДОНЕЦ.

Там пыль, как туча грозовая.
Как молния пред ней блесит...

ЭТОЛИЕЦ

О, боги!

МИРМИДОНЕЦ

Пентесилея!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто?

ЭТОЛИЕЦ

Сама парица!

Преследует Пелида шаг за шагом

С неистовою шайкой дев своих.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мегера злобная!

ГРЕКИ

(зовут).

Спеши направить,

Божественный, сюда свой бег! Сюда!

Сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Смотрите, как она сжимает

Коню ногами яростно бока!

К луке склонясь, впивает жадно воздух,

Спеша его преграду победить.

Летит, как бы излученная солнцем,

Стремительнее нумидийских стрел!

Не поспевает рать ее за нею,—

За быстрой гончей так дворняжки мчатся.

Как только перья шлема не отстанут!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

К Ахиллу близко?

ДОЛЮПЕЦ

Близко.

МИРМИДОНЕЦ

Нет, далеко!

ДОЛЮПЕЦ

Она все близится к нему, данайцы!

И каждый стук копыт кусок дороги

Меж нею и Пелидом поглощает.

МИРМИДОНЕЦ

Клянусь, защитою богов высоких,

К его величию она близка!

Уже она вдыхает пыль, что ветер

Из-под его колес назад относит!
 Уже ее проворный иноходец
 Из-под копыт своих бросает землю
 В его стремительную колесницу!

ЭТОЛИЕЦ,

Теперь, надменный и безумный, дразнит
 Ее, и по кривой стремится. Видишь:
 Прямым путем помчалась амазонка,
 И путь отрезан.

МИРМИДОНЕЦ,

Помоги, о Зевс!
 Уже она с ним рядом! Тень царицы,
 Как исполин в лучах зари, уже
 Его сокрыла.

ЭТОЛИЕЦ,

Нет, он вновь свободен.

ДОЛЮПЕЦ,

Бросает в сторону внезапно он
 Четвёрку всю!

ЭТОЛИЕЦ,

И к нам он мчится снова!

МИРМИДОНЕЦ,

Ага! Хитрец! Провел ее!

ДОЛЮПЕЦ,

Ого!

Неистовая, как промчалась мимо
 Его повозки!

МИРМИДОНЕЦ,

Мечется в седле.

И вдруг...

ДОЛЮПЕЦ,

Упала!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что?

МИРМИДОНЕЦ,

Она упала!

Вот дева на нее одна свалилась!

ДОЛЮПЕЦ,

Еще одна.

МИРМИДОНЕЦ,

Опять...

ДОЛОПЕЦ

Одна еще.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

А, падают?

ДОЛОПЕЦ

Все падают они.

МИРМИДОНЕЦ.

И лошади, и всадницы, все в кучу
Валятся, словно угли в очаге.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Да превратятся в пепел!

ДОЛОПЕЦ

Пыль вокруг

Пронизана сверканием доспехов.
Там ничего и зоркий глаз не видит.
Запутанный клубок из амазонок
И коней разномастных: был яснее
Хаос начальный до создания мира.

ЭТОЛИЕЦ

Но вот повеял ветер, — посветлело,
И из упавших поднялась одна.

ДОЛОПЕЦ

Какое там веселое смятенье!
Как ищут копья там они и шлемы,
Что по полю рассыпались далеко!

МИРМИДОНЕЦ

Три лошади и всадница лежат,
Как мертвые.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Уж не царица ль это?

ЭТОЛИЕЦ

Пентесилея, говоришь?

МИРМИДОНЕЦ

Царица?

Пусть мне глаза откажутся служить
Стоит!

ДОЛОПЕЦ

Да где?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Скажи!

МИРМИДОНЕЦ.

Клянусь Кронидом,
Вон там же, где упада: в тени дуба,
Склоняюсь к загровку своего коня,
Стоит, с земли не поднимая шлема,
Отбросив волосы рукою правой,
Со лба стирает пыль она иль кровь.

ДОЛОПЕЦ.

Да видит Зевс, — она!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Неуязвима!

ЭТОЛИЕЦ.

И кошка бы расшиблась, — ей ничто!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

А как Пелид?

ДОЛОПЕЦ.

Его хранят все боги!

На три стрелы ее опередил!
Теперь уж разве взглядами настигнет
Ахилла; не стремятся даже мысли
Уже за ним, в груди ее задохшись.

МИРМИДОНЕЦ.

Победа! Одиссея там я вижу!
И в солнечных лучах все войско греков
Из леса мрачного выходит вдруг!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Как? Одиссей? И Диомед? О, боги!
А что Ахилл? Еще далеко в поле?

ДОЛОПЕЦ.

Нет, камень только бросить. В колеснице
Несется он по холмам у Скамандра,
Где строится проворно наше войско.
Вот вдоль рядов уже он мчится.

ГОЛОСА

(издали).

Слава!

ДОЛОПЕЦ.

Аргивяне кричат.

ГОЛОСА.

Ахиллу слава!
Божественному слава! слава! слава!
Пелиду слава!

ДОЛЮПЕЦ

Вот остановился!

Коней остановил перед царями
Аргивскими. Вот Одиссей подходит.
Ахилл с сиденья спрыгнул, весь в пыли.
Поводья отдает! Вот обернулся,
Снимает шлем, для головы тяжелый.
И все пари Ахилла окружили!
Ликующие воины толпятся
Вокруг, его колени обнимая.
А рядом кони; пар от них клубится,
И шагом их проводит Автомедон.
Уже подходят к нам они ликуя!
Да здоровствует божественный Ахилл!
Смотрите же, — вот здесь он, здесь! Смотрите!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ахилл, за ним Одиссей, Диомед, Анилох, Автомедон с квадригой, войско греков.

ОДИССЕЙ

От всей души Эгинскому герою
Привет! Ты победитель даже в бегстве!
Клянусь Юпитером! Уж если даже
К ним спину обративши, силой духа
Ты побеждаешь вражескую силу,
То что ж, божественный, тогда случится,
Когда ты с ней лицом к лицу сойдешься?

АХИЛЛ

(держит шлем в руке и выпирает лоб. Два грека берут, не спрашивая, его раненую руку и перевязывают ее).

Ну что там? Что?

АНИЛОХ

Ты выказал в сраженьи

Такое беспрецедентное проворство,
Сын Нереиды, что быстрее и вихрь,
Сорвавшийся с небесного простора,
Над изумленным миром не промчался б!
Услышь меня, Эринния! Когда бы
Я на твоей стремительной повозке
От совести моей над колесами
Ночей и дней бежал, грехи всей Трои
Принять на грудь свою я б не боялся.

АХИЛЛ

(двум грекам, которые, повидимому, его тягостят своим делом).

Ослы вы!

ГРЕЧЕСКИЙ ВОЖДЬ.

Кто?

АХИЛЛ.

Пристали!

ПЕРВЫЙ ГРЕК

(перевязывавший ему руку).

Стой! Ты ранен!

АХИЛЛ.

Ну что ж!

ВТОРОЙ ГРЕК.

Так стой!

ПЕРВЫЙ.

И дай перевязать.

ВТОРОЙ.

Сейчас готово.

ДИОМЕД

Мне сперва сказали,

Что отступление войска моего

Тебя заставило бежать. В то время

Свидетелем всех этих дел я не был, —

Улисс и я внимали Антилоху,

Который к нам Атридами был послан,

Но все меня, что вижу, убеждает,

Что в этом мастерском набеге было

Намеренье свободное. Наверно,

Когда еще на утреннем рассвете

Мы только-что готовились к сраженью,

Задумал под ноги царице кинуть

Ты этот камень, чтоб она споткнулась:

Богами вечными клянусь, — так верно

На этот камень ты ее навел.

ОДИССЕЙ.

Но ты, герой долопский, согласишься,

Что лучше ничего не остается —

Теперь вернуться с нами в стан аргивян.

Зовут сыны Атрея нас обратно.

Притворным отступлением заманим

В долину над Скамандром мы царицу,

Там Агамемнон выйдет из засады

И с сильным войском на нее ударит.

Клянуся громовержцем! только там

Ты уголишь тот пыл, что неотступно
Тебя гнетет, как юного оленя:
Успеха от души тебе желаю.
И мне противна до смерти мегера,
Всем подвигам мешающая нашим
На этом поле битв, и я охотно,
Сознаюсь, увидал бы след твоей
Ноги на розами цветущем лике.

АХИЛЛ

(взгляд его упал на коней).

Они в поту.

АНИЛЮХ

Кто?

АВТОМЕДОН

(трогая их шеи руками).

Как свинец.

АХИЛЛ

Веди ж их;

Когда на воздухе они простынут,
То вымой грудь и бёдра им вином.

АВТОМЕДОН

Вино несут.

ДИОМЕД

Ты видишь, превосходный,
Что ныне бой успеха нам не даст.
Везде, куда ты зоркий взгляд ни кинешь,
Усеяны холмы толпами женщин;
На ниву зреющую саранча
Таким густым не налетела б роем.
Не сразу достигается победа,
И только ты, никто иной не скажет,
Что он в лицо Кентаврихи смотрел.
Вперед стремимся в золотых доспехах,
И царское достоинство свое
Ей возвещаем зычным трубным гласом, —
Напрасно; из засады не выходит.
Кто б захотел хоть принесенный ветром
Вдали серебряный услышать голос,
Сперва в бою сомнительном, бесславном
Сойтись он должен бы с распутным сбродом,
Ее хранящим, адским псам подобным.

АХИЛЛ

(глядя в даль).

Все там еще она?

ДИОМЕД

Она?

АНТИЛОХ

Царица?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мешают перья шлемов. Расступитесь!

ГРЕК

(перевязывающий ему руку).

Постой одну минуту!

ОДИН ИЗ ЦАРЕЙ.

Там, конечно.

ДИОМЕД

Где?

ОДИН ИЗ ЦАРЕЙ.

Возле дуба, где она упала.

На голове уж веют перья шлема,

Несчастье позабыто.

ПЕРВЫЙ ГРЕК.

Ну, готово.

ВТОРОЙ.

Теперь с рукой что хочешь можешь делать.

ПЕРВЫЙ.

Теперь иди!

ГРЕКИ

(завязывают еще узел и опускают его руку).

ОДИССЕЙ.

Ты слышал ли, Пелид,

Что мы тебе сказали?

АХИЛЛ.

Мне сказали'?

А что? Чего хотите? Я не слышал.

ОДИССЕЙ.

Не слышал? Странно! Мы приказ Атрида

Должны поведать. Агамемнон хочет,

Чтоб тотчас мы в аргивский стан вернулись;

Прислал он Антилоха, как ты видишь,

Сюда с таким решением вождей.

Военный план — царицу амазонок

Назад к дарданским стенам заманить,
 И там, стесненная двумя войсками,
 Должна же в этом, положении трудном
 Она сказать, с кем хочет в дружбе быть.
 Пусть выберет, кого желает; мы же,
 По крайней мере, будем знать, что делать.
 Я доверяю разуму Пелида,—
 Поймешь ты мудрость этого решенья.
 Клянусь Олимпом, было бы безумно,
 Когда нас призывают к стенам Трои,
 Связаться с девами, еще не зная,
 Чего они хотят, не зная даже,
 От нас чего-нибудь они хотят ли?

АХИЛЛ

(надевая шлем).

Когда хотите, бейтесь как кастраты;
 Мужчина я, и против этих женщин,
 Хотя б совсем один, хочу стоять!
 Останетесь или нет у этих сосен,
 Желаний тщетных полны, только взором
 За ней следя, вдали от ложа битвы,—
 Клянуся Стиксом, все равно; согласен
 На то, чтобы ушли вы к Илиону,—
 Чего божественная хочет, знаю;
 Оперенных мне сватов шлет она,
 И ветер их несет, ее желанье
 Как шопот смерти в уши мне вливая.
 Прекрасных никогда я не чурался;
 С тех пор как борода моя пробилась,
 Вы знаете, я каждой рад служить;
 Доныне я для этой недоступен,
 Клянуся Громовержцем, оттого лишь,
 Что не нашел еще в кустах местечка,
 Где без помехи мог бы заключить
 Ее в объятья, жаркие как лава.
 Идите же, друзья; вернусь я после;
 Пастуший час теперь не за горами;
 И если б даже месяцы и годы
 Пришлось мне свататься, — я колесницу
 Не раньше поверну к моим друзьям;
 Клянусь, что не увижу вновь Пергама,
 Пока не обручусь с моей невестой
 И, увенчав ее смертельной раной,
 Вниз головой по камням не промчу.
 За мной!

ГРЕК

(появляясь).

Пентесилея там, Пелид!

АХИЛЛ

Я к ней иду. Опять в седле царица?

ГРЕК.

Еще не села. К нам идет пешком,

А рядом с ней гарцует конь персидский.

АХИЛЛ

Ну, так! И мне, друзья, коня подайте.

Вы, мирмидонцы храбрые, за мной!

(Уходит. Войско трогается).

АНТИЛОХ

Неистовый!

ОДИССЕЙ.

Ну что же, не поможет

Твое здесь красноречье, Антилох?

АНТИЛОХ.

Давайте силой мы...

ДИОМЕД

Уж он далеко!

ОДИССЕЙ.

Проклятая с Кентаврихой война!

(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Мероэ. Астерия. Свита. Войско амазонок.

АМАЗОНКИ.

Триумф тебе, могучая царица!

Венком из роз венчанная, триумф!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я не увенчана! Нет мне триумфа!

Меня опять влечет на поле битвы.

Упрямый, юный бог войны да будет

Повергнут. Десять тысяч солнц, слитых

В один костёр, не так заблещут ярко,
Как блеск моей победы над героем.

Дрожу тебя, возлюбленная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь!

Я так хочу. Скорее остановишь
Ты бурное паденье водопада,
Чем громовой поток моей души.
Хочу в пыли у ног моих увидеть
Надменного, который в славной битве
Смутил во мне воинственную гордость,
Как никогда никто до этих пор.
Ужели я, врагов могучих ужас,
Надменная царица амазонок,
Иду к нему, а он стоит, и медный
Героя панцырь зеркалом мне служит?
Отягощенная богов проклятьем,
Когда бегут передо мною греки,
А я героя вижу, разве я
Не чувствую себя насквозь пронженной,
Непобедимая, врагов угроза?
Где место, где бы не взросло чувство,
Которое меня на землю бросит?
Хочу я броситься в смятенье битвы,
Где ожидает он меня, насмешник,
И победить его, — или не жить!

ПРОТОЭ.

О, если бы ты голову, царица,
На эту верную склонила грудь!
Удар, тебя так сильно поразивший,
И кровь зажег, и разум возмутил:
Твое трепещет тело молодое!
Мы молим, — отложи свои решенья,
Пока ты ясность духа не вернешь.
Побудь со мной и отдохни немного.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зачем? К чему? Да что такое? Разве
Случилось что?

ПРОТОЭ.

Из-за одной победы,
Что юную твою пленяет душу,

Ты хочешь вновь начать игру войны?
 Затем, что не исполнено желанье,
 Что в сердце затаилось, как ребёнок
 Рассерженный, ты хочешь прочь отбросить
 Удачу, нам дарованную небом?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да будет проклят этот жребий дня!
 С коварною судьбой соединившись,
 Моей души любимые подруги
 Хотят мне повредить, меня обидеть!
 Как только славы жадная рука
 Коснется, и Ахилл промчится мимо,
 Вот-вот схвачу я кудри золотые,—
 Но вражья сила каждый раз помехой,
 И вся душа моя полна упрямства.
 Прочь, прочь!

ПРОТОЭ

(про себя).

О, силы неба, защитите!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я думаю, — моя ли только воля
 Влечет меня назад на поле битвы?
 Народ ли то, предчувствие ли смерти
 В безумном упоении победы
 На битву внятным шумом крыльев манит!
 Зачем, — как будто бы над нами Вesper,
 И кончен труд, — мы к отдыху стремимся?
 У нас в житницах, в связанных снопах,
 Лежит сокровище роскошной жатвы,
 До неба громоздясь; во горний свет
 От нас затмился гибельною тучей
 С угрозой разрушительною молний.
 Не поведете вы толпы плененных,
 Увенчанных цветами юных греков
 При звучных гласах трубных и кимвальных
 В цветущие, родные нам долины.
 Из-за холма или из рощи каждой
 Я все Пелида жду; вот-вот ворвется
 На наш веселый праздник, и за вами,
 И за толпою плененных будет гнаться
 До самых стен родимой Фемискиры,
 И в храме, посвященном Артемиде,
 Сорвет с них цепи из цветущих роз,
 А нас замкнет в свинцовые оковы.

Неистовая, мне ль его бежать,
 Когда пять дней я напрягала силы
 Лишь для того, чтобы его повергнуть,
 Чтобы, ударом верным пораженный,
 Он под копыта моего коня
 Упал, как упадет плод созревший!
 Нет, прежде чем чудесно начатого
 Чудесно не закончу, и чело
 Обильной вязью роз не увенчаю,
 И в ликованьи дочерей Арея
 Не возведу я на вершину счастья,
 Или пока вся эта пирамида
 На них и на меня не рухнет тяжко,
 Я буду проклинать покорных сердцем.

ПРОТОЭ

Твой взор, о госпожа, горит так чуждо,
 Загадочно, что злые мысли встали,
 Как бы рожденные предвечной ночью,
 В моей груди, пророча нам несчастье.
 Войска, которых странно ты страшилась,
 Рассеялись, как по ветру солома;
 Едва вдали копьё увидеть можно,
 Лишь только ты здесь с войском появилась,
 Ахилл уже отрезан от Скамандра.
 Не раздражай его, и уклоняйся.
 Клянусь Юпитером, что первый шаг свой
 Направит он к данайским укреплениям.
 Я буду отступать пред ним последней.
 Клянусь Олимпом, ни единый пленник
 Отбит не будет им! Не должен блеск
 Его доспехов, издалека видный,
 Пугать войска, и коней дальний топот
 Смущать улыбку хоть единой девы.
 В залог я голову тебе отдам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно обращаясь к Астерии).

Неужли так, Астерия?

АСТЕРИЯ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно ль, как того Протоэ хочет,
 Назад итти мне с войском к Фемискире?

АСТЕРИЯ.

Прости, царица, как же я осмелюсь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Скажи же смело.

ПРОТОЭ

(робко).

Если б пожелала

Ты благосклонно внять совету всех

Подруг...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот эту я хочу услышать!

Или так быстро я переменялась?

(Пауза. Она собирается с духом).

Скажи, Астерия, возможно ль мне

Войска вести назад, к отчизне нашей?

АСТЕРИЯ.

Когда позволишь, госпожа, признаюсь,

Что я дивлюсь всему тому, что вижу,

И разум мой в сомнении немалою.

С Кавказа я, собрав родные рати,

На сутки позже двинулась в поход,

И твоего мы не догнали войска,—

Оно неслось стремительным потоком;

Мы лишь сегодня в сумерки пришли

Сюда, совсем готовые для боя.

И радостно звучит из тысяч уст

Известие: одержана победа,

Закончена по общему желанью

Война наездниц. Радуюсь тому,

Что сбылись быстро так мольбы народа

Без помощи моей, в обратный путь

Велю своим всем снова собираться.

Но любопытно стало мне взглянуть

Хваленую победную добычу;

Узрел мой взор лишь горсть рабов дрожащих

И полбденевших, — аргивян подонки,

Свои щиты отбросившие в бегстве,

В кустах твоей подобранные ратью.

А у Троянских гордых врат стоит

Все греческое войско: Агамемнон,

И Менелай, Аякс и Паламед;

Перед тобою стоя, угрожают

Улисс, и Диомед, и Антилох,

А этот юноша, сын Нереиды,

Которого ты розами должна

Была украсить, пред тобой кичится.

Он хочет, — громко говорит он это, —
 Твой царственный затылок растоптать.
 И спрашивает дочь Арея, надо ль
 Итти домой, ликуя о победе!

ПРОТОЭ

(пылко).

Ты лжешь! Царицы мужество, величье
 И красота героев поразили.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчи, противная! Мила мне речь
 Астерии, — достоин лишь единый
 Моих ударов, — он еще свободен.

ПРОТОЭ.

Ослеплена ты страстью, госпожа.
 Не так...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ехидна! Украти язык свой!
 Царицу ты осмелилась прогневать!
 Прочь!

ПРОТОЭ.

Пусть я навлеку твой гнев, царица
 Пусть лучше никогда я не увижу
 Лица царицы, чем трусливо стану
 Предательницей лстивой в этот миг.
 Когда огонь любви в тебе пылает,
 Тебе ль войну девичью продолжать!
 Ведь лев с копьём померяться не может,
 Когда он наглотаётся отравы,
 Охотником подложенной коварно.
 Пелида, — вечными клянусь богами, —
 Взволнованная, ты не победишь.
 Верней, клянуся, до захода солнца
 Всех юношей, с безмерными трудами
 В бою упорном покоренных нами,
 Лишимся мы в неистовстве таком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как непонятно, странно! Что трусихой
 Тебя внезапно сделаю?

ПРОТОЭ.

Меня?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кого ты победила?

ПРОТОЭ.

Ликаона.

Он юноша. В Аркадии он — царь.
Ты видела его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да. Он — тот,

Что трепеша стоял с измятым шлемом,
Когда вчера я к пленным...

ПРОТОЭ.

Трепеша!

Пелид ни разу не был так отважен!
Склонился он, стрелой моей сраженный,
К моим ногам, — и поведу я гордо
Его на праздник роз, — так гордо, как
Лишь мы вести в священный храм умеем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Неужли? Как же ты заглясь, однако!
Ну что ж! Он от тебя не будет отнят!
Ведите же ей пленника ее,
Отдайте Ликаона аркадийца!
Бери же, невоинственная дева,
И с ним беги, чтоб не утратить друга,
Из шума битвы, спрячься с ним в ограду
Благоуханной сладостно бузины,
В ущелье дальних гор, где сладострастных
Наслушаетесь песен соловьиных,
И торжествуй, развратница, тот праздник,
Которого душа твоя так жаждет.
Но навсегда сокройся с глаз моих,
Не смей входить в столицу; пусть тебя
Возлюбленного ласки утешают,
Когда отчизна, слава и любовь,
Царица, друг, — все для тебя померкло.
Иди, освобождай! Ты мне противна,
И о тебе я слышать не хочу!

МЕРОЭ.

Царица!

ДРУГАЯ

(из свиты).

Что ты говоришь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчите!

Всем буду мстить, кто за нее попросит

АМАЗОНКА

(появляясь).

Ахилл идет, царица, на тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Идет! Я рада! Девы, быстро в битву!
 Мне копья меткие скорей несите,
 И самый грозный меч подайте мне!
 Вы, боги, подарить должны мне радость,
 И юношу, желаемого страстно,
 Сраженного к моим ногам повергнуть.
 Всю меру счастья требую от вас,
 На всю мне жизнь отпущенную вами.
 Астерия! Ты поведешь войска,
 Ты греков отвлеки и позаботься,
 Чтоб пыл сраженья мне помехой не был,
 И ни одна из дев пускай не смеет
 Приблизиться к Пелиду! Той стрела
 Смертельная отточена, кто тронет
 Его иль кто кудрей его коснется!
 Одна лишь я могу сразить героя.
 Вот это, милые, должно железо
 К моей груди его склонить без боли.
 Об'ятием нежнейшим (что ж мне делать!
 Железом мне пленить героя надо!),
 Весенние цветы, его примите,
 Чтобы себя нигде он не поранил.
 Кровь сердца моего пролить мне легче.
 Не успокоюсь, прежде чем Пелида,
 Подобно чудной птице, из простора
 Низвергну; вот уж он у ног моих
 Со сломанными крыльями, о девы,
 Лежит, не разроняв пурпурных перьев.
 И пусть блаженные приходят тени
 Тогда отпраздновать победу нашу.
 На родину тогда пойдем ликуя,
 И буду я для вас царицей роз.
 Идем!

(Уходя, замечает плачущую Протоэ и беспокойно оборачивается
 Затем, внезапно падая ей на шею).

Сестра души моей! Протоэ!
 Пойдешь за мною?

ПРОТОЭ

(плача).

За тобой хоть в ад!
 Могу ль сойти к блаженным без тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты лучшая из всех подруг! Ты хочешь?
Идем, сразимся, будем побеждать,
Иль обе, или ни одна, а лозунг:
Иль розы на главе героев наших,
Иль на могилах наших кипарисы.
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Появляются верховная жрица Дианы с ее жрицами, за ними следует группа молодых девушек, с корзинами роз на головах, и пленные, сопровождаемые несколькими вооруженными амазонками.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, милые мои, о розы-девы,
На плод трудов своих взглянуть мне дайте.
Здесь, где журчит один источник в скалах,
Под тенью пиний что нам угрожает!
Рассыпьте вашу жатву предо мною.

МОЛЮЩАЯ ДЕВУШКА

(высыпая свою корзину).

Смотри, сорвала эти розы я!

ДРУГАЯ

(делая то же).

Я эту горсть!

ТРЕТЬЯ.

А эту я сорвала!

ЧЕТВЕРТАЯ.

А я роскошную весну всю эту!

(Остальные следуют).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Цветов, цветов, как на Гиметских склонах
Такой благословенный день, Диана,
Не занимался над твоим народом!
И матери несут дары, и девы;
Не ослепляясь роскошью двойною,
Я знаю, кто мне лучший дар принес.
Но разве это весь ваш сбор, о дети?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Мы большего, чем видишь, не нашли.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Так ваши матери усердной были.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

На тех полях, святая жрица, легче
Сбирать в бою нам пленников, чем розы.
Когда вокруг, по всем холмам вплотную
Виднеется покос из юных греков,
Серпа лишь резвой жницы ожидая,
То скудно так цветет окрест в долинах,
Так недоступна, — ты поверь мне, — роза,
Что лучше сквозь ограду стрел и копий
Пройти, чем через сеть ее колючек.
Вгляни на пальцы, — я прошу тебя.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА

Я на скалу осмелилась взобраться,
Чтобы сорвать единственную розу,—
И, бледный в чашечке темно-зеленой,
Еще едва просвечивал бутон,
На зов любви еще не раскрываясь.
Взяла ее, споткнулася, и в пропасть
Упала вдруг! Я думала, — погибну,
Несчастная, во мраке смертной ночи.
На счастье мое здесь россыпь роз
В цвету стояла, — амазонки десять
Еще побед отпраздновать могли бы.

ЧЕТВЕРТАЯ ДЕВУШКА

Я сорвала тебе, святая жрица,
Одну лишь розу, — сорвала одну,
Но эта роза, роза — посмотри же! —
Достойна увенчать чело царя;
Не может пожелать Пентесилея,
Иной, когда она сразит Ахилла.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Когда сразит его Пентесилея,
Ты эту царственную дай ей розу.
Так позаботься же ее сберечь.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Когда наездницы под звон кимвалов
Опять пойдут на поле битвы, с ними
Пойдем и мы, — позволь нам! — не за тем,
Чтобы сбираньем роз и заплетаньем
Венков украсить матерей победу.

Смотри, рука уже метать готова,
 Стрела моя, свистя, находит цель.
 Так мне уже венок цветущий надо,—
 И пусть он храбро борется в сражении,
 Тот юный, для кого натянут лук.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну да, тебе, конечно, лучше знать!
 Уж розы на его челе ты видишь!
 Весной, чрез год, при новом цвете роз,
 Ты юношу себе найдешь в сражении.
 Теперь же матерей торопит радость:
 Скорее же венки из роз свивайте!

ДЕВУШКИ

(друг другу).

Скорей за дело! Как же нам начать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(второй).

Главкотоэ, ко мне!

ТРЕТЬЯ

(четвертой).

Ко мне, Хармион!

(Сядется попарно).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Мы для Орнитии венок свиваем.
 Альцест в высоком племе ею взят.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА

А мы Партеньон, сестры: Атенея,
 С Медузой на щите, она пленила.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Вы что ж своих гостей не веселите?
 Не стойте так беспомощно, вы, девы,
 Как-будто обучать любви вас надо!
 Сказали б им приветливое слово!
 Их, утомленных битвою, спросили б,
 Чего они хотят, чего им надо!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Они твердят,— нам ничего не надо!

ВТОРАЯ.

На нас сердиты.

ТРЕТЬЯ.

Только подойдем,—
Упрямцы отвернутся и бранятся.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну, если злятся, сделайте их снова
Вы добрыми! И для чего на них
Вы так неистово в бою бросались?
Скажите им, что будет, в утешенье:
Тогда не будут так неумолимы.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
(пленному греку).

Не хочешь ли ты, юноша на мягком
Ковре возлечь? Не хочешь ли, осыплю
Весенними цветами там, под лавром,
Тебе, усталому, на отдых ложе?

ВТОРАЯ
(также).

Не хочешь ли, чтоб ароматы персов
Смешала я с водою ключевою,
И запыленные омыла ноги?

ТРЕТЬЯ.

Сок апельсинов разве ты отвергнешь,
Моей рукой любовно принесённый?

ТРИ АМАЗОНКИ.

Скажите! Чем же вам служить?

ГРЕК.

Ничем!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Что, странных чужеземцев, вас печалит?
Когда покоятся в колчане стрелы,
Зачем страшитесь вы наших лиц?
Не львиная ли шкура вас пугает?
Ты, с поясом, ответь! Чего боишься?

ГРЕК
(посмотрев на нее резко).

Кому сплели венки из роз? Скажите?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Кому же, как не вам!

ГРЕК.

Признались в этом,
Чудовища! Убравши нас цветами,
Вы, как зверей, нас в жертву поведете.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ошибся, юноша! В храм Артемиды,
Во тьму дубрав дубовых поведем вас,
Где ждет восторг без меры и порядка!

ГРЕК

(изумленный, подавленным голосом другим пленным).
Сны странные такие где приснятся!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Появляется военачальница. Те же.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Высокочитимая, еще ты здесь!
Меж тем, отсюда на метанье камня,
Войска готовятся к кровавой битве!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Войска! Не может быть! Но где ж?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

В лощине,
К Скамандру прилегающей. Когда ты
Прислушаешься к ветру с этих гор,
Услышишь громовой призыв царицы,
Бряцание оружия, ржанье коней
И звуки труб, литавров и кимвалов,—
Весь славный голос битвы слышен будет.

ЖРИЦА

Домчится быстро кто на холм?

ДЕВУШКИ.

Я! Я!

(Бегут на холм).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Царица? Нет, скажи! Непостижимо!
Зачем, когда еще бушует битва,
Она готовить праздник роз велела?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Как, праздник роз? Кому ж приказ был отдан?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА,

Мне! Мне!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Когда и где?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Совсем недавно,

В тени под обелиском я стояла,
 Когда Пелид и вслед за ним она
 Подобно ветру мимо пролетели.
 Спросила я спешившую: „Как дело?" —
 „На праздник роз, — как видишь!" закричала,
 И, мимо мчась, мне крикнула со смехом:
 „Смотри, чтобы достало роз на всех!"

ПЕРВАЯ Ж Р И Ц А

(девушкам).

Ее ты видишь?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Ничего не видно!
 Не различить мне шлема ничьего.
 Покрыли тени туч кругом все поле,
 И лишь доносится нестройный гул
 От натиска столпившихся героев,
 Друг друга ищущих в долине смерти.

ВТОРАЯ ЖРИЦА

Она прикрыть лишь отступление хочет.

ПЕРВАЯ

Конечно.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, поверьте, в бой готова,
 Стоит Пентесилея пред Пелидом,
 И так бодра, как тот персидский конь,
 Что, вздыбясь, высоко ее вздымает.
 Из-под ресниц горят ее глаза,
 Она вздыхает весело, свободно,
 И юная, воинственная грудь
 Теперь лишь истый битвы дух вдыхает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Но что стремится царицу, Олимпийцы?
 К чему, когда крутом так много пленных
 Во всех лесах кишат, еще к чему же
 Пентесилее надобно стремиться?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему царице надобно стремиться?

ДЕВУШКИ
(с холма).

О, боги!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что? Рассеялась ли тень?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Достопочтенные, приблизьтесь!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Что там?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему еще ей надобно стремиться?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Смотрите же, смотрите, как, сквозь тучи
Прорвавшись внезапно, солнца луч
Пернатый шлем Пелида позлащает!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Чей шлем?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Да чей же шлем, как не Пелида!

Стоит Ахилл на холме, весь блистая,
Закован в сталь он весь и конь его;
Сапфир и хризолит так не сверкают!
Земля вокруг, пестреющая цветом,
Окутанная вся во мрак ненастья,
Ничто, как только темный фон иль фольга,
Чтобы усилить блеск его роскошный!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Народу что за дело до Пелида?
Пристойно ль дщери дарственной Арея
В сражении с одним врагом бороться?

(Камазонке).

Беги проворно, Арсиноэ, к ней
И передай от имени богини:
Явился Марс уже своим невестам;
И я ее на родину теперь
Зову вести увенчанного бога,
Не медля больше здесь, и в светлом храме
Торжествовать священный праздник роз!

(Амазонки уходят).

Где слыхано подобное безумство!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Не видите ль вы, дети, и царицу?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Да вот она! Все поле заблистало!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Где появилась?

ДЕВУШКА

Во главе всех дев!

Сияя в золотых своих доспехах,
Полна отваги бранной! Не похоже ль
Как-будто, подстрекаемая рвением,
Она опередить и солнце хочет,
Чтоб юное чело лобзать! Смотрите!
Когда б она на небо полетела,
Чтоб с золотым соперником сразиться,
То конь, потворствуя ее желанию,
Но мог бы окрыленное подняться.

ВЕРХОВНАЯ Ж Р И Ц А

(военачальнице).

И не нашлося ни единой девы,
Чтоб удержать, предостеречь царицу?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, все ее высокие подруги
Восстали против; здесь, на этом месте,
Протоэ сделала все, что возможно.
Исчерпано искусство красноречья,
Чтоб убедить вернуться в Фемискиру;
Но не склонилась к голосу рассудка.
Опаснейшей из стрел Амура, слышно,
Поражено ее младое сердце.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что говоришь ты?

ПЕРВАЯ Д Е В У Ш К А

(с холма).

Вот и повстречались!

Держите, боги, вашу землю крепко,—
Пока я говорю, они помчались,
Как две звезды, одна другой навстречу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(военачальнице).

Царица? Нет, не может быть, подруга!
Стрелой Амура? Но когда? И где?

Она, носящая алмазный пояс,
Дочь Марса, у которой нет и груди,
Куда б отравленной стрелою метить!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Так говорит народная молва.
Мероэ рассказала мне об этом.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ужасно!

(Амазонка возвратилась).

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Говори, с чем ты вернулась.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Исполнила? Передала царице?

АМАЗОНКА

Мать чтимая, прости, — уж было поздно.
Я не могла найти Пентесилею,
То здесь, то там мелькавшую средь женщин;
Но встретив на мгновенье там Протоэ,
Передала я ей твое желанье;
Она ж мне возразила, — не ручаюсь,
Что не ослышалась в смятении я.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ну, что ж?

АМАЗОНКА

Она коня остановила,
От слез туманным взором на царицу
Взглянула; и когда я ей сказала,
Как недовольна ты ее безумством
Из-за одной главы затеять битву,
Она ответила: „Вернися к жрице,
Пусть на коленях молится она,
Чтобы одна его глава слетела.
Иначе нет спасенья ей и нам”.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Она прямой дорогой мчится в Оркус!
И если б и не встретила Пелида,
Так от врага в груди она падет.
И всех влечет она с собою в бездну;
Я вижу челн, нас, скованных, везущий
В Элладу через волны Геллеспонта,
Весь лентами украшенный злорадно.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Что до того? Близка злосчастья весть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Предводительница. Те же

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Беги, беги! Спасай плененных, жрица!
На нас нахлынуло все войско греков!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, боги-олимпийцы! Что случилось?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Царица где?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Поражена в бою,
Все войско амазонское разбито.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Безумная! Что ты сейчас сказала!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Ведите пленных.

(Пленных уводят).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Где? Когда? Скажи!

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Позволь тебе все кратко рассказать!
Царица и Ахилл, под'явши копья,
Как две стрелы громовых, повстречались,
Что из-за туч несутся друг на друга;
Слабее грудей, — копья расщепились:
Но устоял Пелид, Пентесилея ж,
Почуя смерти сень, с коня упала.
Когда она, его покорна мести,
В пыли лежала, думали мы все,
Что в ад ее он тотчас ниспровергнет;
Но бледный он стоит, непостижимый,
Как смерти тень. Вдруг крикнул: „На меня
Как смотрит умирающая, боги!“
Спешит сойти он с лошади скорей,
И между тем как ужасом об'яты
Стояли девы, помня повеленье
Царицы и не смея тронуть меч.
К упавшей подошел Пелид отважно.

„Пентесилея!" он зовет, склонившись,
В объятиях царицу поднимает,
И, громко проклиная свой удар,
Он жалобно зовет царицу к жизни.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как, он? Он сам?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

„Проклятый, прочь!" гремит
Ему все войско. „Отплатите смертью",—
Кричит Протоз: — „если не отступит,
В него пушу острейшую из стрел!"
И чуть его конем не растоптавши,
Из рук его царицу вырывает.
Меж тем злосчастная в себя приходит.
Растерзана одежда на груди,
Коса растрепана, сама чуть дышит.
Ведут за строй, вокруг нее хлопочут.
Но он, непостижимый тот долопец, —
Как-будто бы в закованной груди
Весь гнев его в любовь преобразился,—
И он зовет: „Помедлите, подруги!
Ахилл приветствует вас вечной дружбой!"
И меч бросает, щит бросает прочь,
С груди своей доспехи он срывает,
Идет, — и можно бы его руками,
Лишь захоти, иль кольями свалить, —
Идет отважно следом за царицей,
Как-будто знает он, безумец смелый,
Что жизнь его священна нашим стрелам.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Но кто ж вам дал приказ безумный этот?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Царица! Кто ж иначе?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как ужасно!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Смотрите! Вот, при помощи Протоза,
Она идет — прообраз злополучья!

ВТОРАЯ

О, боги вечные! Смотреть печально!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Пентесилея, ведомая Протоэ и Мероэ, свита,

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабым голосом.)

Всех, всех собак, спустите на него!
Смолою факелов слонов дразните!
Ножами колесниц его разрежьте,
И силу мышц колесами дробите!

ПРОТОЭ.

Любимая! Мы молим!

МЕРОЭ.

Нас послушай!

ПРОТОЭ.

Ведь за тобой несется по пятам
Пелид; коль жизнью дорожишь, — беги!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ведь мне вот эту грудь разбить, Протоэ,
Не все ль равно, как если б лиру в гнев
Топтала я за то, что тихо имя
Она мое с вечерним ветром шепчет?
Склонилась пред медведем я; пантеру
Ласкала я, что с тихим возбужденье,
С таким же, как мое, ко мне приникла.

МЕРОЭ.

Не хочешь убежать?

ПРОТОЭ.

Бежать не хочешь?

МЕРОЭ.

Спасть не хочешь?

ПРОТОЭ.

Имени найти

Нельзя тому, что здесь должно свершиться!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя ль вина, что я на поле брани
Должна искать его любви, сражаясь?
Чего хочу я, обнажая меч?
Хочу ли в Оркус я его низвергнуть?
Хочу, клянусь я вечными богами,
Его на эту грудь привлечь, — и только!

ПРОТОЭ.

То бред!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Несчастливая!

ПРОТОЭ.

Ума лишилась!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Лишь об одном все думает она.

ПРОТОЭ.

Паденье отняло у ней сознание!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с вынужденною решимостью).

Пусть будет воля ваша. Я решилась.
И сердце, если нужно, я заставлю,
И выполню шутя суровый долг.
Вы правы. Для чего я, как ребенок,
Лишь потому, что не сбылось желанье,
Богов моих отвергну? Прочь идите!
Мне счастье, говорю я, было б любо;
Но не упало с облаков оно,
Я небо завоевывать не стану.
Уйти отсюда! Дайте мне коня, —
Вас поведу на родину обратно.

ПРОТОЭ.

О госпожа, благословенно трижды,
Достойное парицы, это слово!
Иди, — готово все.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(увидав в руках детей венки из роз, с внезапно загоревшимся лицом) .

А, посмотрите!

Кто приказал вам розы собирать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Забывчивая, спрашиваешь? Кто же
Иной...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Чем кто?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Отпраздновать победу

Пора, — се твои так пылко девы ждали.
И не твои ль уста нам повелели?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне так противно ваше нетерпенье!
 В бою кровавом, в смертной суматохе
 Я проклиная эту жажду оргий!
 В груди невинной дочери Арея
 Проклятье псам сорвавшимся, желаньям!
 Они орут, как медный голос труб,
 Всех полководцев зовы покрывая!
 Или победа наша? Что же, вместе
 С насмешкой ада близится триумф?
 Прочь с глаз моих!

(Ломает венки).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Что делаешь, царица!

ВТОРАЯ

(подбирая розы).

Весна на много миль кругом на праздник
 Нам роз не даст.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть вся весна иссохнет
 Сама, и пусть планета, где мы дышим,
 Раздавлена лежит подобно розам!
 Когда б могла я весь венец миров
 Подобно этим, из цветов, разрушить,
 О, Афродита!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бедная царица!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Погибшая душа!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Она в добычу
 Эринниям судьбою отдана!

ЖРИЦА

(с холма).

Пелид, — о, девы, заклинаю в а с, —
 Уж близок, — на один полет стрелы!

ПРОТОЭ.

Беги, — я умоляю на коленях!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утомлена душа моя смертельно!
 (Садится).

ПРОТОЭ.

Что делаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Бегите, коль хотите.

ПРОТОЭ.

На что?..

МЕРОЭ.

На что?..

ПРОТОЭ.

Решилась ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Остаться!

ПРОТОЭ.

Безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я не могу стоять.

Не поломать же кости мне. Оставьте!

ПРОТОЭ.

Потерянная женщина! Ты слышишь,
Пелид уж близок.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть же он приходит.

Пусть в сталь закованной пятой наступит

На мой затылок. Разве эти щеки,

Цветущие такие, отличаться

Должны от грязи, из которой вышли?

Пусть лошадьми растопчет он меня,

И тело, что так полно свежей жизни,

Бессильно брошенное в чистом поле,

Собакам пусть на утреннюю пищу

И гнусному отродью птиц оставит.

Быть лучше прахом, чем немилой другу.

ПРОТОЭ.

О, госпожа!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(срывая шейное украшение).

Проклятье мишуре!

ПРОТОЭ.

О, боги вечные! Но эту ль волю

Твои уста недавно возвешали?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь шлем! Поникли? Вас я проклиная.

Мечей и стрел беспомощнее вы.

Будь проклята рука, что украшала
 Меня для битвы, прокляты уста,
 Что мне шептали: „Это для победы”.
 Притворщицы, обстали с зеркалами
 Меня вы, справа, слева, восхваляя
 Мою закованную медью стройность.
 Чуму зову на ваши злые чары!

ГРЕКИ

(за сценой).

Вперед! Пелид, вперед! Утешен будешь!
 Еще немного, и она — твоя!

ЖРИЦА

(с холма).

Дианой заклинаю, уходи же,
 Иль ты погибла.

ПРОТОЭ

Жизнь моя! Сестрица!

Не хочешь ты бежать?

(Пентесилея прислоняется к дереву, слезы струятся у нее из глаз).

ПРОТОЭ

(внезапно растрогавшись, опускаясь возле нее).

Ну, как ты хочешь.

Не можешь, и не хочешь, — пусть! Не плачь!
 Я остаюсь с тобой. Что невозможно,
 Что выше сил твоих, что не сумеешь
 Ты сделать, пусть мне боги помешают
 Потребовать того! Идите, девы,
 И возвращайтесь в родимый край.
 С парицею остануся я здесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

И ты! И ты безумной потекаешь?

МЕРОЭ.

Иль бегство невозможно?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Невозможно?

Ничто извне, ни рок ее не держит,
 Лишь сердце глупое.

ПРОТОЭ.

Ее судьба!

Ты думаешь, оковы неразрывны,
Не правда ль? Легче б их она сломала,
Чем чувство, над которым ты смеешься.
Что в ней царит, лишь ей известно. В каждой
Груди, что чувствует, уже загадка.
К высокому она стремилась в жизни,
И уж его коснулась, и не хочет
Рука за что-нибудь другое взяться.
Приди на грудь мою. О чем тоскуешь,
Скажи, о чем ты плачешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Больно, больно.

ПРОТОЭ.

Где?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь.

ПРОТОЭ.

Могу ль помочь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ничем, ничем.

ПРОТОЭ.

Ну, успокойся; кончится все скоро!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вполголоса).

Безумная!

ПРОТОЭ

(также).

Молчи, прошу тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

А если бы бежать я захотела,
Скажи, — куда бежать мне?

ПРОТОЭ.

Прямо в Фарсос,

Там ты нашла бы, это мне известно,
Твои войска разбитые все вместе.
Ты отдохнула б, раны залечила б,
А с ближнею зарею, — если хочешь, —
Ты поведешь наездниц снова в битву.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда б могла! Но где же взять мне силы?
Все трудное, что в силах человека,

Я сделала, — к безмерному стремилась, —
 Всю жизнь свою поставила я на кон,
 И выпала решающая кость,
 Должна постигнуть я, — что проиграла!

ПРОТОЭ

Нет, нет, родная! Этого не думай!
 Так низко не оценивай себя!
 Хоть плохо думаешь о том залоге,
 Из-за которого играешь, все же
 Случившимся не обесценен он.
 Вот нить из перлов, розовых и белых,
 Вкруг шеи вьется, — в ней ли все богатство,
 Которого душа твоя желает?
 Подумай, там, когда придешь ты в Фарсос,
 Предела нет твоим высоким целям.
 Но, может быть, теперь почти уж поздно.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с тревожным движением).

Ну, что ж я медлю! Как досадно это!
 Высоко ль солнце?

ПРОТОЭ.

Над твоим челом;
 Придешь туда до наступленья ночи.
 Мы заключим союз, от греков втайне,
 С дарданцами, достигнем в тишине
 Той бухты, где стоят их корабли;
 И в ночь, по знаку данному, вдруг пламя
 Обнимет их; стан греков будет взят,
 Стесним их войско спереди и сзади,
 И разобьем, рассеем по стране,
 И каждый грек по нашей воле будет
 Настигнут нами, схвачен и увенчан.
 Какое счастье мне, — увидеть это!
 Не отдыхать хочу, — сражаться рядом
 С тобой, без усталы, под зноем солнца,
 Все силы истощать, пока желанье
 Возлюбленной сестры я не исполню,
 И после всех усилий, побежденный,
 Не склонится Пелид к ее ногам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(все это время пристально смотрела на солнце).

О, если б крыльями прорезать воздух
 Могла я вдруг!

ПРОТОЭ.

Что ты?

МЕРОЭ.

Что ты сказала?

ПРОТОЭ.

Что видишь ты?

МЕРОЭ.

К чему она стремится?

ПРОТОЭ.

Любимая, скажи!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Высоко, знаю,

Парит в далеком, вечном, знойном круге
Он вокруг моей тоскующей груди.

ПРОТОЭ.

Но кто, царица дорогая?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Знаю!

Куда ведет дорога?

(Оправляется и идет).

МЕРОЭ.

Ты решилась?

ПРОТОЭ.

Так ты несешься ввысь? — Теперь, царица,
Подобна исполину будь! Не падай,
Хотя б весь Оркус на тебя свалился!
Стой, твердо стой, как арка: каждый камень
Стремится вниз, все вместе — зиждут своды.
Подставь чело, как верхний камень свода,
Небесным молниям, скажи: „Разите!“
И пусть они тебя до пят расщеплют,
Но лишь сама в себе не колебайся,
Пока дыханьем этой юной груди
Цемент и камни жизни тесно слиты.
Иди. Дай руку мне.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Куда ж итти мне?

ПРОТОЭ.

Ты можешь там утес избрать надежней,
Иль здесь удобную долину выбрать,—
Ну, что же выбрать хочешь ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утес!

Там ближе мне к нему. За мной идите.

ПРОТОЭ.

К кому, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Руку, дорогие!

ПРОТОЭ.

Как только ты того холма достигнешь,
Ты в безопасности.

МЕРОЭ.

Иди же.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно, дойдя до моста, останавливается).

Слушай!

Я уступлю, — но мне еще осталось...

ПРОТОЭ.

Что надобно тебе?

МЕРОЭ.

Ну, что?

ПРОТОЭ.

О, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Одно еще, и я сойду с ума.

Признать должны и сами вы, подруги,—

Не все возможное мы испытали.

ПРОТОЭ

(с негодованием).

Но если так, то лучше б мы погибли!

Спасенья больше нет!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(испуганно)

Да что такое?

Что сделала я ей, скажите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты думаешь?...

МЕРОЭ.

Ты хочешь здесь еще?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, ничего, что вас бы прогневило.

Хочу я Иду взгромоздить на Осу

И почивать спокойно на вершине!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты хочешь Иду?...

МЕРОЭ.

Взгромоздить на Оссу?

ПРОТОЭ

(взывая).

Спасите, боги, вы ее!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Погибла!

МЕРОЭ

(робко).

Титанам этот труд, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да, но чем же хуже я титанов!

МЕРОЭ.

Чем? Их?

ПРОТОЭ.

О, небо!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что ты говоришь!

МЕРОЭ.

Подумай, как же сделаешь ты это!

ПРОТОЭ.

Подумай, — что с тобою будет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Глупо!

Схвачу я пламя кудрей золотое,

И мой он будет!

ПРОТОЭ.

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Он, Гелиос!

Когда он головы моей коснется!

(Амазонки без слов, в ужасе переглядываются)

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ее возьмите силой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(смотрит в реку.)

Я безумна!

Вот он у ног моих. Возьми меня!

(Хочет броситься в реку, Протоэ и Мероэ ее удерживают).

ПРОТОЭ.

Несчастливая!

МЕРОЭ.

Вез чувств упала, словно

Одна ее одежда, в руки к нам.

ЖРИЦА

(с холма).

Ахилл идет! Уж виден! И не может

Его сдержать отряд весь амазонок!

АМАЗОНКИ.

О, боги, защитите от насилья

Царицу амазонок!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(жрицам).

Прочь! Ступайте!

В сражениях кровавых нам не место.

(Верховная жрица со жрицами и девушки с розами уходят)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Отряд амазонок с луками в руках. Те же.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

(кричит вглубь).

Назад, смельчак!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Не слушает он нас!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Владычицы, коль нам нельзя бороться,

Его отваге что же помешает?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Что делать? Говори, Протоэ!

ПРОТОЭ

(занятая парищей).

Десять

Пустите тысяч стрел в него.

МЕРОЭ

(свите).

Воды!

ПРОТОЭ.

Но только чтоб не ранили смертельно!

МЕРОЭ.

Ну, зачерпните ж в шлем воды.

ОДНА

(из свиты парицы).

Несу.

(Зачерпывает и дает).

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

(Протоэ).

Спокойна будь! Не бойся!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Здесь постройтесь!

Ссадните щеки, кудри опалите!

Пусть смерть его лобзает, пролетая!

(Приготавливают луки).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ахилл без шлема, доспехов и оружия, сопровождаемый несколькими греками.

Те же.

АХИЛЛ.

Ну, для кого же эти стрелы, девы?

Не этой ли незащищенной груди?

Не снять ли мне и шелковый нагрудник,

Чтобы открыть вам беззаботность сердца!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ну, что ж, сними, коль хочешь.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Нет, не надо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Стрелу туда, где держит руку он!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Чтобы проткнуло сердце, словно лист,
Скорей стреляй!

МНОГИЕ

Бей! Нападай!

(Стреляют через его голову).

АХИЛЛ

Оставьте!

Очами поразите вы вернее.
Клянусь Олимпом я, что не шучу,
И, в сердце вами раненый глубоко,
Обезоруженный во всяком смысле,
Я к вашим маленьким ногам склоняюсь.

ПЯТАЯ АМАЗОНКА

(которую ранили копьем, из-за сцены).

Благие боги!

(Падает).

ШЕСТАЯ АМАЗОНКА

(также).

Горе!

(Падает).

СЕДЬМАЯ АМАЗОНКА

(также).

Артемиды!

(Падает).

ПЕРВАЯ.

Безумец ты!

МЕРОЭ

(хлопоча возле царицы).

Несчастная царица!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Назвался безоружным!

ПРОТОЭ

(также).

Умирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

А воины его нас избивают!

МЕРОЭ

А девы так и падают вокруг!

Что делать нам?

} вместе.

} вместе.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Готовьте колесницы!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Собаками его!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Пускай камнями

Его засыплют с башен на слонах!

ОДНА

(из амазонских княжен, внезапно оставляя паришу)

Ну, хорошо, попробую мой лук!

(Снимает с плеча лук и натягивает его).

АХИЛЛ

(обращаясь то к одной, то к другой амазонке).

Не верится: как серебро звенящий,

Речей неправду голос ваш казнит.

Голубоглазая, не ты же хочешь,

Да и не ты, краса кудрей шелковых.

Смотрите, если бы на спешный призыв

Собаки ваши на меня напали,

Вы бросились бы вашими телами

Меня от них прикрыть и защитили б

Сгорающее к вам любовью сердце.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Наглец!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Послушайте, как он кичится

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Он думает, что лестью нас...

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

(тайнственно обращаясь к первой).

Отерпэ!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

(оборачиваясь).

Смотри! Искусница стрелять из лука!

Тихонько разомкнитесь, девы!

ПЯТАЯ АМАЗОНКА

Что там?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА

Молчи! Увидишь!

ВОСЬМАЯ АМАЗОНКА.

Вот! Возьми стрелу!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА

(кладя стрелу на лук).

Хочу Пелиду раздробить я череп!

АХИЛЛ

(греку возле него, уже наведшему лук).

Стреляй!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА.

О, небожители!

(Падает).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ужасный!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Сама, сраженная, упала!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Боги!

А там еще один отряд подходит!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Диомед с этолийцами появляется с другой стороны. Вскоре
затем Одиссей со стороны Ахилла с войском.

ДИОМЕД

Вы, этолийцы храбрые мои,

Вперед!

(Ведет их через мост).

ПРОТОЭ.

Святая Артемида! Где ты!

Спаси нас от беды!

(Несет парипу, с помощью амазонок, снова на авансцену).

АМАЗОНКИ

(в смятении).

Попались мы!

Окружены, отрезаны! Бегите,

Спасайтесь, кто может!

ДИОМЕД

(Протоэ).

Эй, сдавайтесь!

МЕРОЭ

(бегущим амазонкам).

Безумные! Что делаете! Стойте!..

Протоэ! Посмотри!

ПРОТОЭ

(все еще возле парицы).

Беги за ними!

И, если можешь, — нас избавь от плена!

(Амазонки рассеиваются. Мероэ следует за ними).

АХИЛЛ

Ну, где же голова парицы?

ГРЕК.

Там.

АХИЛЛ

Десяток царств отдам я Диомеду.

ДИОМЕД

Сдавайтесь, — говорю вам!

ПРОТОЭ.

Победитель

Ее возьмет, не ты! Чего ты хочешь?

Она принадлежит Пелиду!

ДИОМЕД

Дайте

Ее сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Давай!

АХИЛЛ

(отталкивая этолийца).

Тот станет тенью,

Кто здесь парицы вздумает коснуться.

Она моя! Вам нечего здесь делать!

ДИОМЕД

Ну да! Твоя! А по какому праву, —

Да видит Зевс, — и по какой причине?

АХИЛЛ

Как ни суди, — она моя. Отдай.

ПРОТОЭ.

Великодушен ты. Я не боюсь.

АХИЛЛ

(принимая парицу в свои объятия).

Ну, ничего.

(Диомеду).

Иди, преследуй, бей

Наездниц, — я побуду здесь с минутой.

Прочь! Я хочу. Не возражай. Гадесу

Не уступлю ее, — тебе подавно.

(Кладет ее у подножья дуба).

ДИОМЕД

Пусть так! За мной!

ОДИССЕЙ

(проходя с войском по сцене).

Счастливей час, Ахилл!

Прислать тебе звенящую кадригу?

АХИЛЛ

(склонившись над парицею).

Не надо. Здесь останусь.

ОДИССЕЙ

Ну, как хочешь.

За мной! Пока бабье не собралось.

(Одиссей и Диомед с войском уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. С в и т а греков и амазонок.

АХИЛЛ

(освобождая парицу от панцыря).

Она не дышит!

ПРОТОЭ.

Пусть бы эти очи

Для томного навек сомкнулись мира.

Я одного боюсь, чтоб не проснулась.

АХИЛЛ.

Куда ее я ранил?

ПРОТОЭ.

Встала бодро

Она, хоть твой удар был близок к сердцу.

Сюда ее с трудом мы привели,
 На этот холм хотели мы взобраться.
 Но было ль больно ей, иль огорченье
 Ее томило, — не могла она
 Перенести, что ты был победитель.
 Повиноваться отказались ноги;
 И, с бредом на тускнеющих устах,
 Она упала на руки мне снова.

АХИЛЛ.

Ты видишь, — вздрогнула?

ПРОТОЭ.

Вы, Олимпийцы!

Так не до дна еще испита чаша?

Несчастливая она! Смотрите!

АХИЛЛ

Дышит.

ПРОТОЭ.

Коли тебе знакомо состраданье,
 И чувство в этом сердце шевелится,
 И смерти ей не ищешь, и в безумство
 Мятущуюся душу гнать не хочешь,
 То сделай, что прошу.

АХИЛЛ.

Скажи скорее!

ПРОТОЭ.

Уйди, уйди, о несравненный! Пусть,
 Проснувшись, тебя она не видит.
 Пускай уйдут соратники твои,
 И пусть, пока в дыханьи гор не встанет
 Светило дня, никто не подойдет,
 Не скажет ей убийственного слова:
 „Ты пленница Ахилла“.

АХИЛЛ.

Ненавидит

Меня?

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, великодушный!
 Когда она, держась за надежду,
 Вернется к жизни, пусть не победитель
 Безрадостно ей встретится сначала.
 Ведь многое таится в сердце женщин.
 Что свету дня себя явить не хочет.

Пускай потом, как хочет рок, царица,
Как пленница, приветствует тебя,
Но сжался, этого не требуй раньше,
Пока ее душа к тому готова будет.

АХИЛЛ.

Хочу с ней поступить, скажу тебе,
Как поступил я с гордым Приамидом.

ПРОТОЭ.

Ужасный, как!

АХИЛЛ.

Ее страшит ли это?

ПРОТОЭ.

Нет имени тому, что сделать хочешь!
И это тело юное, ужасный,
Прелестное, как девочка с цветами,
Бесстыдно хочешь ты, подобно трупу?..

АХИЛЛ.

Скажи ей, я ее люблю.

ПРОТОЭ.

О, боги!

АХИЛЛ.

Пред небом, да! Люблю, как любит муж:
Желаньем полон, и стыдлив; невинен,
И все же страстно жаждет обладанья.
Хочу ее моей царицей сделать.

ПРОТОЭ.

О, боги вечные! Скажи мне снова,
Ты хочешь?

АХИЛЛ.

Что ж, могу ль остаться?

ПРОТОЭ.

Дай мне,

Божественный, твои лобзать стопы.
Теперь тебя бы я везде искала,
Хотя б у Геркулесовых Столбов!
Смотри: глаза открыла!

АХИЛЛ.

Шевельнулась.

ПРОТОЭ.

Теперь мужчины прочь отсюда, ты же,
Пелид, скорей за этим дубом спрячься!

АХИЛЛ.

Уйдите же, друзья!

(Свита Ахилла уходит).

ПРОТОЭ

(Ахиллу, спрятавшемуся за дубом).

Еще подальше!

И, умоляю, не являйся раньше,
Чем позову тебя. Ты позволяешь?
Кто знает, что в ее душе творится!

АХИЛЛ.

Пусть будет так.

ПРОТОЭ.

Теперь, — смотри за нею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Свита амазонок.

ПРОТОЭ.

Пентесилея! Видящая сны!
В сверкающих обителях каких
Ты, беспокойно трепеща, витаешь,
Как-будто бы не мило это тело,
А счастье, как юный царь, стучится
К тебе, царица, в грудь, и в изумленьи,
Что опустела милая обитель,
Готово отвернуться и уж к небу
Полет свой беглый вновь направить хочет.
Иль гостя, глупая, пленить не хочешь?
Приди на грудь мою, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Где я?

ПРОТОЭ.

Не узнаешь ты голоса сестры?
Иль разве этот мост и эти скалы
Тебя к местам цветущим не вернули?
Смотри, — вокруг тебя столпились девы
Как бы у врат неведомого мира
Они стоят, приветствуя тебя.
Вздыхаешь? Что страшит тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Протоэ!

Что за ужасный сон приснился мне!

Как сладко мне, до слез, что я, проснувшись,
 Могу мое истерзанное сердце
 К твоей груди прижать, сестра моя!
 Мне снилось, что в яростном сраженьи
 Пелид сразил меня копьем: на землю
 Упала я в моей стальной кольчуге;
 Земля дрожит от моего паденья.
 Пока в испуге войско разбегалось,
 А я была недвижно распростерта,
 Он соскочил с коня уже; ко мне
 Шагами победителя приблизясь,
 Беспомощную он меня хватает,
 Подъемлет кверху мощными руками,
 И я, без сил схватиться за кинжал,
 К нему попалась в плен; вот, издеваясь,
 Меня к нему в палатку поведут.

ПРОТОЭ.

Царица дорогая! Он не станет,
 Великодушный, над тобой смеяться.
 Когда б сбылся твой сон, поверь мне, ты бы
 Пережила приятную минуту,
 И ты б увидела, наверно, в прахе
 Перед тобой склоненного Пелида.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Проклятье тем, кто дожил до позора!
 Проклятье мне, когда приму я мужа,
 Не покоренного мечом достойно.

ПРОТОЭ.

Царица, успокойся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Успокойся?

ПРОТОЭ.

Не у моей ли верной ты груди?
 Что б ни назначила тебе судьба,
 Мы вместе понесем, спокойна будь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя душа была тиха, как море,
 Лежащее в защите скал; не видно
 Малейшего движения волны.
 Но слово: „успокойся!“ всколыхнуло
 Меня, как ветер волны океана.
 Что было здесь, что требует покоя?

Так странно вы стоите, смущены,
И взоры вы бросаете,— о, небо! —
Как-будто бы чудовище за мною
Вам угрожает диким своим видом.
Ты слышишь, это был лишь сон, не явь.
Как! Было? Да? Все было? Как? Скажи!
А где ж Мероэ? Мегарис?

(Озирается и замечает Ахилла).

Ужасно!

Вот и стоит чудовище за мною.
Теперь, пока рука свободна...

(Выхватывает кинжал).

ПРОТОЭ.

Что ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, ты, негодная, еще мешает.

ПРОТОЭ.

Ахилл! Спаси ее!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Безумна ты!

Он мне ногой наступит на затылок!

ПРОТОЭ.

Ногой, безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь! — говорю я.

ПРОТОЭ.

Несчастливая, смотри же на него!

Стоит он за тобою безоружен.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как? Что?

ПРОТОЭ.

Ну да! Готовый, если хочешь.

Надеть оковы на себя.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, что ты?

ПРОТОЭ.

Ахилл! Она не верит мне. Скажи ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Он у меня в плену?

ПРОТОЭ.

Иначе как же?

АХИЛЛ

(выступив из-за дуба).

Конечно, благородная царица!
 Отныне я всю жизнь мою отдам,
 Чтоб трепетать в оковах этих взоров.

(Пентесилея закрывает лицо руками).

ПРОТОЭ.

Ну вот, ты слышала из уст его, —
 Повергся он, как ты, при встрече, в прахе:
 Пока ты бездыханная лежала,
 Его обезоружили, — не так ли?

АХИЛЛ.

И привели к ногам твоим, царица!
 (Преклоняет пред нею колени).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после короткой паузы).

О, если так, приветствую тебя,
 Румяный, юный бог, улада жизни!
 Теперь опять, о сердце, кровь мою
 Стреми; она, как-будто поджидая
 Прибытия его, в груди стояла.
 Вы, вестники крылатые веселья,
 Вы, соки юности моей, раскройтесь,
 По жилам растекайтесь ликуя,
 И пусть, как знамя красное, повеет
 Благая весть от всех моих сокровищ:
 Сын Нереиды, юный бог — он мой!
 (Встает).

ПРОТОЭ.

Царица дорогая, успокойся!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(идя вперед).

Вперед, венчанные победой девы,
 Вы, дочери Арея, с головы
 До пят еще покрыты пылью битвы,
 Вперед, вперед, и за руки ведите
 Пленных вами юношей — аргивян.
 Вы, девушки, с кошницами спешите.
 Где роз нам взять, чтобы столько сплести венков?
 Ступайте на поля, вокруг, — скажу я, —
 И эти розы, что весна отвергла,

Согрейте на полях дыханьем вашим!
 За ваше дело, вы, Дианы жрицы!
 Пускай сверкающие двери храма
 Благоуханного с великим шумом
 Мне распахнутся, словно двери рая!
 Бык тучный нужен мне, короткорогий.
 Сверкающим железом опрокинем
 Его, безгласного, в священном месте,
 Чтоб содрогнулись основы зданья.
 Проворные служительницы храма,
 Где вы? С поверхности тяжелых плит
 Проворно кровь, прилежные, смывайте
 Персидскими шипящими маслами.
 Наденьте легковейные одежды,
 Наполните свои золотые чаши.
 Гремите, трубы, бубны и кимвалы.
 Пускай от сладкозвучных ликований
 Трепещет прочный свод небесной тверди!
 Протоэ! Помоги мне ликовать,
 Придумай, о сестра моя, подруга,
 Скажи, как мне отпраздновать теперь
 Торжественнее самого Олимпа
 Брак этих призванных к войне невест
 С сынами Инаха, с сынами Марса!
 О где, Мероэ, ты? Мегарис где?

ПРОТОЭ

(подавляя волнение).

И радость, и печаль тебе вредны
 И одинаково влекут к безумью.
 Мечтой уже летишь ты в Фемискиру,
 И если так пределы переходишь,
 То мне сказать одно довольно слово,
 Чтобы оно порыв твой охладило.
 Взгляни вокруг, обманутая, где ты?
 Где твой народ? Где жрицы? Где Мероэ?
 Астерия? Мегарис? Где они?

ПЕНТЕСИЯ

(у ее груди).

О дай, Протоэ, сердцу моему
 На две минуты в тот поток веселья.
 Как запыленной девочке, войти.
 Касанье каждое могучих волн
 Ручья с моей груди смывает пятна.
 Ужасные отходят Эвмениды,

От близости богов яснее воздух,
И тотчас бы вмешалась я в их хор;
Не так, как раньше, к смерти я готова.
Но прежде ты скажи: прощаешь мне?

ПРОТОЭ

О, госпожа моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я знаю, знаю, —

Все лучшее во мне подарок твой
Несчастье, говорят, нас очищает.
Любимая, я этому не верю.
Оно меня гневало; на богов
И на людей я страстно восставала.
Как странно! Было каждое лицо
С чертами радости мне ненавистно
У матери играя на коленях,
Дитя смеялось над моим страданьем.
Теперь хочу вокруг довольных видеть,
Всех осчастливить я хочу. О, друг мой!
Страдания творят людей-героев,
Но богом делает одна лишь радость.
Теперь скорей, однако, к делу. Войско
Должно готовым к возвращенью быть.
Лишь отдохнут животные и люди,
Мы вместе с пленниками в трудный путь
Итти должны к полям родимым нашим.
Где Ликаон?

ПРОТОЭ

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с нежным неудовольствием).

Кто? А ты не знаешь?

Красавец тот, Аркадии герой,
Твоим мечом добытый. Что ж не здесь он?

ПРОТОЭ

(смушенно)

Еще томится он в лесах, парица,
Где остальных содержат пленных. Надо,
Чтоб, следуя закону, он не раньше
Предстал передо мной, как в Фемискире.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Позвать его! В лесу еще, — когда
Ему у ног моей Протоэ место!

Прошу, любимая, его ты кликни.
Стоишь ты возле, заморозком майским,
И радоваться жизнью мне мешаешь.

ПРОТОЭ

(про себя).

Несчастная! — Ну хорошо, идите
И делайте, что вам велит царица.
(Кивает амазонке, та уходит).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кто с розами мне девушек поκληчет?
(Замечает розы на земле).
Смотри! Лежат, душистые какие,
На этом месте!

(Проводит рукою по лбу).

Ах, мой сон дурной!

(К Протоэ).

Дианы жрица здесь не проходила
Верховная?

ПРОТОЭ.

Как-будто нет, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Откуда ж розы взялись здесь?

ПРОТОЭ

(быстро).

Вот странно!

Сбравшие цветы в равнине дети
Оставили здесь целую корзину.
Но это нам благоприятный случай:
Я подберу душистые цветы
И заплету венок Пелиду. Хочешь?
(Садится у дуба).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прекрасная! Как трогательно это!
Да, да! А те махровые цветы
Тебе, — венок плести для Ликаона.
(Подбирает тоже розы и садится рядом с Протоэ).
Я музыки хочу. Я неспокойна.
Пускай поют. Пусть утешают звуки.

ДЕВУШКА

(из ее свиты).

Чего желаешь?

ДРУГАЯ.

Песнь победы?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Гимны.

ДЕВУШКИ.

Обманутая! Пусть. Играйте! Пойте!

ХОР ДЕВУШЕК

(с музыкой).

Арей бежит. Смотрите, как, дымяся,
Стремятся кони белые к Аиду.
Ворота распахнули Эвмениды,
Ужасные, и запирают снова.

О Д Н А ИЗ ДЕВУШЕК.

Где медлишь, Гименей?
Зажги свой факел и свети, свети!
Где медлишь, Гименей?

ХОР.

Арей бежит! и т. д.

АХИЛЛ

(во время пения приближается к Протоэ потихоньку).

Скажи! Чем кончится? Я знать хочу!

ПРОТОЭ.

Я умоляю, — потерпи минуту
Одну, великодушный, — ты увидишь.

(Когда венки свиты, Пентесилея обменивается венком с Протоэ, он и обнимаются и рассматривают их. Музыка умолкает. Амазонка возвращается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Исполнила?

АМАЗОНКА.

Предстанет пред тобою
Герой Аркадии, Ликаон, скоро.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Амазонки.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Приди, о, нежный Нереидин сын,
Приди к ногам моим сюда поближе!
Смелей вперед! Меня ты не боишься?
Тебе победой я не ненавистна?
Боишься той, что в прах тебя повергла?

АХИЛЛ

(у ног ее).

Цветы боятся ль солнца!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Хорошо!

Так на меня смотри ты, как на солнце.

Владычица Диана, ранен он!

АХИЛЛ.

Царапина на локте, и не больше.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прошу тебя, Пелид, не верь, что я
На жизнь твою когда-то покушалась.
Моя рука тебя сразила, правда,
Когда же ты упал, то стала я
Завидовать тебя принявшей пыли.

АХИЛЛ.

Молчи о том, когда меня ты любишь.
Уж заживает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты меня прощаешь?

АХИЛЛ.

От радостного сердца.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты мне скажешь,

Что делает крылатая любовь,
Надев на льва строптивого оковы?

АХИЛЛ.

Шершавые его ласкает щеки,
И укрощает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот теперь и ты

Свободен менее, чем дикий голубь,
Которого петлей поймает дева.
Знай, юноша, что чувства в этой груди,
Подобные рукам, тебя ласкают.

(Обвивает его венками).

АХИЛЛ.

Кто ты — чудесная жена?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Постой!

Сказала: тихо! Ты потом узнаешь.
Теперь лишь это легкое плетенье
Из роз вокруг чела, потом на шею,
На плечи, на руки, и вниз к ногам,
И снова к голове, вот так. Ты что
Вдыхаешь?

АХИЛЛ.

Аромат сладчайших уст.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(откидываясь назад).

То розы испускают ароматы. —
Нет! Нет!

АХИЛЛ.

Я у ствола хотел прильнуть к ним.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Созреют лишь, любимый, — рви тогда.
(Возлагает еще венок ему на голову, и опускает его).
Вот как, — о, посмотри, прошу тебя, —
Идет к нему смягченный розы блеск!
Сияет лик его грозово-темный,
И юный день, о, милая подруга,
Когда от гор его низводят оры,
Алмазы сея под его шагами,
Не так красив и мил, как он. А очи
Его, не правда ль, как они сияют?
Клянусь! Таким увидев, сомневаюсь,
Что это он.

ПРОТОЭ.

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О Пелиде.

Скажи, сильнейшего из Приамидов
Не ты ль свалил перед стенами Трои?
И ты, пронзив вот этими руками
Бегущую стопу, за колесницей
Вниз головой его вдоль стен повлек?
Скажи! Чем ты взволнован? Что с тобой?

АХИЛЛ.

Да, я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пристально на него посмотрев).

Сознался он.

ПРОТОЭ.

Да, он, царица;
Его узнать ты можешь по примете.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Какая же примета?

ПРОТОЭ.

Вот доспехи.

Фетида, мать богов, их у Гефеста,
У бога пламени, ему достала!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так вот привет тебе, — мой поцелуй.
Неукротимейший, ты — мой! Ты мне,
О, юный бог войны, принадлежишь;
Кто спросит, чей ты, назови меня.

АХИЛЛ.

О, светозарное явление, словно
С небес сошедшее непостижимо,
Кто ты? Как назову тебя, когда
Моя душа восхищенная спросит
Сама себя, кому принадлежит?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты так меня зови, чтобы мой образ
В твоём уме был этим словом вызван.
Дарю тебе кольцо я золотое.
Вот эти знаки — для тебя охрана.
Ко мне оно тебе откроет доступ.
Кольцо теряют, имя забывают!
Забудешь имя, потеряешь перстень, —
Мой образ в памяти твоей предстанет?
Закрыв глаза, его сумеешь вызвать?

АХИЛЛ.

Запечатлеется, как на алмазе.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Узнай, что я — царица амазонок.
Народ мой от Арея происходит.
Отрера — мать великая моя,
Народ зовет меня — Пентесилея

АХИЛЛ.

Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я так сказала.

АХИЛЛ

Я в смертный час шепну: Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дарю тебе свободу, — ты по воле
Остаться можешь иль бежать отсюда.
Другую цепь я знаю, легче роз,
Но меди крепче; сердце обвивая
Твое, она тебя ко мне привяжет.
Когда, звено к звену, она сомкнется,
И так огонь страстей ее спаяет,
Что время не разрушит, и ни случай;
Вернешься ты, как требует обычай,
Ко мне, мой юный друг, и позабочусь
Исполнить все, чего ты пожелаешь.
Скажи, согласен?

АХИЛЛ.

Да, вернусь, как конь,
Почуявший родного стойла запах.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Итак, надеяться я буду. Ныне
Обратно в Фемискиру мы идем;
Моя добыча вся твоею будет.
Тебе дадут пурпурные шатры,
Да и в рабах не будет недостатка,
Чтобы служить твоей державной воле.
Но так как от заботы не свободна
В походе я, — ведь сам ты понимаешь,
То с пленными останься ты иными.
Лишь в Фемискире, сыну Нереиды,
Могу тебе предаться я всецело.

АХИЛЛ

Пусть будет так.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Протоэ)

Теперь скажи мне, где
Аркадец твой томится?

ПРОТОЭ.

О, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как хочется мне, милая Протоэ
Чтоб ты его венчала!

ПРОТОЭ.

Он придет,
Венок, ему сплетенный, не увянет.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вставая).

Теперь меня зовут дела другие,
Пусти меня.

АХИЛЛ

Как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дай мне встать, мой друг.

АХИЛЛ

Бежишь? Меня ты оставляешь раньше,
Чем чувству, наполняющему грудь,
Ты дашь, любимая, исход чудесный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Друг, в Фемискире.

АХИЛЛ.

Здесь, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, в Фемискире, в Фемискире, друг.
Пусти меня!

ПРОТОЭ

(удерживая ее беспокойно).

Царица, что ты хочешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(холодно).

Войска смотреть! Клянуся Стиксом, странно!
С Мероэ говорить хочу, с Мегарис.
Иль только мне и дела, что болтать?

ПРОТОЭ.

Еще бегущих войско гонит греков.
Мероэ пусть заботится о нем.
Ты отдыхай теперь. Лишь только враг
Отброшен будет за Скамандр, победно
Перед тобой твое предстанет войско.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(соображая).

Сюда? На это поле? Это верно?

ПРОТОЭ

Наверное. Надейся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Ахиллу).

Ты не медли.

АХИЛЛ.

Чудесная жена, скажи, зачем,
 Ведя войска, подобная Афине,
 Низверглась ты как-будто с облаков
 И в спор наш из-за Трои вдруг вмешалась?
 От головы до ног закрыта медью,
 Как фурия пылая злостью странной,
 Гонима кем же ты на племя греков?
 Тебе лишь стоило бы нам явить
 Спокойно красоту свою, чтоб видеть
 Весь род мужей во прахе пред собою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ах, Нереидин сын! Мне не дана
 Нежнейшая услада юных женщин;
 На празднике, подобно вашим девам,
 Когда соперничать в веселых играх
 Сильнейшие сойдутся, я не смею
 Возлюбленного высмотреть себе;
 Движением цветка или смущенным
 Моим лицом его завлечь не смею.
 Где соловьем напоен лес гранат,
 На утренней заре сказать не смею,
 Прижав на грудь его, — что это он.
 Я юношу, избранника души,
 Должна искать в кровавом поле битвы
 И захватить железною перчаткой
 Того, кем нежная томится грудь.

АХИЛЛ.

Откуда, от кого берет начало
 Закон неженственный, — прости меня, —
 И людям, и природе столь противный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Откуда все святое происходит,
 О юноша: с горы времен, которой
 Никто не посетил, которой тайну
 Закрыло небо облачным дыханьем.
 Праматерей решение это было,
 Сын Нереиды; мы ему покорны,
 Как ты заветам праотцев своих.

АХИЛЛ.

Скажи яснее!

ПЕНТИСИЛЕЯ.

Хорошо. Так слушай.

Там, где владычествуют амазонки,
Богослупные когда-то жили,
Свободные, воинственные скифы.
Любому племени земному равны.
Из рода в род, из века в век считали
Своим Кавказ плодоносящий скифы.
Когда Вексорис, эфиопский царь.
Придя к подножию Кавказа, быстро
Поверг во прах дружины шедших в битву,
Он старцев и детей губил в долинах,
Где их настиг его разящий лук:
Весь целиком погиб могучий род.
А победители вселились дерзко,
Как варвары, в домах у нас; питались
Плодами щедрой нашей почвы; чтобы
Излить на нас всю меру поношенья,
Они нарушили завет любви
И, оторвавши от могилы мужа,
Жену к позорному влачили ложу.

АХИЛЛ.

Губительна была судьба, царица,
Чтоб царству женщин даровать начало.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но все, что человек снести не в силах,
Мятежно с плеч своих он сбросит; терпит
Он только гнет умеренных страданий.
Лежали жены по ночам, таяся,
Во храме Марса, бились о ступени
И плакали, молясь об избавленьи.
Когда же был назначен день для свадьбы
Вексориса с царицею Танаис,
Сокрыли в опозоренных постелях
Они блестяще-острые кинжалы,
Что сами в очагах своих сковали
Из игл, запястий, пряжек, чтобы ими
Тела гостей облобызать на свадьбе.
В начале пира брачного царица
Супругу в сердце свой кинжал вонзила.
Закончил Марс тот пир за эфиопа,
И в ночь одну кинжалами все племя
Убийц до смерти заласкали жены.

АХИЛЛ

Да, женщины способны это сделать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

И вот что было решено народом:
 Свободны, словно ветер в чистом поле,
 Свершившие подобный подвиг жены
 И не подвластны больше роду мужей.
 Свое у них да будет государство,
 И в нем уже не станет раздаваться
 Повелевающее слово мужа.
 Закон себе уставят сами жены,
 Самих себя храня и защищая.
 И Танаис да будет там царицей.
 Тот муж, чей взор увидит это царство,
 Сомкнуть свои глаза навеки должен.
 И где еще родится мальчик, в ласке
 Тирана зачатой, его отправить
 За дикими отцами в Оркус надо.
 Арея храм наполнился сейчас же
 Толпою, чтоб великую Танаис
 Венчать защитницей таких порядков;
 В торжественный тот миг, когда она
 К ступеням алтаря пришла — громадный
 Лук золотой, эмблему царства скифов,
 Одним царям доступный только, взять
 Из рук украшенных верховной жрицы,
 Вдруг голос раздался, сказавший так:
 „Будить насмешки мужей только будет
 Такое царство, и падет при первом
 Нашествии воинственных соседей.
 Ведь слабы руки женщин, полнотою
 Грудей стесненные, и силой лука
 Легко, как руки мужей, не управят”.
 Царица призадумалась недолго,
 Смущенная соблазном этих слов;
 Но вдруг, презревши робость тайной мысли.
 Грудь правую оторвала, и женщин,
 Могущих лук натячь, кропила кровью,
 Но, не dokonчивши, без чувств упала.
 Так вот откуда слово „амазонки”!
 Потом венец надели на Танаис.

АХИЛЛ

Клянусь я Зевсом, ей не нужно груди.
 Такая мужей всех бы покорила,
 И я пред ней склоняюсь всей душою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчанием был встречен этот подвиг,
И только слышно было, как со звоном
Из рук верховной жрицы, смертно-бледной
И неподвижной, выпал этот лук.
Огромный, золотой, эмблема власти,
На мраморе ступеней трижды прынул,
Звуча, как колокол, скатился на пол,
И молчаливый, точно смерть, лежал.

АХИЛЛ.

Надеюсь, в царстве жен не подражает
Никто ее примеру?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Нет, конечно,—
Не все так пламенно свершали это.

АХИЛЛ

(с изумлением).

Как! Значит все же? Невозможно!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что ты?

АХИЛЛ.

Чудовищная сказка, значит, правда?
И все эти цветущие обличья
Вокруг тебя, краса и слава женщин,
Блещающие словно алтари,
Пред коими любовь колена клонит,
Позорно так ограблены они?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты этого не знал?

АХИЛЛ

(прижимаясь лицом к ее груди).

О ты, царица!

Хранилище нежнейших, юных чувств
Безумно, варварски...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но будь спокоен.

Сюда переселилися, налево,
Все эти чувства, где им ближе к сердцу.
Надеюсь, ты их все найдешь во мне.

АХИЛЛ.

Предутренние сны правдоподобней,
Клянусь, мне кажется, чем этот миг.
Но дальше...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что?

АХИЛЛ.

Конца ты не сказала.

Как это царство гордых амазонок,
Меж помощи мужей возникнув, может
Без их участия продолжаться? Или
Девкалион порою вам бросает
Одну из глыб своих вниз головою?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен...

(Останавливается и глядит на него).

Чему ты улыбнулся?

АХИЛЛ.

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне показалось, ты смеешься, милый

АХИЛЛ.

Красе твоей. Рассеян я. Прости.
Подумал я, что ты с луны спустилась

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

(после паузы).

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен со всех концов своей земли
В столицу, и во храме Артемиды
Мы молим, чтобы в юные их чресла
Был послан плод от семени Арея.
Тот день проходит нежен, тих. Зовется
Он праздником цветущих дев. Мы ждем,
Когда снега растают и лобзанья
Свои весна дарует мирным долам.
Дианы жрица чтимая идет
Во храм Арея и возносит к богу,
Пред алтарем повергшись ниц, мольбы

Мудрейших матерей народа. Если
 Захочет бог молитвы те услышать,—
 А часто он отказывает: горы
 Немного снега отдают долинам,—
 Он нам укажет через жриц своих
 Народ прекрасный, смелый, тот, который,
 Представ пред нами, нам ею заменит.
 Лишь только названы страна и племя,
 Во всех концах начнется ликованье.
 Невесты Марса — называют дев,
 Им матери дарят оружие,— стрелы,
 Кинжалы,— все их члены облачают,
 Усердно, с ликованием служа им,
 В железную венчальную одежду.
 Назначен день веселый отправления,
 Раздастся звук смятенных труб, садятся
 Отряды дев, шепчась, на коней; тихо,
 Как-будто стук копыт закутан в войлок,
 В сиянии ночи полем, лесом едут
 К стоянке дальней избранных. Достигнув
 Страны, помедлим у ее границы
 Еще два дня,— животные и люди;
 И, словно огнекрасный вихрь, ворвемся
 В толпу мужей, и вдруг сметаем
 Их, обреченных, падающих, точно
 То семена с вершин деревьев, если
 Их сотрясаешь над родимой нивой.
 В Дианин храм ведем и чтим их там
 Чредой священных празднеств, о которых
 Я только имя знаю,— праздник роз.
 Никто туда под страхом смертной казни
 Войти не смеет, кроме дев избранных,
 Пока цветущий не взойдет посев;
 Потом одариваем их по-царски
 И отправляем в праздник Материнства
 Домой на пышно убранных повозках.
 Но праздник этот вовсе не веселый,
 Сын Нереиды,— многие заплачут,
 И не одно дивится сердце, скорбью
 Охваченное мрачною, как можно
 Танаис прославлять на каждом слове.
 О чем ты думаешь?

АХИЛЛ

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты.
АХИЛЛ
(рассеянно).

О многом,
Возлюбленная, что в слова замкнуть
Я не могу. Ты и меня отправишь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Не спрашивай. Не знаю, милый.

АХИЛЛ.

Странно!
(Погружается в размышления).
Но ты еще одно мне объясни.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Охотно, друг, отвечу.

АХИЛЛ.

Как понять мне,
Что ты меня преследуешь так рьяно?
Как-будто я тебе знаком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно.

АХИЛЛ.

Но как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Над глупою не посмеешься?

АХИЛЛ
(улыбаясь).

И я, как ты, скажу: не знаю.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Слушай.

Узнаешь все. Веселый праздник розы
Я в жизни видела уж двадцать раз
И три, но видела лишь издалика.
И вот из храма средь дубовой рощи,
Когда кончалась мать моя Отрера,
Я слышала веселый крик,—Арей
Избрал меня невестою своею.
По своему желанью никогда
Царевны рода моего не вступят
На праздник тех цветущих дев; сам бог,
Одной из них возжаждав, призывает
Ее к себе устами главной жрицы.
В моих руках кончалась мать, бледнея,

Как раз в тот час, когда в мои палаты
 С великим торжеством был принесен
 Арея зов, — сразившись у Трои,
 Его вести венчанного оттуда.
 Случилось, что нигде наместник бога,
 Желанный для невест, не находился,
 Лишь среди греческих вождей, у Трои,
 Везде звучали радостные крики.
 На площадях повсюду гимны пелись
 О подвигах, — о яблоке Париса,
 О похищении Елены, об Атридах,
 Ладей водителях, о споре мужей
 За Бризеиду, о сожженных лодок,
 О гибели Патрокла и о мщеньи
 Твоем, о тех торжественных поминках
 И обо всем, что в эти дни случилось.
 Я, горькая, слезами обливаясь,
 Лишь половину слышала того,
 Что в смертный час Отрепы мне сказали.
 „Позволь с тобой остаться, — я взывала,—
 И наглядеться на тебя, о мать,
 А эти женщины пускай уходят!"
 Но уж давно великая царица
 Меня хотела видеть в ратном поле,
 Чтоб без наследницы не стал престол
 Честолюбивых происков предметом.
 Она сказала: „Милое дитя,
 Арей зовет, иди, венчай Пелида,
 Будь матерью счастливою, как я".
 Мне сжала нежно руку, и почил.

ПРОТОЭ.

Итак, она тебе назвала имя?

ПЕНТЕСИПЕЯ.

Как мать, что верит дочери своей,
 Она его назвала мне, Протоэ.

АХИЛЛ.

А что об этом говорит закон?

ПЕНТЕСИПЕЯ.

Не подобает дочери Арея
 Искать противника, — она должна
 Избрать того, кого ей бог откроет.
 Но благо ей, когда она стремится
 Туда, где лучшие стоят. Не так ли,
 Протоэ?

ПРОТОЭ.

Да.

АХИЛЛ

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

В слезах томилась

Я долго, — целый месяц, полный скорби,—
У гроба отошедшей, и короны,
Беспарственно лежавшей, не касалась,
Пока меня насильственно не кинул
На трон стократный зов народа: он,
В поход спеша, дворец нетерпеливо
И шумно окружал. Я появилась,
Взволнована мучительной печалью,
Во храме Марса: лук мне дали в руки,
Звнящий символ царства амазонок.
Дух матери носился надо мною,
И самое святое, мне казалось,
Ее последнюю исполнить волю.
Тогда, цветы душистые рассыпав
На саркофаг Отреры, я пошла
Со всею вместе ратью амазонок
К Дарданской крепости, не столько Марсу,
Меня позвавшему к тем стенам богу,
Как матери желая угодить.

АХИЛЛ.

Недолго горе затмевало силу,
Которую твоя делеет грудь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Любила я ее.

АХИЛЛ.

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так сильно,

Что в час, когда мы подошли к Скамандру,
И все долины, где я проносилась,
Звучали откликами битв троянских,
Исчезла скорбь; в душе моей возникнул
Великий мир воинственных утех.
Я думала: „Когда бы все предстали
Истории великие мгновенья,
Все повторились, если бы весь стан
Героев тех, которых славят песни,
Сошел ко мне от звезд, — я не нашла бы

В них лучшего, чтоб розами венчать,
 Чем тот, о ком мне мать моя сказала.
 Любимый, дикий, нежный и ужасный,
 Сразивший Гектора! Пелид! Моя
 Мечта всегдашняя в часы дневные,
 Мой вечный сон был ты! Передо мною
 Раскинулся весь мир узорной вязью,
 И каждая петля ее большая
 Один из подвигов твоих являла.
 Я в сердце белом, чистом, словно шелк,
 Цветами пламенными выжгла каждый.
 Я видела, как наземь перед Троей
 Бегущего поверг ты Приамида,
 Как ты, пылая торжеством победы,
 Глядишь вокруг, а по нагой земле
 Влечется, весь в крови, его затылок,
 Как царь Приам перед тобой склонился,—
 И думала я, проливая слезы,
 Что все ж одно, о беспощадный, чувство
 В груди, как мрамор твердой, затрепешет.

АХИЛЛ

Любимая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Но что со мною случилось,
 О друг, когда тебя я увидала!
 Когда стоял ты на берегу Скамандра,
 Героями Эллады окруженный,
 Дневное солнце между тусклых звезд!
 Так было бы со мной, когда бы сам он
 На белых конях с грохотом с Олимпа
 Низвергнулся, он сам, мой Марс, бог битв,
 Чтобы приветствовать свою невесту.
 Как ослепленная, перед тобою
 Стояла я, как странник ночью темной,
 Когда блеснет вдруг молния, ворота
 В Элизиум с сиянием и с громом
 Открывши и закрывши пред душою.
 Пелид, я угадала в то мгновенье,
 Какое чувство хлынуло мне в грудь.
 То бог любви меня настиг. Я быстро
 Решилась одного из двух добиться:
 Иль победить тебя, или погибнуть;
 И я теперь сладчайшего достигла.
 Куда ты смотришь?

(Слышен вдали звон оружия).

ПРОТОЭ
(шопотом).

Сын богов, немедля
Ты ей открыться должен, — умоляю!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(срываясь).

Подруги, близко аргивяне! В битву!

АХИЛЛ
(удерживая ее).

То — пленники. Спокойна будь, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
То — пленники?

ПРОТОЭ
(шопотом Ахиллу).

Улисс, клянуся Стиксом!
Твои, теснимые Мероэ, отступают.

АХИЛЛ
(про себя).

Окаменели б лучше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Что такое?

АХИЛЛ
(с напускною веселостью).

Ты мне родишь, конечно, полубога!
Пусть Прометей, от ложа своего
Восставши, возвестит земным народам:
Вот человек, какого я желал!
Но не пойду с тобой я в Фемискиру,
А ты пойдешь со мной к цветущей Фтии:
Туда, когда народ мой войны кончит,
Ликующий, я уведу тебя,
И на престоле предков увенчаю.
(Шум продолжается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Как? Ничего не понимаю!

АМАЗОНКИ
(беспокойно). Боги!

ПРОТОЭ
Сын Нереиды, хочешь?..

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Что же? Что там?

АХИЛЛ.

Нет, не пугайся ничего, парица.
 Уж близок час, когда и ты узнаешь,
 Какой удел тебе судили боги.
 Да, правда, силою любви я — твой ;
 Носить я буду вечно эти узы,
 Но счастьем бранным ты мне отдана.
 И это ты к моим ногам поверглась,
 Когда в бою мы встретились, — не я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(загораясь негодованием).

Чудовище!

АХИЛЛ.

Не гневайся, парица!
 Не властен сам Кронион в том, что было.
 Собою овладей, и слушай твердо,
 Что скажет вестник. Кажется, подходит
 Ко мне с какой-то он дурною вестью.
 То весть не для тебя, ты понимаешь,
 Твоя судьба навеки решена,
 Ты — пленница моя, и Цербер даже
 Тебя б не так неистово хранил.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я — пленница твоя?

ПРОТОЭ.

Он прав, парица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вздымая руки).

О, силы неба! Вас я призываю!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Входят военачальник, свита Ахилла с его доспехами. Те же.

АХИЛЛ.

Что ты приносишь мне?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Спеши, Пелид!

Переменилось счастье брани; снова
 Оно влечет к победе амазонок.
 Сюда они стремительно несутся,
 И их военный клич: Пентесилея!

АХИЛЛ

(встает; сбрасывает венки).

Оружие сюда! Коней ведите!
Моею колесницей растопчу их!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дрожащими губами).

Ужасный! Посмотрите! Он ли это?

АХИЛЛ

(дико).

Они еще далеко?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Здесь в долине

Их полумесяц виден золотой.

АХИЛЛ

(вооружаясь).

Увесть ее.

ГРЕК.

Куда же?

АХИЛЛ.

В лагерь греков.

Туда приду я скоро вслед за вами.

ГРЕК

(Пентесилее).

Вставай!

ПРОТОЭ.

Моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вне себя).

Зевс, зачем же

Ты ни одной мне молнии не бросишь!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Одиссей и Диомед с войском. Те же.

ДИОМЕД

(проходя по сцене).

Беги, герой долопский! Прочь отсюда!

Единственный, тебе еще открытый,

Наездницы отрезавают путь.

Спешу.

(Уходит).

ОДИССЕЙ.

Царицу уведите, греки!

АХИЛЛ

(военачальнику).

Алексис, помоги ей, будь мне другом!

ГРЕК

(военачальнику).

Она нейдет.

АХИЛЛ

(прислуживающим ему грекам).

Копье и щит мне дайте!

(Окликает сопротивляющуюся царицу).

Пентесилея!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нереидин сын!

Итти за мной не хочешь в Фемискиру?

Итти не хочешь в этот храм, который

Вздывается над дальними дубами?

Приди, еще не все сказала я.

АХИЛЛ

(облеченный в доспехи, подходит и протягивает ей руку).

Во Фтию, милая.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, в Фемискиру!

Я умоляю, — в Фемискиру, друг,

Где над дубами храм Дианы виден.

И если б край блаженных был во Фтии,

То все же, все же в Фемискиру, друг мой,

Где над вершинами Дианин храм.

АХИЛЛ

(поднимая ее).

Должна меня простить ты, дорогая;

Такой же храм я у себя воздвигну.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Мероэ, Астерия с войском амазонок. Те же.

МЕРОЭ.

Вали его!

АХИЛЛ

(выпускает царицу и оборачивается)

На бурях вы примчались?

АМАЗОНКИ

(врезаясь между Пентесилеею и Ахиллом).
Освободить ее!

АХИЛЛ.

Клянусь моей десницей!
(Хочет увлечь за собою парицу).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(привлекая его к себе).
За мной не хочешь? Нет?
(Амазонки нацеливают луки).

ОДИССЕЙ.

Безумец! Прочь!
Не место здесь упрямыться. За мною!
(Он увлекает Ахилла прочь. Все греки уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Верховная жрица Дианы со жрицами. Те же без греков.

АМАЗОНКИ.

Царица спасена! Мы победили!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после паузы).

Будь проклята позорная победа!
Язык, ее хвалящий, проклинаяю
И воздух, разносящий те слова!
Иль несогласно честным бранным нравам
Ему досталась я на поле битвы?
О, если род людской не подражает
Волкам и тиграм в спорах меж собою,—
Возможен ли, спрошу, такой обычай,
Чтоб сдавшийся, чтоб пленник смел уйти
От победителя и сбросить узы?
Сын Нереиды!

АМАЗОНКИ.

Боги, нас услышьте!

МЕРОЭ.

Прошу тебя, о жрица Артемиды
Достопочтенная, приблизься.

АСТЕРИЯ.

В гнев,
Что мы ее избавили от рабства!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(выступая из толпы женщин).

Теперь сама достойно ты, царица,
 Должна сознаться я, позорной речью
 Деянья дня безумного венчаешь.
 Не только ты презрев обычай, в поле
 Сражения противника искала,—
 Не только ты его не поразила,
 Сама упав пред ним,—не только ты
 Его за то и розами венчаешь:
 На верный твой народ ты негодуешь,
 Порвавший цепь твою, его бежишь,
 И победителя зовешь ты снова.
 Ну что же, дочь великая Танаис,
 Прошу — ошибка то была, не больше,—
 Прощения за быстрый наш поступок.
 Теперь о пролитой жалею крови;
 Из-за тебя потерянных желала б
 От всей души я пленников вернуть.
 Скажу я смело именем народа:
 Стопы направь теперь, куда ты хочешь,
 Беги за ним, одежды развевая,
 За тем, кто заковал тебя в оковы,
 Ему отдаться там, где он разбит был,—
 Так хочет ведь закон войны священный!
 Но мы,—но нам ты разрешишь, царица,
 Войну прервав, стоны свои направить
 Обратно в Фемискиру, в край родимый.
 По крайней мере, мы не можем греков,
 Что там бегут, молить, чтобы остались,
 Или, как ты, держа венок победный,
 Просить их в прах у наших ног склониться.

(Пауза).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шатаясь).

Протоэ!

ПРОТОЭ

Милая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Прошу, останься!

ПРОТОЭ

На смерть, ты знаешь! Что дрожишь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Нет, ничего, сейчас приду в себя.

ПРОТОЭ.

Велико горе, — встретить его с величием.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мы потеряли их?

ПРОТОЭ.

Кого, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Весь юный сонм, который мы пленили?

Я виновата?

ПРОТОЭ.

Успокойся. Снова

В иной войне все это ты вернешь нам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(у ее груди).

О, никогда!

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Никогда!

Хочу я схорониться в вечном мраке!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Вестник. Те же.

МЕРОЭ.

К тебе, царица, вестник!

АСТЕРИЯ.

Что за вести?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабо радуясь).

Пелид прислал! Ах, что же я услышу?

Протоэ, пусть уходит он!

ПРОТОЭ.

Что скажешь?

ВЕСТНИК.

Меня прислал к тебе Ахилл, царица,

Венчанный камышом сын Нереиды,

Чтоб возвестить тебе через меня:

Тебя желанье гложет, — полонивши

Его, вести к себе в твой край родимый.

Но и в его душе горит желанье
 Тебя пленить и увести с собою,—
 Так он тебя на смертный поединок
 Зовет еще один, последний раз,
 Чтоб меч решил, судьбы язык железный,
 Перед лицом всеправедных богов,
 Кто, ты или он, из вас двоих достоин,
 По их святому заключенью, в прахе
 У ног противника распростереться.
 Отважишься ль на этот поединок?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
 (быстро побледневши).

Пусть молния спалит тебе язык,
 Болтун проклятый, если слово скажешь!
 Приятней слушать громыханье камня
 В его паденьи бесконечном в пропасть,
 Когда скользит он по отвесным скалам.

(К Протоэ).

Ты повторишь мне это слово в слово.

ПРОТОЭ
 (дрожа).

Пелея сын послал его сюда;
 Тебя он вызывает снова в поле.
 Ты откажись. И „нет!“ — скажи ему.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, это невозможно.

ПРОТОЭ.

Как, парица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

Сказать мне: „Нет!“ и отпустить его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

На битву, госпожа, я так сказала.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тот, кто всю слабость перед ним мою
 Узнал, на бой зовет меня, Протоэ?
 Грудь верная моя его взволнует,
 Когда ее копьем изранит он?

И что я здесь ему шептала, только
 Как музыка речей ему звучало?
 Не думает о храме под дубами?
 Или моя рука венчала камень?

ПРОТОЭ

Забудь жестокого.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пылая).

Так хорошо же,
 Найду я сил ему противостать!
 Повергнется он в прах, хотя б хранили
 Его гиганты сами и лапиты!

ПРОТОЭ.

Царица милая!

МЕРОЭ.

Подумай раньше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(прерывая ее).

Вы пленников своих себе вернете!

ВЕСТНИК.

Согласна ты сразиться?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, согласна.

Пусть он перед лицом богов и фурий,
 Которых я зову, меня встречает.
 (Гремит гром).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Тебя я оскорбить, Пентесилея,
 Могла. Но ты пойми, что скорбь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(подавляя слезы).

Оставь!

Увидишь, — ты не даром говорила.

МЕРОЭ.

Достойная, уговори царицу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты слышала ль, царица, гневный голос?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Со всеми громами его зову я.

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
(волнуясь).

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Невозможно!

ТРЕТЬЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Нет, не надо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(раз'ярьсь).

Сюда, Ананке! Где твои собаки?

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Устали мы. Нет сил.

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Все в беспорядке.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Твои, Тирроэ, где слоны?
ПРОТОЭ.

Царица!
Его собаками, слонами хочешь?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Серпами блещущие колесницы,
На поле битвы жатву режьте, режьте,
Спешите в шумные ряды жнецов!
А вы людскую ниву молотите,
Чтоб стебель и зерно навек погибли,
Вы, всадницы, вокруг меня сбирайтесь!
Все адское величие войны
Зову сюда, весь ужас, всю погибель!

(Схватывает у одной амазонки лук. Амазонки со сворами собак
Затем слоны, факелы, колесницы и т. п.).

ПРОТОЭ.
Царица милая! Меня послушай!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(обращаясь к собакам).

Гей, Тигрис, ты мне нужен! Гей, Леене!
Гей, гей, Меламп со спутанною шерстью!
Гей, Акле, лисолов! Гей, Сфинкс! Гей, ты,
Алектор, обгоняющий всех ланей!
Гей, гей, мой Оксус! Вепря ты сильнее!
Гей, Хиркаон! Ты тигра не боишься!
(Сильный удар грома).

ПРОТОЭ.

Царица, вне себя!

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Она безумна!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(опускаясь на колени с видом безумной, меж тем как собаки поднимают ужасный вой).

Тебя, Арея грозного, тебя,
Родоначальник мой, я призываю!
Прошу твоей железной колесницы!
Ты ею разрушаешь, истребитель,
И стены, и ворота городов,
И множества людские топчешь ею.
Прошу твоей железной колесницы!
Легко, легко вскочу я в колесницу,
Схвачу поводья, по полям промчуся,
И, как стрела громовая из тучи,
На грека этого удар обрушу!
(Встает).

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Эй, безумную держите!

ПРОТОЭ.

Послушай же меня!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(напрягая лук).

Эй, веселее!

Ну что, покорны ли еще мне стрелы?

(Прицеливается в Протоэ)

ПРОТОЭ

(падая ниц).

О, боги! О!

ЖРИЦА

(быстро становясь сзади царицы).

Ахилл зовет!

ВТОРАЯ ЖРИЦА

(также).

Пелид!

ТРЕТЬЯ ЖРИЦА

Здесь, за тобой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оборачиваясь).

Где?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Разве то не он был?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, фурии еще здесь не собрались!
За мной, Ананке! Все за мной идите!
(Уходит со всем обозом под сильные удары грома).

МЕРОЭ

(поднимая Протоэ).

Ужасная!

АСТЕРИЯ.

За ней спешите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(смертельно бледная).

О, боги вечные! Что с нами будет?
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Ахилл, Диомед, затем Одиссей, позже вестник.

АХИЛЛ.

Послушай, Диомед, будь друг, — ни слова
Изо всего, что я тебе открою,
Не говори ворчливому Улиссу.
Противно, тошно мне бывает, если
Усмешку на его губах увижу.

ДИОМЕД.

Послал ли ты к ней вестника, Пелид?
Ужель послал?

АХИЛЛ.

Тебе признаюсь, друг.
Но ты не возражай мне, понимаешь?
Влюбилась эта странная царица,
И фурия, и грация, в меня.
На зло всем женщинам Эллады, — Стиксом
Клянусь и всем Гадесом! я влюблен.

ДИОМЕД.

Что?

АХИЛЛ.

Да. Но хочет сказка, ей святая,
Чтоб я был их мечом в бою повержен.
Иначе ей нельзя меня любить.
И я послал...

ДИОМЕД

Безумец!

АХИЛЛ

Нет, ты слушай!

Чего не видел ты на свете сам
Своими синими очами, в мыслях
Того себе представить ты не можешь.

ДИОМЕД

Ты хочешь? Да?

АХИЛЛ

(после паузы).

Чего же я хочу?

Ну, что ж ужасного ты в этом видишь?

ДИОМЕД

Ее на бой ты вызвал только ради
Того, чтоб ей?...

АХИЛЛ

Тучегонитель видит,

Она мне не опасна! Верь, скорее
Ее рука с ее сразится грудью
И, сердце ранив, вскрикнет о победе,
Чем на меня поднимется! На месяц
Хочу ее покорствовать желанью,
На месяц, на два, только; от того
Из'еденный волнами перешеек
Ведь не обвалится. Потом свободен,—
Она сама сказала мне, — я буду,
Как дичь в лесу. Когда пойдет за мною,
Клянусь Юпитером! я буду счастлив
И возведу ее на трон отцовский.

(Входит Одиссей).

ДИОМЕД

Сюда, Улисс, прошу тебя.

ОДИССЕЙ

Пелид!

Царицу вызвал ты на поле брани.
Ты хочешь утомленные войска
Сомнительному жребию подвергнуть?

ДИОМЕД

Не в жребии тут дело и не в битвах;
Он просто хочет в руки ей отдаться.

ОДИССЕЙ.

Что

АХИЛЛ

(кровь бросается ему в голову).

Убери свое лицо, прошу я!

ОДИССЕЙ.

Он хочет?

ДИОМЕД

Слышишь сам. Разбить ей щем,
Борцу подобно, злобою пылая,
Ударить в щит, чтоб сыпались искры,
И все затем, чтоб, словно побежденный,
Упасть безгласно к маленьким ногам.

ОДИССЕЙ.

Да не с ума ль он сходит, сын Пелея?
Ты слышал, что он?..

АХИЛЛ

(сдерживая себя).

Я прошу тебя,
Не распускай ты губ своих, Улисс!
Клянусь богами праведными, эти
Твои слова меня на драку тянут.

ОДИССЕЙ

(гневно.)

Клянусь Копитом огненным! Хочу я
Узнать, солгали уши мне, иль нет!
Тидея сын, теперь тебя прошу я
Мне с клятвой подтверди, чтоб ясно понял
Я все, о чем хочу тебя спросить.
Пелид царю в плен отдаться хочет?

ДИОМЕД

Ты слышал сам.

ОДИССЕЙ.

Он хочет в Фемискиру?...

ДИОМЕД

Ну, да.

ОДИССЕЙ.

И наш эллинский спор за город
Дарданцев он, безумный, хочет бросить,
Как детскую игру, на произвол
Судьбы, игрой поярче увлеченный?

ДИОМЕД.

Юпитер видит!

ОДИССЕЙ

(скрепившая руки).

Не могу поверить!

АХИЛЛ.

Он говорит о Трое!

ОДИССЕЙ.

Что?

АХИЛЛ.

Ну, что?

ОДИССЕЙ.

Сказал ты что-то!

АХИЛЛ.

Я?

ОДИССЕЙ.

Да, ты.

АХИЛЛ.

Сказал:

О Трое говорит он.

ОДИССЕЙ.

Да, конечно!

Как одержимый, спрашиваю, разве
Весь спор эллинский о дарданских стенах
Уж позабыт, как сон передрагветный?

АХИЛЛ

(подходя к нему).

О, Лаэртид, когда б дарданский город
Вдруг опустился так, чтоб голубое
На этом месте озеро плескалось;
Когда б рыбак седой при лунном свете
Челнок привязывал к вершинам башен;
Когда бы шука воцарилась в доме
Царя Приама, или пара гадин
Елены ложе стала б осквернять, —
Я так же бы остался равнодушен.

ОДИССЕЙ.

Клянусь я Стиксом! Говорит он твердо!

АХИЛЛ

Клянусь я Стиксом! Гадесом! Лернейским
Болотом! миром верхним, миром нижним,
И всяким третьим, — я решился твердо.
Хочу Дианин храм я увидеть!

ОДИССЕЙ

(почти на ухо Диомеду).

Не отпускай его, о Диомед,
Когда его ты любишь!

ДИОМЕД

Я? Еще бы!

Ты тоже? Ну, так дай свои мне руки!

(Вестник входит).

АХИЛЛ

Ну, что? Согласна? Что? Скажи, согласна?

ВЕСТНИК

Да, Нереидин сын, она согласна.
Подходит уж; но с ней слоны, собаки
И шайка целая наездниц диких.
Зачем они при поединке, странно!

АХИЛЛ

Отлично. Дань обычаю. За мною!
Клянусь богами вечными, забавна!
С собаками?

ВЕСТНИК

Ну да.

АХИЛЛ

И со слонами?

ВЕСТНИК

И посмотреть, Пелид, так ужаснешься.
Когда бы на Атридов нападать
В троянский лагерь шла она, ужасней,
Свирепей ополчения не могло быть.

АХИЛЛ

(в бороду).

Приручены конечно! Все за мною!
О, кротки, как сама она!

(Уходит со свитою).

ДИОМЕД.

Безумец!

ОДИССЕЙ.

Связать, скрутить! Дослушайте же, греки!

ДИОМЕД.

Сюда идут уж амазонки. Прочь!

(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Верховная жрица, бледная; многие другие жрицы и амазонки.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Сюда веревок, жены!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Мать святая!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Свалите на землю ее! Вяжите!

О Д Н А ИЗ АМАЗОНОК.

Ты о царице говоришь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О суке!

Руками уж ее не удержать нам!

АМАЗОНКИ.

О, мать почтенная, ты вне себя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ее сдержать пришли мои три девы,—

Их в ярости повергла в прах; Мероэ,

За то, что на коленях перед нею

Ее молила, нежно именую,

Собаками велела затравить.

А я поодаль стала от безумной;

Она, склонясь, обеими руками

Схватила камень, бешено метнула

В меня свирепый взгляд, и я погибла б,

Когда б в толпе народа не укрылась.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

О, как ужасно!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Жутко мне, подруги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот, с пеной на устах, среди собак
Беснуется теперь, зовет их: — Сестры! —
Их, воющих. Подобная менаде,
Несется по полям и луком машет;
Свор смертоносных, вокруг нее бегущих,
Злость разжигает на поимку дичи,
Какой, — кричит, — земля еще не знала.

АМАЗОНКИ.

Аида боги так ее карают!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Проворней же, о, дочери Арея,
На перекрестке растяните сети,
Прикройте хворостом, и только ступит
Ее нога в петлю, ее валите
На землю вы как бешеного пса.
Связав, ее отправим в Фемискиру
И попытаемся спасти царицу.

ВОЙСКО АМАЗОНОК

(за сценою).

Победа! Слава! Слава! Взят Ахилл!
Герой в плену! Венком из роз готова
Уже его царица увенчать!

(Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(от радости сдавленным голосом).

Я не ослышалась?

ЖРИЦЫ и АМАЗОНКИ.

Благие боги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Не ликования ли это крики?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Высокочитмая, то — крик победы.
Блаженной вести я еще не знала!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Кто принесет мне вести?

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Тэрпи, живо!

Скажи, что видишь ты на том холме?

АМАЗОНКА

(перед этим взобравшаяся на холм, в ужасе.)

О, сумрачные боги ада, вас

Зову в свидетели! О, что я вижу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну что ж? Медузу, что ли, увидала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что видишь? Говори!

АМАЗОНКА

Пентесилея

Ползет, с жестокими смешавшись псами,

Людской забыв свой облик, разрывает

Ахилла тело, в клочья разрывает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, ужас! ужас!

ВСЕ.

Страшно!

АМАЗОНКА

Вот идет

Сюда, как мертвая бледна, и с нею

Решение кровавой той загадки.

(Сходит с холма).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Мероэ. Те же.

МЕРОЭ.

О, слушайте меня, святые жрицы

И непорочные Арея дщери:

Я — словно африканская горгона.

От слов моих вы в камень превратитесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Скажи нам вести злые.

МЕРОЭ.

Вам известно, —

К любимому навстречу устремилась,

Всем бранным ужасом вооружась,
 Она, которую назвать мне страшно.
 В смятении молодых своих страстей
 И в пламенном желаньи обладать им,
 Окружена слонами, воющими псами,
 И лук держа в руке, туда явилась.
 Война не так дика, не так отвратна,
 Когда, свирепствуя средь граждан, входит
 Она, обрызганная кровью тень
 Страдания и страха, и возносит
 Над процветаньем городов свой факел.
 Ахилл, как уверяют в войске, вызвал
 Ее нарочно в бой, чтоб добровольно
 В бою отдаться ей,—о, неразумный!
 И он ее, — как всемогущи боги! —
 Любил, плененный юностью ее;
 За ней хотел идти он в храм Дианы.
 Предчувствий сладких полн, идет он к ней,
 Друзей далеко позади оставив.
 Но вот она с своей ужасной стаей
 Напала на него, а он для виду
 Невинно лишь копьем вооружился.
 Он слушает, вращая стройной шеей,
 Бежит в испуге, — вот стоит, — вот снова
 Бежит как молодой олень, в ущельи
 Услышав дальний рык свирепый, львиный,
 Зовет чуть слышно: „Одиссей!“ В смятении
 Глядит вокруг, опять: „Тидид!“ взывает,
 И хочет побежать назад, к своим;
 И уж стоит, отрезанный толпою,
 И руку поднимает, и таится,
 К земле склоняясь, несчастный, за сосною,
 Что ветки темные склонила тяжко.
 Тем временем с собаками подходит,
 Охотнику подобная, царица,
 Вокруг леса и горы озирая.
 И вот, когда Ахилл, раздвинув ветви,
 К ее ногам хотел упасть: „Ага! —
 Кричит, — оленя по рогам узнала!“
 И напрягает с силою безумной
 Свой лук, сведя концы до поцелуя.
 Подъемлет лук и целится; стреляет,
 Стрелу вонзает в шею, он упал.
 Народ победным воем разразился.
 Но жив еще несчастнейший из мужей.
 Торчащую из горла далеко

Стрелу он вынимает; на земь
 Упал; поднялся, убежать он хочет,
 Но та кричит: „Ату, Тигрис, Леэне!
 Гей, Сфинкс! Меламп! Дирке! Ату, Гиркаон!“
 Бросается к нему со всею сворой,
 Его за шлем хватает, — о Диана! —
 Подобно суке, с псами заодно,
 Один кусает грудь, другой — затылок,
 И валят так, что почва сотряслась.
 А он, весь в пурпуре своей крови,
 Ее щеки касаясь нежной, кличет:
 „Пентесилея! о, невеста! что ты?
 Так это — праздник роз, обещанный тобою?“
 Ах, львица бы послушалась его,
 Голодная, что за добычей дико
 В пустынях снежных заывая рыщет.
 Она же бьет его, сорвавши панцырь,
 И зубы в белую вонзает грудь,
 И состязается она со псами, —
 Оксус и Сфинкс вонзили зубы справа,
 Она же слева. Кровь струилась с губ
 И с рук ее, когда я подошла к ней.

(Пауза, полная ужаса).

Меня, подруги, выслушали вы,
 Так отвечайте, дайте знак, что живы.

(Пауза).

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(плача на груди второй).

Такая дева! Чистая такая!
 О Гермия! Искусная в работах!
 Такая в пляске дивная и в пеньи!
 Полна достоинств, прелести, ума!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Нет, не Отрерой рождена! Горгона
 Ее в дворце столицы породила!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(продолжая).

От соловья она произошла,
 Что в тихой роще жил, где храм Дианы.
 Она качалась на ветвях дубов,
 И щебетала, пела, щебетала,
 И ночь была тиха, и путник слушал,
 И грудь его переполняли чувства.

Она не растоптала червяка
 Ползущего, свивая пятна колец.
 Стрелу, что вепрю поразила грудь,
 Она вернула б, словно очи зверя
 В тоске смертельной звали к милосердию,
 И на колени стать была готова.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Теперь безмолвно, ужасом полна,
 Стоит над трупом. Кровь собаки лижут.
 Победоносный лук за плечи бросив,
 Вперила взор, как-будто в лист пустой,
 В безбрежность пред собою, и молчит.
 Нам ужас косы зыблет. Вопросаем,—
 Что сделала? Молчит. Нас узнаешь ли?
 Молчит. За нами ты пойдешь? Молчит.
 Меня об'емлет ужас, — к вам бегу я.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Пентесилея. Труп Ахилла, покрытый красным ковром. Протоэ и прочие.)

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Смотрите же, смотрите! Вон, идет,
 Ужасная, увенчана крапивой,
 И с ней боярышника стеблей тощих,
 Как лавр, вплела себе. Идет за трупом,
 Привесив лук торжественно, но гнусно,
 Как будто смертный враг сражен был ею!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

О, эти руки!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Отвернитесь, девы!

ПРОТОЭ

(падая на грудь верховной жрицы).

О, мать моя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с отвращением).

Диану призываю,—

Я не виновна в этом мерзком деле.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Становится перед верховной жрицей.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Кивает ей, смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Дочь Гадеса!

Прочь, гнусная! Сокройся! Покрывало

Возьмите это, и ее покройте.

(Срывает с себя покрывало и швыряет его парице в лицо).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

О, словно труп живой, она недвижна!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Кивает головой...

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Кивнула снова...

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Кивает вниз, глядит под ноги жрицы.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

От меня чего ты хочешь?

Ступай к воронам, призрак! Прочь! Исчезни!

Твой взгляд всю радость жизни убивает.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Ну, поняли ее.

АМАЗОНКИ.

Теперь спокойна.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Пелида надо, так она хотела,

К ногам верховной жрицы положить.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Но почему к ногам верховной жрицы?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА.

Что думает она?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что это значит?

Что значит труп передо мной? Пусть горы

Непроходимые его покроют

И вместе память о твоём деянии!

Людских имен не стоишь ты! Иль скажешь,

Что я тебя на ужас тот подвигла?

Когда из нежных уст любви исходит
Приказ к свирепостям, то пусть примчатся
К нам фурии нас кротости учить.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

И все, и все она глядит на жрицу!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

В лицо ей прямо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Пристально и твердо,
Как бы насквозь ее увидеть хочет.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Иди, Протоэ, я прошу тебя,
Веди ее, — быть с нею не могу я.

ПРОТОЭ

(плача).

О, горе мне!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Решись!

ПРОТОЭ.

Ее деянье
Чрезмерно гнусно; дай мне здесь остаться.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Утешься. Вспомни мать ее. Иди же,
Ей помоги, и уведи ее.

ПРОТОЭ.

Нет, не хочу ее я больше видеть!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА,

Рассматривает тонкую стрелу!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Вертит ее и крутит!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Измеряет!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Не эта ли стрела его сразила?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Да, верно.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Как от крови очишает!
Как пятна все до одного стирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Что думает она при этом?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Перья

Стрелы как гладит, крутит, как ласкает!
Так бережно! Вот, все теперь в порядке.
О, посмотрите ж!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Так она всегда?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

И прежде так же было?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Лук и стрелы

Своими чистила руками часто.

ВТОРАЯ ЖРИЦА

О, чтит их, уж что и говорить!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Теперь с плеча колчан она снимает,
Стрелу в свое обратно ставит ложе.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Теперь готова.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Сделала уж все.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Теперь опять на мир она взирает.

МНОГИЕ ЖЕНЩИНЫ

(сразу).

О, скорбный взор! Недвижный, как пустыня
Песчаная, бестравная навеки!
Сады, сожженные горящей лавой,
Извергнутой из жарких недр земли
На все цветения ее же лона,
Яснее все же, чем ее лицо.

(Пентесилея сотрясается вся вдруг от ужаса, роняет лук).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, страшная!

ПРОТОЭ

(в испуге).

Ну, что еще случилось?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Из рук ее упал на землю лук!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Колеблется!

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА.

Звенит, кружит, упал!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Трепещет на земле.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

И умирает,

Как-будто родила его Танаис.

(Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(внезапно обращаясь к Пентесилее).

Прости меня, великая парипа!

Диана вечная тобой довольна,—

Ты укротила снова гнев ее.

И основательница царства женщин,

Великая Танаис, утверждаю,

Свой лук достойней не употребила б.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Молчит.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Глаза раскрыты.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Поднимает

Окровавленный палец. О, смотрите!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

О, этот взор! Как нож, он сердце ранит!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Гляди, слезу смахнула.

ВЕРХОВНАЯ Ж Р И Ц А

(снова припадая на грудь Протоэ).

О Диана!

Что за слеза!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

О, это — та слеза,

Что в грудь людскую падает глубоко,
И бьет во все набаты чувств земных,
И восклицает: „Горе! горе!“ чтобы
Весь род ее, легко подвижный, хлынул
Из глаз и, в озера собравшись, гибель
Ее души оплакивал бы там.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с горечью).

Так вот, не хочет ей помочь Протоэ,
И здесь она должна с тоски погибнуть.

ПРОТОЭ

(борется с собою . Затем приближается к царице, и прерывистым
от слез голосом):

Не хочешь ли прилечь, моя царица!
Приди на верной груди отдохнуть.
Ты в этот страшный день сражалась долго,
Страдала много, — от страданий многих
Приди на верной груди отдохнуть.

(Пентесилея озирается, словно ища где сесть).

ПРОТОЭ.

Несите ж ей... вы видите, устала...

(Амазонки подкатывают камень. Пентесилея опускается на него.
Протоэ держит ее за руку. Затем садится и Протоэ).

ПРОТОЭ.

Меня узнала, милая?

(Пентесилея смотрит на нее, и взгляд ее слегка оживляется).

ПРОТОЭ.

Протоэ,

Которая тебя так нежно любит.

(Пентесилея нежно гладит ее щеки).

ПРОТОЭ.

Перед тобой склониться сердце жаждет
И хочет слез...

(Целует царицыну руку).

Ты очень утомилась?
 Ты ремесло свое не утаишь.
 Не пачкать рук, не будет и победы.
 По мастерской и мастеру наряд.
 Но все же, если б ты теперь почмыла
 Лицо и руки? Принести воды?
 Царица милая!

(Пентесилея оглядывает себя и кивает).

ПРОТОЭ.

Ну да, согласна.

(Делает знак амазонкам. Те идут за водою).

Тебе поможет это, освежит,
 И, на коврах прохладных протянувшись,
 Ты от дневной работы отдохнешь.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Ее водой обрызгнуть, — посмотрите,
 Придет в себя.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Конечно, я надеюсь.

ПРОТОЭ.

Надеешься? Я этого боюсь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА
 (видимо раздумывая).

Боишься! Почему? Хотя и трудно,
 Но только нужно было б труп Ахилла...

(Пентесилея бросает на нее молниеносный взгляд).

ПРОТОЭ.

Оставь!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Нет, нет, царица, ничего!
 Не бойся, все останется как было.

ПРОТОЭ.

Сними свой лавр, — твое чело он ранит.
 Что победила ты, ведь все мы знаем.
 И шее дай свободу. Так! Смотри!
 Вот рана, и глубокая! Бедняжка!
 Тебе все это не легко досталось,
 Зато теперь ты можешь ликовать!
 О Артемида!

(Две амазонки приносят большую, плоскую мраморную чашу,
 наполненную водою).

ПРОТОЭ.

Здесь поставьте чашу.

Я омочу чело твое, — позволишь?

Не испугаешься? Что делать хочешь?

(Пентесилея соскальзывает со своего места, опускаясь на колени перед чашею, и льет себе на голову воду).

ПРОТОЭ.

Смотри-ка! Ты — проворная, царица!

Тебе так легче стало?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оглядываясь).

Ах, Протоэ!

(Снова обливается водою.)

МЕРОЭ

(радостно).

Заговорила!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Боги!

ПРОТОЭ.

Так, отлично!

МЕРОЭ.

Вернулась к нам и к жизни!

ПРОТОЭ.

Превосходно!

Всю голову ты в воду опусти.

Так, так! Еще! Как лебедь молодая!

МЕРОЭ.

О, милая!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Как голову склонила!

МЕРОЭ.

Как с головы ее вода струится!

ПРОТОЭ.

Теперь готова ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ах, как чудесно!

ПРОТОЭ.

Теперь пойдем назад, на место сядем.

Скорей мне валли покрывала, жрицы,

Чтоб высушить намокшие ей кудри!

Твое, Фания! Тэрпи! Живо, сестры!
И голову, и шею ей покроем,—
Так, так! Теперь на место поведем.

(Покрывает парицу, помогает ей сесть и крепко прижимает к груди).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что я?..

ПРОТОЭ.

Все хорошо. Иль нет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шепчет).

Прекрасно.

ПРОТОЭ.

Родная! Милая! О, жизнь моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Уж я в Элизиуме? Да? Скажите!
Ты — не одна ль из вечно-юных нимф,
Которые парице чтимой служат,
Когда она, окружена дубравным
Шептаньем тихим, в грот хрустальный сходит?
И, чтоб меня порадовать, ты облик
Моей Протоэ милой приняла?

ПРОТОЭ.

Нет, славная моя парица, нет же.
Здесь я, твоя Протоэ, что тебя
В объятьях держит; то, что здесь ты видишь,
То — мир еще наш бранный, на который
Лишь издалека вечные взирают.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так. Ну, что же, хорошо. Что ж делать!

ПРОТОЭ.

Что, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я довольна.

ПРОТОЭ.

Любимая, тебя нам не понять.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Живу, и рада. Отдохнуть мне дайте.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Как странно!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что за странный оборот!

МЕРОЭ.

Когда бы выпытать ее искусно!

ПРОТОЭ.

Но что же вызвало в тебе виденье,
Что ты уже спустилась в царство теней?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после паузы, судорожно).

Так хорошо мне, сестры, так блаженно!
Смотри, Диана, к смерти я созрела!
Хоть и не знаю, что со мной здесь было,
Но умереть могу я, твердо веря,
Что здесь Пелида победила я.

ПРОТОЭ

(тихо верховной жрице).

Теперь скорей бы труп убрать!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(быстро приподнимаясь).

Протоэ!

Ты с кем?..

ПРОТОЭ

(так как обе уносящие все еще медлят).

Скорей, безумные!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Диана!

Так это правда?

ПРОТОЭ.

Милая, о чем ты?

Сюда! Сдвигайтесь!

(Делает знак жрицам закрыть своими телами поднятый труп).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(радостно подносит руки к лицу).

О, святые боги!

Мне духу не хватает оглянуться.

ПРОТОЭ.

Что ты задумала? Что думаешь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оглядываясь).

Ты притворяешься.

ПРОТОЭ.

Клянусь я Зевсом,
Владыкой вечным в небесах!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с возрастающим нетерпением).

О девы,

Так не толпитесь!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вмешиваясь в толпу женщин, тесно окружающих труп).

Милая парица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(поднимаясь).

Диана! Почему нельзя? Богиня!
Уже стоял он за моей спиной.

МЕРОЭ.

Смотрите! В ужасе она!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(амазонкам, несущим труп),

Постойте!

Что вы несете? Знать желаю я.

(Пробивается сквозь толпу женщин к трупу).

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, о, милая парица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь он, о девы? Это — он?

ОДНА ИЗ НЕСУЩИХ

(опуская труп).

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно это, я признать готова.
Да, ласточке могу подбить крыло я,
Чтоб можно было вылечить крыло;
Оленя стрелами гоню я в рошу.
Но у стрелка коварное искусство,
И если выстрел метить в сердце счастья,
То боги злобные направят нашу руку.
Попала я так метко? Это он?

ПРОТОЭ.

Олимпа грозной силой заклинаю,
Не спрашивай.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, если б эти раны
Зияли мне навстречу адской пастью,
Я все-таки хочу их видеть.

(Поднимает ковер).

Кто же
Из вас, ужасные, свершил все это?

ПРОТОЭ.

Не знаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Артемиды! О святая!
Теперь твое дитя совсем погибло!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот упадет сейчас!

ПРОТОЭ.

О боги, боги!
Зачем отвергла ты мои советы!
Несчастная, тебе бы лучше было
С рассудком, погруженным в тусклый сумрак,
Скитаться всюду вечно, вечно, вечно,
Чем этот страшный день увидеть ныне!
Любимая, послушай!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О царица!

МЕРОЭ.

Разделят скорбь твою десятки тысяч!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бодрее будь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(почти оправившись).

Кровавых роз избыток!
Венок из ран на голове Пелиды!
На празднестве червей завянут почки,
Что свежий дух могилы разливают!

ПРОТОЭ

(нежно).

И все ж любимую надет венок!

МЕРОЭ.

Но слишком крепко.

ПРОТОЭ.

Терниями розы
Вонзила, чтобы вечен был венок.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Уйди!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Лишь это я хочу узнать,
Которая ж глумилась так безбожно!
Уж не спрошу я, кто сразил живого,
Клянусь в том вечно юными богами!
Она уйдет свободнее, чем птица.
Но кто убитого убил, спрошу,
И дай на это мне ответ, Протоэ!

ПРОТОЭ.

Как, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пойми меня,—
Я не хочу знать, кто из этой груди
Похитил искру Прометея. Просто
Я не хочу, и все, — таков мой нрав:
Простится это ей, бежать позволю.
Но кто, Протоэ, в этом грабеже
Кошунственно избег открытых входов,
Сквозь стены снежно-белых алебастров
Ворвавшись в храм; кто юного героя
И полубога так обезобразил,
Что жизнь и тление уже не спорят
Из-за него; что сострадание даже
Не плачет, и бессмертная любовь
Сама, подобно женщине продажной,
Неверной в смерти, лик свой отвращает?
Вот ей хочу я метить. Ну, говори же!

ПРОТОЭ

(верховой жрице).

Что я могу безумной возразить?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну что ж, услышу я?

МЕРОЭ.

Моя царица,
О, если облегчится скорбь твоя
Возмездием, когда ты мщенья хочешь,
То здесь мы все стоим, казни любую.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пожалуй, скажут, я виновна в этом?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(боязливо).

А кто ж, несчастная, когда не ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты — дьяволица в светлом одеянии,

Ты смеешь?..

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Я Диану призываю!

В толпе тебя обставшей, кто не скажет,—

Спроси! — твоя стрела его настигла.

И если бы — о небо! — лишь стрела!

Когда упал он, на него в смятении

Рассудка дикого напала ты

Со всеми псами вместе и терзала,—

Мои уста трепещут произнести,

Что ты свершила. Нет, молчи! Уйдем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть это мне сперва Протоэ скажет.

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, о, милая царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что? Я? Его? С моими псами вместе?...

Руками слабыми моими я?..

И этим ртом, созревшим для лобзаний?

Но для того ль я создана, чтоб друга?..

Они бы весело друг другу помогали,

Уста и руки, руки и уста?

ПРОТОЭ.

О, милая царица!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, слушайте, вы мне не доказали,

И если б молния во тьме чертила,

И громовой раскат мне повторил,

То я обоим крикнула бы: лжете!

МЕРОЭ.

Ну что же, в это верь как в твердость гор,

Не мы в тебе разрушим эту веру.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но как же, как же он не защищался?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Любил тебя, несчастная, он! Пленным
Хотел тебе отдаться, вот и вышел,
Затем и к бою вызвал он тебя!
Пришел он, полный сладких упований,
Чтоб за тобой итти во храм Дианы.
А ты...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Сразила.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Растерзала.

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Или иначе то было?

МЕРОЭ.

Ужасная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Небо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала? Нет? Терзала? Что же?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Увы! скажу тебе. Беги, царица,
Пушай тебя сокровит вечный мрак!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ошибка то. Лобзанье и терзанье
Рифмуют. Кто сердечно, верно любит,
Одно принять сумеет за другое.

МЕРОЭ.

О боги, помогите.

ПРОТОЭ

(схватывает ее).

Прочь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пустите!

(Сбрасывает покрывало и опускается на колени перед трупом).

Несчастнейший из мужей, ты простишь мне!
 Напрасно я дала обет Диане,
 Над быстрыми устами я не властна.
 Теперь скажу я просто, что хотела:
 Тебя любила. Больше ничего.

(Целует его).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ведите прочь!

МЕРОЭ.

Здесь нечего ей делать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как часто, обнимая шею друга,
 Она твердит: люблю тебя так сильно,
 Что от любви и с'есть тебя готова.
 И только скажет, глупая, постигнет
 Весь смысл, и уж сыта до отвращения.
 Тебя, любимый, я не обманула.
 Смотри: от слова и до слова точно,
 Тебя обнявши, все я совершила.
 Не столь безумна я, как то казалось.

МЕРОЭ.

Ужасная, что говорит.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Возьмите

Ее! Ведите же!

ПРОТОЭ.

Пойдем, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дает себя поднять).

Да, да, иду.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Пойдешь ты с нами?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

С вами? Нет.

Ступайте в Фемискиру, наслаждайтесь,
 Коль можете, там счастьем...
 Желаю счастья больше всех Протоэ...
 И всем вам...

И... доверяю вам, но чтоб никто не слышал,
 Прах Танаис, — развеите ветром.

ПРОТОЭ.

А ты, моя родная?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я-то?

ПРОТОЭ.

Ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тебе скажу, Протоэ, — от закона
Наездниц отрекаюсь я
И следую за юношей Пелидом.

ПРОТОЭ.

Что говоришь, царица?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПРОТОЭ.

Ты хочешь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Думаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно!

МЕРОЭ.

Небо!

ПРОТОЭ.

Так дай тебе сказать, моя родная...
(Хочет отнять у нее кинжал).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну, что ж? Чего за поясом ты ищешь?

Так. Погоди, не сразу поняла.

На, вот кинжал.

(Вынимает кинжал из-за пояса и передает его Протоэ).

И стрелы хочешь тоже?

(Снимает с плеч колчан).

Вот высыплю тебе я весь колчан.

(Вытряхивает стрелы).

Хотя, пожалуй было бы прекрасно...

(Подбирает некоторые из них).

Вот эта? Или нет? Вот эта?

Да, эта! Правда, все равно! Возьми!

Возьми себе все стрелы!

(Собирает весь колчан и снова отдает его Протоэ).

ПРОТОЭ.

Дай сюда!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Теперь я в глубину души спускаюсь,
Как в шахту. Там, холодное железо,
Я чувство нахожу уничтоженья.
Его очищу пламенем тоски,
И сталь скую, и напитаю ядом
Раскаянья, насквозь горчайшим ядом.
На вечной наковальне упований
Я заострю, я отточу кинжал,
И этому кинжалу грудь подставлю.
Так! Так! Еще! Ну вот и хорошо!
(Падает и умирает).

ПРОТОЭ

(подхватывая парицу).

Скончалася!

МЕРОЭ.

За ним пошла.

ПРОТОЭ.

Ей благо!

Здесь на земле ей не было уж места!

(Кладет ее на земло).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, бренное созданье — человек!
Лежит, — а как еще она недавно
Парила гордо на вершинах жизни!

ПРОТОЭ.

Цвела так гордо, потому и пала.
Выносит бурю омертвелый дуб,
Но крепкий буря сломит и повалит,
Вцепившись в роскошную вершину.

КОНЕЦ.

Перевели с немецкого

Ф. Сологуб и А. Чеботаревская.

КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОННА

ИЛИ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

БОЛЬШОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РЫЦАРСКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

DAS KATHCHEN VON HEILBRONN

ODER

DIE FEUERPROBE

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Император.

Геггард, архиепископ Вормсский

Фридрих Веттер граф фон Штраль.

Графиня Елена, его мать.

Элеонора, ее племянница.

Рыцарь Фламберг, графский вассал.

Готшальк, его слуга.

Бригитта, домоправительница в графском замке.

Кунигунда фон Турнек.

Розалия, ее горничная.

Теобальд Фридеборн, оружейных дел мастер из Гейльбронна.

Кетхен, его дочь,

Готфрид Фридеборн, ее жених.

Максимилиан, бурграф Фрейбургский.

Георг фон Вальдштедтен, его друг.

Рыцарь Шаурман }

Рыцарь Вацлав его вассалы.

Рейнграф фон Штейн, Кунигундин жених.

Фридрих фон Хернштадт }

Эгингардт фон дер Варт } его друзья.

Граф Отто фон дер Флюэ }

Венцель фон Нахтхейм } императорские советники

Ганс фон Беренклау и худьи тайного суда.

Яков Пех, корчмарь.

Три господина из Турнека.

Кунигундины старые тетки.

Мальчик-угольщик.

Ночной сторож.

Рыцари.

Вестник.

Два угольщика.

Слуги.

Гонцы.

Сыщики.

Народ.

Действие происходит в Швабии

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Подземная пещера со знаками тайного суда; освещена одною лампою

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф Отто фон дер Флюэ, председатель, Венцель фон Нахт-хейм, Ганс фон Беренклау, члены суда, графы, рыцари и господа, все в масках. Сыщики с факелами. Теобальд Фридеборн, гейль-броннский обыватель, в качестве жалобщика, граф Венерфом Штраль, в качестве ответчика, стоят перед решёткою.

ГРАФ ОТТО

(вставая).

Мы, судьи высокого тайного суда, мы земные служители бога, передовые крылатой рати, посланой им по облакам, мы, открывающие зло, которое таится в глубинах души, подобно саламандре, недо-ступное для очей земного правосудия, — мы приглашаем тебя, Тео-бальд Фридеборн, почтенный и славный оружейных дел мастер из Гейльбронна, принести нам твою жалобу против Фридриха, графа Веттера фон Штраль; ибо, по первому зову священного суда, когда вестник трижды ударил рукоятью меча правосудия в дверь его замка, согласно твоему требованию, он явился и спрашивает, чего ты хочешь.

(Садится).

ТЕОБАЛЬД ФРИДЕБОРН.

Высокие, священные, тайною облеченные господа! Если бы он, на кого я жалуясь, у меня вооружался, положим, в серебро с го-ловы до ног, или в вороненую сталь, с набедренниками, пряжками и кольцами золотыми, и потом, когда бы я сказал: „Господин, сочтемся!“ ответил бы: „Теобальд! Чего ты хочешь? Я тебе ничего не должен“; или если бы он, представ перед властями, посягнул змеиным языком на мою честь, или, бросившись на меня из тем-

ноты полуночного леса, мечом и кинжалом покушался на мою жизнь, — то, бог мне помоги! я бы на него не жаловался. Я живу на свете пятьдесят три года и так много испытал несправедливости, что от ее жала теперь чувствительность моей души точно панцирем закрыта; куешь, бывало, оружие кой-кому, кого комар укусил, а себе самому и на укус скорпиона скажешь: да ну его! и свое оружие бросишь. Фридрих, граф Веттер фон Штраль, мое дитя обольстил, мою Катерину. Возьмите его вы, земные мстители бога, и передайте его закованным в латы ратям, которые стоят у врат ада и потрясают своими кроваво-красными копьями. Я обвиняю его в мерзком волшебстве, во всех снововках черной ночи и в по-братимстве с сатаной!

ГРАФ ОТТО.

Мастер Теобальд из Гейльбронна! Взвесь хорошенько, что ты говоришь. Ты взводишь на графа фон Штраль, нам доподлинно и с самой хорошей стороны известного, будто он обольстил твое дитя. В колдовстве винишь ты его, надеюсь, не потому, что он отвратил от тебя сердце твоего дитяти? Не потому, что девушку с живым воображением привлек он к себе одним только вопросом, кто она, или даже только единым видом румяных щек, рдеющих под навесом шлема, или какою-нибудь другою снововкою яснаго полудня, тою, что в ходу на любом базаре?

ТЕОБАЛЬД.

Эта — правда, господа, я не видал ночью порою на болоте или на заросшем камышом взморье, или там, где редко ступит нога человеческая, чтобы он бродил и перемигивался с болотными огоньками. Не доводилось мне видеть, чтобы он на вершинах гор, с волшебным жезлом в руке, измерял невидимое воздушное царство, или чтобы он в подземных пещерах, не освещенных ни одим лучом, вышоптывал сквозь пыль формулы заклинаний. Рядом с ним я не видел сатаны и этих, что я ему побратимами считаю, воинство с рогами, хвостами и копытами, как они нарисованы в Гейльбронне над алтарем. Но если вы позволите мне говорить, то я думаю простым рассказом о том, что случилось, того достигнуть, что вы ошалеете и, крича: „Тринадцать наших, чорт четырнадцатый!“ побежите, с вашими тафтяными мантиями и оперенными шляпами, в двери, в лес, который на триста шагов кругом обстал эту пещеру.

ГРАФ ОТТО.

Ну, говори, старый, яростный жалобщик!

ТЕОБАЛЬД.

Прежде всего надобно вам знать, господа, что моей Кетхен в минувшую святую неделю исполнилось пятнадцать лет; здоровая телом и душою, как первый человек, какой только мог родиться;

дита, воистину радость господня, возникшая из пустыни на тихий вечерний отдых моей жизни, как прямо восходящий дым мирры и можжевельника! Существа нежнее, чище и милее искусство вам не выдумает, — хоть на крыльях воображения летите к милым, маленьким ангелам со светлыми очами, среди облаков припадающим к рукам и к ногам нашего господина. Пойдет ли она улицей, по-городскому одетая, на голове соломенная шляпа от желтого лака блестит, душегрейка черного бархата охватывает грудь, серебряная цепочка на шее, так изо всех окон слышен шопот: это — Кетхен из Гейльбронна; Кетхен из Гейльбронна, о, господина, как будто она зачата от небосвода Швабии, и от его лобзаний забеременев, родила ее лежащая под ним страна. Родственники, такие дальние, что и родством забывали считаться, на крестинах да на свадьбах звали ее своею милою сестричкою; в ее именины являлся весь околоток, где мы живем, и теснились, и друг перед другом старались лучше одарить ее. Кто ее хоть однажды увидел и получил от нее мимолетный привет, целую неделю потом поминал ее в своих молитвах, словно она сделала его лучшим. Не считая моего добра, она — владелица имения, которое отказал дедушка ей, внучке своей любимой, чтобы выразить ей свою любовь, и потому она уже, независимо от меня, одна из самых богатых обитательниц города. Пять молодых достойных граждан, крепко очарованных прелестями ее, уже сватались к ней; рыцари, проезжая городом, плакались, что она — не барышня; ах, да будь это так, Восток был бы опустошен, и перлы, и драгоценные камни, привезенные из Аравии, лежали бы у ее ног. Но как ее душу, так и мою сохранило небо от гордыни; и когда Готфрид Фридеборн, молодой земледелец, чья земля об одну межу с ее землею, захотел ее в жены, и она на мой вопрос: „Катерина, хочешь за него?“ отвечала: „Отец! Как, ты хочешь, так и я“, то я сказал: „Благослови вас господа!“ и прослезился, и возликовал, и решил, вот придет опять святая неделя, тогда и в церковь. Вот, господина, она была какай до той поры, как ее у меня этот похитил.

ГРАФ ОТТО.

Ну? Как же он ее у тебя похитил? Каким способом он сбил ее с пути, которым ты ее вел?

ТЕОБАЛЬД.

Каким способом? Господина, если бы я мог об этом сказать, то это было бы доступно пяти чувствам, и не стоял бы я так перед вами, и не жаловался бы на все эти мне непостижимые пакости ада. Что мне вымолвить, если вы меня спрашиваете, каким способом? Застал ли он ее у колодца, когда она воду черпала, и молвил: „Милая девица, кто ты?“ За столпом ли встал, когда она от всенощной шла, и спросил: „Милая девица, где ты живешь?“ Или

он ночью порою прокрался к ее окну, и, ожерелье на нее надевая, молвил: „Милая девица, где ты почиваешь?" Высоко-освященные господа, этим бы он ее не взял! Не скорее бы и наш спаситель разгадал Иудин поцелуй, чем она такие хитрости. С самого рождения она и в глаза его не видывала; свою спину и на ней родинку, что она от покойницы своей матери получила в наследство, знала она лучше, чем его.

(Плачет).

ГРАФ ОТТО

(после некоторой паузы).

И все же, если он ее соблазнил, странный ты старик, то ведь это случилось когда-нибудь и где-нибудь?

ТЕОБАЛЬД.

Накануне свято-троицина дня, когда он на пять минут вошел в мою мастерскую и заказал мне закрепить ослабевшую железную стяжку доспехов между плечом и грудью.

ВЕНЦЕЛЬ.

Что?

ГАНС.

Средь бела дня?

ВЕНЦЕЛЬ.

Войдя на пять минут в твою мастерскую, чтобы починить нагрудник?

(Пауза)

ГРАФ ОТТО.

Успокойся, старик, и расскажи все по порядку.

ТЕОБАЛЬД

(утирая слезы).

Было часов одиннадцать утра, когда он, с толпою всадников, примчался к моему дому, гремя железным панцирем; спешился, поднялся на лестницу и вошел в мою мастерскую; он низко наклонил голову, чтобы не задеть в дверях султаном на своем шлеме. „Мастер, смотри сюда", сказал он, „я иду против пфальцграфа, который хочет снести ваши стены; от одной охоты с ним сойтись лопнула у меня стяжка; возьми железо и проволоку, да чтобы мне ничего не пришлось снимать, и затяни на мне покрепче". — „Господин! — сказал я: — если ваша грудь сокрушает доспехи, то не удастся пфальцграфу разрушить наши стены"; прошу его сесть на скамью посреди комнаты, и: „Вина!" кричу в дверь, „да свежeproкопченной ветчины на закуску!" и ставлю около него табурет с инструментами, чтобы чинить стяжку. И вот, пока еще на дворе

ржал боевой жеребец и, вместе с коням слуг, рыл копытами землю, так что вздымалась пыль, словно херувим с неба низвергся:—медленно, неся на голове большой, плоский серебряный поднос, на котором поставлены бутылки, стаканы и закуска, открывает девушка дверь, и входит. Теперь что же, — да если бы мне господь бог из облака явился, так я бы так поступил, как тогда она. Поднос, и кубки, и закуски, увидев рыцаря, она роняет; и, смертельно бледная, сложив руки как на молитву, повергается она перед ним, о пол головой и грудью ударяясь, точно ее молния сразила! И тогда я сказал: „Господи, владыко живота моего, что произошло с ребенком?“ и поднимаю ее, — она крепко обнимает меня, пылающее лицо обращает к нему, словно перед нею видение. Граф фон Штраль, взяв ее за руку, говорит: „Чье это дитя?“ Подмастерья и служанки сбежались и вопят: „Спаси, господи! что случилось с девушкой?“ Но так как она, бросив несколько робких взглядов на его лицо, успокоилась, то я подумал, что припадок ее прошел, и принимаюсь с шилом и с иглою за мою работу. Потом я говорю: „Час добрый, господин рыцарь! Теперь вы можете встретиться с пфальцграфом; стяжка вправлена, ваше сердце уж ее не разорвет“. Граф встает; он задумчиво осматривает с головы до ног девушку, которая ему едва по грудь, и нагибается, и целует ее в лоб, и говорит: „Господь да благословит и да сохранить тебя и да ниспошлет тебе мир свой, аминь!“ И вот, только подошли мы к окну, бросается девушка в одно мгновение ока, когда он сел на боевого жеребца, бросается с высоты тридцати футов, с поднятыми руками, на уличную мостовую, как безумная, утратившая все свои пять чувств! И расшибла обе ноги, о, достопочтенные господа, обе нежные ножки, прямо под коленками, словно точеными из слоновой кости. Мне, старому, жалости достойному дураку, в ней хотевшему найти опору для моей убывающей жизни, пришлось ее на своих плечах нести как в могилу; тем временем он — воздай ему, боже! — на лошади, из-за народа, который сбежался толпами, кричит: „Что случилось!“ Вот, лежит она на смертном ложе, пылая огнем лихорадки, шесть бесконечных недель, недвижима. Не говорит ни слова; даже безумие, эта отмычка всех сердец, ее сердца не выдает; никто не мог бы исторгнуть тайны, которая ею овладела. Едва стало ей лучше, она испытывает свои силы, и завязывает свою котомку, и при первом луче рассвета идет к двери. „Куда?“ — спрашивает ее служанка. „К графу Веттеру фон Штраль“, — отвечает она, и убегает.

ВЕНЦЕЛЬ.

Не может быть!

ГАНС.

Убегает?

ВЕНЦЕЛЬ.

И оставляет все?

ГАНС.

Имущество, родину и жениха, с которым она обручилась?

ВЕНЦЕЛЬ.

И не испросив твоего благословения?

ТЕОБАЛЬД.

Убегает, о господи! Оставляет меня и все, с чем ее связывали долг, привычка и природа. Целует меня в глаза, — я еще не успел проснуться, — и убегает; а я ждал, что она мне их закроет.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ей богу, удивительный случай!

ТЕОБАЛЬД.

С того дня она за ним, как распутница, в слепой покорности, идет с места на место; к сиянию лица его тянет ее словно пяти-проволочным канатом, захлеснувшим ее душу; над нагими, каждому камню открытыми, стопами короткая юбочка, что ее бедра кроет, по ветру развеивается, и только соломенная шляпа защищает ее от солнечных жал или от злости возмущенной погоды. Куда бы ни увлекал его бег его приключений — через туман ущелий, через пустыню, палимую полднем, через ночь непроходимых лесов — она за ним как пес, над которым много бился его господин; и она, привыкшая спать на мягких подушках, чужавшая узелок на нити в простыне, ее рукою нечаянно туда затканый, теперь ложится она ровно батрачка в его конюшнях и опускается, когда приходит ночь, утомленная, на солому, подостланную для его гордых коней.

ГРАФ ОТТО.

Граф Веттер фом Штраль! Это верно?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Это правда, государи мои; она идет по моим следам. Когда я оглядываюсь, я вижу два предмета: мою тень и ее.

ГРАФ ОТТО.

А как объясняете вы себе этот удивительный случай?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О, неведомые господа тайного судилища! Если чорт затеял с нею игру, то я ему в этом так же нужен, как обезьяне кошачьи лапы; будь я проклят, если он орешек для меня сташил. Хотите поверить просто моему слову, как и в священном писании начертано: да, — да, нет, — нет, — хорошо! Если нет, так я отправлюсь в Вормс и буду просить императора, чтобы он возвел Теобальда в рыцари. А пока я здесь, бросаю ему мою перчатку.

ГРАФ ОТТО.

Вы должны здесь отвечать на наши вопросы! Чем объясняете вы, что она спит под вашей кровлею? Она, которая должна быть в доме, где рождена и воспитана?

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Недель двенадцать тому назад, по дороге в Страсбург, усталый, в полдневный зной, я заснул под крутым утесом, — и во сне-то я не вспоминал про девушку, что в Гейльбронне выбросилась из окна, — а когда проснулся, она дремлет у меня в ногах, подобная розе, будто ее сдуло с неба. Тогда я говорю слугам, которые лежали тут на траве: „Эй, что за чорт! Ведь это же — Кетхен из Гейльбронна!" Она открыла глаза и повязала себе шляпку, что у нее во время сна скатилась с головы. „Катерина!" зову я: „Девушка! Да ты откуда? В пятнадцати милях от Гейльбронна, далеко на побережьи Рейна!" — „Дело, доблестный господин, зовет меня в Страсбург", — отвечает она, — „страшно мне так одной итти по лесу, и я пристала к вам". Потом я велел подать ей освежиться чего-нибудь, что для мена Готшальк, слуга, возит с собою, и освещаюсь: совсем ли поправилась, и что делает отец? И что она в Страсбурге думает делать? Но когда она не говорит чистосердечно правды, — ну, что тебе за дело, — думаю я, даю ей слугу, чтобы проводил ее через лес, вскакиваю на вороного, и уезжаю. Вечером, в гостинице, у страсбургской дороги, хочу укладываться на покой, вдруг приходит Готшальк, слуга, и говорит: „Девушка внизу, и добивается переночевать в моей конюшне". — „К лошадям?" — спрашиваю я. Я говорю: „Если это ей достаточно мягко, меня это не стеснит". И прибавляю, поворачиваясь на постели: „Да подложи ей соломы, Готшальк, и позаботься, чтобы с нею ничего не случилось". На другой день, поднявшись раньше меня, она опять выходит на военную дорогу, и опять ложится в моей конюшне, и ложится ночь за ночью, везде в моем походе идет вперед, точно она принадлежит к моему отряду. Я это снес, государи мои, ради этого седого, угрюмого старика, который требует теперь моего осуждения; ведь Готшальку, такой уж он странный, полюбилась девушка, и он заботился о ней, истинно, как о своей дочери; когда-нибудь пойдет твой путь, думал я, через Гейльбронн, так старик тебя за это отблагодарит. Но когда она и в Страсбурге, в архиепископском замке, оказалась со мною, и я к тому же заметил, что у нее там нет никакого дела, — она совсем обреклась мне, шила и мыла, как-будто никого другого на Рейне для того не было, — так я и подошел к ней однажды, заставши ее на пороге конюшни, чтобы спросить, какое такое дело привело ее в Страсбург. „Вот", — говорит она, — „доблестный господин", — и такой румянец, что я подумал, ее передник займется, вспыхнул на ее лице: „Что же вы спрашиваете? Вы же это знаете!" „Эге!" — думаю я, — „так вот оно

что!" И мигом посылаю гонца в Гейльбронн, к отцу, с такою вестью: Кетхен у меня; я ее поберег; пусть он ее скорее возьмет из замка Штраль, куда я ее отвезу.

ГРАФ ОТТО.

Ну? И что ж?

ВЕНЦЕЛЬ.

Старик не взял девушку?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Затем, когда он является ко мне на двадцатый день, чтобы взять ее, я веду его в зал моих предков: замечаю я с удивлением, что он, входя в дверь, опускает руку в кропильницу и водой из нее брызгает на меня. Я не сержусь, — таков уж я по природе, — сажаю его на стул; рассказываю ему откровенно все, что было; из сочувствия к нему объясняю ему, какими способами он мог бы поправить дело, сообразно его желаниям; и утешаю его, и веду его, чтобы передать ему девушку, вниз в конюшню, где она стоит и мое оружие очищает от ржавчины. Как только он стал в дверях и со слезами на глазах протянул руки, чтобы ее обнять, бросается ко мне девушка, смертельно бледная, в ноги, всех святых призывая, чтобы я ее от него защитил. Как соляной столб стоит он, видя это; и прежде чем я опомнился, он говорит, с ужасом глядя на меня: „Это — воплощенный сатана!" — и швыряет мне в лицо шляпу, которую он держал в руках, словно он хотел отогнать ужасное видение, и бежит обратно в Гейльбронн, точно гонится за ним весь ад.

ГРАФ ОТТО.

Ты, чудной старик! Что тебе взбрело в голову?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что худого в поведении рыцаря? Что же ему было делать, когда к нему прилепилось сердце твоей безумной дочери?

ГАНС.

В чем тут можно его обвинить?

ТЕОБАЛЬД.

В чем обвинить? О, ты, человек более ужасный, чем выразит слово и поймет мысль, — не тебе ли открылись херувимы, и блеск их, сияющий как майский свет, не тебе ли запал в душу? Могу ли я не дрожать перед человеком, который до того извратил природу чистейшего из созданных сердец, что девушка от отца, который пришел раскрыть ей объятия своей любви, отвращает бледное как мел лицо словно от волка, который хочет ее растерзать? Ну, так господствуй Геката, царица чародейств, над болотными туманами властвующая ночью! Восходите вы, демонические силы,

которые прежде закон человеческий старался искоренять, расцветайте под дыхание колдуний, подымайте свои колосья в лесах, чтобы вершины засохли, и небесные поросли, проросшие в почве, сгнили; струитесь, адовы соки, стекайте из стволов и стеблей, падайте, как водометы, на землю, чтобы выбитый вами чумный чад восходил к облакам; теките и вливайтесь во все протоки жизни и смойте широким потоком накипи невинность и добродетель!

ГРАФ ОТТО.

Он подлил ей яду?

ВЕНЦЕЛЬ.

Ты думаешь, он дал ей околдованный напиток?

ГАНС.

Опиум, который таинственною силою пленяет сердце человека, который его выпьет?

ТЕОБАЛЬД.

Яд? Опиум? Высокие господа, о чем вы меня спрашиваете? Я не откупоривал флягу, из которой он дал ей освежиться под крутым утесом; я не был там, когда она спала в гостинице, в его конюшне ночь за ночью. Как мне знать, подлил ли он ей яду! Надо подождать девять месяцев; тогда вы увидите, что станется с ее молодым телом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вот-то старый осел! И против него у меня ничего нет, кроме моего имени! Зовите ее сюда; и если она скажет одно слово, от которого хоть чуть пахнет этим вымыслом, так зовите меня графом из вонючей лужи, или еще как вздумается вашему праведному гневу.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же и Кетхен с завязанными глазами, ведомая двумя сыщиками. Сыщики снимают с нее платок и уходят.

КЕТХЕН

(оглядывает собравшихся и склоняет, увидя графа, перед ним колени).

Высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чего ты хочешь?

КЕТХЕН.

К тебе на суд меня сюда призвали.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Судья — другой. Вон там сидит он. Встань.

Стою здесь я, ответчик, как и ты.

КЕТХЕН.

Мой господин! Ты шутишь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет! Послушай!

Что предо мной лицо во прах ты клонишь?
Волшебник я, и уж сознался в этом,
И ныне узы, сотканные мною,
Снимаю я с твоей души.

(Поднимает ее).

ГРАФ ОТТО.

Сюда прошу, девица; стань к решетке!

ГАНС.

Здесь судьи!

КЕТХЕН.

Испытать меня хотите.

ВЕНЦЕЛЬ.

Иди сюда! И здесь держи ответ.

Кетхен становится рядом с графом фон Ш т р а л ь и смотрит на судей)

ГРАФ ОТТО.

Ну?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что ж?

ГАНС.

Тебе угодно потрудиться?

ГРАФ ОТТО.

Последуешь судейскому приказу?

КЕТХЕН

(про себя).

Они зовут.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ну, вот!

ГАНС.

Что ты сказала?

ГРАФ ОТТО

(с удивлением).

Что случилось с этим странным существом?

(Он и переглядываются)

КЕТХЕН

(про себя).

Закутаны все с ног до головы,
Как-будто это страшный суд!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(пробуждая ее).

О чем мечтаешь, странная девица?
 Приведена ты к тайному суду!
 Я обвиняюсь в этих волхвованьях,
 Которыми твое пленил я сердце,
 Скажи же им, как это все случилось!

КЕТХЕН

(смотрит на него и складывает руки на груди).
 Со мной жесток ты, я могу заплакать!
 Мой благородный господин, скажи мне,
 Твоей служанке, что должна я делать!

ГРАФ ОТТО

(нетерпеливо).

Скажи?

ГАНС.

Ей богу! Слыхано ли это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(громким голосом).

Иди немедленно вот к той решетке,
 И там на все, что спросят, отвечай!

КЕТХЕН.

Скажи, ты обвиняемый?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты слышишь!

КЕТХЕН.

Тебя судить вот эти будут люди?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да.

КЕТХЕН

(подходя к решетке).

О, господа достойные, сойдите
 С своих высоких мест, пусть он там сядет!
 Вот говорю я вам, как перед богом,
 В нем сердце чище этих лат, а ваши
 Пред ним, да и мое, плащей чернее.
 Коль грех тут есть, так он — судья, а вы
 Должны стоять, дрожа, перед решеткой!

ГРАФ ОТТО.

Ты, дурочка, совсем еще ребенок;
 Пророчество пришло к тебе откуда?
 Открыл его тебе какой апостол?

ТЕОБАЛЬД.

Несчастливая!

КЕТХЕН

(заметив отца, идет к нему).

Мой дорогой отец!

(Хочет взять его руку).

ТЕОБАЛЬД

(строго).

Вон там теперь должна ты находиться.

КЕТХЕН.

Не отвергай меня!

(Берет его руку и целует).

ТЕОБАЛЬД.

Взгляни на эти кудри,

Моих сединок ты ль была виною?

КЕТХЕН.

Дня не прошло, чтоб я не вспоминала

Как вьются кудри у тебя. Терпенье!

Не предавайся непомерной скорби:

Ведь если радость кудри может потемнеть,

Ты станешь вновь как юноша цветущий.

ГРАФ ОТТО.

Эй, слуги, взять ее! Сюда поставить!

ТЕОБАЛЬД.

Иди, куда зовут.

КЕТХЕН

(к судьям, когда сыщики приблизились к ней).

Что надо вам?

ВЕНЦЕЛЬ.

Видали ль вы строптивую такую?

ГРАФ ОТТО

(когда она стала у решетки).

Здесь отвечай нам, коротко и ясно,

На все, что спросим, так как совесть наша

Уполномачивает нас судить;

Твоя надменная душа почует это,

Когда ты наказания заслужишь.

КЕТХЕН.

Что знать вам нужно, господа честные?

ГРАФОТТО

Увидя графа Фридриха фом Штраля
 В дому отца, зачем к, его ногам
 Поверглась ты, как падают пред богом?
 И почему, когда он уезжал,
 Ты из окна на улицу метнулась,
 Чуть ноги зажили, пошла за ним
 Сквозь ночь, и ужас, и туман, повсюду,
 Куда бы конь его своих копыт не ставил?

КЕТХЕН

(зардевшись, графу).

Тем людям я должна сказать все это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Безумная, заклтая ты дура,
 Меня что спрашиваешь? Видно, мало
 Тебе приказа этих вот людей?

КЕТХЕН

(повергаясь во прах).

Из тела душу вынь, коль я ошиблась!
 Что в тишине груди моей возникло,
 Что бог послал, то людям знать не надо;
 Жестоким назову, кто это спросит!
 А ты захочешь знать, ну что ж, скажу, —
 Перед тобой душа моя открыта.

ГАНС.

Как свет стоит, такого не случилось!

ВЕНЦЕЛЬ.

В пыли пред ним лежит...

ГАНС.

Склонив колени.

ВЕНЦЕЛЬ.

Как мы перед спасителем стоим!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(судьям).

Надеюсь, мне в вину ее безумство
 Вы не поставите! Она рехнулась,
 Ведь это ясно, хоть бы разум ваш,
 Равно как мой, и не постиг причины.
 Позвольте, я спрошу ее об этом:
 Поймете сами из моих расспросов,
 Душа моя виновна или нет.

ГРАФ ОТТО

(пытливо глядя на него).

Ну что же! Спрашивайте, граф, посмотрим.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(обращаясь к Кетхен, все еще стоящей на коленях).

Ты можешь, Катерина, мне открыть,

Пойми меня, все тайные мечтанья,

Что в глубине души твоей дремали?

КЕТХЕН.

Все сердце, господин, перед тобою.

Уверен будь во всем, что там живет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скажи мне коротко и ясно, что же

Тебя влекло покинуть отчий дом?

И чем тебя мои пути пленили?

КЕТХЕН.

Мой славный господин! Ты требуешь так много.

И если б я простерлась так, как ныне

Перед тобой, перед моим сознанием,

Воссевшим на златом судейском троне,

И если б в огненных доспехах страхи

Нечистой совести стояли рядом,

То все ж на то, что спрашиваешь ты,

Мысль каждая ответила б: не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Меня ли, девушка, обманешь ты?

Меня, тебе опутавшего разум?

Взгляну ли я, ты клонишься, как роза,

Свой нежный цвет открывшая для солнца.

Однажды, помнишь, что с тобой я сделал?

С твоей душой и с телом что случилось?

КЕТХЕН.

А. где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да где-нибудь.

КЕТХЕН.

Когда ?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Когда-то.

КЕТХЕН.

О, господин мой, помоги!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Помочь,

Чудная ты!

(Сдерживается).

Так ничего не помнишь?

(Кетхен стоит потупившись).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Из всех тех мест, где ты меня встречала,
Ясней которое запало в память?

КЕТХЕН.

Всего яснее Рейн я вспоминаю.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да. Там было. Это знать хотел я.
Скала над рейнским берегом, где вместе
С тобой в полдневный зной мы отдыхали.
Не помнишь ты, что там с тобой случилось?

КЕТХЕН.

О нет, мой чтимый господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Нет?

Что к жаждущим устам твоим поднес я?

КЕТХЕН.

От твоего вина я отказалась,
И твой слуга Готшальк принес мне воду.
По твоему приказу, из пещеры.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но за руку тебя я взял? К устам
Твоим приблизил я? Молчишь ты? Что же?

КЕТХЕН.

Когда?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Тогда же.

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, позже.

КЕТХЕН.

В Страсбурге?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Быть может, раньшее.

КЕТХЕН.

Моей руки ни разу ты не тронул.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН
(краснея).

Ах, прости меня. В Гейльбронне.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Когда?

КЕТХЕН.

Когда отец чинил твой шлем.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И только?

КЕТХЕН.

Только, господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН.

Руки?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Иль уст твоих, — почем я знаю?

КЕТХЕН
(припоминая).

За подбородок, — в Страсбурге, — я помню.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну?

КЕТХЕН.

Я сидела плача на пороге

И, что ни говорил ты, все молчала.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А почему молчала?

КЕТХЕН.

Стало стыдно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Стыдилась? Верно. Ты на мой вопрос

До самой шеи покраснела ярко.

О чем тебя я спрашивал?

КЕТХЕН.

Отец,

Сказал ты, дома, в Швабии, остался,

Тоскуя обо мне, и ты сказал,

Что лошадей в Гейльбронн ты посылаешь,

Так не хочу ли с ними я вернуться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(холодно).

Об этом говорить не стоит! Где же,
Еще-то где ж тебя встречал я в жизни?
Я навещал тебя порой в конюшне.

КЕТХЕН.

Нет, чтимый господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Катрина!

КЕТХЕН.

Меня в конюшне ты не навещал,
И уж ко мне ни разу не касался.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что? Никогда?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН

(страстно).

Ни разу, чтимый господин, ни разу!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну что, видали вы такую лгунью?

КЕТХЕН.

Да не увижу рая, да погибну,
Когда хоть раз!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(с притворною резкостью).

Божится вот, клянется,
Девчонка глупая, — воображает,
Что бог простит ее румяным щечкам.
А вечером, пять дней тому назад,
В моей конюшне, в сумерках, что было,
Когда уйти Готшальку приказал я?

КЕТХЕН.

О, Иисус! Об этом я забыла!
Ты в замке Штраль пришел ко мне в конюшню.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну вот! Пришлось признаться! Как же ты
До вечного проклятья добожилась!
Я в замке Штраль к тебе пришел в конюшню.
(Кетхен плачет. Пауза).

ГРАФ ОТТО.

Вы мучите ребенка.

ТЕОБАЛЬД

(растроганный, приближается к ней).

Дочь моя!

(Хочет привлечь ее к себе на грудь).

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ВЕНЦЕЛЬ.

По-моему, бесчеловечно.

ГРАФ ОТТО.

Да ничего в конюшне не случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(глядя на нее).

Ей-богу, господа, поверьте чести:
Там я был! Прикажите, разойдемся.

ГРАФ ОТТО.

По-моему, допрашивать ребенка
Нельзя с такою варварской насмешкой.
Пусть вам дала такую власть природа,—
Но то, что делаете вы, ужасней,
Чем было б даже адское искусство.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Что сделал я, то сделал лишь затем,
Чтобы ее достойно возвеличить.
Перед судом

(показывая на пол)

лежит моя перчатка!

Поверьте, господа, она невинна,
И разрешите ей уйти отсюда.

ВЕНЦЕЛЬ.

Не без причины так вы пожелали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Причины? Я? Надеюсь, не хотите
Вы варварски над нею посмеяться.

ВЕНЦЕЛЬ

(наставительно).

Когда позволите, хотим мы слышать,
Что там в конюшне, в замке Штраль случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Хотите вы?..

ВЕНЦЕЛЬ.

Конечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(багрово краснея и поворачиваясь к Кетхен).

На колени!

(Кетхен становится перед н и м на колени).

ГРАФ ОТТО.

Вы слишком дерзки, Фридрих граф фон Штраль!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Мне отвечай, и больше никому.

ГАНС.

Позвольте! Будем мы ее...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(ей же).

Ни с места!

Здесь только тот судья тебе, кому

Твоя душа свободно покорилась.

ВЕНЦЕЛЬ.

Найдут здесь способ, граф...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(со сдержанным раздражением).

Нет, говорю вам!

Ее неволите вы, чорт возьми!

Достопочтенные, что знать вам нужно?

ГАНС

(вспыльчиво).

Клянусь!

ВЕНЦЕЛЬ.

Такую дерзость нам...

ГАНС.

Эй! Сыщик!

ГРАФ ОТТО

(в полголоса)

Друзья, оставьте! Не забудьте, кто он.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Как-будто он, браня ее притворно,
Сказать заставит.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Думаю, что так!
Ему мы можем дело предоставить.

ГРАФ ОТТО

(графу фон Штраль).

Спросите, что пять дней назад случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И вы уйти Готшальку приказали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Пять дней назад, что вечером случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И я уйти Готшальку приказал?

КЕТХЕН.

Мой господин! Прости, в чем я ошиблась;
Теперь во всем признаюсь по порядку.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так. — Я тебя коснулся там, не правда ль?
Призналась?

КЕТХЕН.

Да, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И что же?

КЕТХЕН.

Господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что знать хочу?

КЕТХЕН.

Что хочешь знать?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скорей, не запинаясь!

Я взял, ласкал и целовал тебя,
И обнял?

КЕТХЕН.

Нет, высокий господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А что же?

КЕТХЕН.

Оттолкнул меня ногою.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ногою? Нет. Так пса не оттолкну я.
Зачем? За что? Что сделала ты мне?

КЕТХЕН.

Когда отец, заботливый и добрый,
Приехал с лошадьми, чтоб взять меня,
К нему спиной я в страхе обернулась
И пред тобой, моля, чтоб защитил ты
Меня, упала в прах я без сознания.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А я тогда толкнул тебя ногою?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вот глупости, ей-ей!
Притворством для отца все это было.
Ведь ты ж осталась в замке Штраль и дальше.

КЕТХЕН.

Нет, господин высокий.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Так где же?

КЕТХЕН.

Когда с лицом горящим ты с гвоздя
Снял кнут, за обомшальные ворота
Я вышла и расположилась там
Снаружи, на развалинах стены,
Где в сладостно-пахучей бузине
Свивал, насвистывая, чиж гнездо.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Но я тебя оттуда выгнал псами?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Когда же ты бежала
Под лай собачий за мои границы,
Я кликнул и соседа — гнать тебя?

КЕТХЕН.

Нет, господин. Зачем сказал ты это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Нет? За это господа осудят.

КЕТХЕН.

До этих рыцарей тебе нет дела.
Послал Готшалька ты на третий день
Сказать, что милая твоя я Кетхен,
Но чтоб была разумной и ушла.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А ты что отвечала?

КЕТХЕН.

Я сказала,
Что терпишь ты чижа - щебетуна
На сладостно-пахучей бузине;
Позволь быть здесь и Кетхен из Гейльбронна.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Вы видите ее здесь, судьи фемы, —
Так поступайте с нами как хотите.
(Пауза).

ГРАФ ОТТО

(с неудовольствием).

Мечтатель сумасбродный, незнакомый
С обычным чарованием природы!
Когда решение ваше, судьи, ясно,
Кончаю, и прошу голосовать.

ВЕНЦЕЛЬ.

Кончать!

ГАНС.

На голоса!

ВСЕ:

Сбирать!

РЫЦАРЬ.

Вот глупый!

Ведь ясно дело. Нечего судить.

ГРАФ ОТТО.

Герольд, возьми свой шлем, собирай шары.
(Герольд ф е м ы собирает шары и подает ш л е м с н и м и графу).

ГРАФ ОТТО

(пересчитав шары).

Ты, Фридрих Веттер, граф фон Штраль, оправдан
Единогласно приговором фемы.

Тебе советую я, Теобальд,
Впредь с жалобой не ранее являться,
Пока улик получше не найдешь.

(К судьям).

Идемте же. Закрито заседание.

(Судьи поднимаются).

ТЕОБАЛЬД.

Высокородные, так он оправдан?
Бог, скажем, создал мир из ничего;
А он, ничем создание уничтожив
И в первый хаос обвалив его,
Не должен ли быть гнусным сатаною?

ГРАФ ОТТО.

Молчи, седой глупец! Не наше дело —
Твоих мечтаний смуту прояснять.
Закрой ему глаза повязкой, сыщик,
И в поле выведи его опять.

ТЕОБАЛЬД.

Что? В поле? Я, беспомощный старик?
А милый мой, единственный ребенок?

ГРАФ ОТТО.

Вам это поручает фема, граф!
Не мало здесь вы дали нам примеров
Могущества; так покажите нам,
Пока мы с вами не расстались, больший,
И старику отцу ее верните.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Все, господа, я сделаю, что можно.
Дитя!

КЕТХЕН.

О, рыцарь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Любишь ты?

КЕТХЕН.

Сердечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Обрадуй же меня.

КЕТХЕН.

Чего ты хочешь?

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.

За мною не иди! Вернись в Гейльбронн!
Так сделаешь?

КЕТХЕН.

Тебе я обещала.
(Падает в обморок).

ТЕОБАЛЬД

(поддерживая ее).

Дитя мое! Спаси, отец небесный!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).

Подай повязку, сыщик!
(Повязывает себе глаза).

ТЕОБАЛЬД.

Будь ты проклят,
Дух василиска смертоокий! Много ль
Еще искусства мне примеров явишь?

ГРАФ ОТТО

(сходя с судейского кресла).

Ну, что тут, господа?

ВЕНЦЕЛЬ.

Она упала.
(Всесмотрят на нее).

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сыщику).

Веди отсюда!

ТЕОБАЛЬД.

В бездну, сатана!
Пускай ее змеиновласый стражник,
Тебя в преддверии схватив, кудесник,
На десять тысяч сажень глубже бросит,
Стремглав, чем злейшие огни пылают!

ГРАФ ОТТО.

Молчи, старик!

ТЕОБАЛЬД
(плача).
Малютка! Кетхен!

КЕТХЕН.

Ах!

ВЕНЦЕЛЬ
(радостно).

Она глаза открыла.

ГАНС.

Да, очнется.

ГРАФ ОТТО.

К привратнику несите! Прочь отсюда!
(Все уходят).

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лес перед пещерою тайного судилища

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Г р а ф фон Ш т р а л ь входит с завязанными глазами; его ведут два слуги; о н и с н и м а ю т с его глаз повязку и затем удаляются в пещеру.

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ

(бросается на з е м л ю и плачет).

Теперь мне только одно остается — лежать здесь подобно пастуху и жаловаться. Солнце еще светит, краснея между стволами, и вершины леса покойны; и если я всего через четверть часа, как только оно скроется за холмами, сяду на коня и потом немного помедлю в Блахфельде, где и пролегает мой путь, то в замок Веттерштраль я приеду раньше, чем там погасят свечи. Конь мой там, где ручей струится, и мечтается мне, что там козы и овцы карабкаются по скалам и шиплют травку да горький кустарник; легкая, белая полотняная ткань, повязанная красными лентами, облекает меня, и, налетая, рои бодрых ветерков отнесут вздохи, льющиеся из моей жестоко стесненной груди, прямо в уши доброго бога. Истинная правда! Перелистаю родную мне повесть и целую богатую главу в ней, с надписанием: „Чувство" так ограблю, чтобы никакой стихоплет уже не мог на новый лад сказать: мне грустно. Все, что в печали есть трогательного, вызову я, радость и к смерти ведущая скорбь сплетутся, заменяя одна другую, и проведут мой голос, как искусного танцора, через все извороты, которыми душа очарована; и если деревья не сдвинутся, и не упадет как дождь сладкая их роса, так значит они воистину деревянные, и все, что нам сказали о них поэты, просто милые сказки. — О, ты, как назвать тебя, Кетхен! Почему я не могу назвать тебя моею? Кетхен, девушка, Кетхен! Почему я не могу на-

звать тебя моею? Почему я не могу поднять тебя и отнести на благоуханное блаженное ложе, которое соорудила мне мать в праздничном покое у нас дома? Кетхен, Кетхен, Кетхен! ты, чья юная душа, как она сегодня совершенно открытая, мне предстала, источает сладостное очарование красоты, как елеем умашенная невеста персидского царя, когда она, на все ковры роняя капли ароматов, вводится в свою горницу! Кетхен, девушка, Кетхен! Почему не дано мне это? Ты — более прекрасная, чем сумел бы я тебя воспеть, и осталось мне изобрести единственное искусство — о тебе плакать. Все фиалы чувства, небесные и земные, открою я, и такое смешение слез, своеобразное излияние, столь же священное, как и страстное, извергну, чтобы сказал всякий, в чьих объятиях я заплачу: они струятся к Кетхен из Гейльбронна. — Кетхен, Кетхен, Кетхен! что ты сделала с моим сердцем, ты, маленькая фиалка, расцветшая у мшистой скалы, в тени дикой ежевики? Разве не казалось мне тогда, когда она открылась мне в своей очаровательной невинности, что я взлетаю, как орел, в царство бесконечного воздушного простора, все ликуя, вечно ликуя: я любим?! — Вы, седые бородатые старцы, чего вам надо? Зачем вы покидаете ваши золотые рамы, о, портреты моих закованных в латы праотцев, населяющие мои увешанные оружием залы, и собираетесь здесь предо мною беспокойным кругом, почтенными потрясая кудрями? Она и я — мы еще не стоим рука об руку перед священником, и на вопрос: желаешь ли ты ее себе в жены? — уста Фридриха Штраля еще не шепчут в ответ трепетное „да“. Нет, нет, нет! Женщины, столь мною любимой, я не добиваюсь; ваших гордых рядов я не покину: это было решенным делом прежде, чем вы стали передо мною. Но, Винфрид, ты, стоящий во главе их, ты, первый из носивших наше имя, божественный, с головою как у Зевса, тебя спрошу я: была ли праматерь нашего рода такая, как эта? Была ли она светлее всеми добродетелями благочестия, непорочнее душою и телом, богаче очарованиями любви, чем Кетхен? О, Винфрид, седовласый старец! — я целую твои руки и благодарю тебя за то, чем я стал; но если бы ее ты прижал к своей стальной груди, царский род от тебя пошел бы, и всякий закон на земле давался бы именем Веттер фон Штраль! Я знаю, что превозмогу себя и что рана эта заживет; ведь нет такой раны, которой бы не залечил человек! Чижи улетят, щебетуны, из кустов бузины улетишь и ты, Кетхен, и так же, как и они, никогда не вернешься! Однако, если я когда-нибудь найду женщину, подобную тебе, Кетхен, то пройду все страны и всем языкам научусь, чтобы на всех наречиях, какие только существуют, прославить бога. — Готшалк!

(Слуга Готшалк подходит слева)

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Готшальк.

ГОТШАЛЬК

(подходя).

Эй, эй! Господин граф фон Штраль!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что такое?

ГОТШАЛЬК.

Чорт возьми, что! — Прибыл гонец от вашей матери.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Гонец?

ГОТШАЛЬК.

Во весь опор, запыхавшись, отдав коню удила. Ей-ей, если бы ваш замок был железным луком, а он стрелой, быстрее не мог бы он лететь.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что он хочет мне сказать?

ГОТШАЛЬК.

Эй! Рыцарь Франц!

(Рыцарь Фламберг приближается слева).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Фламберг! Что привело тебя сюда ко мне так спешно?

ФЛАММБЕРГ.

Милостивый господин! Повеление графини, вашей матери: она приказала мне взять лучшего скакуна и ехать к вам.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что же? Что привез ты мне?

ФЛАММБЕРГ.

Войну, клянусь, войну! Вызов к новой борьбе, еще не успевший остынуть, как его теплым получил из уст герольда.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(озабоченный).

Чей вызов? Не от бургграфа же, с которым я только-что заключил мир?

(Надевает шлем).

ФЛАММБЕРГ.

От рейнграфа, юнкера фом Штейн, пребывающего внизу, на цветущих виноградниками берегах Неккара.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Рейнграфа? Но какие у меня дела с рейнграфом, Фламмберг?

ФЛАММБЕРГ.

А какие, чорт возьми мою душу, были у вас дела с бургграфом? И чего надо было от вас иным прочим, прежде чем вы ввязались в историю с бургграфом? Если вы не затопчете маленькой искорки греческого огня, ради которого и происходят эти войны, то вы еще увидите, как загорится против вас все горное население Швабии, да вдобавок и Альпы с их собачьими сворами.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Это невозможно! Фрейлейн Кунигунда...

ФЛАММБЕРГ.

Рейнграф от имени Кунигунды фон Турнек требует возвращения вашего владения Штауфен; те три городка и семнадцать деревень вашему предку Отто, Петром, ее предком, с известными оговорками, покупкою уступленные; так же, как это бургграф фон Фрейбург, и раньше того уже ее родственники от ее имени делали.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

Сумасбродная ведьма! Не третий ли это имперский рыцарь, которого она, подобно псу, науськивает на меня, чтобы отбить это владение? Кажется, вся империя слушается ее. Клеопатра нашла одного, а когда он сломал себе шею, другие только посматривали; а этой служит всяк, у кого одним ребром меньше, чем у нее, и вместо одного, которого я пошлю к ней обратно потрепанным, передо мною стоят десять других. Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Кто? Герольд?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Эх, ваша милость, ему бы надо было тогда покраснеть.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Он не говорил о Петре фон Турнек? И о местности оспариваемой продажи?

ФЛАММБЕРГ.

Конечно. И о швабских законах; примешивал в речи долг и совесть к каждому третьему слову, призывал бога в свидетели, что только самые чистые намерения побудили его господина, рейн-графа, взяться за дело госпожи фон Турнек.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А розовые щеки дамы оставляет он про себя?

ФЛАММБЕРГ.

Об этом он ни слова не сказал.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чтоб ее оспа разделала! Хотел бы я набрать ночной росы в бочку и ею окатить ее белую шею! Ее проклятое личико — вот настоящая причина всей этой войны против меня; и пока я не отравлю мартовского снега, которым она умывается, не будет мне покоя от здешних рыцарей. — Но терпение! — Где она сейчас находится?

ФЛАММБЕРГ.

В замке Штейн, где вот уже три дня дают в честь ее такие пиры, что твердыня неба вот-вот рухнет, и солнце, луна и звезды больше не будут видны. Бургграф, которому она дала отставку, кипит мстью, и я не сомневаюсь, что если вы пошлете к нему гонца, то он вместе с вами отправится в поход против рейнграфа.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ладно! Приведи мне лошадей, я поеду. Я обещал этой юной подстрекательнице, что если она не сложит поднятое против меня оружие, — не склонит свое лукавое личико, — то я насыплю ей таких игрушек, которые ей вечно придется носить в футляре; и отсохни у меня правая рука, если я не сдержу слова! За мною, друзья!

(Все уходит налево, в глубь сцены).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Перемена сцены. В горах, перед избой угольщиков. Ночь, дождь, гром и молния.

Входят бургграф Фрейбургский и Георг фон Вальдштеттен.

Позже рыцари.

ФРЕЙБУРГ

(кричит, оборачиваясь назад).

Снимите ее с лошади.

(Молния и удар грома).

Славно, разрази что хочешь, — только бы не набеленную мелом голову моей дражайшей невесты, Кунигунды фон Турнек.

ГОЛОС
(за сценой).

Эй, где вы?

ФРЕЙБУРГ.

Здесь!

ГЕОРГ.

Пережили вы хоть раз в жизни такую ночь?

ФРЕЙБУРГ.

Льет с неба, затопляя вершины деревьев и скалы, словно второй потоп разразился! — Снимите ее с лошади!

ГОЛОС
(за сценой).

Она не шевелится.

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Лежит, как мертвая, у ног коня.

ФРЕЙБУРГ.

Э, выдумки! Она делает это, только чтобы не потерять своих фальшивых зубов. Скажите ей, что я — бургграф Фрейбургский и сосчитал, сколько у нее во рту настоящих. — Так! Тащите ее сюда!

(Рыцарь Шаурман появляется, неся на плече фрейлейн фон Турнек).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Шаурман с девицею фон Турнек, рыцарь Вецлаф и всадники бургграфа. Два угольщика.

ГЕОРГ.

Вон там изба угольщика.

ФРЕЙБУРГ
(стучится в дверь).

Эй, эй!

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Кто стучится?

ФРЕЙБУРГ.

Без разговоров, бездельник, отворяй.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Ого! Да уж не раньше, чем ключ поверну. Не сам же император стоит под дверью?

ФРЕЙБУРГ.

Негодяй! Хотя и не император, так тот, чья здесь власть и кто обломает себе скипетр с ближайшего сука, чтобы доказать тебе это.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК

(выходит с зажженным фонарем в руках).

Кто вы такие? Чего вам надо?

ФРЕЙБУРГ.

Я — рыцарь; а эта дама, которая сюда привезена смертельно больной, это...

ШАУЕРМАН

(сзади).

Прочь свет!

ВЕЦЛАФ.

Выбей фонарь у него из рук!

ФРЕЙБУРГ

(пока тот отнимает фонарь).

Плут! Будешь ты тут светить?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Господа, надеюсь, что из всех вас я здесь набольший! За-чем вы отнимаете у меня фонарь?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Кто вы такие, и чего вам надо?

ФРЕЙБУРГ.

Рыцари, грубиян ты этакый, сказал уж я тебе!

ГЕОРГ.

Добрые люди, мы — странствующие рыцари, застигнутые непогодой.

ФРЕЙБУРГ

(перебивает).

Воины, идем из Иерусалима, держим путь к себе на родину; а та дама, которую несут, с головы до ног закутанною в плащ, она...

(Удар грома).

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Эге, рычит так, что облака трясутся! — Из Иерусалима, говорите вы?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Из-за этого широкогортого грома ни одного слова не слышишь.

ФРЕЙБУРГ.

Из Иерусалима, да.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

А та женщина, что принесли?..

ГЕОРГ

(указывая на бургграфа).

Она — больная сестра господина, честные люди, и нуждается...

ФРЕЙБУРГ

(перебывает его).

Она — сестра его, прохвост, и моя жена; смертельно больна, как ты видишь, полуубита градом, так что ни слова вымолвить не может; ей необходимо местечко в твоей избе, пока не пройдет гроза и не наступит день.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Для нее местечко в моей избе?

ГЕОРГ.

Да, добрые угольщики; пока не пройдет непогода и пока мы не можем продолжать наш путь.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Клянусь, вы таких слов наговорили, которые не стоят того дыхания легких, которыми вы их выталкивали.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Исаак!

ФРЕЙБУРГ.

Сделаешь это?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Даже и собак императора впустил бы, господа, если бы они были у моих д в е р е й . — И с а а к ! Бездельник! Не слышишь?

МАЛЬЧИК

(из избы).

Эге! Слышу. Что там?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Солому расстели, бездельник, и поверх одеяло; придет больная женщина и устроится в избе. Слышишь?

ФРЕЙБУРГ.

Кто там говорит?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Э, десятилетний мальчишка, белобрысый, прислуживает нам.

ФРЕЙБУРГ.

Хорошо.— Подойди-ка сюда, Шауерман! Здесь одна затычка разъехалась.

ШАУЕРМАН.

Где?

ФРЕЙБУРГ.

Все равно. — Туда ее, в угол! Когда рассветет, я тебя позову.
(Шауерман вносит девицу фон Турнек в избу).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же без рыцаря Шауермана и девицы фон Турнек.

ФРЕЙБУРГ.

Вот, Георг, теперь я изо всех сил ударю в кимвалы радости: она в наших руках, в наших руках эта Кунигунда фон Турнек! Как верно то, что я окрещен именем отца моего; за все блаженство, о котором я молился в юности, я не уступлю той радости, которая суждена мне, когда наступит завтрашний день! — Почему ты раньше не приехал сюда из Вальдштеттена?

ГЕОРГ.

Потому что ты не послал за мною раньше.

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Посмотрел бы ты на нее, как она, точно в сказке, ехала там верхом, окруженная местными рыцарями, подобно солнцу среди планет! И не казалось ли, будто бы она говорит кремешкам дорожным, от которых летели искры: „Вы должны таять, увидев меня?“ Фалестра, царица амазонок, когда она устремилась с Кавказа просить Александра Македонского, чтобы он ее поцеловал, не была пленительнее и очаровательнее, чем эта.

ГЕОРГ.

Где ты ее взял?

ФРЕЙБУРГ.

На расстоянии пяти часов, Георг, пяти часов от Штейнбурга, где рейнграф три дня чествовал ее шумными пирами! Чуть только ее покинули провожавшие ее рыцари, как я сбросил на песок ее двоюродного брата Исидора, который остался при ней, вскопчил с нею на вороного, да и был таков.

ГЕОРГ.

Но, Макс, Макс, что ты затеял?

ФРЕЙБУРГ.

Скажу тебе, друг...

ГЕОРГ.

К чему приведут тебя все эти чудовищные приготовления?

ФРЕЙБУРГ.

Милый! Добрый! Удивительный! Мед Гиблы для этой груди, высохшей, как дерево, от жажды мести. Зачем позволять долее, чтобы это бесплодное существо, подобно олимпийской богине, высилось на пьедестале и от сени христианской церкви отвлекало нас и людей, нам подобных? Лучше долой, в сорную кучу, да наружу то, что было скрыто, чтобы каждый убедился воочию, что никакой бог в ней не обитает.

ГЕОРГ.

Но, ради всего святого, скажи мне, что наполняет тебя такую безумною ненавистью к ней?

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Человек легко бросает в грязь все, что он называет своим, кроме чувства. Георг, я любил ее, но она не была этого достойна. Я любил ее и был отвергнут, Георг; моей любви она не была достойна. Я хочу тебе вот что сказать... Но я бледнею, лишь только подумаю о ней. Георг! Георг! Когда у чертей не хватит выдумки, так пусть они посоветуются с тем петухом, что напрасно вертелся вокруг курочки, а напоследок увидел, что она, изъеденная проказою, для его забавы не годится.

ГЕОРГ.

Но ты не подвергнешь ее мести, недостойной рыцаря?

ФРЕЙБУРГ.

Нет, боже меня сохрани! И никакому слуге не поручу исполнить это над нею. Я возвращу ее рейнграфу в Штейнбурге, где только всего и сделаю, что сниму с нее ее косынку: и в этом будет вся моя месть.

ГЕОРГ.

Что? Снимешь косынку?

ФРЕЙБУРГ.

Да, Георг, и созову народ.

ГЕОРГ.

Ну, и когда это случится, что же ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ну, тогда я стану философствовать по поводу нее. Тогда я дам вам над нею метафизическое положение, как Платон, и потом истолкую мое положение, как дельявал веселый Диоген. Человек есть... Но тише.

(Прислушивается).

ГЕОРГ.

Ну! Человек есть?..

ФРЕЙБУРГ.

Человек есть, согласно Платону, двуногое, неоперенное существо; ты знаешь как это доказал Диоген; он, кажется, ошипал петуха и пустил его в народ. И эта Кунигунда, друг, эта Кунигунда фон Турнек по-моему... Но тише! Не будь я мужчиной, если там кто-то не соскочил с коня!

(Они отходят назад. Входят граф фон Штраль и рыцарь Фламберг).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Граф фон Штраль. Фламберг. Позже Готшальк.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стучится в дверь).

Эй, эй, вы, добрые угольщики!

ФЛАММБЕРГ.

Вот ночь, когда и волков в ущелья попросишь о приюте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Можно войти?

ФРЕЙБУРГ

(заступая ему дорогу).

Позвольте, господа! Кто бы вы ни были...

ГЕОРГ.

Вам здесь нельзя остановиться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя? Почему нельзя?

ФРЕЙБУРГ.

Потому что в доме нет больше места — ни для вас, ни для нас. Там, в единственном углу, который свободен, лежит моя опасно-больная жена, и с нею прислуга, ухаживает за нею. Не захотите же вы выгнать мою жену оттуда.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет, клянусь честью! Напротив, я желаю ей скорее оправиться в этой избе.

(Зовет, оборачиваясь назад).

Готшальк!

ФЛАММБЕРГ.

Теперь мы переночуем в гостинице Голубого Неба.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(как прежде)

Готшальк, тебя я зову!

ГОТШАЛЬК

(вблизи).

Здесь.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Поддай сюда одеяла! Мы расположимся здесь, под ветвями.
(Входят слуга Готшальк и мальчик-угольщик).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Готшальк. Мальчик-угольщик.

ГОТШАЛЬК

(принеся одеяло, шопотом).

Чорт знает, что за дела здесь творятся. Мальчик говорит, что там внутри латник, который охраняет девушку; она лежит связанная, с заткнутым ртом как теленок, которого привезли на бойню.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(шопотом).

Что ты говоришь? Девушка? Связанная и с заткнутым ртом? Кто это тебе сказал?

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Откуда ты это знаешь?

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(испуганно).

Тс!— Ради всех святых! Господа, что вам?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Подойди.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Я говорю: тс!

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Кто это тебе сказал? Говори!

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(таинственно, оглянувшись предварительно).

Я это заметил, господа. Лежал на соломе, когда они внесли ее и сказали, что она больна. Осветил ее лампой и заметил, что она здорова, и щеки у нее не хуже, чем у нашей Лоры. И вздыхала, и сжимала мне руки, и улыбалась, и сказала так понятно, как умная собака: „Развяжи меня, милый мальчик, развяжи меня“, — что я это глазами услышал и пальцами понял.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вот что, мальчик, милый мой, белокурый, — ты так и сделай!

ФЛАММБЕРГ.

Что ты медлишь? Что ты делаешь?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Развяжи ее и пошли сюда.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(боязливо).

Гс! говорю я вам. Будьте как рыбы! А ну, как поднимутся они все трое, да подойдут сюда, да увидят, что делается?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ничего, славный ты мальчуган, ничего.

ФЛАММБЕРГ.

Им оттуда ничего не слышно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Им только и заботы — от дождя укрываться.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(озираясь).

А вы заступитесь за меня?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Конечно, заступлюсь, как верно то, что я — рыцарь.

ФЛАММБЕРГ.

Уж в этом будь уверен.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Ладно, я скажу отцу. А вы поглядывайте, что я сделаю: войду ли я в избу или нет.

(Вступает в разговор со старым угольщиком, который стоит сзади, у огня, и затем исчезает вместе со стариком в избе.)

ФЛАММБЕРГ.

Это что за ребята? Рыцари Вельзевула, которым орденскою мантиею служит ночь? Супруги, которые, сочетались на большой дороге кандалами да веревкой?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Больная, говорят они.

ФЛАММБЕРГ.

Опасно-больная, и благодарна за всякую помощь!

ГОТШАЛЬК.

Ну, погоди! Мы их разведем.

(Пауза).

ШАУЕРМАН

(в избе).

Эй! эге! Скотина!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вставай, Фламберг, поднимайся!

(Они встают).

ФРЕЙБУРГ.

Что такое?

(Сторонники бургграфа поднимаются).

ШАУЕРМАН.

На меня напали! На меня напали!

(Показывается Кунигунда).

ФРЕЙБУРГ.

Боги! Что я вижу!

(Кунигунда фон Турнек, в дорожном платье, с распущенными волосами, выходит из избы).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Т е же, без угольщика и его мальчика. Девица Кунигунда фон Турнек.

КУНИГУНДА

(бросается на колени перед графом фон Штраль).

Спаситель мой! Кто б ни были! Вступитесь

За опозоренную многократно

Девичью честь. Ведь рыцарская клятва —

Невинность защищать, и вот во прахе

Она перед вами молит о защите.

ФРЕЙБУРГ.

Ее возьмите, люди!

ГЕОРГ

(удерживая его).

Макс, послушай!

ФРЕЙБУРГ.

Держите, говорю! Молчать заставьте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Прочь, господа! Что надо вам?

ФРЕЙБУРГ.

Что надо?

Ах, чорт возьми! Жену! Скорей! Берите!

КУНИГУНДА.

— Твою жену? Ты — лжец!

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ

(строго).

Не смей! Не трогай!

Что надобно тебе от этой дамы,
Ты это мне скажи! Она теперь
Моя, отдавшись под мою защиту.

(Поднимает ее).

ФРЕЙБУРГ.

Да кто ты, дерзкий, чтобы становиться
Между супругами? Кто это право
Тебе дает — жену отнять от мужа?

КУНИГУНДА.

Жену? Злодей! Тебе я не жена!

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

А ты кто, негодяй, что называешь
Ее своей женою, плут проклятый,
Своей зовешь, девичий вор бесстыжий,
Ту девушку, с которой чорт в аду
Тебя венчал веревкою да кляпом?

ФРЕЙБУРГ.

Как? Что? Кто?

ГЕОРГ.

Макс, прошу тебя.

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Кто ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ошиблись очень вы...

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Кто ты? Скажи!

ФРЕЙБУРГ.

Не думайте, что я...

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Подайте свет!

ФРЕЙБУРГ.

Та женщина, что я привез с собою...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я говорю — фонарь подайте!

(Готшалк и угольщики выходят из избы с горящими факелами)

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Угольщики, Готшалк.

ФРЕЙБУРГ.

Я...

ГЕОРГ

(топотом).

Ты — сумасброд! Бежим! Скорей отсюда!
Навеки запятнать свой герб ты хочешь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, угольщики честные, светите!

(Фрейбург по знаку Георга опускает забрало. Фрейбургу).

Кто ты? Скажи! Да подними забрало!

ФРЕЙБУРГ.

Я, господа...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Забрало прочь!

ФРЕЙБУРГ.

Вам слышно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты вздумал безнаказанно, бездельник,
На мой вопрос смолчать, как я на твой?

(Срывает с его головы шлем; бурграф пошатнулся).

ШАУЕРМАН.

Швырни-ка смельчака вот так же наземь.

ВЕИЦАФ

Живее! Меч!

ФРЕЙБУРГ.

Безумный, как ты смеешь!

(Он выпрямляется, извлекает меч и нападает на графа; тот уклоняется от удара).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Противишься ты мне, жених подложный!

(Поражает его)

Ступай же в ад, откуда ты пришел,
И там отпразднуй свой медовый месяц!

ВЕЦЛАФ.

Смотрите! Ужас! Поражен, упал!

ФЛАММБЕРГ

(нападая).

Вперед, друзья!

ШАУЕРМАН.

Бежим скорее!

ФЛАММБЕРГ.

Бейте!

Гоните сволочь, чтоб скорей бежала.

(Люди бургграфа бегут. Никто не остается, кроме Георга, который занят раненым Фрейбургом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О, всемогущие! Кого я вижу!

Ты, Фрейбург?

КУНИГУНДА

(про себя)

Чортов лис неблагодарный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто эта девушка тебе, несчастный?

Зачем она тебе?

ГЕОРГ.

Сказать не может.

Кровь с головы ему стекает в рот.

КУНИГУНДА.

Пусть захлебнется в ней!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Как сон все это!

(Садится обдумывая).

Он человек был честный и прямой.

К нему на помощь, люди!

ФЛАММБЕРГ.

Поднимайте

Его, скорей туда в избу несите.

(Георг и угольщики уносят Фрейбурга).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Фрейбурга, Георга и угольщиков.

КУНИГУНДА.

В могилу закопать! Лопат сюда!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Не беспокойтесь! Так как он повержен,

То вам не повредит и незарытый.

КУНИГУНДА.

Я попрошу воды.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам очень дурно?

КУНИГУНДА

Нет, ничего... Он... Помогите!.. Сесть бы!

Ох!

(Пошатывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Боже мой! Эй! Готшальк! Помог!

ГОТШАЛЬК.

Огня сюда!

КУНИГУНДА.

Не надо, нет!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам лучше?

КУНИГУНДА.

Теперь в глазах моих не так темно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Что это так внезапно вас схватило?

КУНИГУНДА

(опять на коленях перед графом фон Штраль)
Великодушный мой спаситель, это
Как назову? Какое злодеянье
Бесчеловечное меня здесь ждало?
Подумаю ль, что здесь без вас, конечно,
Произошло б, я вся дрожу от страха,
И ни рукой не двинуть, ни ногою.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Скажите, кто вы? Что случилось с вами?

КУНИГУНДА

Как рада я теперь открыть вам это!
Ваш меч свершенным вами делом не был
Унижен; Кунигунда, баронесса
Фон Турнек перед вами, знайте это;
Мне сладостную жизнь вы сохранили,
За это благодарностью воздаст вам
Весь род мой в Турнеке, не только я.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вы? Это невозможно! Кунигунда
Фон Турнек?

КУНИГУНДА

Да. Что удивляет вас?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает)

Ну что ж, сказать по чести, очень жалко,
Что из огня вы в полымя попали:
Ведь я же — Фридрих Веттер, граф фон Штраль!

КУНИГУНДА.

Как? Ваше имя? Тот, кто спас меня?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я — Фридрих Штраль, вы слышали. Мне жалко,
Что лучшего сказать вам не могу.

КУНИГУНДА

(встает).

О, господи! Какое испытанье!

ГОТШАЛЬК

(тихо).

Фон Турнек? Так ли?

ФЛАММБЕРГ

(с удивлением).

Да, она, ей богу!

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Пусть так. Пусть это чувство, что в груди
Моей горит, не будет мне помехой.
Одно лишь чувствовать и думать буду—
Невинность, честь и жизнь нашли защиту
От волка этого, что здесь повергнут.
Приди ты, золотой, любезный, юный,
Спаситель мой, возьми кольцо вот это
Одно, что дать теперь тебе могу:
Воздам лишь им я юному герою
За подвиг смелый, узы разрешивший,
Избавивший меня от поношенья.
За подвиг, сделавший меня счастливой!
(Обращается к графу).

Мой повелитель, вашим назову я
Все, что мое! Как вы со мной решите?
Я в вашей власти; что со мною будет?
Должна ль я ехать в рыцарский ваш замок?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не без смущения).

Ко мне не так далеко, госпожа.
Садитесь на коня, и у графини,
У матери моей, переночуйте.

КУНИГУНДА.

Коня мне дайте!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(после короткой паузы).

И простите мне,

Что обстоятельства, в которых мы...

КУНИГУНДА.

Нет, нет! Прошу вас очень! Мне так стыдно!
Безропотно пошла бы я в темницу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

В темницу! Что вы! Убедитесь сами...

КУНИГУНДА

(перебивая его).

Я вашей милости не стою. Дайте

Мне вашу руку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Факелов! Светите!

(Оба уходят.)

ГОТШАЛЬК

(радостно потирая руки).

Забавно, право, — из кулька в рогожку!

(Перемена сцены).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда фон Турнек полуодетая, в романтическом костюме, входит и садится перед зеркалом у туалетного столика. За нею входят ее горничная Розалия и старая Бригитта.

РОЗАЛИЯ

(Бригитте).

Сюда, бабушка, садись! Граф фом Штраль приказал доложить о нем моей госпоже; надо мне только ее волосы причесать, и она пока охотно послушает твои рассказы.

БРИГИТТА

(садится).

Так вы — госпожа Кунигунда фон Турнек?

КУНИГУНДА.

Да, бабушка, это я.

БРИГИТТА.

И зоветесь вы дочерью императора?

КУНИГУНДА.

Императора? Нет; кто тебе это сказал? Ныне живущий император — чужой мне; я — правнучка одного из прежних императоров, который сидел на германском престоле в прошлом столетии.

БРИГИТТА.

О, господи! Возможно ли это? Дочь правнука...

КУНИГУНДА.

Ну да!

РОЗАЛИЯ.

Разве я тебе этого не говорила?

БРИГИТТА.

Ну, ей богу, могу я теперь и в могилу лечь: вот он, сон-то графа фом Штраль!

КУНИГУНДА.

Какой сон?

РОЗАЛИЯ.

Слушайте только, слушайте! Это — самая чудесная история в свете! Но говори покороче, бабушка, и постереги вход; потому что времени, как я тебе сказала, у нас не много.

БРИГИТТА.

В конце позапрошлого года граф захворал от какой-то странной тоски, причины которой никто не мог отгадать; совсем слабый, лежал он с лихорадочно-красным лицом и бредил; врачи, которые исчерпали свои средства, говорили, что его ничем не спасти. Все, что было замкнуто в его сердце, теперь, в безумии горячки, перешло на его язык: он охотно, — говорил он, — расстается с жизнью; нет девушки, которая могла бы его полюбить; но жизнь без любви — смерть: мир называл он могилою, а могилу — колыбелью, и думал, что только в ней бы он родился вновь. Три ночи, одна за другою, в течение которых его мать не отходила от его постели, рассказывал он ей, что ему являлся ангел и зывал к нему: „Надейся, надейся, надейся!“ На графинин вопрос: не укрепилось ли его сердце от этого воззвания посла небесного, он отвечал: „Укрепилось? Нет!“ и со вздохом прибавлял: „Так будет, будет, матушка! Когда увижу ее!“ Графиня спросила: „И ты ее увидишь?“ — „Наверное!“ отвечал он. „Когда? — спросила она. — Где?“ — „В Сильвестрову ночь, когда наступит новый год, он приведет меня к ней“. — „Кто, — спросила она, — милый? К кому?“ — „Ангел, — сказал он, — к моей девушке“, отвернулся, и заснул.

КУНИГУНДА.

Бредни!

РОЗАЛИЯ.

Да вы дальше послушайте. — Ну?

БРИГИТТА.

Вот в Сильвестрову ночь, в тот самый миг, когда год переменяется, приподнялся он с постели, устался в угол комнаты, словно видение ему было, и, показывая рукою: — „Мама, мама, мама!“ — сказал он. — „Что такое?“ — спросила она. — „Там, там!“ —

„Где?“ — „Скорее!“ — сказал он. — „Что?“ — „Шлем! Латы! Меч!“ — „Куда же ты?“ — спросила мать. — „К ней, — сказал он, — к ней! Так! так! так!“ — и опрокинулся: — „Прощай, мама, прощай!“ — вытянулся, и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Мертвый?

РОЗАЛИЯ.

Мертвый, да!

КУНИГУНДА.

Она хочет сказать, похожий на мертвеца.

РОЗАЛИЯ.

Она сказала: мертвый. Не мешайте ей. — Н у ?

БРИГИТТА.

Мы приникли к его груди: было так тихо там, как в пустом покое. Перо перед ним держали, испытать его дыхание: оно не колыхнулось. Врач думал, что и в самом деле душа оставила его; боязливо кликал его по имени в самое ухо; чтобы оживить его, давал ему что-то нюхать; колот его шпильками и иголками, выдергивал ему волосы, так что кровь показалась; напрасно: он не двинул ни рукою, ни ногою и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Ну? Потом что?

БРИГИТТА.

Потом, долгонько так пролежавши, он встрепенулся, повернулся с печальным лицом к стене, и сказал: — „Ах, вот они принесли свечи! Вот она опять исчезла!“ — словно бы этот свет что-то спугнул. И тогда графиня нагнулась над ним, и прижала его к своей груди, и сказала: — „Мой Фридрих! Где ты был?“ — „У нее, — отвечал он радостным голосом, — у той, которая меня любит, у невесты, которую мне назначило небо! Иди, мать, иди, и прикажи во всех церквах молиться за меня: потому что теперь я хочу жить“.

КУНИГУНДА.

И он действительно поправился?

РОЗАЛИЯ.

Это — подлинное чудо.

БРИГИТТА.

Поправился, барышня, поправился в самом деле; с того же часа пришел в себя и, точно освященный небесным бальзамом, вернул опять свои силы, и месяца не прошло, он уже стал здоров, как прежде.

КУНИГУНДА

И рассказывал? Что же он рассказывал?

БРИГИТТА

Ах, и рассказывал, и конца не было рассказам: как ангел вел его за руку через ночную тьму; как он тихонько открыл девичью спаленку и, чтобы войти к ней, озарил все стены своим сиянием; как лежало там золотое дитя, ни во что, как только в рубашечку облеченное, и, увидев его, широко раскрыло глаза, и позвало голосом, стесненным от удивления: „Марианна!“ а голос то этот ни за что бы не услышал тот, кто спал в соседней комнате; как она потом, все больше и больше загораясь пурпуром радости, поднялась с постели, и опустилась перед ним на колени, голову склонила, и прошептала: „Мой высокий господин!“ — как ангел сказал ему потом, что это — дочь императора, и показал ему родимое пятно, красноватое, что было у девушки на затылке, — как он, потрясаемый беспредельным восторгом, взял ее за подбородок, чтобы посмотреть ее лицо; и как окаянная девка, Марианна, вошла со свечкой, и с ее приходом все видение исчезло.

КУНИГУНДА

Так ты думаешь, что эта дочь императора...

БРИГИТТА

Кто же еще?

РОЗАЛИЯ.

И я это говорю.

БРИГИТТА.

Во всем Штральбурге после вашего приезда кто бы ни узнал, кто вы, всяк всплескнет руками и кричит: „Это — о н а ! “

РОЗАЛИЯ.

Немного недостает, чтобы колокола свои языки развязали и зазвонили: да, да, да!

КУНИГУНДА

(встает).

Благодарю тебя, бабушка, за твой рассказ. Пока возьми эти серьги на память, и ступай себе.

(Бригитта уходит).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.
(Кунигунда и Розалия).

КУНИГУНДА
(прислушиваясь).

Идет там кто-то?

РОЗАЛИЯ.
Где?

КУНИГУНДА.
По галерее.

РОЗАЛИЯ.
Нет...

КУНИГУНДА
Все, Розалия, скорее прочь!
(Встает).

РОЗАЛИЯ
(в сторону).
Что с ней?
(Вслух).

Нет никого.

КУНИГУНДА.
Нет?

РОЗАЛИЯ.
Никого;
Лишь только ветер, флюгер шевеля,
Шумит.

КУНИГУНДА.
А мне слышались шаги.
Застали б нас врасплох, беда была бы!
Розалия, все это убери!

РОЗАЛИЯ.
Ну, если б вас увидели такую,
Подумали б, — сказать не смею, что!

КУНИГУНДА.
Оставь, потом об этом.
(Снова подходит к зеркалу).
Ах, друг мой!

Какое счастье мне, что ты случайно
Попала в этот замок и поможешь,
Верна мне как всегда, умно повесить

От хитрого надзора неразумных
 То, что во мне должно остаться скрытым!
 Но, милая, не скажешь ли ты мне
 Чего-нибудь о том... моем тиране?
 В избе, в лесу оставили его.
 Он жив?

РОЗАЛИЯ.

Когда б желанья убивали,
 Сказала б: умер он. А так, — не знаю.

КУНИГУНДА.

Наведайся. Пока я не узнала,
 Для сердца моего все нет покоя.
 Когда ты скажешь мне, мой друг: он умер,
 Его уста закрылись навеки, —
 За слово каждое я награжу
 Жемчужиной тебя, как королева.

(Поглядевшись в зеркало, и д е т в глубокой задумчивости к окну налево и открывает его. — Пауза).

Розалия, ты привела в порядок
 Все, что я приготовила для графа?
 Свидетельства и письма?

РОЗАЛИЯ

(оставаясь у туалетного столика).

Здесь они.

Лежат все вместе в этой вот обложке.

КУНИГУНДА.

Дай мне...

(Берет со двора в комнату прикрепленный снаружи прут, намазанный клеем).

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня?

КУНИГУНДА

(оживленно).

Взгляни, девица,

Не от крыла ли здесь остался след?

РОЗАЛИЯ

(подходя к ней).

Что там у вас?

КУНИГУНДА.

Вот клейкий прут. Не знаю,
 Кто к этому окну его подвесил!
 Смотри, уж не крыло ль его задело?

РОЗАЛИЯ.

Конечно, след крыла. Кто был там? Чиж?

КУНИГУНДА.

То зяблик был, которого напрасно
Все утро я приманивать старалась.

РОЗАЛИЯ.

Взгляните, — перышко он здесь оставил!

КУНИГУНДА
(задумавшись).

Так дай же мне...

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня? Бумаги?

КУНИГУНДА
(смеясь, хлопает ее).

Плутовка! — Просо дай, что там стоит.

(Розалия смеется, идет и подает просо. Слуга входит в среднюю дверь).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Розалия. Слуга.

СЛУГА
(докладывает).

Граф Веттер фон Штраль и графиня, его мать.

КУНИГУНДА
(бросая все, что у нее в руках).
Живее! Прочь все это!

РОЗАЛИЯ.
Сейчас, сейчас!
(Закрывает туалет и уходит направо).

КУНИГУНДА
(слуге).

Добро пожаловать.

(Слуга отступает, давая пройти, и исчезает. Графиня Елена и граф Веттер фон Штраль входят в среднюю дверь).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Графиня Елена. Граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(идет им навстречу).

О, мать почтенная того, кто жизнь
Мне спас! Чему обязана я счастьем,
Которое мне дарите, вас видеть,
И милостью — облобызать вам руки?

ГРАФИНЯ.

Смущаете меня вы, фрейлейн. К вам я
Пришла, поцеловать вам лоб, спросить вас,
Вам хорошо ли в доме у меня.

КУНИГУНДА.

Прекрасно. Я нашла здесь все, что надо.
Я вашей милости не заслужила,
Вы обо мне заботитесь, как мать.
И если что покой мой нарушало,
То это — стыд будящее смущенье;
Но было мне достаточно минуты,
Чтоб этот спор в моей груди был кончен.

(Обращаемся к графу).

Что с вашей левою рукою, граф?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Моя рука? Поверьте, ваш вопрос
Чувствительнее мне, чем эта рана!
Я о седло ушибся, помогая
С коня сойти вам, — больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Ты ранен? Я об этом и не знала.

КУНИГУНДА.

Когда мы замка этого достигли,
Кровь алой струйкой вытекла из раны.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сама рука об этом уж забыла.
И если этой кровью заплатил
Я Фрейбургу за вас, сказать могу я,
За плату малую он вас мне продал.

КУНИГУНДА.

Так цените ее вы, но не я.

(Обращается к графине).

Что ж, госпожа? Вам не угодно есть?

(П о д а е т стул. Граф приносит два других; все садятся).

ГРАФИНЯ.

О будущем что думаете вы?

Вы положение взвесили, в котором

Находитесь? Вы знаете какой

Путь изберет в дальнейшем ваше сердце?

КУНИГУНДА

(тронутая).

Достопочтенная графиня, дни,

Отсчитанные мне, хочу отметить

Хвалой, и благодарностью, и ярким

Воспоминанием о том, что было,

Неутомимо прославляя вас

И весь ваш дом, пока последний вздох мой

Поднимет грудь мою, коль будет мне

Разрешено к моим вернуться в Турнек.

(Плачет).

ГРАФИНЯ.

Когда хотите вы к своим вернуться?

КУНИГУНДА.

Желала б я, — ждут тетуски меня, —

Поехать завтра, если можно будет,

Или на этих днях, по крайней мере.

ГРАФИНЯ.

Вы не боитесь никакой помехи?

КУНИГУНДА.

О нет, светлейшая, когда вы только

Позволите мне с вами объясниться.

(Целует графине руку, встает, и приносит бумаги).

Прошу вас взять вот это, граф фом Штраль!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(встает).

Могу ли я узнать, что это, фрейлейн?

КУНИГУНДА.

Здесь документы все об этом спорном

Владении вашем, Штауфен, те бумаги,

Которыми оправдан был мой иск.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сударыня, мне стыдно, в самом деле!
И если вы уверены, что эта
Тетрадь — опора прав, — я уступаю,
Хотя б избы последней я лишился!

КУНИГУНДА.

Возьмите, граф фон Штраль! Все документы
Двусмысленны, признаюсь, и просрочен
Тот выкуп, о котором говорится.
Но будь мое, как солнце, ясно право,
Я против вас его уж не направлю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я никогда их не возьму, конечно!
Как радостный подарок принимаю
От вас я мир; но если есть сомненье,
Что эти документы подтверждают
За вами все права на Штауфен, надо,
Чтоб император дело разобрал
И чтоб закон решил, кто заблуждался.

КУНИГУНДА

(графине).

Тогда хоть вы меня освободите,
Графиня, от бумажек этих жалких,
Которые мне руки жгут, и чувствую,
Меня одушевившему, противны,
И ни на что мне больше не нужны,
Хоть проживи я лет до девяноста.

ГРАФИНЯ

(также встает).

Нет, дорогая! Ваша благодарность
Заводит вас далеко. Что семье всей
Принадлежит, не можете отдать вы
В порыве мимолетном, вас объявшем.
Примите предложение сына, дайте
В Вецларе эти рассмотреть бумаги;
Поверьте, нам вы будете любезны,
Какое б там ни приняли решение.

КУНИГУНДА

(страстно).

Ну что ж, моим ведь только было право!
И у родных мне спрашивать не надо,
А сыну завещаю только сердце!

Господ в Вецларе я не потревожу:
Здесь пламенная грудь решает это!
(Разрывает бумаги, и бросает их).

ГРАФИНЯ.

Ах, милое, беспечное дитя,
Что сделали вы? — Подойдите,
Я поцелую вас, коль так уж вышло.
(Обнимает ее).

КУНИГУНДА.

Пусть чувству этому, что загорелось
В моей груди, ничто уж не перечит!
Я не хочу, чтобы стена стояла
Меж избавителем моим и мною!
Всю жизнь мою хочу я без помехи
Дышать одним, — его любить и славить.

ГРАФИНЯ

(растроганная).

Так, девочка моя. Теперь довольно,
Взволнованы вы слишком.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я желал бы,
Чтоб вы потом об этом не жалели.
(Пауза).

КУНИГУНДА

(осушая глаза).

Когда же позволят мне вернуться в Турнек?

ГРАФИНЯ.

Когда хотите! Сын вас сам проводит.

КУНИГУНДА.

Так завтра!

ГРАФИНЯ.

Хорошо! Вы так хотите,
А я бы рада видеть вас подольше.
Но наш обед разделите вы с нами?

КУНИГУНДА

(склоняясь перед нею).

Лишь с сердцем справлюсь, — я к услугам вашим.
(С в и д о м смирения уходит в правую дверь).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Графиня Е л е н а . Граф фон Ш т р а л ь .

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Как верно то, что я — мужчина, в жены
Ее хочу!

ГРАФИНЯ.

Ну, ну, ну, ну!

ГРАФ Ф О М Ш Т Р А Л ь .

Что? Нет?

Ты хочешь, чтобы я невесту выбрал,
Но не ее? Не эту?

ГРАФИНЯ.

Что с тобою?

Сказала ль я, что мне она противна?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Ведь не сегодня ж требую я свадьбы.
Ее был предком старый император,
Она в империи желанна многим.

ГРАФИНЯ.

А в ночь Сильвестра сон вешал о ней?
Как думаешь?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Таить не стану: да!

Я не скажу, что все мне в ней приятно;
Мне кажется, нет женщин на земле
Таких же мстительных, таких коварных.
И если ненависть владеет ею,
Она ужасна; но великодушна,
Когда сплетет могущество любви
Сеть крепкую вокруг души могучей,
И верю я в могущество любви.
Я знаю, правда, девушку одну,
Достойную высокого супруга,
Невинную душой и телом, с сердцем

Великим и мне преданным до смерти,
Но той фиалки цвет не мне, — и выбрал
Я для меня раскрывшуюся ныне
Так ярко розу.

ГРАФИНЯ.

Над ее шипами
Подумаем сначала хоть немного.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но так, чтобы ее мне не лишиться.

(Оба уходят в среднюю дверь).

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Горы и лес. Направо уединенная келья.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Теобальд и Готфрид Фридеборн сводят Кетхен со скалы, возвышающейся перед хижиною.

ТЕОБАЛЬД.

Берегись, милая моя Кетхен; видишь, расселина в горной тропинке. Поставь свою ногу вон на этот камень, — он пооброс мохом; если бы я знал, где можно найти розу, я бы тебе сказал. Так!

ГОТФРИД.

Ты ведь богу, Кетхен, ничего не скажешь о дороге, которою сегодня хотела пойти? А то я думал, что на перекрестке, где стоит изображение девы Марии, два ангела придут, юные, величавые видом, со снежно-белыми крыльями за плечами, и скажут: Прощай, Теобальд! Прощай, Готфрид! Вернитесь туда, откуда вы пришли; мы теперь поведем дальше Кетхен по ее дороге к богу. — Но ничего этого не случилось; мы должны проводить тебя до самого монастыря.

ТЕОБАЛЬД.

Так тихо стоят дубы, раскинувшиеся по горам: слышно, как там стучит дятел. Мне кажется, знают они, что Кетхен пришла, и прислушиваются к тому, что она думает. Чем бы я ни стал, чтобы только узнать это! Звон арфы не может быть нежнее, чем ее чувства; Израиль отшатнулся бы от Давида, и с ее слов научился бы новой псалтири. — Милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Скажи хоть слово.

КЕТХЕН.

Мы уже у цели?

ТЕОБАЛЬД.

Да, у цели. Там, в том приветливом здании, которое вместе со своими башнями сжато горами, едва в тысяче шагов отсюда, находятся тихие кельи благочестивых монахов-августинцев; и здесь освященное место, где они молятся.

КЕТХЕН.

Я чувствую себя усталою.

ТЕОБАЛЬД.

Посидим. Подойди ко мне, дай руку, я поддержу тебя. Здесь, перед этою решеткою, скамейка есть, обросшая короткою и густою травою: взгляни, самое приятное местечко, какое только я когда-нибудь видел.

(Кетхен садится).

ГОТФРИД.

Как ты себя чувствуешь?

КЕТХЕН.

Очень хорошо.

ТЕОБАЛЬД.

Ты бледна, все-таки, и лоб твой влажен от пота.

(Пауза).

ГОТФРИД.

Прежде ты была такая крепкая, милою за милою могла итти, через лес и через поле, а чтобы отдохнуть хорошенько, тебе нужен был только камень под голову да узелок, который ты за плечом носила; а сегодня ты так истощена, что, кажется, все постели, на которых почивает императрица, не помогут тебе опять стать на ноги.

ТЕОБАЛЬД.

Не подкрепиться ли тебе чем-нибудь?

ГОТФРИД.

Пойти и принести тебе глоток воды?

ТЕОБАЛЬД.

Или отыскать для тебя сочный плод?

ГОТФРИД.

Скажи, милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Благодарю тебя, милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ты благодаришь нас?

ГОТФРИД.

Ты отказываешься ото всего?

ТЕОБАЛЬД.

Тебе ничего не надо, только бы скорее конец, только бы я пошел и сказал приору Гатто, моему старому другу: вот перед тобою старый Теобальд, он хочет схоронить своего единственного милого ребенка!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ладно. Пусть так. Но прежде, чем мы сделаем решительные шаги, которых нельзя уже будет вернуть, я хочу сказать тебе еще кое-что. Я скажу тебе, что пришло в голову Готфриду и мне на пути сюда и что, как нам кажется, необходимо сделать, прежде чем мы переговорим об этом деле с приором. Сказать тебе, в чем дело?

КЕТХЕН.

Говори!

ТЕОБАЛЬД.

Так вот, начнем, замечай себе все и хорошенько пытай свое сердце! Ты хочешь, чтобы приор Гатто хлопотал о приеме твоём в монастырь урсулинок, скрывающийся глубоко в пустынных горах, поросших сосновым лесом. Тебя уже не прельщает мир, милое поле жизни; одинокое и благочестивое созерцание божьего лика должно заменить тебе отца, брак, детей и ласки маленьких цветущих внучат.

КЕТХЕН.

Да, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД

(помолчав немного),

А что, если бы возвратиться тебе на несколько недель, пока погода еще хороша, к тем стенам, и там еще раз обдумать решение?

КЕТХЕН.

Как?

ТЕОБАЛЬД.

Я говорю, вернуться бы тебе опять к Штральбургу, под твою бузину, где чижи свили себе гнезда, у скалистого отвеса, откуда, ты знаешь, замок глядит на деревни и поля страны, светясь в лучах солнца?

КЕТХЕН.

Нет, дорогой отец!

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН.

Граф, господин мой, запретил мне это.

ТЕОБАЛЬД.

Он тебе запретил. Хорошо. И того, что он запретил, ты и не должна делать. Однако, если бы я пошел к нему и просил, чтобы он это позволил?

КЕТХЕН.

Как? Что ты говоришь?

ТЕОБАЛЬД.

Если бы я просил его тебе оставить местечко, где тебе так хорошо, а мне свободу дружески тебя снабжать там же всем, что тебе необходимо?

КЕТХЕН.

Нет, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН

(втоске).

Ты этого не сделаешь; а если бы ты это сделал, граф не позволит; а если бы он позволил, мне все равно нечего было бы делать с его разрешением.

ТЕОБАЛЬД.

Кетхен! Милая моя Кетхен! Я сделаю это. Я повернусь перед ним, как теперь перед тобою, и скажу: мой высокий господин! позвольте Кетхен жить под небом, которое распростерто над вашим замком; и, когда вы выезжаете верхом, дозвольте, чтобы она издали, на полет стрелы, следовала за вами, а когда настает ночь, дайте ей местечко на соломе, разостланной для ваших гордых коней! Это все-таки лучше, чем ей погибнуть от скорби.

КЕТХЕН

(также опускаясь перед н и м на колени).

О, господи, владыка небесный! Ты уничтожаешь меня! Твои слова, точно ножом, крест на крест пронизали мою грудь! Теперь уже я не хочу идти в монастырь, я вернусь с тобою в Гейльбронн; я забуду графа, и выйду замуж за кого ты хочешь; даже если бы моею брачного постелью стала могила восьми локтей глубиной.

ТЕОБАЛЬД

(вставая и поднимая ее).

Ты не сердись на меня, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, нет! Что это пришло тебе в голову?

ТЕОБАЛЬД.

Я отведу тебя в монастырь.

КЕТХЕН.

Ни за что, никогда. Ни в Штральбург, ни к урсулинкам! Только отведи меня на ночь к приору, где бы я могла преклонить голову и отдохнуть; на заре, если можно будет, пойдем обратно.

(Плачет).

ГОТФРИД.

Что ты наделал, старик?

ТЕОБАЛЬД.

Ах! Я довел ее до болезни!

ГОТФРИД

(звонит).

Дома приор Гатто?

ПРИВРАТНИК

(открывает дверь).

Иисусу Христу слава!

ТЕОБАЛЬД.

Во веки веков, аминь!

ГОТФРИД.

Может быть, она придет в себя.

ТЕОБАЛЬД.

Иди, дочь моя! Да просветит тебя господь своею премудростью, чтобы все повернулось к добру.

КЕТХЕН

(молитвенно складывая руки).

Просвети меня, господи, и помоги мне.

(Уходят).

Перемена сцены: гостиница.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф фон Штейн и Фридрих фон Гернштадт входят, за ними Яков Пех, хозяин гостиницы и слуги, сопровождающие рейнграфа.

РЕЙНГРАФ

(слугам).

Расседлайте коней! Поставьте часовых на триста шагов вокруг гостиницы, и впускайте всякого, не выпускайте никого! Кормите лошадей и сами оставайтесь в конюшнях, и показывайтесь как можно меньше; когда Эгингард вернется с известиями из Турнека, я отдам вам дальнейшие приказания.

(Слуги удаляются направо)

Кто живет здесь!

ЯКОВПЕХ

С позволения вашей милости, я и моя жена, могущественный господин!

РЕЙНГРАФ.

Кто еще?

ЯКОВПЕХ

Трое парней.

РЕЙНГРАФ.

А здесь?

ЯКОВ ПЕХ

Скот.

РЕЙНГРАФ.

Как?

ЯКОВПЕХ

Скот, — свинья с ее пометом, с позволения вашей милости; это — свинятник, на дворе из дранок сколочен.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. — А здесь кто живет?

ЯКОВПЕХ

Где?

РЕЙНГРАФ.

За этою третью дверью?

ЯКОВПЕХ

Никто, с позволения вашей милости.

РЕЙНГРАФ.

Никто?

ЯКОВПЕХ

Никто, могущественный господин, доподлинно так. Или, вернее, всякий. Это выходит опять на открытое поле.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. — Как тебя зовут?

ЯКОВПЕХ

Яков Пех.

РЕЙНГРАФ.

Пошел прочь, Яков Пех!..

(Яков Пех уходит направо, в гостиницу).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф, Фридрих.

РЕЙНГРАФ.

Я подберусь здесь в клубок, как паук, чтоб быть похожим на кучку невинной пыли; а когда она попадется в сети, эта Кунигунда, чтобы наброситься на нее и вонзить глубоко в ее неверную грудь жало мести; убить, убить, убить, и ее костяк, как монумент блудницы, спрятать на чердаке Штейнбурга!

ФРИДРИХ.

Тихе, тихе, Альбрехт! Эгингард, которого ты послал в Турнек, еще не возвратился с подтверждением того, что ты подозреваешь.

РЕЙНГРАФ.

Правда твоя, друг; Эгингард еще не возвратился. Правда, в записке, которую мне прислала негодница, написано: она имеет честь мне откланяться; нет надобности в том, чтобы я впредь добивался ее; Штауфен уступлен ей графом фон Штраль путем дружеского посредничества. Клянусь моей бессмертной душою! Будь в этом какой-нибудь честный смысл, я готов проглотить это, и снова распустить войска, и отменить военные приготовления, которые я сделал ради нее. Но если Эгингард придет и скажет мне то, о чем уже донесли до меня слухи, будто она обручилась с ним, тогда я сложу мою учтивость, как перочинный ножик, и уж сумею выколотить военные расходы, даже если бы пришлось перевернуть ее и по геллеру вытряхивать у нее из карманов все сполна.

(Эгингард фон дер Варт входит справа).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Эгингард. Потом трое парней хозяина.

РЕЙНГРАФ.

Прими, мой друг, верный братский привет! — Что творится в замке Турнек?

ЭГИНГАРД.

Друзья, все так, как нам известно по слухам. Они плывут на всех парусах по океану любви, и прежде, чем обновится месяц, они войдут в гавань брака.

РЕЙНГРАФ.

Пусть молния разгромит их мачты прежде, чем они ее достигнут!

ФРИДРИХ.

Они обручены?

ЭГИНГАРД.

Грубыми словами, думаю я, нет; но если взгляды могут говорить, выражения лиц — писать, а пожатия рук — скреплять, то брачный договор готов.

РЕЙНГРАФ.

Но как же произошло, что он подарил ей Штауфен? Об этом расскажи!

ФРИДРИХ.

Когда он сделал ей подарок?

ЭГИНГАРД.

Эх! Третьего дня утром, в день ее рождения, на блистательном празднике, который дали ей в Турнеке родные. Солнце едва озарило ее ложе, когда она нашла документ у себя на одеяле; документ обернут, понятно, письмецом влюбленного графа, в котором говорится, что это — ее свадебный подарок, если она решится отдать ему руку.

РЕЙНГРАФ.

Она приняла? Конечно! Не правда ли, она стала перед зеркалом, сделала книксен, и приняла?

ЭГИНГАРД.

Документ? Во всяком случае.

ФРИДРИХ.

А рука, которой требовали в награду за это?

ЭГИНГАРД.

О, в этом она не отказала.

ФРИДРИХ.

Что? Нет?

ЭГИНГАРД.

Нет! Боже сохрани! Разве она отказала хоть одному из женихов?

РЕЙНГРАФ.

Но, когда колокол зазвонит, она не сдержит слова?

ЭГИНГАРД.

Об этом вы меня не спрашивали.

РЕЙНГРАФ.

Как ответила она на письмо?

ЭГИНГАРД.

Она была так тронута, что из глаз ее, как из двух источников, полились слезы и залили его письмо; речь, к которой она обратилась, чтобы выразить свои чувства, оказалась бедною, как нищий. И без этой жертвы он имел бы право на ее вечную благодарность, и это начертано в ее груди словно буквами из бриллиантов; словом, письмо, полное двухсмысленных уловок, играет двумя красками, как двуличная тафта, и не говорит ни да, ни нет.

(Трое парней хозяина в течение разговора выползли на четвереньках из дома, справа, и приближаются, любопытствуя).

РЕЙНГРАФ

(оборачивается, и обращает в бегство вскрикивающих от страха парней).

Ха-ха-ха! Ну, друг, с этою проделкою колдовство Кунигунды уляжется в могилу! Она обманула меня, и больше никого не обманет; вереницы людей, которых она водила за нос, мною замыкаются. Где оба верховые гонца?

ФРИДРИХ

(зовет в дверь направо).

Эй!

(Два гонца входят справа).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Два гонца.

РЕЙНГРАФ

(извлекая из колета два письма).

Возьмите вот эти письма, — это ты, а это ты; и отвезите их, — ты вот это доминиканскому приору Гатто, понимаешь? В семь часов вечера я буду у него и приму в его монастыре отпущение грехов. Ты вот это Петеру Кванцу, гофмейстеру в замке Турнек. Когда пробьет полночь, я с моим отрядом явлюсь перед замком и ворвусь в него. Ты не входи раньше в замок, — слышишь ты? — пока не стемнеет, и чтобы тебя ни один человек не видел; понимаешь ты меня? А тебе нечего бояться дневного света. — Поняли вы меня?

ГОНЦЫ.

Хорошо.

РЕЙНГРАФ

(снова берет у них из рук письма).

Письма-то не перепутаны?

ФРИДРИХ.

Нет, нет.

РЕЙНГРАФ.

Нет? — Земля и небо!

ЭГИНГАРД.

Что случилось?

РЕЙНГРАФ.

Кто их запечатывал?

ФРИДРИХ.

Письма?

РЕЙНГРАФ.

Да!

ФРИДРИХ.

Пропади ты пропадом! Ты сам их запечатал!

РЕЙНГРАФ

(опять отдавая письма гонцам).

Совершенно правильно! Вот, возьмите! Я буду ждать вас у мельницы, возле водопада. Идите, друзья мои!

(Все уходят направо).

Перемена сцены: неглубокая комната в замке Турнек. Посредине дверь. Большие двери направо и налево. Окно с правой стороны. Столы: на столе справа две зажженные свечи Стулья.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ

Граф фон Штраль сидит, задумавшись, у стола, что с правой стороны, на котором стоят свечи; он держит лютню, изредка берет аккорды. Готшальк на заднем плане занят уборкою одежды и оружия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Сбылись мечты, ночь брачная близка,
Гость замка Турнек станет господином.
Зачем же я, близ пристани надежной,
Сомнений полн, беспомощный, боюся,
Что буря разобьет корабль блаженства?

ГОТШАЛЬК

(покачивая головою, наблюдает за графом и потом напевает тихонько).

Тайная любовь
Разжигает кровь
Пламенной углей,
Горячей огней.

ГОЛОС КЕТХЕН

(снаружи, за среднюю дверь).

Откройте мне! Откройте мне!

ГОТШАЛЬК.

Кто там?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я, Готшалък, здесь; мой милый Готшалък, я!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГОТШАЛЬК

Ты?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Да!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оставляя лютню).

Знакомый голос!

ГОТШАЛЬК.

Клянусь, его я тоже слышал где-то.

ГОЛОС КЕТХЕН.

Откройте, граф фон Штраль! Откройте, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ей богу, это...

ГОТШАЛЬК.

Это, побожусь...

ГОЛОС КЕТХЕН.

Здесь Кетхен! Кто ж иной? Ведь это — Кетхен, Малютка Кетхен из Гейльбронна!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

ГОТШАЛЬК

(бросая все, что было у него в руках).

Ты, девочка? Сердечненькая! Ты?

(Отворяет среднюю дверь).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как мир стоит, бывало ль?..

(Кетхен с письмом в руках входит в среднюю дверь).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кетхен.

КЕТХЕН

(входя).

Это — я.

ГОТШАЛЬК.

Она сама! Взгляните, ради бога!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК.

Я не ослышался?

КЕТХЕН.

Где граф фон Штраль?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК

(берет ее за руку).

Как, ваша милость!..

КЕТХЕН

(подает ему письмо).

Вот! Возьмите, граф!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(внезапно оборачиваясь к ней).

Что надо здесь тебе? Чего ты ищешь?

КЕТХЕН

(испуганная).

Нет! Боже сохрани! Письмо вот это...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Я не хочу его! Что за письмо?

Откуда? Что в нем? Мне-то что за дело?

КЕТХЕН.

Письмо...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И знать о нем я не хочу!

Иди! Отдай его внизу, в передней!

КЕТХЕН.

Мой господин! позвольте объяснить вам.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(в диком бешенстве).

Бесстыдная, бродячая девчонка!

И знать о ней я не хочу! Сказал я!

Назад в Гейльбронн, — там надо быть тебе!

КЕТХЕН.

Мой повелитель! Тотчас вас покину!

Но лишь письмо, — оно для вас так важно, —

Из рук моих принять вы снизойдите.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да не хочу его! Не нужно мне!

Иди, живей!

КЕТХЕН

(просительно).

Высокий господин мой

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отворачиваясь).

Мой хлыст! Где он висит? Вот посмотрю я,

Да неужель я от беспутной девки

Покоя не могу добиться дома!

(Снимает хлыст со стены).

ГОТШАЛЬК.

Что, ваша милость, вы хотите сделать?

Не от нее письмо, так почему же

Его вы благосклонно не возьмете?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Молчи, осел ты старый!

КЕТХЕН

(Готшальку).

Пусть! Оставь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь, в Турнеке, я знаю, что мне делать,

И от нее письма я не возьму!

Уйдешь теперь?

КЕТХЕН

(скороговоркой, дрожа).

Исполню вашу волю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну что ж?

ГОТШАЛЬК

(в полголоса Кетхен).

Не бойся ничего!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Иди же!

Отдай слуге — у входа он стоит,

И уходи, откуда ты пришла.

КЕТХЕН.

Да, да. Увидишь, я послушна буду.

Не бей меня, пока скажу Готшальку.

(Обращается к Готшальку).

Возьми письмо.

ГОТШАЛЬК.

Дай, милое дитя!

(Берет письмо).

Что за письмо? И что оно содержит?

КЕТХЕН.

От графа, — понимаешь ты? — фон Штейн,

В нем говорится, что еще сегодня

На Турнек нападут, на этот замок,

И на прекрасную невесту графа.

Владыки моего, на Кунигунду.

ГОТШАЛЬК.

На замок нападение? Быть не может!

От графа Штейн? Где ты взяла письмо?

КЕТХЕН.

Посланье получил почтенный Гатто,

Как-раз когда с отцом по божьей воле

Была у приора я в тихой келье;

Не понял приор смысла этих строчек,

Вернуть гонцу письмо уж собирался,

Но я письмо из рук его схватила,

И поспешила в Турнек, — все сказать вам,

Чтоб вы скорей взялись за оружие;

Ведь звон полуночный сегодня должен

Сигналом быть убийственной измены.

ГОТШАЛЬК.

Да как же к приору письмо попало?

КЕТХЕН.

Не знаю, милый; и не все ль равно?

Как видишь, послано оно к кому-то,

Кто в замке Турнек здесь живет; а как
 Попало к приору, нельзя понять.
 Но убедилась я сама, что верно
 О нападенъи сказано в нем: словом,
 Уж близок граф, он к Турнеку подходит,
 Я по дороге встретила его.

ГОТШАЛЬК.

Ты, дочка призрак видела!

КЕТХЕН.

Не призрак!

Нет, право же! Как верно, что я — Кетхен!
 Пред самым замком граф стоит; кто, конный,
 Из замка выедет, чтоб осмотреться,
 Увидит тот, что далеко в округе
 Весь лес наполнен всадниками графа.

ГОТШАЛЬК.

Возьмите ж граф, письмо, взгляните сами!
 Не знаю, что и думать мне об этом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(откладывает хлыст, берет письмо и развертывает его).

„Едва пробьет двенадцать, буду я
 Пред Турнеком. Пусть ворота отворят.
 Как только запыхает, я войду;
 Не мечу ни в кого, лишь в Кунигунду,
 Да граф фон Штраль, ее жених, мне враг.
 Ты мне укажешь, старый, их покой“.

ГОТШАЛЬК.

Вот злодеянье адское! А подпись?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь три креста стоят.

(после паузы, Готшалку).

Подай мне панцырь

Как силен был отряд их, Катерина?

КЕТХЕН.

Шесть, семь десятков, господин мой славный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сам граф фон Штейн был с ними?

КЕТХЕН.

Не видала.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто вел его отряд?

КЕТХЕН.

Мне незнакомых

Два рыцаря, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Теперь, ты говоришь, они пред замком?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Отсюда далеко?

КЕТХЕН.

Рассеяны в лесу шагов на триста.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Направо от пути?

КЕТХЕН.

В бору, налево,

Где мостик высится над водопадом.

(Пауза).

ГОТШАЛЬК

Вот замысел неслыханный и гнусный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет письмо; Готшальку).

Зови ко мне скорей господ фон Турнек!

Как время?

ГОТШАЛЬК.

Через полчаса — двенадцать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя терять нам ни одной минуты.

(Надевает шлем).

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас; иду! Голубка Кетхен,

Усталым сердцем отдохни немного!

Как благодарны мы тебе, ей богу!

Так, ночью, чрез леса, поля, долины...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Еще что, девушка, сказать мне хочешь?

КЕТХЕН.

Нет, господин почтенный!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что ты ищешь?

КЕТХЕН

(проводя рукою по своей груди).

Обложка, может быть, тебе нужна.

Как-будто, здесь?.. Как-будто, там?..

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Обложка?

КЕТХЕН.

Нет, здесь.

(Вынимает конверт и подает его графу).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Давай.

(Рассматривает бумагу).

Твое лицо пылает!

Надень платок сейчас же, Катерина,

Не пей, пока не отдохнешь! — Да разве

Нет у тебя?

КЕТХЕН.

Нет.

(Готшальк радостно потирает руки).

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(снимает с себя шарф, но, взглянув на Готшалька, внезапно отворачивается и бросает шарф на стол).

Вот, возьми-ка шарф.

(Берет перчатки и натягивает их).

Когда захочешь ты к отцу вернуться,

Я дам тебе, само собой понятно...

(Удерживается).

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(замечает хлыст).

Зачем здесь хлыст?

ГОТШАЛЬК.

Да на нее вы сами!..

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(яростно).

Каких же здесь собак прогнать мне надо?

(Бросает хлыст направо в окно так, что звенят осколки стекла; п о т о м к Кетхен).

Повозку, милое дитя, и лошадь,
 Чтоб ты вернулась безопасно в Гейльбронн.
 Когда ты хочешь?

КЕТХЕН

(дрожа).

Господин, сейчас же!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(гладит ее по щеке).

Нет, не сейчас. В корчме переночуешь.

(Плачет. Готшальку).

Глаза таращишь? Подбери осколки!

(Готшальк подбирает осколки. Граф фон Штраль берет со стола шарф и подает его Кетхен).

Возьми! Когда остынешь, дай обратно!

КЕТХЕН

(хочет поцеловать его руку).

Владыка мой!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отворачиваясь).

Прощай! Прощай! Прощай!

(Набат и шум суматохи снаружи).

ГОТШАЛЬК.

Всесильный боже!

КЕТХЕН.

Что там? Что случилось?

ГОТШАЛЬК.

Идут они?

КЕТХЕН.

Идут?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вперед, фон Турнек!

Рейнграф уж здесь, клянуся всем живущи

Сюда, бездельники вы, жгите, грабьте!

Я докажу, что не передник женский,

А Веттер, граф фон Штраль — защитник замка!

(Бросается из комнаты. Кетхен, с помощью Готшалька, берет с девического неловкостью и копье и бежит вслед за графом. Готшальк — за ними).

Перемена сцены: двор перед замком Турнек. Ночь; замок горит. Призывы к нападению.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

НОЧНОЙ СТОРОЖ

(входит и трубит в рог).

Пожар! Пожар! Пожар! Просыпайтесь вы, мужи Турнека, вы, жены и малые дети, просыпайтесь! Стряхните с себя сон, который как исполин навалился на вас; опомнитесь, воспряньте и проснитесь! Пожар! Злодеяние прокралось через ворота! Смерть с луком и со стрелами стоит прямо над вами, и, чтобы ей светить, разорение вбило свои факелы по всем углам города! Пожар! Пожар! О, иметь бы мне легкие из бронзы да одно только слово кричать как можно громче: Пожар! Пожар! Пожар!

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Три господина фон Турнек. Свита. Ночной сторож. Голос Готшалька. К р и к и часовых. К р и к о пожаре врывается во время пауз в разговоры.

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л Ь.

Земля и небо! Кто поджег замок? Готшалек!

ГОТШАЛЬК

(за сценою).

Эй!

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л Ь.

Мой щит! Мое копьё!

РЫЦАРЬ Ф О Н Т У Р Н Е К.

Что случилось?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л Ь.

Не спрашивайте, берите всех, кто здесь есть, спешите на валы, защищайтесь и разите как разъяренный раню кабан!

РЫЦАРЬ Ф О Н Т У Р Н Е К.

Рейнграф у ворот?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л Ь.

У ворот, господа, и прежде, чем вы успеете задвинуть за-со-вы, — здесь: ворота ему отворила измена внутри замка.

РЫЦАРЬ Ф О Н Т У Р Н Е К.

Злодеяние неслыханное! — Вперед!

(Уходит со свитою).

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л Ь.

Готшалек!

ГОТШАЛЬК
(за сценою).

Эй!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мой меч! Мой щит! Мое копьё!

(Кетхен появляется со щ и т о м , копьём и мечом).

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, кроме г о с п о д ф о н Турнек и их свиты. Кетхен.

КЕТХЕН.

Здесь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(принимая меч и опоясываясь им).

Чего тебе?

КЕТХЕН.

Я принесла тебе оружие.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Тебя я не звал.

(Берет щ и т и копьё).

КЕТХЕН.

Готтшальк спасает.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Почему он не пришлет слуг? Ты уж опять вмешиваешься!
(Н о ч н о й сторож опять трубит в рог).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг со всадниками.

ФЛАММБЕРГ.

Эге, ты так трубишь, что у тебя, пожалуй, щеки лопнут! Рыбы и кроты знают, что пожар, — какая нужда в твоём богопротивном пении, чтобы нам возвещать об этом?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто там?

ФЛАММБЕРГ.

Штральбургские!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Фламберг?

ФЛАММБЕРГ.

Он самый!

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.

Иди сюда! Побудь здесь, пока мы разведаем, где бушует битва!

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. В х о д я т тетки фон Турнек.

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Господи, помоги нам!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Успокойтесь, успокойтесь.

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Мы пропали! Нас перебьют!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Где госпожа Кунигунда, ваша племянница?

ТЕТКИ.

Госпожа наша племянница?

КУНИГУНДА

(в замке).

Помогите! Люди! Помогите!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Господь небесный! Не ее ли это был голос?

(О т д а е т ш и т и копые Кетхен и хочет итти).

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Она зовет! Спешите, спешите!

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Она показалась там, в портале!

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Скорей! Ради всех святых! Она шатается, она падает!

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Спешите ей помочь!

(Кунигунда ф о н Турнек и ее служанка Розалия выходят из замка).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кунигунда. Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(принимая в с в о и объятия Кунигунду).

О, Кунигунда!

КУНИГУНДА

(слабым голосом).

Портрет вы подарили мне, граф Фридрих!

Портрет, в футляре...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что же? Где же он?

КУНИГУНДА.

В огне! Увы! Спасите! Он сгорит!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Пустое! Сам я с вами, дорогая!

КУНИГУНДА.

Портрет с футляром, Веттер граф фон Штраль

Портрет с футляром!

КЕТХЕН

(подходит)

Где он? Где стоит?

(Отдает Фламбергущити копьё).

КУНИГУНДА.

Он там, в столе! Голубушка, вот ключ!

(Кетхен берет к л ю ч и хочет итти).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, Кетхен!

(Кетхен останавливается).

КУНИГУНДА.

Живо!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, дитя!

КУНИГУНДА.

Зачем

Дорогу заступили ей?

Пустите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

За этот десять вам других портретов...

КУНИГУНДА
(перебивает его).

Нет, этот, не другой! Чего он стоит,
Не место здесь сейчас вам объяснять.
Ну, девушка, добудь портрет с футляром:
За это награжу тебя алмазом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так добывай! Безумной по делом!
Чего она искала в этом месте?

КЕТХЕН
(удаляясь).

Где, вправо?

КУНИГУНДА.

Влево, милая; подняться
Там, где, взгляни, балконом вход украшен!

КЕТХЕН.

Там, в средней комнате?

КУНИГУНДА.

Да, в средней! Верно
Найдешь, беги! Опасность угрожает!

КЕТХЕН.

Иду я! С богом! С богом! Принесу вам!...
(Скрывается в замке).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Граф фон Штраль. Кунигунда Розалия. Люди, бегущие на помощь.
Потом Кетхен).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ,

Эй, золота кошель тому, кто в замок
За ней пойдет!

(Вынимает кошель).

КУНИГУНДА.

Зачем же? Для чего?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фейт Шмидт! Ганс, ты! Карл Беттигер! Фриц Тёпфер!
Кто здесь из вас?

КУНИГУНДА.

Что вздумалось вам?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Признаться должен я, что в самом деле...

КУНИГУНДА.

Каким вы рвением странным загорелись!
Кто эта девочка?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Девушка эта

С таким сегодня рвением нам служила.

КУНИГУНДА.

Как-будто дочь царя она, ей богу!
Чего страшитесь вы? Хоть дом пылает,
Но как скала стоит на балках прочно;
Она в тех переходах не погибнет.
И лестница еще ведь не горит;
В дыму пройдет, иной беды не будет.

КЕТХЕН.

(появляется в пылающем окне верхнего этажа).
Эй, фрейлейн!.. Господи, я задыхаюсь!

(Кричит очень громко):

Не тот мне дали ключ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кунигунде).

Ах, смерть и дьявол!

Получше б вам направить вашу руку!

КУНИГУНДА.

Что? Ключ не тот?

КЕТХЕН

(слабым голосом).

О боже, помоги!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, дитя!

КУНИГУНДА.

Пусть, пусть!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, сказал я!

Что без ключа ты сделаешь? Сюда!

КУНИГУНДА.

Одну минутку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как? Что, чорт возьми!

КУНИГУНДА

(обращаясь к Кетхен).

Сердечко, милая, я вспоминаю
Теперь, что ключ на гвоздике висит
У зеркала, что там над туалетом!

КЕТХЕН.

У зеркала?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Уж лучше б не родились
Ни тот, кто рисовал меня, ни тот,
Кто произвел меня на свет, ей-богу!

(обращаясь к Кетхен):

Ищи!

КУНИГУНДА

(ей же).

Над туалетом, светик, слышишь?

КЕТХЕН

(отходя от окна).

Где туалетный стол? — все полно дыма.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КУНИГУНДА.

К стене направо.

КЕТХЕН

(уже невидная).

Здесь, направо?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КЕТХЕН

(слабым голосом).

Помилуй, бог!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи, сказал я!

Проклятая услужливость собачья!

ФЛАММБЕРГ.

Дом рухнет скоро, — пусть бы поспешила!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу!

КУНИГУНДА.

Мой милый, что вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу! Я поднимуся.

КУНИГУНДА.

Друг дорогой! Вы сами?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не мешайте!

Пустите! Вам портрет сам принесу я.

КУНИГУНДА.

Помедлите минуту, — я клянусь вам,

Она сейчас придет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сказал, пустите!

Я знаю стол, и зеркало, и гвоздик,

Она не знает; отыщу все это,

Картину мелом с маслом на холсте,

Желанье сердца вашего исполню.

(Четверо слуг приносят пожарную лестницу).

Так! Лестницу сюда!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что спереди, оглядываясь).

Эй, вы там, сзади!

ВТОРОЙ СЛУГА

(графу).

Куда?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

К открытому окну.

СЛУГИ

(ставя лестницу).

О-хо!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что впереди).

Возьми назад, вы, сзади там! Куда вы!

Длинна ведь лестница!

ДРУГИЕ СЛУГИ

(что сзади).

Сшибайте раму!

Так! Переплет окна долой! Вот так!

ФЛАММБЕРГ
(помогая).

Вот, лестница устоялась прочно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(отбрасывая свой меч).

Так, хорошо!

КУНИГУНДА.
Возлюбленный! Послушай!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.
Вернусь я тотчас!
(Ставит одну ногу на лестницу).

ФЛАММБЕРГ
(вскрикивает).
Стой! Творец небесный!

КУНИГУНДА.
(в испуге бежит от лестницы).
Что это?

СЛУГИ.
Замок рушится! Назад!

ВСЕ.
Все — прах и пепел там! Спаситель мира!
(Дом рушится. Граф фон Штраль отворачивается и обессиленными руками сжимает голову. Все, кто на сцене, отступают назад, и так же отвертываются).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Кетхен быстро входит, со свертком бумаги, через большой портал, который уцелел; за нею херувим в обличии юноши, светом облеченный, светлокудрый, с крыльями за плечами и пальмового ветвью в руке).

КЕТХЕН
(выйдя из портала, тотчас поворачивается к херувиму и повергается перед ним).

От бед храни меня, посол небесный!

(Херувим касается ее головы пальмового ветвью и исчезает).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без херувима.

КУНИГУНДА

(оглядевшись вокруг себя).

О, бог живой, клянуса, как во сне я!
Мой друг! Взгляните!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не обращая на нее внимания).

Фламберг!

КУНИГУНДА

Братья! Тети!

Послушайте же, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отталкивая ее).

Ну, ну! Прошу вас!

КУНИГУНДА

Безумец! Соляным столпом вы стали?
Все счастливо сошло.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отвернувшись).

Я безутешен!

Нет больше в мире красоты. Оставьте.

ФЛАММБЕРГ

(слугам).

Скорее, братцы!

СЛУГА.

Топоры, лопаты!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Обшарим мусор, не жива ль она.

КУНИГУНДА

(резко).

О, бородатые глупцы! Девица,
По вашему, в пожаре пеплом стала,
А вот лежит она, свежа, здорова,
Закрывши рот, хихикая в передник.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).

Где?

КУНИГУНДА

Здесь!

ФЛАММБЕРГ.

Скажите! Это невозможно.

ТЕТКИ.

Девушка?..

ВСЕ.

Боже! Там она! Глядите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(подходит к ней и смотрит на нее).

Над нею бог с его небесной ратью!

(Поднимает ее с земли).

Где ты прошла?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин мой.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Здесь дом стоял, ведь так — и ты была там.

Иль нет?

ФЛАММБЕРГ.

Где ты была, когда он рухнул?

КЕТХЕН.

Не знаю, право, что со мною было.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да и картина с ней еще.

(Берет сверток из ее рук).

КУНИГУНДА

(бросается к ней)

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь.

(Кунигунда бледнеет).

Так? Ведь картина здесь? Конечно!

ТЕТКИ.

Дивно!

Кто дал тебе? Скажи!

КУНИГУНДА

(бьет ее свертком по щеке).

Какая дура!

Я про футляр ей разве не сказала?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Однако, признаюсь я, правый боже...
Футляр вам нужен?

КУНИГУНДА.

Больше ничего!
На нем вы надписали ваше имя;
Он дорог мне, я это ей внушала.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, если только...

КУНИГУНДА.

Да? Вы не согласны?
Об этом мне судить, никак не вам!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

От вашей доброты немею, фрейлейн.

КУНИГУНДА
(к Кетхен).

Зачем ты вынимала из футляра?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Зачем ты вынула, дитя?

КЕТХЕН.

Портрет?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да!

КЕТХЕН.

Не вынимала я, мой господин!
Когда я стол открыла, он лежал,
Полуразвернутый, с футляром рядом.

КУНИГУНДА.

Прочь! — Обезьянья рожа!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Кунигунда!

КЕТХЕН.

Так надо было мне сперва обратно
Его в футляр?..

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет, нет, голубка Кетхен!
Хвалю тебя, ты сделала, что надо.
Могла ль ты знать значение футляра?

КУНИГУНДА.

Сам чорт водил ее рукой!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не бойся!

Не так ведь зла уж фрейлейн. Отойди!

КЕТХЕН.

Хоть ты не бей меня, о, господин мой!

(Идет к Фламберг и в глубине сцены скрывается среди слуг).

СЕМНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Те же и господа фон Турнек).

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК

Победа, господа! Наш враг отбит!

Бежит рейнграф, — он в голову поранен!

ФЛАММБЕРГ.

Бежит он?

НАРОД

Слава! Слава!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

На коней!

Добраться б нам скорей до водопада,

И там мы шайку перехватим всю!

(Все уходят).

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Местность в горах у порожистого ручья с мостом.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф фон Штейн, верхом на коне, столпою пехотинцев, переходит мост. Его преследует граф фон Штраль, верхом на коне; вскоре за ним рыцарь Фламберг со слугами и спешенными всадниками. Наконец Готшалк также на коне, возле него Кетхен.

РЕЙНГРАФ

(своим пехотинцам).

За мост, дети, за мост! Этот Веттер фон Штраль громы-хает там за нами, словно его ураган несет; нам надо свалить мост, или мы все погибнем.

(Мчится через мост. Слуги рейнграфа следуют за ним).

Ломайте мост!

(Разрушают мост).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(появляется на сцене, торопя своего коня).

Прочь! Не смейте портить перехода!

СЛУГИ РЕЙНГРАФА

(пуская в него стрелы).

Эй! Эти стрелы — тебе ответ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поворачивая коня).

Подлые убийцы! — Эй! Фламберг!

КЕТХЕН

(поднимая сверток).

Мой высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Фламберг).

Стрелков сюда!

РЕЙНГРАФ

(кричит через ручей).

До свидания, граф! Можете плыть, так плывите; в Штейнбурге, по сю сторону моста, вы нас найдете.

(Скрывается вместе со своим отрядом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Благодарю вас, господа! Буду за ручьем, так навешу вас!

(Подъезжает к ручью).

СЛУГА

(из его отряда).

Стой! Чорт побери! Берегитесь!

КЕТХЕН

(оставаясь на берегу).

Граф фом Штраль!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Ташите сюда бревна и доски!

ФЛАММБЕРГ.

Что! Или ты — жид?

ВСЕ.

В брод! в брод!

(Идут за ним).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Гоните их, гоните! Это — ручей, где форелям водиться, не широк и не глубок! Правильно! Правильно! Мы в куски изрубим эту сволочь!

(Уходит со своими воинами).

КЕТХЕН.

Граф фом Штраль! Граф фом Штраль!

ГОПШАЛЬК

(на коне, повертываясь к ней).

Ну, что ты шумишь и кричишь? Что ты тут ищешь в этой свалке? Чего ты бежишь за нами?

КЕТХЕН

(держась за ствол дерева).

О, небо!

ГОПШАЛЬК

(сходя с коня).

Иди! Опоаясь и садись на коня. Я поведу коня в поводу и перевезу тебя.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас! Что прикажете?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мне нужно мое копье!

ГОТШАЛЬК

(держа стремя для Кетхен).

Я несу его.

КЕТХЕН.

Конь боится.

ГОТШАЛЬК

(дергая лошадь за уздцы).

Стой, волчья сыть!

(Обращаясь к Кетхен).

Такними башмаки и чулки!

КЕТХЕН

(садится на камень).

Сейчас.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас! Я уже несу копье!

(К Кетхен).

Что это у тебя тут в руке?

КЕТХЕН

(снимая обувь).

Футляр, милый, что вчера... вот!

ГОТШАЛЬК.

Что? Тот, что остался в огне?

КЕТХЕН.

Тот самый! За который меня бранили! Сегодня рано утром я поискала в мусоре, и соизволением божьим... вот так!

(Срывает с ноги чулок).

ГОТШАЛЬК.

Ну, что за чорт!

(Берет футляр у нее из рук).

И целехонек, клянусь честью, как-будто это камень! Что в нем?

КЕТХЕН.

Не знаю.

ГОТШАЛЬК

(вынимает из футляра о д и н лист).

„Акты, относящиеся к дарению Штауфена графом фон Штраль“, — ну, проклятая!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшалък!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас!

КЕТХЕН

(встает).

Вот я готова.

ГОТШАЛЬК.

Ну, ты должна отдать это графу.

(Отдает ей футляр).

Пойдем, — дай мне руку и ступай за мною!

(Ведет ее и коня через ручей).

КЕТХЕН

(едва вступив в воду).

Ай!

ГОТШАЛЬК.

Надо тебе немного подобрать платье.

КЕТХЕН.

Нет, ради бога, не надо!

(Останавливается).

ГОТШАЛЬК.

Только по колено, Кетхен!

КЕТХЕН.

Нет! Я лучше найду себе другую дорогу.

(Возвращается).

ГОТШАЛЬК

(задерживая ее).

Только до лодыжки, дитя! До наружного края ступни!

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет, нет; я сейчас приду к тебе.

(Освобождается и убегает).

ГОТШАЛЬК

(выходит из ручья на берег я кричит ей вслед).

Кетхен! Кетхен! Я отвернусь! Я закрою глаза! Кетхен! На целые мили кругом не найти другой дороги! Эх, хоть бы у нее

пояс разорвался! Бежит вдоль берега, к источнику, к белым крутым вершинам гор; клянусь душою, если не сжалится над нею какой-нибудь паромщик, так она погибнет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк! Небо и земля! Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Ну, и горланит же! — Здесь, милостивый господин; я же иду. (Ворча переводит через ручей своего коня).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. Место, густо заросшее деревьями, у наружной полуразрушенной стены. Спереди куст бузины, образующий подобие естественной беседки, под которою — ложе из камней, покрытое соломенною циновкою. На ветвях видны рубашка, пара чулок и т. п., развешенные для сушки.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен спит под бузиною. Подходит граф фон Штраль. Потом голос Готшалька.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет футляр на груди).

Готшальк, подавая мне футляр, сказал, что Кетхен опять здесь. Кунигунда только-что вступила, так как ее замок сгорел, в ворота моего замка; тогда подходит он и говорит: „Она опять лежит под бузиною и спит“, и просил меня со слезами на глазах, чтобы я позволил ему взять ее в сарай. Я сказал, — пока не явится старик-отец, я пристрою ее в гостинице. Вот и пробрался я вниз, чтобы исполнить это намерение. Не могу я больше видеть эту скорбь. Эта девушка, которой суждено было бы осчастливить лучшего швабского бюргера, — хотел бы я знать, почему я осужден всюду водить ее за собою, как блудницу; хотел бы я знать, зачем она тащится за мною, как собака, через огонь и воду, за мною, нищим, у которого нет ничего, кроме герба на щите. Это не одно только симпатическое влечение сердца; это — некое, преисподнее воспламененное, безумие, которое заводит свою игру в ее груди. Сколько раз я ее спрашивал: Кетхен! Отчего же ты так испугалась, когда впервые увидела меня в Гейльбронне? — и всегда она глядела на меня рассеяннo и отвечала: „Что вы, достопочтенный господин! Вы же это знаете!“

(Замечает ее).

Вот она! Воистину, когда я вижу как она лежит вот так, с румяными щеками и сложив ручки, мною совершенно овладевает ощущение женской прелести и заставляет меня проливать слезы. Умереть мне сейчас, если она не простила мне хлыст, —

ах, да что я говорю! — если она не уснула, молясь за меня, а я так дурно обращался с нею! Однако, живет, а то придет Готшалк и помешает мне. Он мне рассказал о трех ее свойствах: во-первых, что она спит, как сурок; во-вторых, что она вечно видит сны, как охотничья собака, и в третьих, что она говорит во сне; и на этих трех особенностях ее построю я свой опыт. Если это — грех, да простит мне его бог!

(Становится на колени рядом с Кетхен и возлагает на нее руки. Кетхен делает движение, словно сейчас в о т проснется, но затем снова успокаивается).

Ты спишь ли, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И все-таки твои сомкнуты веки.

КЕТХЕН.

Сомкнуты?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, и, кажется мне, крепко.

КЕТХЕН.

Ах, что ты!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Иль ты глаза открыла?

КЕТХЕН.

Так широко, мой милый, как умею.

Ведь вижу я, как на коне сидишь ты.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

На рыжем, — да?

КЕТХЕН.

Да нет! Ты — на гнедом.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Мое сердечко, где же ты, скажи мне!

КЕТХЕН.

Я на лугу зеленом и прекрасном.

Он весь в цветах, и как от них пестро!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ах, незабудки! Ах, ромашки!

КЕТХЕН.

Здесь же

Фиалки; погляди-ка, целый куст!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Сойти сейчас с коня хочу я, Кетхен,

И посидеть с тобою на траве.

Позволишь?

КЕТХЕН.

Да, мой господин!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(точно зовет)

Эй, Готшальк!

Где мне коня оставить? — Готшальк, где ты?

КЕТХЕН.

Оставь ее. Ведь „Лиза“ не уйдет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(улыбаясь).

Пусть так и будет.

(Пауза. О н звенит оружием).

Миленькая Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой господин!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ты предана мне, Кетхен?

КЕТХЕН.

От всей души.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А обо мне что скажешь?

Я — нет?

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Хитрец!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Хитрец? Надеюсь...

КЕТХЕН.

Полно!

Ведь ты в меня, как майский жук, влюбился.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Как жук! Мне кажется...

КЕТХЕН.

Что ты сказал?

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(со вздохом).

У этой веры прочные устои!

Пусть так! Я подчинюсь. — Однако, Кетхен,
Когда все так, как ты сказала...

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что же выйдет из того?

КЕТХЕН.

Что выйдет?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Подумай!

КЕТХЕН.

Знаю я.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что это значит?

КЕТХЕН.

На пасхе той возьмешь меня ты замуж.

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(подавляя смех).

Ого! Возьму! Неужли? Я не знал!

Послушай, кто тебе сказал об этом?

КЕТХЕН.

Об этом мне сказала Марианна.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так, Марианна! Ну! — Да кто ж она?

КЕТХЕН.

Та девушка, что служит в нашем доме.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну что же, от кого она узнала?

КЕТХЕН.

На олове увидела, гадая

На счастье мне в ночь Сильвестра тайно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что говоришь ты? Предвешала, что же?

КЕТХЕН.

Меня возьмет прекрасный, стройный рыцарь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И ты решила просто: это — я?

КЕТХЕН.

Да, господин.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(тронутый).

Я думаю иначе,

Дитя, ведь это — кто-нибудь другой.

Вот, рыцарь Фламберг. Иль иной. Что скажешь?

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет?

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Но почему же?

КЕТХЕН.

В ту ночь, когда над оловом гадали,

Пошла я спать и помолилась богу,

Чтоб, если Марианна не ошиблась,

Он показал мне рыцаря во сне;

И ведь тогда мне в полночь ты явился,

Такой же, как тебя сейчас я вижу,

Приветствовать меня, свою невесту.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

К тебе?.. Сердечко, ничего не знаю.

Когда же я к тебе?..

КЕТХЕН.

Да в ночь Сильвестра.

Опять она придет, — два года минет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Где ж это было? В замке Штраль?

КЕТХЕН.

В Гейльбронне;

В каморке, где стоит моя кровать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Ты бредишь, милое дитя. Лежал я,
Притом больной смертельно, в замке Штраль.
(Пауза).

КЕТХЕН

(вздыхает, шевелится и шепчет что-то)

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что шепчешь ты?

КЕТХЕН.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты!

КЕТХЕН.

Нет, ничего.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(про себя).

Чудно, клянуся небом! В ночь Сильвестра...

(Поник головою, вспоминая)

Ну, расскажи же мне об этом, Кетхен!

Один пришел я?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто ж был со мной?

КЕТХЕН.

Поди ты!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Говори же!

КЕТХЕН.

Ты ничего не помнишь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Нет, клянуся.

КЕТХЕН.

Был херувим с тобою, господин мой,
Белее снега крылья за плечами,
А свет — о господи! — сиял! горел!
И за руку тебя ко мне подвел он

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(смотрит на нее неподвижным взором).

Как ясен свет небесных кушей, ясно,
Что это — правда!

КЕТХЕН.

Да, мой господин.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сдавленным голосом).

На скромной там лежала ты подушке,
На бедой простыне, под красным одеялом?

КЕТХЕН.

Все верно! Так!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

В одной сорочке легкой?

КЕТХЕН.

В сорочке? Нет.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Как? Нет?

КЕТХЕН.

В сорочке легкой?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Клянусь, тот сон, как он, и мне приснился,
Стоит, как и тогда, в душе сегодня.

(к Кетхен).

„Марьянна“, ты звала?

КЕТХЕН.

Звала: Марьянна!

Скорее! Девушки! Ко мне! Христина!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Взглянула на меня, глаза раскрыв широко?

КЕТХЕН.

Я думала, что это — сон.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Тихонько встала

С своей постели и, дрожа всем телом,
К моим ногам упала?..

КЕТХЕН.

И шептала...

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(перевивает).

И прошептала: славный господин мой!

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Ну вот, ты видишь?.. Ангел показал...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пятно. Храни нас бог! И у тебя?..

КЕТХЕН.

Конечно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(снимая с нее косынку).

Где? На шее?

КЕТХЕН

(отодвигаясь).

Нет, не надо.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

О ты, предвечный! — И когда я тронул
Твой подбородок, чтоб взглянуть в лицо?..

КЕТХЕН.

Тогда пришла злосчастная Марьянна
Со светом, — мигом все исчезло;
Лежала я в рубашке на полу,
А Марианна надо мной смеялась.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Спаси меня, господь! Я раздвоился!
Я духом стал и по ночам блуждаю.
(Оставляет ее и выпрямляется)

КЕТХЕН

(просыпаясь).

Владыко господи! Да что ж со мною?
(Встает и оглядывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что сном казалось, истина наява:
Больной смертельно, в замке Штраль лежал я
Бессильный, в нервной лихорадке; ангел
Меня увел, и посетил ее
Мой дух в ее каморке, там, в Гейльбронне!

КЕТХЕН.

О небо! Граф!
(Надевает на себя шляпу и оправляет косынку).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что ж теперь мне делать?
(Пауза).

КЕТХЕН
(падая на колени).

Мой господин высокий, здесь лежу я
У ног твоих и жду твоих решений!
Меня нашел ты под стеною замка,
Что было мне запрещено тобою;
Клянусь, я отдохнуть хотела часик,
А вот сейчас опять пойду я дальше.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Увы! Мой дух, чудесным светом ослепленный,
Колеблется безумием ужасным;
Как мне постигнуть это возвешенье,
Сребристо вновь отдавшееся в слухе,
Что император мой — ее отец?

ГОТШАЛЬК
(за сценою).

Эй, Кетхен! Девочка!

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(быстро поднимая ее с земли).

Вставай скорее!
Поправь платок! На что это похоже?

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит Готшальк. Те же.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пришел ты кстати, Готшальк! Ты просил,
Чтоб я позволил взять ее в конюшню;
Я думаю, девице там не место;
Графиня в замке примет Фридеборн.

ГОТШАЛЬК.

Как? Что? Куда? Наверх, к графине, в замок?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да, сейчас! Сбери ее все вещи,
Неси за нею по тропинке к замку!

ГОТШАЛЬК.

Господень гром! — Ты слышишь это, Кетхен?

КЕТХЕН

(с изысканным поклоном).

Мой повелитель! Принимаю это,
Пока не буду знать, где мой отец.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, да! Искать его немедленно стану.
(Готшалк связывает ее вещи. Кетхен помогает ему).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, что? Готово?

(Поднимает с земли платок и подает ей).

КЕТХЕН

(краснея).

Ах, зачем же это?

(Готшалк берет в руки узел ее вещей).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Дай руку мне!

КЕТХЕН.

Мой славный повелитель!

(ГраффонШтраль проводит ее через камни; миновав их, пропускает ее
вперед и идет за нею. Все уходит).

Перемена сцены: сад. В глубине грот в готическом стиле.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

В х о д я т Кунигунда, с головы до н о г закутанная в огнецветное покрывало,
и Розалия).

КУНИГУНДА.

Куда поехал граф фом Штраль?

РОЗАЛИЯ.

Фрейлейн, это всем в замке непостижимо. Три император-
ские комиссара явились поздно ночью и разбудили его; он заперся
с ними, и сегодня на рассвете вскочил на коня, и исчез.

КУНИГУНДА.

Отвори мне грот.

РОЗАЛИЯ.

Он уже отворен.

КУНИГУНДА.

Рыцарь Фламберг, слышала я, ухаживает за тобою; в полдень, когда я выкупаюсь и оденусь, я спрошу тебя, что обозначает это приключение.

(Уходит в грот).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Элеонора входит. Розалия.

ЭЛЕОНОРА.

Здравствуй, Розалия.

РОЗАЛИЯ

Здравствуйте, фрейлейн! Что вас привело сюда так рано?

ЭЛЕОНОРА.

О, так жарко, что я хочу выкупаться в этом гроте с Кетхен, с маленькою, золотою гостью, которую граф привел к нам в замок.

РОЗАЛИЯ.

Простите! Фрейлейн Кунигунда в гроте.

ЭЛЕОНОРА.

Фрейлейн Кунигунда? — Кто дал вам ключ?

РОЗАЛИЯ.

Ключ? — Грот был отворен.

ЭЛЕОНОРА.

Вы не нашли там Кетхен?

РОЗАЛИЯ.

Нет, фрейлейн. Никого.

ЭЛЕОНОРА.

Ну вот, Кетхен там, жизнью клянусь.

РОЗАЛИЯ.

В гроте? Не может быть.

ЭЛЕОНОРА.

Верно! В соседней каморке, где темно и уютно. — Она прошла вперед; когда мы дошли до ворот, я только сказала, что велю принести от графини простыню, чтобы вытираться. — О, владыка живота моего, вот она!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен выходит из грота. Те же.

РОЗАЛИЯ
(про себя).

О небо! Что это?

КЕТХЕН
(дрожа).
Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Ну, что же Кетхен? Ты уж искупалась?
Как разгорелась девушка, смотрите!
Как лебедь, выплывающий из синих
Кристалльных волн озерных, грудью наземь.
Какая свежесть в юном теле, правда?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.
Что с тобою?

РОЗАЛИЯ
(бледная от страха).

Откуда ты сюда пришла? Из грота?
Ты в коридоре спряталась там?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора! Умоляю!

КУНИГУНДА
(из грота).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.
Сейчас!
(К Кетхен).

Смотрела ты?

ЭЛЕОНОРА.

Бледнеешь? Что с тобой?

КЕТХЕН
(падая на ее руки).

Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Спаси, господа! Дитя! Да что случилось?

КУНИГУНДА

(в гроте).

Розалия!

РОЗАЛИЯ

(к Кетхен).

Ей-богу, лучше б вырвать
Тебе глаза, чтоб языку они
Не вверили того, на что смотрели!
(Уходит в грот).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Кетхен и Элеонора

ЭЛЕОНОРА.

Что, дитяtko, случилось? Побранили?
Ну, отчего ты так дрожишь всем телом?
Когда б тебе в том доме смерть явилась
С косою, с песочными часами, ужас
Так люто грудь твою не охватил бы!

КЕТХЕН

Скажу тебе...

(Не может говорить)

ЭЛЕОНОРА

Я слушаю. Скажи!

КЕТХЕН.

Клянись, что никогда ты, Леонора,
Кому б то ни было, о том не скажешь.

ЭЛЕОНОРА.

Нет, ни одной душе; нет! Будь спокойна.

КЕТХЕН.

Так слушай, — в боковое помещение
Чрез потайную дверь пробралась я;
Светло казалось мне под сводом пышным.
И вот, меня купанье освежило,
В тот больший грот вошла я шаловливо,
И думала, что это ты плескалась;
И, словно бы возникшую из чаши,
Вдруг вижу...

ЭЛЕОНОРА

Что? Кого?

КЕТХЕН.

Да как скажу я?

Должна ты будешь тотчас, Леонора,
Уведомить об этом деле графа.

ЭЛЕОНОРА.

Дитя! Коль я должна, так что же это?

КЕТХЕН.

Но не сказать ему, нет, ради бога,
Что от меня. Ты слышишь? А иначе
Пусть никогда той мерзости не знает.

ЭЛЕОНОРА.

Что за загадки, миленькая Кетхен?
Какая мерзость? Что ты увидала?

КЕТХЕН.

Ах, Леонора, чувствую я, лучше,
Чтоб слово за уста не выходило!
Не я, не я обман пред ним открою!

ЭЛЕОНОРА.

Но почему? Зачем скрывать от графа?
Когда ты скажешь...

КЕТХЕН

(оглядываясь).

Слушай!

ЭЛЕОНОРА.

Что?

КЕТХЕН.

Идут!

ЭЛЕОНОРА.

Там фрейлейн и Розалия, и только.

КЕТХЕН.

Уйдем!

ЭЛЕОНОРА.

Зачем?

КЕТХЕН.

Безумная, скорее!

ЭЛЕОНОРА.

Куда?

КЕТХЕН.

Из сада этого мне надо...

ЭЛЕОНОРА.

Да ты в уме ли?

КЕТХЕН.

Друг мой, Леонора!

Погибну, если здесь меня застанет!

Скорей! Спасись мне только у графини!

(Уходят).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда и Розалия выходят из грота.

КУНИГУНДА

(дает Розалии ключ).

Возьми! Под зеркалом моим ты выдвинь ящик;

Там порошок в коробке черной, справа;

Вмешай в вино, иль в молоко, иль в воду,

Скажи: вот выпей, Кетхен! — Или лучше

Ее к себе посадишь на колени?

Яд, смерть и месть! Как хочешь, сделай это,

Но позаботься, чтобы проглотила.

РОЗАЛИЯ.

Но, фрейлейн, слушайте...

КУНИГУНДА.

Яд, мор! Истление!

Зажми ей рот, не говоря ни слова.

Когда в гробу, зарытая, истлевши

И обратившись в прах, как мирта стебель,

О том, что видела, ветрам прошепчет,—

Ты скажешь мне: есть кротость и прощенье

Закон и долг, и бог, и ад, и дьявол,

Раскаянье и совести укусы.

РОЗАЛИЯ.

Уж видела она, к чему же это!

КУНИГУНДА.

Яд! Пепел! Ночь! Смятение и хаос!

Достанет порошку пожрать весь замок,

Собак и кошек! — Делай, что велела!

Она к нему сумела вкрасться в сердце,

Уж я узнала. Смертью пусть умру я,

Коль не пленен он обезьяньей рожей;

Долой! Он от нее в угаре: тесно

На свете с нею наконец мне стало!

(Уходят).

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Вормс. Открытое место перед императорским замком, в стороне трон; в глубине — огражденное поле божьего суда.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Император на троне. По сторонам его архиепископ вормсский, граф Отто фон дер Флюэ и многие другие рыцари, господа и стражи. Граф фон Штраль в легком шлеме и панцире и Теобальд, с головы до ног в полном доспехе; оба стоят перед троном.

ИМПЕРАТОР.

Граф Веттерштраль, три месяца назад
В твоём пути через Гейльбронн нашел ты
Дорогу к сердцу девы неразумной.
От старика отца она сбежала,
А ты её не шлешь домой, скрывая
Во флигеле наследственного замка.
Чтоб приукрасить это злодеянье,
Ты распускаешь слух смешной, безбожный,
Что херувим, к тебе явившись ночью,
Открыл, что дева, взятая тобою,
От нашей царской ласки родилась.
Такой пророческой нелепой вести
Смеюсь я, разумеется; по мне,
Хоть увенчай её, коли захочешь;
Но в Швабии, пойми, ей нет наследства,
И двор мой в Вормсе ей далек пребудет.
Но удрученный человек стоит здесь, —
Ты, дочерью его не удовлетворяя,
И мать винить затеял в неpotребстве;
Всю жизнь считал её себе он верной,
Себя ж отцом он видит злополучным.
По горькой жалобе его зовем мы
Тебя пред наш престол, чтоб доказал ты

То, чем ее могилу ты позоришь;
 Ну, друг небесных сил, готовься к бою,—
 Затем, что в поединке словом стали
 Твой приговор тебе поведен будет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (краснея от негодования)

Мой августейший повелитель! Меч мой
 Со мною, мощен, крепок, сталью блещет,
 И дьявола в бою сразить годится;
 Я б утодил в седое это темя,
 Я б разможил его как сыр швейцарский,
 Который на доску бродить положен.
 Уволь меня по милости великой
 От доказательства той сумасбродной,
 Нелепой сказки, праздным остроумьем
 В народе сложенной из двух событий,
 Сошедшихся, конечно, очень странно
 Одно с другим, как половинки перстня.
 Прошу тебя, твоя да примет милость
 Тот случай в ночь Сильвестра лишь за образ
 Горячечного бреда, и, как мало
 Я огорчусь, когда меня сочтешь ты
 Жидом презренным, ты не огорчайся,
 Что дочь его признал я дерзновенно
 За дочь твою, мой славный император!

АРХИЕПИСКОП.

По правде, государь, такое слово
 Отважный дух истца смирить должно бы.
 Вещаний тайных об его супруге
 Не повторяет граф; что Марианне
 Недавно наказы в беседе тайной,
 Он это все теперь опровергает.
 Не покарай его за чудеса,
 Которые его на миг смутили.
 Он час тому назад, о Теобальд,
 Мне руку дал, что возвратит девицу
 Тебе, когда придешь ты в замок Штраль;
 Иди туда, утешься, и возьми
 Ее, старик, и кончи дело миром.

ТЕОБАЛЬД

Проклятый льстец, как отрицать ты смеешь,
 Что вся душа, от маковки до пяток,
 В тебе полна той верою, что Кетхен —
 Дитя от императорского ложа?

Забыл ты день, когда под кровлей церкви
 Допытывался об ее рождении
 И вычислял ее зачатия час;
 Как доискался, в сметливости гнусной,
 Что за шестнадцать весен был проездом
 Его величество у нас в Гейльбронне?
 Наглец, рожденный поцелуем бога,
 Напечатленным на устах мегеры;
 Обвитый блеском дух отцеубийства,
 Колеблющий гранитные устои,
 Чтобы разрушить вечный храм природы;
 Тебя, сын ада, ныне добрый меч мой
 Изобличит, иль сам я буду ввергнут
 Его возвратным взмахом в ночь могилы!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сам бог тебя осудит, ядом полный
 Гонитель мой; тебя не оскорбил я,
 И твоего достоин сожаленья,—
 Да будет, забияка, как ты хочешь.
 Тот херувим, что, блеском облеченный,
 Мне, при смерти больному, в ночь явился,
 Поведал мне— я отрицать не стану—
 Из горних недр почерпнутую весть
 Перед лицом всевышнего я ныне
 Стою и утверждаю, слушай это:
 Своей зовешь ты Кетхен из Гейльбронна,
 Она — дочь императора; иди же
 Сюда, чтоб убедить меня в противном!

ИМПЕРАТОР.

Играете, трубачи, на смерть лжецу!
 (Громкие трубные звуки).

ТЕОБАЛЬД (подходит).

И если бы мой меч был стеблем гибким
 И к рукоятке верткой и непрочной,
 Из воска желтого слитой, прикреплен,
 Я с головы до ног тебя рассек бы,
 Как мухомор, на пустоши возросший,
 Чтоб миру доказать, злодей, что лжешь ты!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ (снимает меч и отдает его).

Пусть будут шлем мой и под ним чело
 Прозрачны, ломки, и ножу тупому

Податливы как яйцо пустое,
 И все же твой палаш, что искры мечет,
 Отскочит, раздробившись на осколки,
 Как-будто угодил по алмазиту,
 Да знают все, что говорил я правду.
 Ударь, дай видеть мне, чье дело чисто!
 (Снимает шлем, и подходит вплотную к Теобальду).

ТЕОБАЛЬД
 (отступая).

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (преследуя его).

Ударь!

ТЕОБАЛЬД.

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (повергая его на землю).

Один мой взор тебя уж обессилил?

(Вырывает меч из его рук, переступает через него, и ставит ногу на его грудь)

Что б помешало мне, во гневе правой
 Победы, мозг твой растоптать? — Живи!
 (Бросает меч перед императорским треном).

Пускай же время, старый сфинкс, укажет
 Тебе, что Кетхен все же, как сказал я,
 Высокого величества дитя!

НАРОД
 (в смятении).

О небо! Победил граф Веттерштраль!

ИМПЕРАТОР
 (бледнеет и встает).

Уйдите, господа!

АРХИЕПИСКОП.
 Куда?

РЫЦАРЬ
 (из свиты).

Что там?

ГРАФ ОТТО.

Всесильный бог! Что с государем случилось?
 За ним, друзья! Мне кажется, он болен!

(Уходят)

Перемена сцены: там же. Комната в императорском замке.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ИМПЕРАТОР

(оборачивается в дверях)

Прочь! Никто не должен итти за мною! Позовите бургграфа фон Фрейбург и рыцаря фон Вальдштеттен: только с этими господами я буду говорить.

(Захлопывает дверь).

Ангел божий, возвестивший графу фон Штраль, что Кетхен — моя дочь, я верю, клянусь моею императорскою честью, прав! Девушке, как, я слышал, пятнадцать лет; а ровно шестнадцать лет без трех месяцев тому назад давал я большой турнир в Гейльбронне в честь пфальцграфини, моей сестры! Было около одиннадцати часов вечера, и светло-блестящий Юпитер только-что поднялся на востоке, когда я, очень утомленный танцами, вышел из замковых ворот, чтобы в смежном саду, оставаясь неузнанным, развлечься среди народа, который наполнял сад; и вот эта самая звезда, нежная и мощная, сияла, ничуть я в том не сомневаюсь, над ее зачатием. Гертруда, как часто вспоминал я, звалась та, с которою в той части сада, что меньше посещалась народом, я беседовал при мерцании погасающих ламп, при тихом веянии, в благоухании лип, звуков музыки из далекого танцевального зала; и мать Кетхен звалась Гертруда! Помню, когда она расплакалась, я снял с груди медаль с изображением папы Льва и на память ей от меня, которого она тоже не знала, засунул эту медаль за ее корсет; а такая медаль, как я тоже узнал, принадлежит Кетхен из Гейльбронна! О небо! Колеблется связи мира! Если граф фон Штраль, этот доверчивый избранник, сумеет освободиться от блудницы, с которою он связался, то я поведаю истину Теобальду и постараюсь побудить его, под каким бы то ни было предлогом, чтобы он уступил мне эту девицу, и она должна повенчаться с графом: я не дерзну ждать, чтобы херувим второй раз спустился на землю и разгласил все тайное, что я здесь поведал четырем стенам!

(Уходит).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Бургграф фон Фрейбург и Георг фон Вальдштеттен входят. Вслед за ними рыцарь Фламберг.

Господин бургграф фон Фрейбург? Вы ли это или ваш дух? О, подождите, умоляю вас!

ФРЕЙБУРГ
(оборачиваясь).

Чего ты хочешь?

ГЕОРГ.

Кого ты ищешь?

ФЛАММБЕРГ.

Моего достойного сожаления господина, графа фон Штраль! Фрейлейн Кунигунда, его невеста, — о, если бы мы никогда не отбивали ее от вас! — вздумала подкупить повара, чтобы он подал яд Кетхен, — яд, почтенные господа, и притом по такому отвратительному, непонятному и загадочному поводу, будто бы это дитя подсматривала за нею в купальне.

ФРЕЙБУРГ.

И это вам непонятно?

ФЛАММБЕРГ.

Нет!

ФРЕЙБУРГ.

Так я вам это скажу. Она — мозаичная работа, составленная из всех трех царств природы. Ее зубы принадлежат одной мюнхенской девушке; ее волосы выписаны из Франции, свежесть ее щек происходит из рудников Венгрии, и станом, которым вы в ней восхищаетесь, она обязана сорочке, изготовленной для нее из шведской стали кузнецом.

ФЛАММБЕРГ.

Что ж это такое?

ФРЕЙБУРГ.

Поклон от меня твоему господину!

(Уходит).

ГЕОРГ.

И от меня! — Граф уже возвращается в Штральбург; скажи ему, — если он возьмет ключ и застанет ее утром, когда ее престли еще лежат на стульях, то, пожалуй, он сам обратится в статую, и пусть ее выставят у хижины угольщика, чтобы увековечить его геройский подвиг.

(Уходит).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. Кунигундина комната.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Розалия хлопчет около Кунигундина туалета. Входит Кунигунда, только - что вставшая с постели, не нарумяненная. Вскоре затем граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(сядась перед туалетом).

О двери позаботилась?

РОЗАЛИЯ.

Замкнула.

КУНИГУНДА.

Замкнула? Как? На что ж тогда задвижка?

Замкнуть, и на задвижку, каждый раз!

(Розалия идет задвинуть дверь; навстречу ей входит граф фон Штраль).

РОЗАЛИЯ

(испуганная).

О боже! Как вы, граф, сюда попали?

Ах, фрейлейн!

КУНИГУНДА

(оглядываясь).

Кто?

РОЗАЛИЯ.

Взгляните же!

КУНИГУНДА.

Розалия!

(Быстро поднимается и уходит).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль и Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стоит, как пораженный громом).

Кто та неведомая дама?

РОЗАЛИЯ.

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что как пизанская прошла здесь башня?

Надеюсь, не?..

РОЗАЛИЯ.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фрейлейн Кунигунда?

РОЗАЛИЯ.

Я думаю, вы шутите, ей богу!
Сибилла, мачеха моя...

КУНИГУНДА

(изнутри).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.

В постели фрейлейн, и зовет меня...
Простите, если я...

(Приносит стул).

Угодно сесть вам?

(Берет принадлежности туалета и уходит).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(подавленный).

О, небо всемогущее, моя
Душа так называться недостойна!
Та мера, чем на рынке мира мерил
Я вещи — неверна, и злую мерзость
За нежное величие я принял!
Чудовище, столь гнусное душою
И телом, я так слепо избрал в жены!
Куда, презренный, от себя я скроюсь?
Где б в Швабии гроза ни бушевала,
Я в бешенстве вскочил бы на коня,
Искать топор, что голову разрубит!
Что делать, сердце, мне? Куда мне деться?

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Кунигунда, в обычном своем блеске, Розалия и старая
С и б и л л а, слабая, на костылях; она сейчас же и уходит через с р е д н ю ю
дверь. Граф фом Штраль.

КУНИГУНДА.

Граф Фридрих, вот как! Что ж тому причиной,
Что вы ко мне приходите так рано?

ГРАФ ФОМ ШТРАЛЬ

(внимательно следя за Сибиллой).

Двоятся, что ли, ведьмы?

КУНИГУНДА
(оглядываясь).

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая собою).

Простите!

Узнать хотел я о здоровья вашем.

КУНИГУНДА.

Ну что ж, все приготовлено к венчанию?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(подходя ближе и внимательно глядя на нее).
Недурно все, до главного, проходит...

КУНИГУНДА
(отступая).

Какой же день назначен?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Был — на завтра.

КУНИГУНДА
(после паузы).

Давно уж мною страстно жданный день!
Но радости, веселья в вас не вижу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(кланяясь).

Позвольте! Я счастливей всех на свете!

РОЗАЛИЯ
(печально).

А правда ль, что вчера малютка Кетхен,
Что приютили в замке вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О дьявол!

КУНИГУНДА
(обеспокоенная).

Что с вами?

РОЗАЛИЯ
(про себя).
Чорт возьми!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая собою).

Удел людской!

Ее перенесли уж на кладбище.

КУНИГУНДА

Что слышу я!

РОЗАЛИЯ.

Еще не хоронили?

КУНИГУНДА.

Хочу еще в гробу ее увидеть.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит слуга. Те же.

СЛУГА

Готшальк прислал гонца к вам, господин
В передней он, и видеть вас желает.

КУНИГУНДА

Готшальк?

РОЗАЛИЯ.

Откуда?

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Думаю, от гроба.

Прошу вас продолжать убранство ваше!

(Уходит).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда и Розалия.

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Помочь нельзя; он знает; все напрасно.
Он видел все, покончено со мною!

РОЗАЛИЯ.

Не знает!

КУНИГУНДА.

Знает!

РОЗАЛИЯ.

Ничего не знает!

Вы стонете, а я плясать готова.
Обманут он, и думает, что та,
Кого он видел, мать моя, Сибилла;
И никогда счастливей не был случай,
Чем тот, что к вам как-раз она пришла;
Для умыванья вам набравши снегу
В горах, она сюда поспела кстати.

КУНИГУНДА.

Как взором он меня пылливо мерил!

РОЗАЛИЯ.

Так что ж! Своим глазам он не поверит!
 Мне весело, как белке на сосне.
 Пусть издали мелькнуло в нем сомненье;
 Высокой, дивно-стройной вы явились,
 И вновь совсем сомнение разбито.
 Пусть смертью я умру, когда перчатку
 Не бросит он тому, кто усомнится,
 Что вы среди всех женщин — королева.
 Не падайте же духом! Одевайтесь,—
 И утро вас, во что б ни стало, встретит
 Графиней Кунигундой Веттерштраль!

КУНИГУНДА.

Ах, под землей бы лучше мне сокрыться!

(Уходит).

Перемена сцены: внутренность пещеры с в и д о м на долину.

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

К е т х е н, переодетая, с и д и т печально на камне, прислонившись головою к стене. Входят г р а ф Отто фон дер Флюэ, В е н ц е л ь фон Нахтгейм, Г а н с фон Б е р е н к л а у , в одеянии императорских государственных советников, и Г о т ш а л ь к . Свита. Наконец и м п е р а т о р и Т е о б а л ь д , которые остаются в глубине сцены, закутавшись в плащи.

ГРАФ ОТТО

(сосвитком пергамента в руке).

Девушка из Гейльбронна! Почему ты
 Живешь, как ястреб, в этом логовище?

КЕТХЕН

(встает).

О боже, кто вы?

ГОТШАЛЬК.

Не пугайте Кетхен!

От покушенья вражья на убийство
 Пришлось укрыть ее нам в эту гору.

ГРАФ ОТТО.

А где твой господин, имперский граф?

КЕТХЕН.

Не знаю этого!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас придет он!

ГРАФ ОТТО

(дает ей пергамент).

Его величество, наш император,
Писанье шлет тебе; возьми его.
Иди за мной; не это место, дева,
По сану твоему тебя достойно;
Отныне замок в Вормсе — твой приют!

ИМПЕРАТОР

(в глубине сцены).

О, милый сердцу образ!

ТЕОБАЛЬД.

Суший ангел!

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит граф фон Штраль. Те же.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(изумленный).

Сенат из Вормса, в праздничном убранстве!

ГРАФ ОТТО.

Привет вам, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что привело сюда вас?

ГРАФ ОТТО.

Письмо от императора к девице!
Ее спросите; вам она ответит.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что бьешься, сердце?

(К Кетхен).

Что, дитя, ты держишь?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин.

ГОТШАЛЬК.

Дай, дай, сердечко.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(читает).

„Внушило небо сердцу моему,
Узнайте все, изречь признанья слово,
Что уступил права свои на Кетхен

Мне мастер оружейный Теобальд;
Отныне Кетхен — дочь моя; ей впредь
Именоваться Катариной Швабской".

(Перелистывает другие бумаги).

И здесь: „Да ведают“, — здесь: „Замок Швабах"

(Короткая пауза).

Во прах паду перед благословенной,
К ее ногам приникну, их омою
Слезами благодарности горячей!

КЕТХЕН

(садится).

Готшалк, поближе, помоги, мне дурно!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(советникам).

Где император? Где же Теобальд?

ИМПЕРАТОР

(сбрасывая плащ так же, как и Теобальд).

Вот здесь они!

КЕТХЕН

(встает).

Всевышний бог! Отец мой!

(Спешит к нему; он обнимает ее).

ГОТШАЛЬК

(про себя).

Сам император! Право! Вот стоит он!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Божественный! Как мне тебя назвать?

Я верно ли прочел?

ИМПЕРАТОР.

Бог видит — верно!

С ней дружен херувим, так император
Гордится тем, что он — ее отец!
От бога шло давно, чтоб Кетхен стала
Высоко в мире; кто ее желает,
Меня о ней просить достойно должен.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(склоняя перед ним колени).

Прошу я на коленях: дай ее мне!

ИМПЕРАТОР.

Ну, что ты вздумал, граф?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Дай, дай ее мне!

Иначе для чего б ты делал это?

ИМПЕРАТОР.

Ты думаешь? — Лишь смерть дается даром,

А я условие ставлю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Говори же!

ИМПЕРАТОР

(строго)

В свой дом отца прими.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Смеешься ты?

ИМПЕРАТОР.

Что? Ты отказываешься?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Охотно!

От всей души беру его к себе.

ИМПЕРАТОР

(Теобальду).

Старик, ты слышишь?

ТЕОБАЛЬД

(подводя к нему Кетхен за руку).

Дай ему ее!

Что бог связал, то не развяжут люди.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает и берет Кетхен за руку).

Теперь ты создаешь мое блаженство!

Один лишь поцелуй, отцы, позвольте

Найти мне на устах небесно-сладких.

Имей я десять жизней, завтра утром

Их каждому из вас отдам, ликуя!

ИМПЕРАТОР.

Уйдем! Пусть он ей объяснит загадку!

(Уходят).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль и Кетхен.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(садится рядом с Кетхен и берет ее руку).

Приди ко мне, о девушка! о Кетхен!

Мои уста тебе доверят что-то.

КЕТХЕН.

Мой господин высокий! Что же это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Дитя сладчайшее, скажу сначала,
 Что я с моей любовью несказанной
 Тебе душою всей навеки предан.
 Олень, полдневым зноем истомленный,
 Рогами острыми взрывая землю,
 Все ж с меньшей алчностью стремится
 В лесной поток низвергнуться с утеса,
 В бушующий, чем ныне жажду я
 Всей прелести твоей, едва расцветшей.

КЕТХЕН

(покраснев от стыда).

Не понимаю. Господи! Да что ты?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Прости, что часто оскорблял я словом
 Тебя обидным; грубыми и злыми
 Повадками тебе я делал больно.
 Подумаю ль, как холодно когда-то
 Я отвергал тебя, а ныне все же
 Ты предо мной полна любви и ласки,
 Такая грусть меня объемлет, Кетхен,
 Что слез моих я удержать не в силах.
 (Плачет).

КЕТХЕН

(робко).

О небо! Что с тобой? Чем ты взволнован?

Что ты мне сделал? Ничего не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

За мной бежала ты, изранив ноги,
 О девушка, но золотом и шелком
 Я облеку их, только солнце встанет.
 Ту голову, что солнце на дорогах
 За мною жгло, я осенью наметом.

Арабский лучший конь в злаченной сбруе
Тебе, сладчайшее дитя, послужит,
Когда помчусь на звук рогов я в поле.
И там, где чиж гнездо себе устроил,
Щебечущий в кустах бузины, будет
Тебе приют для знойных дней построен,
И в светлые, просторные покои,
О, Кетхен, я вернусь тебя приветить.

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Обожаемый! Но что же
Об этой речи думать мне? Ты хочешь?..
Ты говоришь?..

(Хочет поцеловать его руку).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отводя руку).

Нет, нет, моя услада.

(Целует ее в лоб).

КЕТХЕН.

Нет?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет. Прости. Пусть это будет завтра...
Но что же я хотел сказать? — Да, правда,
Я об одной прошу тебя услуге.

(Отирает слезы).

КЕТХЕН

(боязливо).

Услуге? О какой же? Только молви!..

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Конечно. Так. — Мою я правлю свадьбу,
Ты знаешь, завтра. Все уже готово
Для торжества; начнется ровно в полдень
С моей невестой выход к алтарю.
Вот праздник, милая, себе готовлю,
В котором ты изобразишь богиню.
Велит любовь к тому, кому ты служишь,
Тебе на завтра снять вот это платье
И заменить его убором пышным, —
Он матерью тебе уже обряжен.
Ты это сделаешь?

КЕТХЕН

(закрывая глаза передником).

Да, да, так будет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Красив он, слышишь? Скромн, но роскошен!
 Точь-в-точь подходит к телу и к осанке.
 Тебе дадут и перлы, и смарагды;
 Хотел бы я, чтобы всех женщин в замке,
 И даже Кунигунду, ты затмила.—
 Что плачешь ты?

КЕХТЕН.

Не знаю, господин мой.
 Мне что-то в глаз попало.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

В глаз? Куда?
 (Поцелуем осушает ее слезы на глазах).
 Теперь пойдем. Все скоро будет ясно.
 (Уводит ее).

Перемена сцены: двор замка; направо спереди портал. Налево, более в глубь, замок за решеткою. В глубине церковь.

ТРИДАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Марш. Выход. Герольд открывает его; за ним стража. Балдахин, несомый четырьмя арапами. Посредине двора стоят император, граф фон Штраль, Геобальд Фридеборн, граф Отто фон дер Флюз, рейнграф фом Штейн, бургграф Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и остальная свита императора и встречают балдахин. Под порталом справа фрейлейн Кунигунда фон Турнек в брачном наряде, со своим и тетками и двоюродными братьями, чтобы присоединиться к шествию. На заднем плане народ, среди него Фламберг, Готшалк, Розалия и другие

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Станьте здесь с балдахином. Герольд, исполний свою обязанность.

ГЕРОЛЬД
(читает).

„Известно и ведомо да будет по сему всем и каждому, что имперский граф Фридрих Веттер фон Штраль сегодня празднует свое бракосочетание с Катариню, принцессою Швабскою, дочерью нашего светлейшего повелителя и императора. Да благословит небо высокую чету и да изольет на их дражайшие головы из рога изобилия все счастье, в небесах парящее!“

КУНИГУНДА
(Розалии).

Взбесился этот человек, Розалия?

РОЗАЛИЯ.

Клянусь небом! Если с ним и не так, то это нарочно сделано, чтобы с нами так стало.

ФРЕЙБУРГ.

Где невеста?

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Здесь, достопочтенные господа.

ФРЕЙБУРГ.

Где?

ТУРНЕК.

Здесь стоит невеста, наша сестра, под этим порталом!

ФРЕЙБУРГ.

Мы ищем невесту графа фон Штраль. Господа, приступим к нашему делу! Следуйте за мною и приведем ее сюда.

(Бургграф фон Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и рейнграф фон Штейн поднимаются к решетке и уходят в замок).

ГОСПОДА ФОН ТУРНЕК.

Ад, смерть и дьявол! Что обозначают эти приготовления?

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен в императорском подвенечном уборе, ведомая графиней Еленой и фрейлейн Элеонорой; ее шлейф несут трое пажей; за ней бургграф фон Фрейбург и другие сходят из-за решетки во двор.

ГРАФ ОТТО.

Радуйся, о дева!

РЫЦАРЬ ФЛАММБЕРГ и ГОТШАЛЬК.

Радуйся, Кетхен из Гейльбронна, имперская принцесса Швабская.

НАРОД.

Радуйся! Ликуй! Радуйся!

ХЕРНШТАДТ и ФОН ДЕР БАРТ
(которые оставались на площади).

Это невеста?

ФРЕЙБУРГ.

Это она.

КЕТХЕН.

Я? Высокие господа! Чья?

ИМПЕРАТОР.

Того, кого тебе сосватал херувим. Хочешь ты обменяться с ним этим кольцом?

ТЕОБАЛЬД.

Хочешь ты отдать графу свою руку?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(обнимая ее)

Кетхен! Невеста моя! Хочешь ли ты меня?

КЕТХЕН

Защитите меня, бог и все святые!

(Пошатнулась; графиня поддерживает ее).

ИМПЕРАТОР

Хорошо, так возьмите же ее, господин граф фон Штраль, и ведите ее в церковь!

(Колокольный звон).

КУНИГУНДА.

Чума, смерть и месть! Вы поплатитесь мне за это поношение!

(Уходит со своими).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, отравительница, бог отмщает!

Вот, Кетхен, весь я — твой; возьми меня,

Жена избранная, мой нежный ландыш!

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Господин мой!

(Радостно).

Мой супруг!

НАРОД.

Ликуй и радуйся, невеста Кетхен!

(Марш. Император становится вместе с Кетхен и графом фон Штраль под балдахином; дамы и рыцари следуют за ними. Стража закрывает шествие. Трубы и литавры. Все уходит).

Перевел с немецкого

Федор Сологуб

К о н е ц .

СОДЕРЖАНИЕ

	Стран.
Разбитый кувшин, комедия	7
Пентесилея, трагедия	97
Кетхен из Гейльбронна или Испытание огнем, большое историческое рыцарское зрелище	221
